ВОЖДИ СССР

Леонид Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВОЖДИ СССР Леонид Млечин

ЖЗЛ

Жизнь ® замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2010

(1810)

Леонид Млечин

ВОЖДИ СССР

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2020

УДК 94(47)(092)“19”
ББК 63.3(2)6
М72

знак информационной продукции 16+

ISBN 978-5-235-04340-4

© Млечин Л. М., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

От автора

Где в России место обитания власти? Всякий скажет: в Кремле. Знающий уточнит: там, где расположен кабинет президента. А раньше назвали бы Старую площадь, где сидел генеральный секретарь ЦК КПСС. Это так и не так. В нашей традиции власть сосредоточена в самом вожде, где бы он ни находился.

Люди, добравшиеся до вершины власти, кажутся нам особенными. В определенной степени это так и есть. Почему одни вожди остаются при должности до смерти, а другим это не удается?

Когда Никиту Сергеевича Хрущева в один день внезапно лишили кресла руководителя партии и правительства и отправили на пенсию, многоопытный Анастас Иванович Микоян, который несколько десятилетий провел на политическом олимпе, наставительно сказал его детям:

— Хрущев забыл, что и при социализме бывает такая вещь, как борьба за власть.

Политика — это и есть непрерывная борьба за власть. Ни одна, пусть самая убедительная победа не может считаться окончательной. Знавший в этом толк Иосиф Виссарионович Сталин в одном из писем своим помощникам сформулировал один из постулатов успеха:

— Нельзя зевать и спать, когда стоишь у власти!

Совершенно очевидно, что политика — это особое искусство, талант. Ему не научишься, на университетской скамье не освоишь, у старших товарищей не переймешь. Уверен, это врожденное качество. И оно проявляется в нужный момент.

Есть две причины, которые толкают политика вверх.

Одна — сжигающая изнутри жажда власти. Говорю об этом без тени осуждения. Офицер, не мечтающий стать ге-

нералом, и не должен им становиться: он не наделен необходимыми для полководца командными качествами. Честолюбие и амбиции необходимы политику. Он должен желать власти и уметь с нею обращаться.

Вторая причина — своего рода мессианство, внутренняя уверенность политика в том, что он рожден ради того, чтобы совершить нечто великое, реализовать какую-то идею или мечту, изменить судьбу страны.

Немало одаренных и очень популярных политиков пытались руководить нашей страной. Но у них не получалось. Не хватало характера и страсти к завоеванию власти. Отсутствие властолюбия — по-человечески весьма симпатичная черта характера. Но властители такой страны, как наша, делаются из другого, куда более жесткого материала.

Все его существо должно быть настроено на достижение власти и на ее удержание. И это люди, которые лучше всего проявляют себя в роли полновластного хозяина. Они рождаются такими, такова их генетическая структура. И вся их жизнь подчинена этой внутренней программе.

И, конечно же, вождь должен соответствовать вошедшему в нашу плоть и кровь представлению о начальнике, хозяине, вожде, отце и нашему желанию прийти к лучшей жизни, которое должно осуществиться по мановению чьей-то руки. Как выразился один замечательный историк, в самом глухом уголке самой религиозной страны на нашей планете не встретишь такого упования на чудо, какое существует в России, в которой атеизм многие десятилетия был одной из опор государственного мировоззрения.

ЛЕНИН
ТРИ ПУЛИ ИЗ БРАУНИНГА

«Повесить. Непременно повесить!»

Председатель Совета народных комиссаров Советской России и член ЦК правящей партии большевиков Владимир Ильич Ленин чудом остался жив, когда в пятницу 30 августа 1918 года выступал на митинге перед рабочими гранатного корпуса крупного московского завода боеприпасов, который в годы Первой мировой войны приобрел предприниматель Лев Александрович Михельсон.

Охрана вождя сплоховала, бдительности не хватало. Обезопасить охраняемое лицо от покушения — тоже искусство. Но стрелявшую в вождя быстро схватили. Это оказалась 28-летняя Фаня Ефимовна Ройдман, молодая женщина с богатой революционной биографией, страстная поклонница свободы, с юных лет сражавшаяся против самодержавия и царских чиновников. В 16 лет она примкнула к анархистам и взяла фамилию Каплан.

В 1906 году она была ранена в голову и почти лишилась зрения в результате случайного взрыва самодельной бомбы, предназначавшейся для киевского генерал-губернатора. Она была схвачена полицией и приговорена к бессрочным каторжным работам. Освобожденная революцией в семнадцатом, сделала себе операцию на глазах, и зрение к ней вернулось, хотя и не полностью. Она присоединилась к эсерам, которые не принимали большевистской политики по отношению к крестьянам.

Фанни Каплан стреляла в главу советского правительства с расстояния не больше трех метров. Ленин стоял к ней левым боком. Она успела выпустить три пули.

Одна лишь продырявила пальто и пиджак.

Другая попала в левое плечо. Раздробив плечевую кость, застряла в мягких тканях. «Рука сразу, как крыло подстре-

ленной птицы», — рассказывал потом Ленин. Ранение было очень болезненным.

Но по-настоящему опасной оказалась траектория третьей пули, которая вошла в левое надплечье. Она прошла через верхнюю долю легкого, разорвала плевру и сеть артерий, повредила главную питающую мозг сонную артерию и застряла в шее. «Точно змейка пробежала» — так Ленин описал это странное ощущение. Началось сильное кровотечение в полость левой плевры.

Держался он мужественно. Отвезли его домой, а не в больницу. В Кремле раненый сам поднялся на третий этаж в свою квартиру — лифтов не было. Ленин занял бывшую прокурорскую квартиру на третьем этаже большого здания судебных установлений, в конце коридора, где находились и зал заседаний Совнаркома, и служебный кабинет главы правительства.

Как писал сам Владимир Ильич, квартира: «четыре комнаты, кухня, комната для прислуги (семья — 3 человека, плюс 1 прислуга)». Владимиру Ильичу, его жене Надежде Константиновне и его младшей сестре Марии Ильиничне Ульяновой досталось по комнате. Еще одну — проходную — сделали столовой. Но обычно ели в кухне. Владимир Ильич любил, когда ему готовили грибы, баклажаны, паштеты, бефстроганов.

Прислуга, упомянутая Лениным, это Саша Сысоева, которая долго жила в семье вождя и вела хозяйство. Она была двоюродной сестрой известного некогда революционера Ивана Васильевича Бабушкина, когда-то ученика юной Крупской в вечерне-воскресной школе...

А потом Владимиру Ильичу стало очень плохо. Как только в тот день его жена Надежда Константиновна Крупская вернулась в Кремль, ленинский водитель Степан Казимирович Гиль сказал, что в ее мужа стреляли.

Она в отчаянии спросила:

— Вы скажите только, жив Ильич или нет?

Не поверила, пока сама не увидела его: «Ильичева кровать была выдвинута на середину комнаты, и он лежал на ней бледный, без кровинки в лице».

Он, увидев жену, тихим голосом сказал:

— Ты устала. Поди ляг.

Когда пришли доктора, спросил Бориса Соломоновича Вейсброда, будущего главного врача 2-й Градской больницы:

— Это конец? Скажите прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить несделанными.

Думали, что он не переживет ночь.

В ленинскую квартиру пришел председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета (законодательная власть в Советской России) и одновременно фактический глава партийного аппарата Яков Михайлович Свердлов, как вспоминала Крупская, «с серьезным и решительным видом». Свердлов был в той советской иерархии вторым человеком.

К нему обратились с вопросами растерянные и напуганные соратники, уже мысленно попрощавшиеся с вождем:

— Как же теперь будет?

Свердлов уверенно ответил:

— У нас с Ильичом все сговорено.

Пока Ленин лежал, Свердлов руководил заседаниями и ЦК партии, и правительства. Каждый день он приходил в кабинет Ленина и там проводил совещания. Никто, кроме Якова Михайловича, ни тогда, ни после не смел занимать ленинское кресло (см.: Российская история. 2014. № 1).

Но Ленин на диво быстро оправился. 5 сентября 1918 года уже встал (хотя в этот день на заседании Совнаркома все равно председательствовал Свердлов). 16 сентября Владимир Ильич пришел на заседание ЦК. На следующий день собрал правительство.

Дознание прошло в рекордно быстрые сроки. Никто не сомневался в виновности Фанни Каплан. Ее расстрелял лично комендант Кремля Павел Дмитриевич Мальков, бывший матрос и член высшего выборного коллектива военных моряков — Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта). Тело Каплан сожгли.

Участие Фанни Каплан в покушении на Ленина вызывало у историков большие сомнения. Полуслепая женщина, по мнению экспертов, не могла бы попасть в вождя. Несмотря на попытки провести новое расследование, подлинные обстоятельства этого покушения так и остались неразгаданной тайной, как и история с убийством американского президента Джона Фицджеральда Кеннеди.

После покушения на Ленина большевистское руководство провозгласило «красный террор» — в качестве мести. В Петрограде 500 человек расстреляли и столько же взяли в заложники. Нарком внутренних дел РСФСР Григорий Иванович Петровский разослал местным органам власти циркулярную телеграмму:

«Применение массового террора по отношению к буржуазии является пока словами. Надо покончить с расхля-

банностью и разгильдяйством. Надо всему этому положить конец. Предписываем всем Советам немедленно произвести арест правых эсеров, представителей крупной буржуазии, офицерства и держать их в качестве заложников».

«Массовый террор» — это не фигура речи, а прямое указание. Для расстрела было достаточно анкетных данных. По телефонным и адресным книгам составлялись списки капиталистов, бывших царских сановников и генералов, после чего всех поименованных в них лиц арестовывали.

Вождь анархистов князь Петр Кропоткин вспоминал о своем разговоре с Лениным в 1918 году: «Я упрекал его, что он за покушение на него допустил убить две с половиной тысячи невинных людей. Но оказалось, что это не произвело на него никакого впечатления».

Ленин был фанатиком власти. Он изучил недолгую историю Парижской коммуны и пришел к выводу, что без крови власть не сохранить. Еще до выстрелов Фанни Каплан, 9 августа 1918 года, телеграфировал председателю Нижегородского губисполкома:

«В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание, надо напрячь все силы, составить "тройку" диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Ни минуты промедления. Проведите массовые обыски. За ношение оружия — расстрел. Организуйте массовую высылку меньшевиков и других подозрительных элементов».

На следующий день приказал Пензенскому губисполкому:

«Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят "последний решительный бой" с кулачьем. Образец надо дать.

1) Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них весь хлеб.

4) Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков... Найдите людей потверже».

Не всякий способен отдать приказ вешать — без суда и следствия! — заведомо невинных людей. Профессиональный юрист знал, что в уголовном кодексе нет такого соста-

ва преступления — быть богатеем или кулаком. Да еще и устраивать публичные казни — как в Средневековье, чтобы до смерти напугать тех, до кого еще не добрались. Так что «плохой» Сталин и «хороший» Ленин — устаревшая схема. Ленин заложил основы системы, которая при Сталине достигла совершенства.

Ленин оседлал идею строительства коммунизма, счастливого общества. Хотите быть счастливыми? Значит, надо идти на жертвы. Вот миллионы в Гражданскую войну и погибли. Ленин ввел заложничество: детей брали от родителей в заложники, нормальный ум может такое придумать?

Когда начались первые повальные аресты и хватали известных и уважаемых в России ученых и общественных деятелей, еще находились смелые люди, взывавшие к Ленину с просьбой освободить невинных. Владимир Ильич хладнокровно отвечал: «Для нас ясно, что и тут ошибки были. Ясно и то, в общем, что мера ареста кадетской (и околокадетской) публики была необходима и правильна».

Известная актриса Мария Федоровна Андреева, жена Максима Горького, много сделавшая для большевиков, ходатайствовала об освобождении заведомо невинных. Ей Ленин откровенно объяснил: «Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и околокадетской публики... Преступно не арестовывать ее».

Массовый террор оформило постановление Совнаркома 5 сентября 1918 года по докладу председателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского:

«Совет народных комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью;

необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях;

подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».

Нарком юстиции левый эсер Исаак Захарович Штейнберг вовремя уехал за границу и спасся от террора. Он не желал участвовать в беззаконии, но не мог его остановить. Отчаявшись, обратился к Ленину:

— Для чего же тогда Народный комиссариат юстиции? Назвали бы его комиссариатом по социальному уничтожению, и дело с концом!

— Великолепная мысль, — отозвался Ленин. — Это совершенно точно отражает положение. К несчастью, так назвать его мы не можем.

Арестовали председателя Всероссийского союза журналистов Михаила Андреевича Осоргина. Следователь задал ему обычный в те годы вопрос:

— Как вы относитесь к советской власти?

— С удивлением, — признался Осоргин, — буря выродилась в привычный полицейский быт.

Жестокость, ничем не сдерживаемая, широко распространилась в аппарате госбезопасности. Беспощадность оправдывалась и поощрялась с самого верха. За либерализм могли сурово наказать, за излишнее рвение слегка пожурить.

Главный редактор «Правды» и будущий член политбюро Николай Иванович Бухарин, считавшийся самым либеральным из большевистских руководителей, писал: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Беззаконие, массовый террор, ужасы Гражданской войны — вот через какие испытания прошли советские люди. Тотальное насилие не могло не сказаться на психике и представлениях о жизни.

Почему Владимир Ильич Ленин, русский интеллигент из просвещенной дворянской семьи, воспитанный на классической литературе, считал возможным сажать и расстреливать людей без суда и следствия? Он же сам прошел через тюрьму и ссылку! Но это не воспитало в нем чувствительности к ущемлению прав человека.

Ленинская попытка построить коммунизм за несколько месяцев разрушила экономику и привела Россию к голоду. Обычно провалившееся правительство уходит, уступая место более умелым соперникам. Большевики нашли другой вариант: изобретали все новых врагов, на которых перекладывали вину за собственные неудачи.

Ленин придумал себе оправдание: лишь построение коммунизма приведет к торжеству справедливости и сделает весь народ счастливым. Какое значение имеет жизнь отдельных людей, когда сражаемся за всеобщее благо! Сомнений в собственной правоте не допускал. Власть была в его руках, и это единственное, что имело значение.

Прирожденный политик, он был щедро наделен энергией, страстью, умом. Он всю жизнь посвятил одной цели — взять власть в стране, дождаться мировой революции и построить коммунистическое общество.

Никто не умел так точно оценивать ситуацию, улавливать настроения масс и менять свою политику. Он не стеснялся признаваться себе в ошибках, не боялся отступлений и резкой смены курса, иногда — на сто восемьдесят градусов. Вот уж догматиком он точно не был! Как выразился когда-то венгерский философ Дьёрдь Лукач, ленинизм — это приспособление марксизма к решениям очередного пленума ЦК.

Еще одно слагаемое успеха Ленина — его невероятная способность убеждать окружающих в собственной правоте и вербовать союзников. Осенью 1917 года он обещал России именно то, о чем мечтало большинство населения. Одним мир — немедленно. Другим землю — бесплатно. Третьим — порядок и твердую власть вместо хаоса и разрухи, наступивших после февральской революции. И всем вместе — устройство жизни на началах равенства и справедливости. Сопротивляться притягательной силе этих лозунгов было немыслимо.

Но вот вопрос. Россия не бедна талантами. В семнадцатом году в политическом поле действовало немало ярких фигур, одаренных государственных деятелей, озабоченных судьбой страны. И эти другие политики тоже понимали, чего именно ждет и требует революционная Россия. Почему же они не опередили Ленина? Сами не предложили русскому народу весной или летом то, что в октябре провозгласит Владимир Ильич, силой свергнув своих предшественников?

Никто из ответственных русских политиков не считал возможным давать совсем уже невыполнимые обещания. Они понимали, что переустройство российской жизни потребует многих лет напряженного труда, будет медленным и трудным. Задачи решаются постепенно, шаг за шагом.

Когда идет война, нельзя просто воткнуть штык в землю и разойтись по домам. Надо заключать мир одновременно с союзниками, вместе с которыми сражались три года против общего врага...

Земельная реформа не то что назрела, перезрела! А на каких принципах перераспределять землю? Отбирать нельзя — это беззаконие. Выкупать? Но на какие средства? И как в ходе реформы не разрушить вполне успешное российское сельское хозяйство?..

Все это требовало серьезного изучения, долгих дискуссий, а окончательный ответ оставался за парламентом — Учредительным собранием, избрать которое в военное время тоже оказалось не таким уж простым делом...

Но никто не хотел ждать! Нетерпение — вот что сжигало души в семнадцатом году. И Ленин утолил эту жажду, обещав изменить все разом. Не знаю, верил ли он сам, что, отобрав деньги у банкиров, землю у помещиков, заводы у фабрикантов и введя вместо рынка план, можно немедленно изменить жизнь и сделать страну счастливой, но других он в этом точно убедил!

Гениальное ленинское искусство соблазнения в том-то и состояло. Он обещал то, на что не решился никто иной: немедленное решение всех проблем! Его обещания породили волну благодарного восхищения. Те, кто пошел за ним, кто почитал его как вождя, вовсе не задумывались: осуществимо ли все это?

А ведь ничто из того, что он пообещал, не сбылось. Вместо Первой мировой вспыхнула кровавая и еще более жестокая Гражданская война. Землю у крестьян — правда, уже после Ленина — вновь отобрали, загнав всех в колхозы и, по существу, восстановив что-то, напоминающее крепостное право. Ни равенства, ни справедливости советские люди тоже не дождались. Но когда это стало осознаваться, было уже поздно. Советская система не терпела протестов и бунтов, жестоко карала любое проявление недовольства.

К тому же возник новый соблазн. Две революции, Гражданская война и массовая эмиграция открыли массу вакансий. Режим, установленный большевиками, создал свою систему кадровых лифтов. Классовый подход изменил принципы выдвижения. Право на жизненный успех, на большую карьеру получили те, кто в конкурентной среде едва ли сумел бы пробиться. Стало ясно: если ты часть системы, ты живешь лучше других. У системы появились защитники, кровно заинтересованные в ее сохранении.

Тайны родословной

Сегодня многие не сомневаются в том, что Ленин совершил Октябрьскую революцию на немецкие деньги и вверг страну в хаос и разруху, потому что ненавидел Россию. Говорят, что в нем было слишком мало русской крови и потому он не был патриотом.

Сам Владимир Ильич на редкость мало рассказывал о своей семье. В 1922 году, отвечая на вопросы анкеты, написал, что «отец — директор народных училищ», а о деде с отцовской стороны ответил коротко: «не знаю». Действительно не знал или не хотел вспоминать?

Уже после его смерти, в двадцатые годы, поклонники Ильича стали восстанавливать его генеалогическое древо.

В 1932 году сестра Ленина Анна Ильинична обратилась к Сталину:

«Исследование о происхождении деда показало, что он происходит из бедной еврейской семьи, был, как говорится в документе о его крещении, сыном житомирского мещанина Бланка... Вряд ли правильно скрывать от масс этот факт, который вследствие уважения, которым пользуется среди них Владимир Ильич, может сослужить большую службу в борьбе с антисемитизмом, а повредить ничему не может».

Но Сталин распорядился молчать.

Архивные документы показали, что дед Ленина с материнской стороны, Александр Дмитриевич Бланк, был евреем. Он перешел в православие, работал врачом и получил чин надворного советника, что давало право на потомственное дворянство. Александр Бланк приобрел поместье в Казанской губернии и был внесен в 3-ю часть губернской дворянской родословной книги.

В 1929 году было установлено правило, что «никакие работы по биографии Ленина не могут выходить без ведома и согласия Института Ленина». Документы о происхождении Александра Бланка из архивов изъяли и передали на хранение в ЦК партии.

Но исторические изыскания продолжались. Вместо дедушки-еврея появилась бабушка-калмычка — стараниями неутомимой писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян, написавшей роман о Ленине. Она решила, опираясь на одно не очень достоверное исследование, что бабушка Ленина по отцовской линии, Анна Алексеевна Смирнова, вышедшая замуж за Николая Васильевича Ульянова, — калмычка. В скуластом лице Ленина многие находили татарские черты.

Сталин был крайне недоволен этой книгой. 5 августа 1938 года появилось разгромное постановление политбюро ЦК:

«Первая книга романа Мариэтты Шагинян о жизни семьи Ульяновых, а также о детстве и юности Ленина, яв-

ляется политически вредным, идеологически враждебным произведением».

Почему роман Мариэтты Шагинян вызвал такое неприятие у Сталина? Ответ можно найти в постановлении президиума Союза советских писателей, которому поручили разобраться с автором:

«Шагинян дает искаженное представление о национальном лице Ленина, величайшего пролетарского революционера, гения человечества, выдвинутого русским народом и являющегося его национальной гордостью».

Иначе говоря, вождь России Ленин мог быть только русским. Кстати, предположение Мариэтты Шагинян о родственниках-калмыках по отцовской линии не подтвердилось. Дед Ленина, Николай Васильевич Ульянов, как и его предки, был крепостным крестьянином, которого помещик отпустил на оброк. К нему у тех, кто озабочен чистотой крови, претензий нет. Все претензии к матери Ленина, Марии Александровне Ульяновой.

Писатель Владимир Алексеевич Солоухин писал, что не случайно Мария Александровна «натаскивала своих детей на революционную деятельность, на ненависть к Российской империи и — в дальнейшем — на уничтожение ее».

Для Солоухина причина ненависти к России Марии Александровны была очевидной:

«В том случае, если Анна Ивановна Грошопф была шведкой, в матери Ленина по пятьдесят процентов еврейской и шведской крови. Если же Анна Ивановна была шведкой еврейской, то Мария Александровна, получается, чистокровная, стопроцентная еврейка».

В реальности бабушка Ленина, Анна Грошопф, имела немецкие и шведские корни. Хотя какое это на самом деле имеет значение?

Сам Владимир Ильич не подозревал о своих нерусских предках. В старой России не занимались расовыми изысканиями, не вычисляли процент «чужой» крови. Значение имели религиозные различия. Принявшего православие считали русским человеком.

У Ленина были прогерманские настроения, но скорее не политического свойства. Врачи, инженеры, коммерсанты ценились в основном немецкие — таковы были российские традиции. В феврале 1922 года Владимир Ильич писал своему заместителю в правительстве Льву Борисовичу Каменеву:

«По-моему, надо не только проповедовать: “учись у немцев, паршивая российская коммунистическая обломовщина!”, но и брать в учителя немцев. Иначе — одни слова».

А вот мать Владимир Ильич очень любил.

«Находясь в ссылке, — вспоминал один из эмигрантов, — а затем за границей в качестве эмигранта, он писал матери нежные (столь не похожие на него) письма. И в разговоре со мной в Брюсселе, коснувшись своей семьи, он, ко всему и вся относившийся под углом “наплевать”, сразу изменился, заговорив о матери.

Его такое некрасивое и вульгарное лицо стало каким-то одухотворенным, взгляд его неприятных глаз вдруг стал мягким и теплым, каким-то ушедшим глубоко в себя, и он полушепотом сказал мне:

— Мама... знаете, это просто святое.

Этот культ матери наложил на всю семью какой-то тяжелый отпечаток...»

Мария Александровна пережила страшную трагедию — казнь старшего сына-революционера. Александр Ильич Ульянов вместе с другими студентами-социалистами входил в тайный кружок. Он был сторонником индивидуального террора и участвовал в заговоре с целью убить императора Александра III. Заговор провалился. В нем, кстати, участвовал Бронислав Пилсудский, брат будущего создателя независимой Польши Юзефа Пилсудского. Бронислав получил пятнадцать лет каторги, Юзеф в общем ни в чем не был виноват, но его на пять лет отправили в административную ссылку в Сибирь.

Александра Ильича Ульянова приговорили к смертной казни. Он отказался просить о помиловании.

«Несчастная мать держалась бодро, — вспоминал хорошо знавший ленинскую семью революционер. — Она имела мужество попросить о последнем свидании. И это ужасное свидание состоялось накануне казни. Оно продолжалось всего полчаса. Она сделала еще одну попытку сломать упорство сына. Он остался тверд до последней минуты.

Она ушла со свидания без слез, без жалоб. И в ту ночь она сразу вся поседела. Долгое заболевание, почти безумие овладело ею. Анна Ильинична ухаживала за матерью как за своим ребенком... Она оправилась. Но пережитое наложило на всю ее жизнь свою тяжелую руку и совершенно изменило всю ее природу. Она вся ушла в свое горе.

Холодная и суровая по внешности, но на самом деле глубоко нежная по душе, Анна Ильинична с этой минуты стала нянькой, или, вернее, матерью своей матери и осталась ею до конца жизни Марии Александровны...

Несмотря на все попытки Анны Ильиничны, этой жрицы этого культа, внести свет и уют в жизнь семьи, всеми, бывавшими у Ульяновых, владел не рассеивавшийся ни на одну минуту гнет какого-то могильного чувства, которое всех давило».

Казнь старшего брата, вне всякого сомнения, тяжело сказалась на психике Владимира Ильича. Он старался ни в чем не походить на Александра. Твердо решил, что он обязательно добьется успеха — любыми средствами. И ничто ему не помешает.

Один из предреволюционных соратников Ленина оставил любопытные записи разговоров с ним. Будущий глава советского правительства рассуждал так:

— Партия — не пансион для благородных девиц. Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец...

В предреволюционные годы партия остро нуждалась в деньгах. Добывали их, не стесняясь в средствах. В частности, большевики убедили крупного предпринимателя Савву Тимофеевича Морозова и владельца мебельной фабрики на Пресне Николая Шмита передать большевикам огромные по тем временам деньги.

Николай Павлович Шмит в ночь на 13 февраля 1907 года скончался в Бутырской тюрьме, куда его посадили за поддержку революционеров. Младший брат покойного Алексей Павлович отказался от своей доли наследства. Всеми деньгами распоряжались сестры Шмита Екатерина и Елизавета.

Большевики вступили в борьбу за его наследство. Борьба за эти деньги была долгой и аморальной, с использованием фиктивных браков. Ленин позаботился о том, чтобы двое большевиков посватались к сестрам. Один, Виктор Константинович Таратута, сделал так, что его жена Елизавета отдала большевикам все свои деньги.

Ленин говорил:

— Виктор хороший человек, потому что он ни перед чем не остановится. Скажи, ты смог бы бегать за богатой девушкой из буржуазного сословия ради ее денег? Нет?

Я бы тоже не стал, не смог бы перебороть себя, а Виктор смог... Вот почему он незаменимый человек.

Вторая сестра, Екатерина Шмит, не хотела отдавать все, потому что у нее были обязательства перед рабочими сгоревшей мебельной фабрики. И муж ее не торопил... Большевики все-таки выбили из нее треть наследства.

Но официально полученных денег было недостаточно. Леонид Борисович Красин пытался наладить производство фальшивых банкнот, даже раздобыл бумагу, но дальше дело не пошло. И Ленин благословил создание боевых дружин и «боевые выступления для захвата денежных средств». Слово «грабеж» не использовалось, называлось это «экспроприацией». Ленин и произнес эту знаменитую формулу «грабь награбленное!». О чем, став главой правительства, сожалел. Не о том, что по его поручению совершались ограбления, а о том, что он высказался так откровенно.

Когда при Ленине поднимался вопрос о том, что такой-то большевик ведет себя недопустимым образом, он иронически замечал:

— У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится...

Настоящим преступлением Владимир Ильич считал только выступления против советской власти. Снисходителен был Ленин не только к таким «слабостям», как пьянство, разврат, но и к уголовщине. В «идейных» экспроприаторах и в обыкновенных уголовных преступниках он видел революционный элемент.

Владимир Ильич всю свою сознательную жизнь шел к революции и точно знал, что ему делать, когда возьмет власть. В отличие от главы Временного правительства Александра Федоровича Керенского, на которого премьерские обязанности свалились совершенно неожиданно. Он наотрез отказывался подписывать смертные приговоры: как можно распоряжаться чужими жизнями?! А Ленин не сомневался: без крови власть не сохранить.

Русская революционерка вспоминала, как задолго до революции небольшая группа эмигрантов оказалась в невероятно красивых местах. Все как завороженные любовались природой. И только Ленин был поглощен мучившими его мыслями:

— А здорово нам гадят меньшевики!..

Слушатель эмигрантской партийной школы во французском городке Лонжюмо вспоминал, как молодой еще вождь большевиков предсказывал: в будущей революции

меньшевики будут только мешать. После занятий укоризненно заметил Ленину:

— Уж очень вы, Владимир Ильич, свирепо относитесь к меньшевикам.

Все-таки и большевики, и меньшевики входили в одну социал-демократическую партию. Революционеры легко переходили из одного крыла в другое. Разногласия, казалось, касаются лишь тактики и методов.

Ленин, усевшись на велосипед, посоветовал:

— Если схватили меньшевика за горло, так душите.

— А дальше что?

— Прислушайтесь: если дышит, душите, пока не перестанет дышать.

И укатил на велосипеде.

Через десять дней после октябрьского переворота в «Известиях ЦИК» появилась статья «Террор и гражданская война». В ней говорилось: «Странны, если не сказать более, требования о прекращении террора, о восстановлении гражданских свобод». Это была принципиальная позиция советской власти: переустройство жизни требует террора и бесправия. Так и получилось.

На заседании ЦК партии Ленин недовольно заметил товарищам:

— Большевики часто чересчур добродушны. Мы должны применить силу.

Выступая на заседании Петроградского комитета партии, пообещал:

— Когда нам необходимо арестовывать — мы будем... Когда кричали об арестах, то тверской мужичок пришел и сказал: «Всех их арестуйте». Вот это я понимаю. Вот он имеет понимание, что такое диктатура пролетариата.

На III съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Ленин объявил:

— Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров, — да, мы за такое насилие!

Не наступление белой армии (она еще не сформировалась), не действия контрреволюции (ее еще не было), не высадка войск Антанты (они сражались против кайзеровской Германии и ее союзников), а собственные представления о мироустройстве вели Ленина к установлению тоталитарного режима и уничтожению тех, кого он считал врагами.

Хорошо воспитанный, но резкий и злой

Юность вождя прошла в благополучных условиях. Мать и сестры о нем заботились. Он ничем не был перегружен, лето проводил на природе.

«Он не любил нарушения правильного образа жизни, — свидетельствует его сестра Мария Ильинична, — и в дальнейшем, особенно в заграничный период его жизни, распорядок во времени питания был введен самый строгий. Обедать и ужинать садились в точно назначенный час, не допуская в этом никакой оттяжки».

Годы эмиграции прошли для Ленина и Крупской сравнительно спокойно и комфортно. Они занимались литературным трудом, старались побольше отдыхать, дышать горным воздухом. Крупская всегда говорила: «Володя любит только тишину и чистоту».

Сколько мог, Ленин устраивал себе дни отдыха. Они с женой и тещей уезжали за город на несколько недель, на месяц. Он гулял и ел. Наставлял жену и тещу:

— Надо доедать все, а то хозяева решат, что дают слишком много и будут давать меньше.

Владимир Ильич был человеком резким и, по-видимому, злым. С презрением относился и к своим соратникам, к тем, кого вознес на высокие посты. И о родных был невысокого мнения. О старшей сестре, Анне Ильиничне, в своем кругу говорил:

— Ну, это башковитая баба. Знаете, как в деревне говорят — «мужик-баба» или «король-баба»... Но она сделала непростительную глупость, выйдя замуж за этого «недотепу» Марка, который, конечно, у нее под башмаком.

Действительно, Анна Ильинична — это не могло укрыться от посторонних — относилась к мужу, Марку Елизарову, не просто свысока, а с нескрываемым презрением. Она точно стыдилась того, что он член их семьи и ее муж. А между тем, по отзывам современников, Марк Тимофеевич Елизаров был очень искренний и прямой, чуждый фразы, не любивший никаких поз. Он окончил математический факультет Петербургского университета, затем еще и Московское инженерное училище, работал на железнодорожном транспорте... Он участвовал в революционной деятельности, не раз попадал в тюрьму. Не скрывал, что не разделяет идей Ленина и очень здраво и критически относился к нему самому.

5 мая 1919 года в Симферополе провозгласили создание Крымской Социалистической Советской Республики.

Наркомом здравоохранения и заместителем председателя Совнаркома назначили Дмитрия Ульянова, младшего брата вождя.

Ленин заметил наркому внешней торговли Леониду Красину:

— Эти идиоты, по-видимому, хотели мне угодить, назначив Митю... Они не заметили, что хотя мы с ним носим одну и ту же фамилию, но он просто обыкновенный дурак, которому впору только печатные пряники жевать.

При этом внешне Владимир Ильич, воспитанный в хорошей семье, мог быть вполне любезен.

«Раз его провезли по дороге, — вспоминала Надежда Константиновна Крупская, — он видит, что рабочий красит крышу. Он быстро здоровой рукой снимает фуражку... Когда ездил на прогулку за пределы сада, Владимир Ильич особенно как-то старательно кланялся встречавшимся крестьянам, рабочим, малярам, красившим в совхозе крышу».

В Горки к Крупской приехал ее сослуживец по Главполитпросвету. Они долго беседовали. Ленин позвал сестру:

— Не знаешь, он уехал или еще здесь?

— Только что уехал.

— А его накормили? Дали ему чаю?

— Нет.

— Как, — воскликнул Владимир Ильич, — человек приехал к нам в дом и его не подумали даже накормить, дать ему чая!

При этом легко отдавал приказы расстреливать и обрек на смерть от голода множество людей. Георгий Александрович Соломон, известный в предреволюционные годы социал-демократ, хорошо знавший Ленина и его семью, вспоминал: «В моей памяти невольно зарегистрировалась эта черта характера Ленина: он никогда не обращал внимания на страдания других, он их просто не замечал и оставался к ним совершенно равнодушным».

Чем дальше, тем серьезнее мы размышляем о воспитанном Лениным советском человеке... Если это человек, который лишь жил при советской власти, тогда, выходит, раньше был «царский человек», а ныне существует какой-нибудь «капиталистический человек». Но ведь не было «царского человека» и нет «капиталистического». А советский человек точно есть.

Не тот, правда, о котором мечтали руководители партии. В документах ЦК КПСС говорилось: «Советский человек горячо любит свою социалистическую Родину, со-

держанием всей его жизни стал вдохновенный труд во имя коммунизма». Такие роботы, к счастью, не появились. Но что есть советский человек?

Ленин создал систему, впервые в истории осуществлявшую целенаправленное воздействие на личность. Вырабатывались черты мировоззрения, взгляды на жизнь, привычки, традиции, которые за многие десятилетия закрепились. И в определенном смысле существуют по сей день...

Что сформировало советского человека?

Гражданская война, которая была самым страшным бедствием для России в XX столетии. В обычной войне есть фронт и тыл, а здесь война проходит через семьи, через каждый дом, рассекает и разламывает всю жизнь! И уж вообще остатки всей цивилизованности слетают! Несколько лет люди живут в таком бедственном положении, которое нам сейчас даже трудно представить! Сейчас воду горячую отключили на несколько часов — уже некомфортно. А если воды нет четыре года подряд? Если четыре года нельзя разбитое стекло вставить, если четыре года в любой момент открывается дверь, кто-то входит с винтовкой и стреляет в первого, кто попадется на глаза?..

Что происходит с человеком, в которого стреляли и который стрелял? С каким опытом он вступает в мирную советскую жизнь, причем без всякого, как сказали бы древние, катарсиса, то есть без очищения, без переосмысления того, что испытано и пережито? Войны уже нет, а враг есть. Как только враг находится, его уничтожают. Если его нет в реальности, его придумывают.

Российская экономика в начале XX века была на подъеме и располагала большим потенциалом развития. Скажем, до революции наша страна была крупнейшим экспортером зерновых. При большевиках страна с трудом будет кормить собственное население и начнет закупать зерно за границей.

Обосновавшись в бывшем загородном имении московского градоначальника в Горках, Владимир Ильич Ленин отправился на охоту. Проезжая по аллее, увидел женщин, собиравших грибы. Глава правительства любезно поздоровался и поинтересовался:

— Есть грибы?

— Нет, батюшка, как коммунисты появились, так грибы как сквозь землю провалились.

Ленин ничего им не ответил, а потом сокрушался:

— Ну, темный народ. Если грибов нет, посади хоть царя, их не будет! Неужели коммунисты против грибов?

Да, грибы-то зависят от погоды. А вот почему при советской власти пропало все остальное? Каким образом советской власти удалось разрушить экономику?

Карл Маркс писал о необходимости заменить рынок планом, но не объяснил, как именно. Большевики импровизировали в соответствии со своими интеллектуальными возможностями. Сам Ленин никогда не работал, в реальной экономике не разбирался. В 1917 году обмолвился:

— О хлебе я, человек, не видавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы.

Идеи Маркса реализовали самым простым образом: национализировали промышленность, отобрали заводы и фабрики у тех, кто их создал и сделал эффективными и прибыльными. Это привело к самому крупному крушению экономики в истории. Промышленное производство обвалилось. Советское государство существовало за счет денежной эмиссии. Деньги печатали — сколько нужно было. Обесценение денег заодно решало и политическую задачу: лишало людей накоплений и делало их полностью зависимыми от власти. С октября 1917-го по 1 июля 1921 года цены выросли в 7912 раз!

Совнарком принял декрет «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства», означавший полное запрещение товарооборота и частной торговли. Обеспечить население всем необходимым поручили Наркомату продовольствия через сеть государственных магазинов. Политика ленинской партии: распределять продовольствие по классовому признаку. Рабочих накормим, остальные нас не интересуют. Магазины закрылись. Как и рестораны. Выживали те, кто получил хорошую должность, а к ней гарантированный паек и доступ к складам конфискованных вещей.

Начался голод. Города пустели.

Но стоило избавиться от большевиков, как еда возвращалась. Комитет членов Учредительного собрания, организованный в Самаре в 1918 году, отменил все декреты советской власти. Результат не заставил себя ждать. Беженцы из других городов поражались: «Горы белого хлеба, свободно продававшегося в ларях и на телегах, изобилие мяса, битой птицы, овощей, масла, сала и всяких иных продовольственных прелестей. После Москвы самарский рынок казался сказкой из “Тысячи и одной ночи”».

Экономисты пытались объяснить, что спасение от голода — возвращение к свободе торговли. Но Ленин твердо стоял на своем: «Не назад через свободу торговли, а дальше вперед через улучшение государственной монополии к социализму. Трудный период, но отчаиваться непозволительно и неразумно».

Почему восстановление страны после Гражданской войны, в период нэпа советские вожди воспринимали с раздражением и возмущением? Стало очевидно, что Россия может развиваться и без них! Партийный аппарат и госбезопасность — лишние. Что же, им уходить? Нет, они хотели оставаться хозяевами страны. Поэтому с нэпом покончили.

Среди большевистского руководства Владимир Ильич был одним из самых образованных. Что важно подчеркнуть — не догматик. В случае необходимости легко отказывался от любых идей, которые только что проповедовал. Но в данном случае дело было не в слепом следовании формуле: при социализме торговля есть распределение. Вопрос о хлебе был вопросом о власти. У кого хлеб, у того и власть. Политика Ленина: распределять продовольствие по классовому признаку. Кормить только своих. Против власти? Голодай.

Ленин обещал, что после революции государство отомрет, люди сами станут управлять своей жизнью. А происходило обратное: класс чиновников-бюрократов разрастался. На деньги ничего не купишь, еда и вообще все материальные блага прилагаются к должности... Результат: напрочь исчезло желание трудиться. Стали заставлять работать. Понадобились надсмотрщики: государственный аппарат управления и принуждения рос как на дрожжах. Вождю нужно вселить во всех страх, укрепить свою власть и сплотить народ. Без страха система не работает.

Ленин лишил людей всякой собственности — мы же коммунизм строим, все общее. Ничего не осталось. Отменили и собственность на жилье: нельзя ни купить дом или квартиру, ни продать, ни передать детям по наследству. Если тебе ничего не принадлежит, ты целиком и полностью зависишь от власти. Утратил расположение начальства — всего лишат. Зато для своих — всё! Предреволюционные представления о равенстве испарились в одну ночь.

После октябрьского переворота глава советского правительства Владимир Ильич Ленин с женой, Надеждой Константиновной Крупской, заехали к старой знакомой — Маргарите Фофановой, депутату Петроградского совета.

— Что так поздно? — удивилась она. — Вероятно, трамваи уже не ходят.

Владимир Ильич, уже вошедший во вкус своего нового положения, удивился ее наивности:

— Какая вы чудачка — мы на машине приехали.

Буквально через день после переворота, 27 октября 1917 года, Ленину удачно обновили гардероб — купили зимнее пальто с каракулевым воротником, шапку-ушанку, теплые перчатки и шерстяную вязаную кофту. Очень предусмотрительно. После победы большевиков магазины опустели. Большим советским начальникам всё везли из-за границы. Ввели систему спецпайков и спецобслуживания.

Большевистские лидеры, компенсируя себе трудности и неудобства былой, подпольной или эмигрантской, жизни, быстро освоили преимущества своего нового высокого положения. Они не спорили, когда врачи, тонко чувствовавшие настроения своих высокопоставленных пациентов, предписывали им длительный отдых в комфортных условиях. Лечились за границей, в основном в Германии, ездили в санатории, не отказывались от продолжительных отпусков.

Глава советского правительства предпочитал жить за городом. Занял бывшее имение московского градоначальника в Горках — большой двухэтажный каменный дом с белыми колоннами. Ленину особенно понравились террасы и балконы. В Горки командировали три десятка чекистов. Вооруженная пулеметами охрана заняла нижний этаж. Там же установили связывавший высших советских чиновников телефон автоматической связи, вертушку.

В Горках настелили новые полы. Вероятно, из сырого материала. Пол, высыхая, трещал. В тишине ночи этот треск раздавался, как ружейная пальба. Владимир Ильич жаловался Надежде Константиновне, что это мешает ему спать, и возмущался:

— Понятно, почему пол трещит. Клей-то советский!

Лето и начало осени 1922 года Ленин с Надеждой Константиновной провели в Горках. А в кремлевской квартире затеяли ремонт. Владимир Ильич уже понимал, как действует созданная им система.

Инструктировал управляющего кремлевским хозяйством:

«Убедительно прошу Вас внушить (и очень серьезно) заведующему ремонтом квартиры, что я абсолютно требую

полного окончания к 1 октября. Непременно полного. Очень прошу созвать их всех перед отъездом и прочесть сие. И внушить еще от себя: нарушения этой просьбы не потерплю. Найдите наиболее расторопного из строителей и дайте мне его имя».

Ремонтом четырехкомнатной квартиры председателя Совнаркома занимались от десяти до пятнадцати рабочих, больше и не требовалось. Но после строгого внушения от вождя согнали человек сто шестьдесят! Работы велись круглосуточно. Ленину доложили, что указание выполнено — ремонт окончен вовремя. 2 октября Ленин и Крупская вернулись в Кремль. Выяснилось, что жить в квартире нельзя...

Все то, что происходило начиная с 1917 года, корежило, калечило души. «Советский человек произошел от человека», — шутил мой остроумный коллега. И эта мутация была связана с утратой важнейших человеческих качеств или, во всяком случае, с их редуцированием, уменьшением, оскоплением.

Человек сидит на партсобрании, слушает радио, читает газеты — и что он видит? Лицемерие и откровенное вранье. И что он делает? Приспосабливается. Вот так формируется советский человек... Он постоянно ходил в маске. Иногда маска прирастала к лицу. Цинизм и равнодушие помогали выжить — в лагере, в колхозе, в конторе.

От марксистских идей не осталось практически ничего, кроме набора догм, которые твердили профессиональные начетчики. Молодежь зазубривала их, не вникая в содержание. Такая жизнь формировала полнейшее равнодушие ко всему, что тебя лично не касается.

Любовный треугольник?

В 1970 году, накануне столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина, советские руководители ожидали появления на Западе пасквильной книги о причинах смерти вождя революции. Ходили слухи, что он умер от невылеченного сифилиса.

Министру здравоохранения академику Борису Васильевичу Петровскому поручили составить подлинное заключение о причинах смерти Владимира Ильича. Ему разрешили познакомиться с двумя историями болезни Ленина. Первую завели в связи с ранением в 1919 году, вторая отражает развитие его основной болезни начиная с 1921 года.

Пасквильная книга на Западе так и не появилась. Да и не было никаких оснований для сомнений в причинах смерти вождя. Вскрытие в январе 1924 года подтвердило, что сифилисом Ленин не болел. Основанием для слухов была привычка советской власти все скрывать. Владимир Ильич умер от того, что его организм преждевременно износился. Его физическая и нервно-эмоциональная системы не выдержали нагрузки. У него была фантастическая целеустремленность и железная воля, но хрупкие нервы, отмечают историки. Вспыльчивый и раздражительный, он легко впадал в гнев и ярость. От нервных вспышек сыпь выступала по телу. Мучился бессонницей, головной болью, быстро уставал, поздно засыпал и плохо спал. Утро у него всегда было плохим. Бросалась в глаза его маниакальная забота о чистоте, ботинки он начищал до блеска, не выносил грязи и пятен.

Первые сорок шесть лет своей жизни, то есть до возвращения в Россию из эмиграции в 1917 году, он прожил сравнительно спокойно, занимаясь литературным трудом. Он не был готов к тому, чтобы взять на себя управление страной, погрузившейся в хаос и вынужденной вести войну.

Ленин вернулся в Россию весной семнадцатого немолодым и нездоровым. Один из встречавших его на вокзале вспоминал:

«Когда я увидел вышедшего из вагона Ленина, у меня невольно пронеслось: "Как он постарел!" В приехавшем Ленине не было уже ничего от того молодого, живого Ленина, которого я когда-то видел в скромной квартире в Женеве и в 1905 году в Петербурге. Это был бледный изношенный человек с печатью явной усталости».

Газеты даже посылали корреспондентов в литовский город Мариямполь на могилу капитана Красной армии Андрея Арманда. Краеведы клялись, что павший смертью героя в боях с немецко-фашистскими оккупантами и похороненный там в 1944 году гвардии капитан — внебрачный сын Инессы Арманд и Владимира Ильича Ленина. Арманд и Ленин тайно любили друг друга, родили сына, но вынуждены были расстаться. Такова версия самой необычной любовной истории времени революции.

«Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда прежде, какое большое место ты занимал в моей жизни.

Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась бы без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать?

Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты "провел" расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя».

Это единственное сохранившееся личное письмо Инессы Федоровны Арманд Владимиру Ильичу Ленину. Остальные письма она уничтожила. Такова была просьба Ленина. Он уже был лидером партии и думал о своей репутации. А она думала о нем и продолжала его любить:

«Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умерла бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил к Надежде Константиновне, я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой. Только затем в связи с переводами и прочим я немного попривыкла к тебе.

Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал...»

Ленин был одним из самых знаменитых людей эпохи. Люди шли за него на смерть, горы сворачивали и правительства свергали, расталкивали друг друга только ради того, чтобы увидеть его одним глазком. Наверное, он, став таким популярным, нравился и женщинам. Но только одна из них любила его так сильно, горячо и бескорыстно, так слушалась его во всем. И потому погибла.

«Ну, дорогой, на сегодня довольно. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе — я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли.

Крепко тебя целую.

Я написала также Надежде Константиновне».

И это, пожалуй, самый интересный пассаж в письме. Выходит, жена, Надежда Константиновна Крупская, знала о романе мужа с Арманд и не порвала не только с ним, но и с ней?

Крупская была, говоря современным языком, «заочница», то есть женщина на воле, которой зэки пишут обширные и жалостливые послания. Ленин переписывался с ней,

сидя в петербургской тюрьме. Как это принято среди зэков, стал называть ее невестой. Обычно заочницам обещают, выйдя на свободу, жениться на них. Но Крупская сама была арестована. Она получила три года ссылки и попросилась в село Шушенское Минусинского уезда к жениху.

Они, верно, хотели заключить что-то вроде фиктивного брака, дабы облегчить себе жизнь, а соединились навсегда. Административно-ссыльная Крупская приехала к Ленину с матерью, Елизаветой Васильевной, набожной женщиной, воспитанницей Института благородных девиц. Надежда Константиновна с матерью не расставалась. Теща зятю попалась золотая. Она-то и наладила молодым быт.

Крупская вспоминала:

«Летом некого было найти в помощь по хозяйству. И мы с мамой воевали с русской печкой. Вначале случалось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. Потом привыкла. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство...»

Не будь тещи, не видать Ленину домашнего уюта. Умение вести хозяйство не было сильной стороной Надежды Константиновны.

После смерти Ленина в Москве открыли посвященный ему музей. В одном из залов экспонировалось пальто Владимира Ильича (небольшое по размеру, посетители поражались, каким же невысоким был вождь). Кто-то из лекторов удивился:

— А почему же на пальто разные пуговицы, кто их пришил?

Крупская рассмеялась:

— Ну, если разные, то это, наверное, я пришила.

Когда теща умерла, они даже обеда не готовили, ходили в столовую. А Ленин с юности страдал желудком; усаживаясь за стол, озабоченно спрашивал: «А мне можно это есть?» Хотя в еде был неприхотлив. В эмиграции в Париже вместе с ним жил Григорий Евсеевич Зиновьев, будущий хозяин Ленинграда и председатель Исполкома Коминтерна. Зиновьев потом рассказывал, как в Париже Ленин по вечерам «бегал на перекресток» за последним выпуском вечерних газет, а утром — за горячими булочками:

— Его супружница предпочитала, между нами говоря, бриоши, но старик был немного скуповат...

Девушкой Надежда Константиновна была вполне симпатичной. По словам ее подруги, «у Нади была белая, тон-

кая кожа, а румянец, разливавшийся от щек на уши, на подбородок, на лоб, был нежно-розовый... У нее не было ни тщеславия, ни самолюбия. В ее девичьей жизни не нашлось места для любовной игры».

10 июля 1898 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна обвенчались, хотя обручальных колец не носили. Брак был не из ранних. Обоим под тридцать. Нет оснований сомневаться, что Ленин был для Крупской первым мужчиной.

В юности она вращалась в кругу радикально настроенных молодых людей, снабжавших ее нелегальной литературой. Среди них был известный некогда революционер Иван Бабушкин. Сейчас его мало кто помнит; большинство москвичей едва ли подозревает, что станция метро «Бабушкинская» названа в его честь. Крупская и Бабушкин вместе читали Маркса, спорили. Но дальше разговоров о Марксе дело не шло. В те времена добрачные интимные отношения решительно осуждались.

О мужском опыте Владимира Ильича известно столь же мало, хотя молодому мужчине из дворянской семьи определенные развлечения и шалости вполне дозволялись. Был бы интерес...

Биограф Ленина, эмигрант, рассказывал такую историю:

«Некая дама приехала в Женеву со специальной целью познакомиться с Лениным. У нее от Калмыковой (та давала деньги на издание "Искры") было письмо к Ленину. Она была уверена, что будет им принята с должным вниманием и почтением.

После свидания дама жаловалась всем, что Ленин принял ее с "невероятной грубостью", почти "выгнал" ее. Когда Ленину передали о ее сетованиях, он пришел в величайшее раздражение:

— Эта дура сидела у меня два часа, отняла меня от работы, своими расспросами и разговорами довела до головной боли. И она еще жалуется! Неужели она думала, что я за ней буду ухаживать? Ухажерством я занимался, когда был гимназистом, но на это теперь нет ни времени, ни охоты».

Да было ли это ухажерство и в гимназические годы? Интересовался ли молодой Ульянов девушками, влюблялся ли до безумия, страдал от неразделенной любви? Был ли способен к страсти, к нежности?

«У Ленина глаза были карие, в них всегда скользила мысль, — вспоминала Александра Михайловна Коллонтай. — Часто играл лукаво-насмешливый огонек. Казалось,

что он читает твою мысль, что от него ничего не скроешь. Но "ласковыми" глаза Ленина я не видела, даже когда он смеялся».

После смерти Ленина Надежда Константиновна писала:

«Владимира Ильича изображают каким-то аскетом, добродетельным филистером-семьянином. Как-то искажается его образ. Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей многогранности, жадно впитывал ее в себя».

Нет, похоже, в жизни революционера Ленина женщины играли весьма незначительную роль. Даже и молодая жена, судя по всему, не вызвала особого прилива радости. Молодожены сняли новую квартиру, но спали в разных комнатах. Необычно для только что вступивших в брак молодых людей. Похоже, они оба рассматривали свой союз как чисто деловой, как создание революционной ячейки в борьбе против самодержавия.

Впрочем, Надежда Константиновна возражала против такой версии:

«Мы ведь молодожены были. Крепко любили друг друга. Первое время для нас ничего не существовало... То, что не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти».

Теще понравилось, что зять попался непьющий и даже некурящий. Но Владимир Ильич в личном общении был не прост.

Сама Крупская признавалась дочерям Инессы Арманд в 1923 году:

— Я так хотела когда-то ребеночка иметь....

И уже в пожилые годы с тоской в голосе повторяла:

— Если бы ты знала, как я мечтаю понянчить внука...

И почему, собственно, у них не было детей? Обычных в нашу эпоху анализов им не делали, так что точный ответ невозможен. Через два года после свадьбы, 6 апреля 1900 года, Ленин писал своей матери:

«Надя, должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения».

Женские болезни, известное дело, опасны осложнениями — бесплодием.

Один из современных историков обнаружил запись, сделанную уфимским доктором Федотовым после осмотра Крупской: «Генитальный инфантилизм».

Проверить этот диагноз не представляется возможным.

10 марта 1900 года потомственный дворянин Владимир Ильич Ульянов обратился с прошением к директору Департамента полиции:

«Окончив в настоящем году срок гласного надзора, я вынужден был избрать себе для жительства из немногих разрешенных мне городов город Псков, ибо только там я нашел возможным продолжить свой стаж, числясь в сословии присяжных поверенных. В других городах я бы не имел никакой возможности приписаться к какому-либо присяжному поверенному и быть принятым в сословие местным окружным судом, а это равнялось бы для меня потере всякой надежды на адвокатскую карьеру».

Надежда Константиновна отбывала свой срок гласного надзора в Уфимской губернии вместе со своей матерью. Найти работу — преподавательскую — Крупская не могла.

«Следовательно, мне придется содержать ее из своего заработка, а я могу рассчитывать теперь на самый скудный заработок (да и то не сразу, а через некоторое время) вследствие почти полной потери мною всех прежних связей и трудности начать самостоятельную юридическую практику... Необходимость содержать в другом городе жену и тещу ставит меня в безвыходное положение и заставляет заключать неоплатные долги. Наконец, я в течение уже многих лет страдаю катаром кишок, который еще усилился вследствие жизни в Сибири, и теперь я крайне нуждаюсь в правильной семейной жизни.

На основании изложенного я имею честь покорнейше просить разрешить моей жене, Надежде Ульяновой, отбывать оставшийся ей срок гласного надзора не в Уфимской губернии, а вместе с мужем в городе Пскове».

Департамент полиции ответил отказом.

Вся жизнь Ленина с юности была посвящена революции. Если бы он не думал о ней двадцать четыре часа в сутки, он бы не совершил Октябрьской революции. Обратная сторона такой всепоглощающей целеустремленности — ослабленный интерес к противоположному полу, пониженное влечение. Словно сама природа помогала ему сконцентрироваться на чем-то одном. Это частое явление в политической истории.

Ему просто было не до женщин. Понадобился невероятно сильный импульс, чтобы пробудить в нем яркое чувство. В 1910 году в Париж приехала молодая революционерка Инесса Арманд, элегантная, жизнерадостная, необычная.

«Те, кому довелось ее видеть, — рассказывал современник, — надолго запоминали ее несколько странное, нервное, как будто асимметричное лицо, очень волевое, с большими гипнотизирующими глазами».

В ней удивительным образом сочеталась жажда революции с жаждой жизни. Это и привлекло Ленина! Просто красивые дамы его не волновали. У него и друзей-то не было. А это было как удар молнии. Ему исполнилось тридцать девять лет, ей тридцать пять. Свидетели вспоминали: «Ленин буквально не спускал своих монгольских глаз с этой маленькой француженки...»

У Ленина были проблемы со зрением. Поэты воспевали его знаменитый ленинский прищур, а у него левый глаз был сильно близорук (четыре — четыре с половиной диоптрии), поэтому он и щурился, пытаясь что-то рассмотреть. Левым глазом он читал, а правым смотрел вдаль. Но Инессу Арманд разглядел сразу — красивая темпераментная революционерка и полная единомышленница в делах...

Француженка Инесса Федоровна Арманд появилась на свет в Париже как Элизабет Стеффен. Девочкой ее привезли в Москву. Здесь она вышла замуж за Александра Арманда, чьи потомки обосновались в России еще в годы наполеоновских войн.

У них родилось трое детей. Но брак быстро разрушился. Инесса полюбила младшего брата своего мужа, Владимира Арманда, который был моложе ее на одиннадцать лет. Их связывал, среди прочего, интерес к социалистическим идеям. В те времена, кажущиеся нам пуританскими, Инесса нисколько не стеснялась адюльтера. Не считала себя развратной женщиной, полагала, что имеет право на счастье.

Инесса родила сына и от любовника, назвала его Андреем. Это тот самый будущий капитан Арманд, которого считают сыном Ленина. В реальности к моменту встречи Инессы с Владимиром Ильичом мальчику уже было лет пять. Муж Инессы оказался на редкость благородным человеком, он принял ее ребенка как своего, дал свое отчество. Роман был недолгим. Ее любовник заболел туберкулезом и умер.

Инессу Арманд волновала не только личная свобода, но и общественная. В России это самый короткий путь за решетку. Инессу сажали три раза. Из ссылки, которую она отбывала в Архангельске, она бежала за границу. Здесь и познакомилась с Лениным. Крупская вспоминала:

«Арестованная в сентябре 1912 года, Инесса сидела по чужому паспорту в очень трудных условиях, порядком подорвавших ее здоровье, — у нее были признаки туберкулеза, но энергии у ней не убавилось, с еще большей страстностью относилась она ко всем вопросам партийной жизни. Ужасно рады были мы все ее приезду...

В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса».

Потеряв любимого человека, Арманд была открыта для новой любви. Страстная и опытная, она открыла Ленину новый для него мир наслаждений. Это оказалось почти так же увлекательно, как заниматься революцией. Крупская, как водится, узнала об их страсти последней:

«Мы с Ильичом и Инессой много ходили гулять. Зиновьев и Каменев прозвали нас "партией прогулистов". Инесса была хорошим музыкантом, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла Бетховена. Ильич особенно любил "Патетическую сонату", просил ее постоянно играть — он любил музыку... К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить».

Теща Ленина первая все поняла. Надежда Константиновна Крупская несколько раз порывалась уехать, но Ленин ее удерживал. Надежда Константиновна осталась, но спать вновь уходила в комнату матери.

Крупская на фоне Арманд ужасно проигрывала. Она уже утратила женскую привлекательность, располнела и подурнела. Глаза у нее были навыкате, ее зло называли селедкой. Крупская страдала базедовой болезнью. В медицинских книжках того времени писали:

«Симптомы: сильное сердцебиение, повышенная возбудимость, потливость, опухание щитовидной железы (то есть появление зоба) и выпячивание глазных яблок. Причина — паралитическое состояние сосудодвигательных нервов головы и шеи. Лечение ограничивается укрепляющей диетой, железом, хинином, переменой климата и применением гальванизации симпатического шейного сплетения».

Оным лечением Крупскую и пользовали.

Надежда Константиновна писала свекрови в мае 1913 года:

«Я на инвалидном положении и очень быстро устаю. Ходила я электризоваться целый месяц, шея не сделалась меньше, но глаза стали нормальнее, и сердце меньше бьет-

ся. Тут в клиниках нервных болезней лечение ничего не стоит, а доктора очень внимательны».

Ленин сообщал товарищу по эмиграции Григорию Львовичу Шкловскому, с которым очень сблизился:

«Приехали в деревню около Закопане для лечения Надежды Константиновны горным воздухом от базедовой болезни... Болезнь же на нервной почве. Лечили три недели электричеством. Успех равняется нолю. Все по-прежнему: и пученье глаз, и вздутие шеи, и сердцебиение, все симптомы базедовой болезни».

Лечили ее неправильно. Не знали тогда, что базедова болезнь — одно из самых распространенных эндокринологических заболеваний и заключается в усилении функции щитовидной железы. Сейчас бы ей помогли, а тогда жена Ленина фактически осталась без медицинской помощи. Базедова болезнь сказалась и на характере, и на внешности Надежды Константиновны: несоразмерно толстая шея, выпученные глаза плюс суетливость, раздражительность, плаксивость.

Ленин писал Григорию Шкловскому:

«Еще одна просьба личная: очень просил бы Вас постараться не посылать Наде больше никаких бумажек по делу Мохова, ибо ей это треплет нервы, а нервы плохи, базедова болезнь опять возвращается. И мне по этому пункту не пишите ничего (чтобы Надя не знала, что я Вам писал, а то она волноваться будет)...»

Но чего не было, того не было: ни страсти, ни любви. Все это он нашел в объятиях Инессы. Хотя были ли объятия или же отношения остались платоническими?.. Так или иначе Инесса Арманд стала настоящей и единственной любовью Ленина.

Но вот что важно. Ленин не оставил жену даже в разгар романа с Инессой Арманд. А ведь это были самые счастливые дни его недолгой жизни. И тем не менее этой любовью он пренебрег. Считал любовь делом преходящим, менее значимым, чем прочные дружеские отношения с Крупской?

Не имея детей, Крупская посвятила ему свою жизнь. Их объединяли общие идеалы, взаимное уважение. Нельзя сказать, что их брак был неудачным. Владимир Ильич ценил жену, сочувствовал ее страданиям.

Он понимал, как важны для него преданность и надежность Надежды Константиновны, хорошо и разносторонне образованной женщины. Она, не жалуясь, помогала ему во всем. Вела его обширную корреспонденцию. Шифровала и

расшифровывала переписку с товарищами — дело муторное и трудоемкое. Шутили, что практичный Ленин женился на Надежде Константиновне ради ее каллиграфического почерка.

Надо отдать должное Надежде Константиновне. Они с Инессой не выясняли отношений из-за мужчины. Они даже дружили. Инессу, сексуально раскрепощенную женщину, вполне устроила бы и жизнь втроем. Фактически это Инесса и предлагала Ленину:

«Много было хорошего и в отношениях с Надеждой Константиновной. Она мне сказала, что я ей стала дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства за ее мягкость и очарование».

Говорят, Крупская, узнав о романе, готова была уйти, дать ему развод, чтобы он был счастлив. Но Ленин сказал: останься. Оценил ее преданность? Не захотел бросить не очень здоровую жену после стольких лет брака? Заботился о своей репутации? Арманд смущала его свободой взглядов на интимную жизнь. Она считала, что женщина сама вправе выбирать себе партнера, а в этом смысле революционер Ленин был крайне старомоден...

В конце концов уехала Инесса. Ленин пытался с ней объясниться:

«Надеюсь, мы увидимся после съезда. Пожалуйста, привези, когда приедешь (то есть привези с собой) все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями)...»

Ленин просил Инессу вернуть его письма, чтобы их уничтожить. С ней Владимир Ильич был очень откровенен:

«Как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан! Это еще лишний признак того, что я обленился, устал и в дурном расположении духа. Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее почти ненавижу.

Если возможно, не сердись на меня. Я причинил тебе много боли, я это знаю...»

Роман с Инессой так или иначе тянулся лет пять, пока Ленин не прервал любовные отношения, оставив только деловые. И все равно нежные нотки постоянно прорывались:

«Дорогой друг!

Только что отправил Вам, так сказать, деловое письмо.

Но кроме делового письма захотелось мне сказать Вам несколько дружеских слов и крепко, крепко пожать руку. Вы пишете, что у Вас даже руки и ноги пухнут от холоду.

Это, ей-ей, ужасно. У Вас ведь и без того руки всегда были зябки. Зачем же еще доводить до этого?..

Последние Ваши письма были так полны грусти и такие печальные думы вызывали во мне и так будили бешеные угрызения совести, что я никак не могу придти в себя...

О, мне хотелось бы поцеловать тебя тысячу раз, приветствовать тебя и пожелать успехов».

Любовь обеих женщин Ленин использовал на полную катушку. Надежда Константиновна руководила его канцелярией и вела переписку. Инесса переводила для него с французского. Как ни любил Владимир Ильич Инессу, но хладнокровно отправил ее с партийным поручением в Россию, понимая, сколь опасно это путешествие. И ее действительно арестовали. Но политика и борьба за власть были для него важнее всего.

Настал момент, когда отношения Ленина и Арманд возобновились. Это произошло после того, как 30 августа 1918 года в Ленина стреляли. Среди немногих людей, которых он пожелал видеть, когда его привезли с завода Михельсона, была Инесса Федоровна. Возможно, оказавшись перед лицом смерти, он многое переосмыслил, желал видеть рядом дорогого ему человека.

Ленин в своих статьях и письмах ругался, как ломовой извозчик. Таков был его стиль. Он не стеснялся в споре быть дерзким и грубым. Но люди, которых он бранил, оставались его ближайшими соратниками и помощниками. У него были поклонники — их была масса, боготворившие его и все ему прощавшие. Но близких, закадычных, интимных друзей не было. Кроме Инессы Арманд.

Ее подозревали в скрытом всевластии — дескать, «ночная кукушка дневную перекукует». На съезде Советов один из левых эсеров сказал:

— У императора Николая был злой гений — его жена Алиса Гессенская. Вероятно, и у Ленина есть также свой гений.

За это высказывание левого эсера немедленно лишили слова, усмотрев в его словах оскорбление Совета народных комиссаров.

После работы Ленин часто заезжал к Инессе, благо ее квартира рядом.

16 декабря 1918 года Ленин дал указание коменданту Кремля Малькову:

«Подательница — тов. Инесса Арманд, член ЦИК. Ей нужна квартира на четырех человек. Как мы с Вами говори-

ли сегодня, Вы ей покажите, что имеется, то есть покажите те квартиры, которые Вы имели в виду».

Ей дали большую квартиру на Неглинной, установили высоко ценимую советскими чиновниками вертушку — аппарат прямой правительственной связи. Если Ленин не мог заехать, писал записку. Некоторые сохранились.

16 февраля 1920 года:

«Дорогой друг!

Сегодня после 4-х будет у Вас хороший доктор.

Есть ли у Вас дрова? Можете ли готовить дома?

Кормят ли Вас?»

Только отправил эту записку и почти сразу пишет новую:

«Тов. Инесса!

Звонил к Вам, чтобы узнать номер калош для Вас. Надеюсь достать.

Был ли доктор?»

Озабоченный ее здоровьем, он постоянно думает о ней:

«Дорогой друг!

После понижения температуры необходимо выждать несколько дней.

Иначе — воспаление легких.

Испанка теперь свирепая.

Пишите, присылают ли продукты?»

В результате у него опять ухудшились отношения с Надеждой Константиновной. А у нее и так были все основания для обиды. Муж пренебрегал ею и дома, и в политике. После стольких лет активной борьбы за дело большевиков Крупской досталась незначительная должность заместителя наркома народного просвещения.

Ненавидевший большевиков профессор-историк Юрий Владимирович Готье пометил в дневнике в феврале 1919 года:

«Я был водим в Комиссариат Народного Просвещения на заседание коллегии комиссариата. На заседании присутствовала Н. К. Крупская-Ульянова-Ленина, без пяти минут русская императрица; я не ожидал видеть ее такой, какая она есть — старая, страшная, с глупым лицом тупой фанатички, причем ее уродство подчеркивается ясно выраженной базедовой болезнью...»

Слова несправедливые. Болезнь — не повод для насмешек. А на роль императрицы она вовсе не претендовала...

После Октябрьской революции Инессе Арманд нашли место в системе новой власти. Специально для нее в аппарате ЦК партии образовали отдел по работе среди женщин. Обиделась главная соперница Инессы Арманд Александра

Коллонтай. Она считала себя гранд-дамой революции. Но самой влиятельной женщиной в Советской России стала Инесса. Это был удар для самолюбивой Коллонтай, которая считала, что выбор в пользу Инессы был продиктован ее любовными отношениями с Лениным.

В августе 1920 года Ленин написал Инессе, желая избавить ее от разногласий с Коллонтай:

«Дорогой друг!

Грустно очень было узнать, что Вы переустали и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли я помочь Вам, устроив в санатории?

Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? К Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце. Он там власть. Подумайте об этом.

Крепко, крепко жму руку».

Спасая Инессу от женских дрязг в коридорах ЦК и желая сделать ей приятное, Ленин уговорил ее отдохнуть в Кисловодске. Инесса поехала с сыном. Ее отдыхом вождь мирового пролетариата занимался сам, уже убедившись, что созданный им же советский аппарат провалит любое дело. Поездка оказалась роковой.

18 августа Ленин связался с председателем Северо-Кавказского ревкома Серго Орджоникидзе:

«Т. Серго!

Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания. Надо, чтобы Вы протелеграфировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына как следует и проследить исполнение. Без проверки исполнения ни черта не сделают...»

Отдых не получался. Инесса Арманд грустила. 1 сентября 1920 года записала в дневнике:

«Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь я ко всем равнодушна. А главное — почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к Владимиру Ильичу. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть Владимиру Ильичу и делу работы, в нем истощились все источники работы, которыми оно раньше было так богато...

И люди чувствуют эту мертвенность во мне, и они оплачивают той же монетой равнодушия или даже антипатии (а вот раньше меня любили). А сейчас — иссякает и горячее отношение к делу. Я человек, сердце которого постепенно умирает...»

Отношения с Лениным, теплые и сердечные, были ограничены известными рамками, которые он сам установил. А ей хотелось настоящей любви, обычного женского счастья. Кто знает, как сложилась бы ее жизнь, но ей уже не суждено было встретить другого мужчину.

Ленин тревожился и напоминал Орджоникидзе:

«Очень прошу Вас, в виду опасного положения на Кубани, установить связь с Инессой Арманд, чтобы ее и сына эвакуировали в случае необходимости...»

Вот и напрасно сорвали ее из безопасного Кисловодска. Боялись одного, а беда подстерегла с другой стороны. На Кавказе, в Беслане, Инесса заразилась холерой и умерла. Местный телеграфист отстучал телеграмму:

«Вне всякой очереди. Москва. ЦЕКа РКП, Совнарком, Ленину

Заболевшую холерой товарища Инессу Арманд спасти не удалось точка кончилась 24 сентября точка тело перепроводим Москву Назаров».

С транспортом были большие проблемы. Восемь дней ее тело лежало в морге в Нальчике, пока искали оцинкованный гроб и специальный вагон.

Через две недели, ранним утром 11 октября 1920 года, гроб доставили в Москву. На Казанском вокзале поезд встречали Ленин и Крупская. Гроб поставили на катафалк и повезли в Дом союзов.

Дочь члена Реввоенсовета Республики Сергея Ивановича Гусева, Елизавета Драбкина, вспоминала:

«Мы увидели двигающуюся нам навстречу похоронную процессию. Мы увидели Владимира Ильича, а рядом с ним Надежду Константиновну, которая поддерживала его под руку. Было что-то невыразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове».

Владимир Ильич шел за гробом через весь город. О чем он в эти часы думал? О том, что напрасно отказался от любви Инессы Арманд и жестоко обделил себя? Ощущал свое одиночество? Чувствовал неотвратимо подступающую неизлечимую болезнь, которая скоро, очень скоро превратит его в полного инвалида?

«На похоронах Ленина было не узнать, — писала Александра Коллонтай. — Он был раздавлен горем. Нам казалось, что в любой момент он может лишиться сознания».

Смерть Инессы Арманд никому не принесла облегчения. Об избавлении от счастливой соперницы не было и речи. Ревность осталась в далеком прошлом. Болезнь Ле-

нина стремительно развивалась, и для Крупской худшее было впереди. То, что она сделала для мужа в последние годы его жизни, это подвиг. Лишь тот, кто сам прошел через такое, понимает, какая эта мука и страдание — видеть, что болезнь делает с близким и любимым человеком.

На склоне лет Надежда Константиновна уже не видела в Инессе Арманд удачливую соперницу, заботилась о ее детях, часто вспоминала эту яркую и темпераментную женщину. Да много ли в ее жизни было счастливых дней и месяцев? Совсем немного. Как и в жизни Ленина.

Кто знает, будь у него любящая и любимая жена, полноценная семья, дети, — и тогда революция, Гражданская война, советская власть не оказались бы такими кровавыми? Впрочем, возможно, если бы у него нашлось желание проводить время в кругу семьи, заниматься женой и детьми, революции вообще бы не случилось...

Наследство и наследники

25 мая 1922 года у Ленина случился удар — частичный паралич правой руки и правой ноги, расстройство речи. Казалось, он не выживет. В узком кругу Сталин, который после смерти Свердлова возглавил партаппарат, хладнокровно констатировал:

— Ленину капут.

Иосиф Виссарионович несколько поторопился. После первого удара Владимир Ильич оправился, но к полноценной работе уже не вернулся. Созданная им самим вертикаль власти оказалась крайне неустойчивой. В большевистской верхушке вспыхнула острая борьба за власть.

Несмотря на строжайшие запреты врачей, прикованный к постели Ленин рвался к делу, пытался участвовать в политической жизни страны и влиять на нее. Однако быстро почувствовал, что его мнение больше никого не интересует. Владимира Ильича уже списали. Все партийное хозяйство оказалось в руках генерального секретаря ЦК партии Сталина. Его ближайший помощник Амаяк Макарович Назаретян писал: «Кобе приходится бдить Ильича и всю матушку Рассею».

Ленин понимал, что рычаги власти уходят из рук и ему не на кого опереться. Он сам выдвинул Сталина, ввел в состав высших органов власти — политбюро и оргбюро ЦК. Видных большевиков было вообще немного, в основном

государственная работа у них не получалась. А Сталин обладал даром администратора и скоро сделался совершенно незаменимым человеком. Именно поэтому позволял себе дерзить и возражать Ленину.

24 ноября 1921 года в ЦК обратилась Надежда Константиновна Крупская. Не как жена Ленина, а в качестве председателя главного политического просветительного комитета (Главполитпросвет) при Народном комиссариате просвещения. Крупская считала, что отдел агитации и пропаганды ЦК партии слишком разросся, вышел за пределы своих полномочий, и ставила вопрос о разграничении полномочий Главполитпросвета и агитпропа ЦК.

Ленин как руководитель партии ознакомился с ее письмом. Свои замечания отправил Сталину, который курировал отдел агитации и пропаганды. Иосиф Виссарионович 26 ноября 1921 года отозвался с нескрываемым раздражением:

«Т. Ленин!

Мы имеем дело либо с недоразумением, либо с легкомыслием.

Неверно, что "партия в лице агитотдела создает орган в 185 человек". По штатам, мною проверенным и подлежащим утверждению Оргбюро, должны быть не 185, а 106 человек, из них нацмен 58 человек... Крики о "разрушении" Главполитпросвета — сущие пустяки...

Корень недоразумения в том, что т. Крупская (и Луначарский) читали "положение" (проект), принятый в основном комиссией Оргбюро, но мной еще не просмотренный и Оргбюро не утвержденный, он будет утвержден в понедельник. Она опять поторопилась.

Сегодняшнюю записку вашу на мое имя, в Политбюро, я понял так, что вы ставите вопрос о моем уходе из агитпропа. Вы помните, что работу в агитпропе мне навязали, я сам не стремился к ней. Из этого следует, что я не должен возражать против ухода. Но если вы ставите вопрос именно теперь, в связи с очерченными выше недоразумениями, то вы поставите в неловкое положение и себя, и меня. Троцкий и другие подумают, что вы делаете это "из-за Крупской", что вы требуете "жертву", что я согласен быть "жертвой" и пр., что нежелательно...»

В этом письме — характерные для Сталина методы полемики: во-первых, оппонент (Крупская) в принципе не прав, во-вторых, я к этому не имею отношения (не утвердил проект), работы этой (руководство отделом) я не

хотел, но с нее не уйду. Он откровенно шантажирует Ленина: решат, что вы убираете меня из-за жалобы жены... И главное: мгновенно вырвавшаяся ненависть к военному министру и члену политбюро Льву Давидовичу Троцкому, который вообще не имел к этой истории никакого отношения.

Уверенный в себе Владимир Ильич до определенного момента не обращал на это внимание. Сталин ему нравился — твердый, решительный, последовательный. Потому и поставил его на пост генерального секретаря, когда в апреле 1922 года пленум ЦК учредил эту должность. Ленин исходил из того, что секретариат ЦК — это технический орган. Собственных решений секретариат не принимал. И прежде выбирали в секретари ЦК надежных и пунктуальных исполнителей.

Владимир Ильич предполагал иметь и в лице Сталина помощника без личных амбиций. Он ошибся. Сталин с самого начала оценил значение секретариата и оргбюро ЦК, которые ведали кадрами — а «кадры решают всё». Судьба и карьера любого чиновника в стране зависела от аппарата ЦК. Избрание местных партийных секретарей прекратилось. Голосование стало формальностью — секретарей присылал из Москвы Сталин. Он завоевал сердца провинциальных партийных чиновников своей программой — поставить партию над государством, всю власть в стране передать партийному аппарату.

Иосиф Виссарионович играл в собственную игру. Повсюду расставлял своих людей. «Сталин очень хитер, — подметил Амаяк Назаретян. — Тверд, как орех. Его сразу не раскусишь. Сейчас все перетряхнули. Цека приводим в порядок. Аппарат заработал хоть куда, хотя еще сделать нужно многое. Коба меня здорово дрессирует. Но все же мне начинает надоедать это "хождение под Сталиным". Это последнее модное выражение в Москве касается лиц, находящихся в распоряжении Цека и ожидающих назначения, висящих, так сказать, в воздухе. Про них говорят так: "ходит под Сталиным"».

Владимир Ильич как человек разумный с отвращением наблюдал за разбуханием советской бюрократии и появлением высокомерной и чванливой советской аристократии. Искренне ненавидел аппарат. Но это было творением его рук и непременным условием существования созданного режима. Он сам заложил основы системы, возглавлять которую мог только человек, сам внушающий страх. Он и

должен был стать полновластным сатрапом, который регулярно рубит головы своим подданным. Но по-человечески не захотел принять эту роль, поэтому аппарат подчинился тому, кто захотел.

Возможно, Ленин не возмущался бы Сталиным и его аппаратом, если бы они не повернулись против него, когда он тяжело заболел. Владимир Ильич потерял власть над страной и партией раньше, чем закончился его земной путь. Он еще был главой правительства, а члены политбюро не хотели публиковать его статьи. Потом все-таки разрешили, но кое-что вычеркнули. Да еще секретно предупредили секретарей губкомов: вождь болен и статьи не отражают мнения политбюро. Словом, можете ленинские слова не принимать в расчет.

В эти месяцы Владимир Ильич обратился к Троцкому как к единственному союзнику и единомышленнику, предложил ему «заключить блок» для борьбы с бюрократизмом, всесилием оргбюро ЦК и Сталиным. Этого Сталин больше всего боялся — блока Ленина с Троцким. Сталин сразу попытался под флагом заботы о здоровье вождя отрезать больного Ленина от всех источников информации, помешать ему участвовать во внутрипартийной борьбе и связываться с Троцким. А именно этого более всего желал Владимир Ильич.

Все дискуссии — о внешней торговле, о принципах создания союзного государства — были для слабеющего Ленина поводом атаковать Сталина. Генсек быстро выяснил, что с Троцким связывалась Крупская.

Сталин не сдержался и обрушился на Надежду Константиновну с грубой бранью. Потребовал, чтобы она не смела втягивать Ленина в политику, и угрожал напустить на нее партийную инквизицию — Центральную контрольную комиссию.

Никто не смел так разговаривать с женой вождя. Она была потрясена. Сестра Ленина, Мария Ильинична, в записках, найденных после ее смерти, вспоминала: «Надежду Константиновну этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и прочее».

Такая болезненная реакция означала, что нервная система несчастной Надежды Константиновны была истощена. Она сама нуждалась в лечении и заботе. 23 декабря обратилась за защитой к Каменеву, который во время болезни Ленина председательствовал в политбюро:

«Лев Борисыч,

по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку.

Я в партии не один день. За все тридцать лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину.

Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина.

Я обращаюсь к Вам и к Григорию (члену политбюро Григорию Евсеевичу Зиновьеву. — *Л. М.*), как наиболее близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Владимир Ильич сделал Каменева заместителем в правительстве и поручал в свое отсутствие вести заседания политбюро и Совнаркома.

Каменев, надо полагать, беседовал со Сталиным. Тот позвонил Крупской и попытался погасить конфликт. Собственный муж защитить Надежду Константиновну не мог. Состояние Ленина стремительно ухудшалось. Тем не менее именно 23 декабря он начал диктовать знаменитое «Письмо к съезду».

Первая, более безобидная, часть «Письма» касалась необходимости увеличить состав ЦК и «придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя навстречу требованиям т. Троцкого». Затем Ленин продиктовал главную часть, в которой охарактеризовал лидеров партии — Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова. Все характеристики очень жесткие, разоблачительные.

Современный читатель, наверное, удивится: зачем же Ленин работал с такими людьми, зачем держал их в политбюро и правительстве?

Он перечислил недостатки руководителей партии, чтобы показать: ни один из них не годится в преемники... И его наследники тоже огорченно разводили руками: ну кому до-

веришь страну? Некому! Приходится самому тащить тяжкий воз. Это укоренилось.

Главное в ленинском письме — это взаимоотношения между Троцким и Сталиным, которых он назвал «выдающимися вождями» партии, но предположил, что их столкновение погубит партию: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью... Тов. Троцкий... отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

4 января 1923 года Владимир Ильич, чуть оправившись, продиктовал важнейшее добавление к письму:

«Сталин слишком груб... Этот недостаток становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от т. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив... меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью... Но с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Историки уверены, что если бы по счастливой случайности Ленину стало лучше и он сам появился на XII съезде с настоятельным предложением сместить Сталина с поста генерального секретаря, делегаты бы его поддержали. История страны сложилась бы иначе, не было бы массовых репрессий, уничтожения крестьянства под лозунгом коллективизации и борьбы с кулаком, катастрофы сорок первого года...

А другой вариант развития событий исключается? Если бы съезд вышел из повиновения Ленину? Понадобился всего год, чтобы партийный аппарат на местах оказался под полным контролем Сталина. Зачем же секретарям губкомов, которые формировали делегации на съезд, голосовать против того, кто их выдвинул?

С большим опозданием Ленин узнал о том, как Сталин кричал на Надежду Константиновну. Особенно неприятно ему было выяснить, что Каменеву и Зиновьеву все извест-

но, следовательно, слухи могли распространиться достаточно широко.

В тот же день, 5 марта, утром, после того как Крупская уехала в Наркомат просвещения, где она работала, Владимир Ильич продиктовал личное и строго секретное письмо:

«Товарищу Сталину.

Копия тт. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня.

Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

Как в реальности Ленин относился к Сталину?

Об этом говорится в записках сестры Ленина, Марии Ильиничны Ульяновой, которые были найдены после ее смерти в 1937 году, а преданы гласности только в наши времена.

«У В. И. было очень много выдержки, — писала она. — И он очень хорошо умел скрывать, не выявлять отношения к людям, когда считал это почему-либо более целесообразным... Тем более сдерживался он по отношению к товарищам, с которыми протекала его работа. Дело было для него на первом плане, личное он умел подчинять интересам дела, и никогда это личное не выпирало и не превалировало у него...»

Еще до первой болезни Ленина, вспоминала Мария Ульянова, она «слышала о некотором недовольстве Сталиным... В. И. был рассержен на Сталина... Большое недовольство к Сталину вызвал у В. И. национальный, кавказский вопрос. Известна его переписка по этому поводу с Троцким. Видимо, В. И. был страшно возмущен и Сталиным, и Орджоникидзе, и Дзержинским. Этот вопрос сильно мучил В. И. во все время его дальнейшей болезни...»

Сталин видел, как Ленин относится к нему, и пытался воздействовать на вождя через сестру. Он вызвал к себе Марию Ильиничну.

— Я сегодня всю ночь не спал, — сказал ей Сталин. — За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь.

«Мне стало жаль Сталина, — вспоминала М. И. Ульянова. — Мне показалось, что он так искренне огорчен».

Мария Ильинична пошла к брату:

— Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что любит тебя.

Ильич усмехнулся и промолчал.

— Что же, передать ему и от тебя привет?

— Передай, — ответил Ильич довольно холодно.

— Но, Володя, он все же умный, Сталин.

— Совсем он не умный, — ответил Ильич, поморщившись...

Но, может быть, Ленин находился во власти минутного раздражения? Мария Ильинична Ульянова писала перед смертью, что эмоции не имели значения для брата:

«Слова его о том, что Сталин "вовсе не умен", были сказаны В. И. абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нем — определенное и сложившееся, которое он и передал мне. Это мнение не противоречит тому, что В. И. ценил Сталина как практика, но считал необходимым, чтобы было какое-нибудь сдерживающее начало некоторым его замашкам и особенностям, в силу которых В. И. считал, что Сталин должен быть убран с поста генсека...»

Иосиф Виссарионович понял, что его судьба висит на волоске. Каменев предупредил его, что на очередном съезде Ильич «готовит для него бомбу». Узнав о резком ленинском письме, Сталин в тот же день предложил членам политбюро перенести XII съезд партии (который должен был закончиться его отставкой) на более поздний срок — в отчаянной надежде выиграть время: бедственное состояние здоровья Ленина ему было известно лучше, чем кому бы то ни было другому.

Политбюро согласилось.

6 марта Ленину стало хуже. Сталин успокоился.

7 марта дежурный секретарь Ленина Мария Акимовна Володичева вручила ему письмо Владимира Ильича. Абсолютно уверенный в себе генсек тут же написал еле живому Ленину высокомерно-снисходительный ответ:

«т. Ленину от Сталина.
Только лично

т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: "Врачи запретили давать

Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича" и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое "против" Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения "отношений" я должен "взять назад" сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя "вина" и чего, собственно, от меня хотят».

Это письмо Ленин уже не прочитал. Сначала не хотели показывать сталинский ответ, чтобы ему не стало хуже. А 10 марта его разбил третий удар, от которого Владимир Ильич уже не оправился. Он прожил еще год при полном сознании и понимании своего бедственного положения. В мае 1923 года у Ленина наступило слабое улучшение.

Но во второй половине июня произошло новое обострение, которое сопровождалось сильнейшим возбуждением и бессонницей. Он совершенно перестал спать. С конца июля — опять улучшение. Он начал ходить, произносил некоторые простые слова — «вот», «что», «идите», пытался читать газеты, но влиять на политическую жизнь страны больше не мог. Для Сталина это было спасением...

18 декабря 1923 года Ленина в последний раз привезли в Кремль. Он побывал у себя в квартире. Его жизнь окончилась после мучительной агонии. Предсмертные мучения были ужасны. Возможно, страдания были усугублены тем, что в периоды просветления он видел, что потерпел поражение. Он проиграл Сталину, который в полной мере воспользуется его смертью.

За неделю до смерти Владимира Ильича на XII Всероссийской партконференции Троцкого обвинили в том, что он создает в партии оппозицию, представляющую опасность для государства, поскольку в поддержку председателя Реввоенсовета высказывались партийные организации в вооруженных силах и молодежь. Выступления Троцкого для пущей убедительности именовались «мелкобуржуазным уклоном». Судя по всему, эти решения партконфе-

ренции, разносящие Троцкого в пух и прах, и доконали Ленина.

Когда Владимиру Ильичу прочитали материалы партийной конференции, писала Надежда Константиновна, Ленин стал «волноваться». Это было 20 января 1924 года. На следующий день, 21 января, в понедельник, ему стало плохо, а вечером он умер. Отмучился, как сказали бы раньше.

Атеросклероз левой внутренней сонной артерии привел к параличу правых верхней и нижней конечностей (перекрестная иннервация конечностей), потере речи, то есть поражен был центр Брока, располагающийся в левом полушарии головного мозга. При вскрытии обнаружилось, что позвоночные и сонные артерии были сильно сужены. Левая внутренняя сонная артерия просвета вообще не имела, что привело к поражению левого полушария мозга. Из-за недостаточного притока крови произошло размягчение ткани мозга. Непосредственная причина смерти — кровоизлияние в оболочку мозга. В современных условиях Ленина можно было бы эффективно лечить и продлить ему жизнь: сонные артерии оперируются и их проходимость частично восстанавливается.

Политическим завещанием первого руководителя Советской России принято считать его знаменитое «Письмо к съезду». Но Ленин не оставлял завещаний! «Письмо к съезду», где речь шла о важнейших кадровых делах, он адресовал очередному, XII съезду партии, состоявшемуся при его жизни. Как и всякий человек, он не верил в скорую смерть, надеялся выздороветь и вернуться к работе.

«Письмо к съезду», как его ни толкуй, содержит только одно прямое указание: снять Сталина с должности генсека. Остальных менять не надо. Но получилось совсем не так, как желал Владимир Ильич. Сталин — единственный, кто остался на своем месте. Всех остальных он со временем уничтожил.

А само письмо Ленина стали считать «троцкистским документом», чуть ли не фальшивкой. Это характерная черта советской системы — желания вождя исполняются, лишь пока он жив и в Кремле. Поэтому нелепы разговоры о наследниках и преемниках.

Советские вожди наследников себе не готовили. Прежде всего, никто не собирался умирать. Во-вторых, сознание собственной абсолютной власти и безудержные восхваления подданных подкрепляли уверенность вождя в собственном величии. Он — гигант, рядом — пигмеи. Некому передоверить управление страной.

Похороны Ленина были тогда событием огромного значения. В записках моего дедушки, Владимира Михайловича Млечина, который после Гражданской войны как демобилизованный красный командир поступил в Москве в Высшее техническое училище, я нашел описание этого дня:

«27 января я пришел на Красную площадь, где пылали костры. У костров грелись милиционеры, их было очень мало, красноармейцы, тоже немногочисленные, и люди, которые пришли попрощаться с Лениным.

Кто догадался в те дни привезти топливо и в разных местах разложить костры? Это был человек, сам достойный памятника. И не только потому, что спас от обморожения сотни, а может быть, тысячи и тысячи человек. Он показал наглядно, что должно делать даже в такие минуты, когда все текущее, бытовое, житейское кажется неважным, преходящим, третьестепенным.

Народу было много, но никакой давки, никакого беспорядка. И милиции-то было мало. Порядок как-то складывался сам по себе. Это были не толпы, шли тысячи и тысячи граждан, и каждый инстинктивно знал свое место, не толкаясь, не напирая на других, не пытаясь проскочить вперед.

Такого, как будто никем не организованного, естественно сохранявшегося порядка я после этого уже никогда не видел — ни на парадах, ни во время демонстраций, которые с каждым годом поражали все большим числом блюстителей порядка и все меньшей внутренней дисциплиной и самоорганизацией масс. Людей с жестоким упорством отучали самостоятельно двигаться по жизни... И по улице тоже».

СТАЛИН
БОРЬБУ ЗА ВЛАСТЬ НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ

Со страшным скрипом башмаки

У заветной двери они появились втроем — члены президиума ЦК КПСС и заместители председателя Совета министров СССР Георгий Максимилианович Маленков в наглухо застегнутом сером френче и Лаврентий Павлович Берия в мятом двубортном черном пиджаке, а с ними помощник коменданта ближней дачи в новеньком мундире с погонами майора госбезопасности.

Уже пробило три часа ночи, и лица у обоих руководителей партии и правительства были заспанными. В прихожей, стараясь не шуметь, они сделали первые осторожные шаги, и новенькие ботинки Маленкова предательски заскрипели. В полной тишине звук показался неприлично громким.

Майор взглянул на него с ужасом. Пузатый Маленков застыл на месте. На одутловатом неподвижном лице выделялись только внимательные черные глаза. Георгий Максимилианович прислонился к стене и, с трудом поднимая одну ногу за другой, кряхтя и потея, стащил с себя ботинки. И дальше пошел босиком, держа ботинки в руках. Насмерть перепуганные Маленков и Берия пытались идти на цыпочках, но не получалось — ноги не слушались.

Майор распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская Берию и Маленкова. Георгий Максимилианович движением головы предложил Берии первым переступить порог. Лаврентий Павлович благоразумно отказался от этой чести. Не решаясь войти, оба замерли на пороге. Вытянув головы, они смотрели в одном направлении.

В прекрасно знакомой им малой столовой все было как и день назад, когда они в последний раз приезжали на ближнюю дачу по приглашению вождя. В центре большой стол, чуть подальше — выход на застекленную веранду. Рядом находилась спальня с ванной комнатой.

На сей раз вождь их не встречал. Он лежал на диване, укрытый одеялом, и никак не реагировал на их появление. Отдыхает? Дремлет? Гостям было сильно не по себе.

— Ну, так в чем дело? — недовольно буркнул Маленков, стараясь не шуметь. — Зачем нас побеспокоили?

Он испытывал страстное желание поскорее уйти. Пока вождь не проснулся, пока не открыл глаза и не увидел непрошеных гостей.

— Товарищ Маленков, Георгий Максимилианович, — громким шепотом принялся объяснять помощник коменданта ближней дачи. — Обстоятельства дела такие. Прикрепленные подполковник Старостин и подполковник Туков, как положено, в десять утра приступили к дежурству. Я с ними дежурю. С утра ждали распоряжений товарища Сталина, но... Конечно, мы знаем, что товарищ Сталин ложится очень поздно, отдыхает иногда до обеда. Но сегодня он вообще не вышел из комнаты! Мы ориентируемся по электроосвещению. Включил товарищ Сталин свет — мы знаем, где он. Долго не решались его побеспокоить. Он же строго-настрого запретил беспокоить, пока сам не выйдет. Не любил, когда мы появлялись. Вообще-то товарищ Сталин спит в другой комнате, но здесь есть диван. Он всегда может прилечь, отдохнуть. Товарищ Сталин ничего не ел целый день! Обед перестоял, несколько раз грели... Пробовали, боялись, невкусным станет. В половине одиннадцатого фельдсвязь доставила свежую почту из ЦК. Обычно я почту приносил, когда замечал, что он встал... Но тут решился. Я с пакетами по коридору пошел, заглянул в малую столовую: товарищ Сталин — на полу, возле дивана, на ковре! Рядом лежат часы и газета «Правда». Подбежал. Спрашиваю: «Что с вами, товарищ Сталин! Может, врача вызвать?» В ответ что-то, чего разобрать не могу. Вроде спит. Но хрипит сильно. И он... Неловко мне как-то говорить. Он был в ночной сорочке и пижамных штанах, а штаны...

Охранник замолчал. Маленков покосился на него:

— Ну?

— Штаны мокрые, — обреченно признался майор. — Товарищ Сталин обмочился.

— Ты — парень молодой, еще мало что понимаешь, — вмешался Берия. — Что особенного? Вождь устал невероятно — вся страна на плечах! Где был, там и прилег, сморило его. А штаны... У мужчин с возрастом бывают проблемы. Постареешь — вспомнишь мои слова.

— Я по внутреннему телефону вызвал обоих прикрепленных — Старостина и Тукова и подавальщицу Бутусову. Они бегом сюда. Спрашиваем: «Товарищ Сталин, вас положить на кушетку?» Показалось, он головой кивнул. На диван переложили, укрыли пледом, наверное, он озяб. — Охранник торопился все рассказать, словно облегчить душу. — Стали звонить нашему министру. Так положено по инструкции! Товарищ министр государственной безопасности Игнатьев говорит: что вы мне звоните? Докладывайте товарищу Маленкову.

— Когда зашли в комнату? — уточнил Георгий Максимилианович.

— Около половины одиннадцатого вечера.

Берия удовлетворенно хмыкнул.

— Ясное дело! Самое время отдыхать.

Маленков, не отводивший взора от лица Сталина, жестом остановил Берию. Он увидел, что вождь приоткрыл один глаз.

— Просыпается, — радостно прошептал майор, его лицо просветлело. — В себя приходит. Слава богу!

Лаврентий Павлович вонзился в вождя ястребиным взором. Им с Маленковым даже почудилось, будто Сталин хитровато подмигнул полуоткрытым глазом! И Берия в страхе опустился на колени перед диваном.

— Товарищ Сталин, ты слышишь нас? Это мы, ваши друзья и ученики! — громко произнес он, преданно глядя на вождя. — Как вы себя чувствуете?

Маленков растерялся. Может, и ему последовать примеру Лаврентия? Встать на колени рядом с ним?

Но все это продолжалось буквально мгновение. Сталинский глаз закрылся. И все кончилось. Маленков вздохнул и как-то странно покачал головой. Лицо Берии, только что выражавшее счастье и восторг, поскучнело. Он не без труда поднялся с колен. Отряхнул брюки. Ему показалось, что он испачкался, и он брезгливо вытер руки белоснежным платком.

Маленков осторожно отступал назад. Только в коридоре посмел повернуться к вождю спиной. Берия сделал нетерпеливый жест рукой, чтобы майор побыстрее закрыл дверь. С видимым облегчением они поспешили к выходу. На прощанье Георгий Максимилианович демократично протянул офицеру вялую руку. Лаврентий Павлович, прежде чем выйти, громким шепотом наставительно произнес:

— Паникуете по пустякам. Делом займитесь! Распустил вас министр. Вождю в штаны не заглядывают!

Через парк они пошли к внутренней автостоянке, где их ждали черные лимузины. Подъезжать к крыльцу двухэтажного дома в Волынском имел право только сам вождь.

Снять белые перчатки

Сталин остался в овальном зале совершенно один. Только теперь стало видно, что его глаза открыты. Лежа на диване, он настороженно-внимательно наблюдал за тем, как уходят Берия и Маленков, как по-дружески прощаются с сотрудником его охраны, жмут офицеру руку. Благодарят? За что?

Как только он их увидел, сразу заподозрил неладное.

С какой целью Георгий с Лаврентием заявились на ближнюю дачу?

Без вызова! Без приглашения! Не испросив разрешения!

Да еще когда он отдыхает!

Как посмели?

Он хотел негодующим движением правой руки отослать непрошеных гостей, но обнаружил, что рука ему не подчиняется. Недоуменно глянул на бессильную руку. Она лежала недвижимо и не желала исполнять его команды. Он отвык от того, что его приказы не выполняются.

Сталин вернулся к беспокоившей его мысли. С каких это пор члены президиума ЦК запросто приезжают на ближнюю дачу? Кто позволил им войти? Почему, интересно, их допустили? Даже его собственные дети могли навестить отца, только когда он желал их видеть.

Он только что сменил руководство управления охраны МГБ, считая прежних ненадежными. Разленились, утратили хватку, обросли сомнительными связями, занялись устройством собственных делишек. Какие из них чекисты?

Разогнал всех! На даче сменил охрану и прислугу — за исключением трех человек. Взял новых, молодых, рьяных, ни с кем в Москве не связанных. Считал, что они преданы ему одному. И что же? Не спросив позволения, впустили в его дом гостей.

Никому нельзя доверять.

Он всегда это знал. Ничего не меняется... Расслабился, проявил благодушие, доверился кому-то — нож в спину воткнут.

Так что здесь делали Берия и Маленков?

Очень подозрительно их появление.

Неужто смелости набрались и убить его приходили? Георгий бы сам никогда не решился, трусоват. Это Лаврентий! Интриган и авантюрист. К нему спиной не поворачивайся.

Неужто на его место метят?

Он нисколько не ужаснулся этой мысли. Сколько бы он ни очищал свое окружение от опасных людей, все равно враги просачиваются в аппарат.

Пока он размышлял на эти горестные темы, в дальнем углу точно так же, запросто и без доклада, появилась коренастая фигура.

Это еще кто?

Один, без присмотра, запросто разгуливает по его даче. Час от часу не легче! Сюрприз за сюрпризом!

Вокруг дома расставлены посты. Причем каждый офицер наружной охраны видит соседей слева и справа. Так что посторонний никогда не войдет в дом, и никто из офицеров не может покинуть пост, чтобы незаметно для других проникнуть туда, куда вход запрещен.

Так где же охрана?

Совсем, мерзавцы, обленились!

Разъелись на его харчах.

Или сознательно впустили.

Советская власть, что ли, кончилась?

Когда он распорядился арестовать недавнего начальника Главного управления охраны генерал-лейтенанта Николая Сидоровича Власика, ждал, что следователи вскроют его связи, заставят его рассказать, что задумал человек, который столько лет стоял за спиной вождя. А следователи обвинили Власика всего-навсего в том, что он пил и гулял на казенный счет, гонял служебную машину на дачу вождя за коньяком и продуктами для пьянок с проститутками!

Кого это волнует?

Конечно, чекисты не посмели взяться за Власика всерьез. Свой! Начальник Главного управления охраны МГБ СССР! Генерал-лейтенант! Доверенное лицо вождя!

Узнав, что Власика на допросе даже не били, он отчитал министра госбезопасности Семена Денисовича Игнатьева:

— Своих жалеете?

Распорядился:

— Снять белые перчатки и бить смертным боем.

Как же он был прав! Власик точно связался с американскими шпионами, перед которыми раскрыл святая святых — систему охраны вождя.

Вот результат!

Коренастый незнакомец в белой рубашке с расстегнутым воротником двигался по малой столовой неспешно и уверенно. Не так робко, как Маленков с Берией, а похозяйски.

Шарит по ящикам стола. Его стола! Ведет себя так, словно он у себя дома! Берет *его* трубку. Вытаскивает коробку с *его* табаком. Закуривает.

Да что же он себе позволяет?

От кого, интересно, он узнал, где что находится? Конечно, от подлеца Власика! Повесить того мало!

Но фигура, поворот головы, манера держать трубку казались ему странно знакомыми.

И вдруг понял: это же он сам!

Только молодой.

Очень молодой!

Каким был в семнадцатом году, когда все еще только начиналось.

Черноволосый и черноусый Сталин без стеснения распахнул платяной шкаф, вытащил полувоенный френч с отложным воротником, в котором его привыкла видеть вся страна, надел его и, застегивая пуговицы, направился к зеркалу. Придирчиво осмотрел себя, расправил усы. И остался доволен. Слегка улыбнулся.

Швейцарский шоколад

Пока Сталин смотрелся в зеркало, сцена, на которой разворачиваются описываемые события, осветилась и полностью переменилась.

За окнами разными голосами и не очень в лад распевали русскую «Марсельезу»:

На воров, на собак — на богатых!

Да на злого вампира-царя!

Бей, губи их, злодеев проклятых!

Засветись, лучшей жизни заря!

В скудно обставленной комнате с революционными плакатами на стенах стоял большой деревянный стол и несколько простых стульев. Стол был завален газетными подшивками. Молодой Сталин сидел с краю, курил трубку и с пером в руке правил верстку завтрашнего номера «Правды».

В коридоре, оживленно беседуя, появились руководители большевистской партии Владимир Ильич Ленин,

Надежда Константиновна Крупская, Яков Михайлович Свердлов, Лев Давидович Троцкий, Григорий Евсеевич Зиновьев, еще какие-то люди. Ленин с «Правдой» в руках вошел в комнату.

— Здравствуйте, Владимир Ильич. — Сталин широко улыбался. — Здорово, что зашли к нам, порадовали.

Ленин, судя по недовольному выражению его лица, отнюдь не был расположен кого-то радовать. Без предисловий пожаловался — по-свойски:

— Опять привели ко мне эту дуру, которая твердит, что она симпатизирует партии и желает помочь деньгами.

— А «Правде» нужны деньги, — заинтересованно напомнил Сталин.

— Денег-то она и не принесла, — отмахнулся Ленин.

И без перехода переключился на Сталина:

— Жалуются на вас, батенька.

— Так врут наверняка, — с деланым равнодушием ответил Сталин, — как эта ваша дура.

— Неужели? — сощурился Ленин. — Я тоже очень недоволен позицией «Правды». Вы же идете против меня. Фактически поддерживаете Временное правительство.

Он раскрыл номер, который держал в руке:

— Я выдвинул лозунг «Вся власть Советам». Что пишет «Правда»? «Схема т. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую». — Ваши слова? — грозно осведомился Ленин.

Сталин поднялся.

— Обязан напомнить, что я принужден был взять на себя редактирование «Правды», потому что газета до моего прихода прозябала, — принялся объяснять он. От его улыбки не осталось и следа: — А не взялся бы, пропала бы газета, ей-богу. Вся редакционная работа была в развале. Толковых помощников днем с огнем не отыщешь.

— Я помню, — остановил его Ленин. — В верхнем уголке второй полосы было напечатано: «Приехавшие из ссылки товарищи, член Центрального Органа партии т. Ю. Каменев и член Центрального Комитета партии т. К. Сталин, вступили в состав редакции "Правды"»... С девятого номера вы взяли на себя редактирование газеты. Содержание девятого номера уже отличалось от прежней линии «Правды». И в некоторых районных организациях даже потребовали исключить вас из партии. Злые были высказывания насчет «нару-

шения большевистской политики товарищами, которых во времена царизма привыкли считать руководителями».

— Владимир Ильич, вас неверно информировали! — Желтоватые глаза Сталина сверкнули. — Бюро ЦК совместно с представителями Петроградского комитета собралось в помещении редакции «Правды» здесь, на Мойке. Заседания были весьма бурные. Но все претензии ко мне были сняты.

— Сейчас о другом речь. Вы отстаивали позицию, что буржуазная революция еще не завершена и рано ставить вопрос о свержении Временного правительства, — пристально глядя на Сталина, перечислял его грехи Владимир Ильич. — Так? А ведь вы знали, что я думаю иначе. Когда в «Правду» пришли мои статьи, как вы поступили? Вычеркнули из них критические оценки Временного правительства. Не отрицаете? Вы выступали с докладом «Об отношении к Временному правительству». И что же? Вы предостерегли от «форсирования событий», призвали поддержать правительство — условно, как вы выразились. Так? Хуже того! Вы согласились с предложением презренного меньшевика Церетели объединить большевиков и меньшевиков в одну партию. Что вы сказали? «Мы должны пойти на это. Внутри единой партии мы будем изживать мелкие разногласия». Хватит делиться на беков и меков, то есть на большевиков и меньшевиков... Так? А когда бюро ЦК обсуждало мои апрельские тезисы, вы не поддержали мою идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Выступили против моих тезисов: «Это схема, нет фактов, поэтому не удовлетворяет». Так?

Григорий Евсеевич Зиновьев крикнул из коридора:

— Владимир Ильич, вы нам срочно нужны!

Ленин вполголоса говорил Сталину, глядя ему прямо в глаза:

— Политики, которые заседают в парламенте, любят полутона, недомолвки, намеки. Мы такими играми не занимаемся. Мы будем брать власть. Но даже с нашими недотепами противниками это смертельно опасно. А в борьбе не на жизнь, а на смерть нет места неопределенности и сомнениям. Надо делать выбор. Или со мной, или против меня. Не просчитайтесь... Еще договорим, батенька, — бросил Ленин и отошел.

В дверях он столкнулся с Надеждой Константиновной Крупской. Она хотела что-то сказать мужу, но Ленин стремительно выскочил в коридор, пообещав:

— Наденька, я вернусь.

— Приветствую, Надежда Константиновна, — мрачновато сказал Сталин, увидев жену Ленина.

— Шоколада не хотите? — любезно предложила Крупская.

Достав из сумочки раскрытую плитку, отломила себе дольку, остальное выложила на заваленный газетами стол. Пояснила:

— Швейцарский, лучше не бывает. Взяли в дорогу. А весь не съели. Волновались, как здесь встретят. Аппетита не было.

— Я не ем шоколада, — грубовато отказался Сталин. — Не приучен. В тюрьме и ссылке, знаете ли, нас шоколадом не кормили. А за границей я не жил, с тамошней жизнью мало знаком.

— Вы меня, кажется, упрекаете, что мы с Ильичом, спасаясь от охранки, уехали за границу? — удивилась Крупская.

— Не упрекаю, — резко ответил Сталин. — Вы меня неправильно поняли, Надежда Константиновна. Просто мы, русские работники ЦК, не имели таких возможностей, как те товарищи, кто жил за границей. Иностранных языков не изучали, к европейской литературе доступа не имели и швейцарского шоколада не пробовали.

И вдруг добавил:

— Ничего, наверстаем.

Крупская слушала его вполуха.

— Пойду за Володей, а то он застрянет, — озабоченно сказала она. — С минуты на минуту начнется заседание. Ему надо идти, опаздывать нельзя.

Занятая своими мыслями, она пропустила слова Сталина мимо ушей. Когда Крупская отошла, Сталин взял плитку и отправил шоколад в рот. Обертку смял и кинул в угол. Хотел попасть в урну. Но не попал. Взялся за трубку и стал набивать ее табаком.

Когда Ленин вновь стремительно ворвался в комнату, он был еще больше недоволен. А сталинская мрачность, напротив, рассеялась. Он хотел понравиться Ленину.

— Владимир Ильич, я не отрицаю, что в марте, когда я только вернулся из ссылки и был оторван от политической жизни, у меня были отдельные колебания. — Он волновался, и грузинский акцент ощущался сильнее. — Но буквально одну-две недели. Потом я разобрался в текущем моменте и все колебания отпали. С тех пор я твердо стою с вами в одном строю. Разве не так?

— Так, — согласился Ленин.

Настало время ему соглашаться с собеседником. Сталин говорил не так быстро и не так темпераментно, но ясно и просто. Словно гвозди вколачивал.

— Я знаю, что про меня за спиной небылицы рассказывают, — продолжал Сталин, повышая тон разговора. — Когда я вернулся из ссылки, здесь, в Питере, меня пригласили на заседание Русского бюро ЦК. И стали высказываться на мой счет так, будто я начинающий работник, а не заслуженный революционер, у которого за спиной годы борьбы, тюрем и ссылок. Дескать, ввиду некоторых «личных черт», присущих мне, бюро ЦК приглашает меня только с совещательным голосом.

Последние слова он произнес презрительно:

— Они всё совещаются! А надо делом заниматься. Вокруг столько врагов, против которых нужно развернуть борьбу! Выдают себя за настоящих революционеров и путают людей. Кто они такие? Один — старый дурак, совсем из ума выжил. Другой — старая неисправимая болтунья-баба. Бить их некому, черт меня дери! Вот я и подумал: неужели так и останутся они безнаказанными?! Потому взялся редактировать «Правду». И появился орган, где наших врагов будут хлестать по роже, да порядком, да без устали.

Он сделал паузу и продолжил:

— Про меня говорят: грубый.

Движением руки он отвел ожидаемые возражения, но Ленин и не думал возражать.

— Может, я и в самом деле грубый, — продолжал Сталин. — Я не один такой. Вон Красиков на каждом углу кричит: наша тактика — всем в морду! Кадет — так кадету в зубы! Эсер — так эсеру в ухо! Меньшевик — так меньшевику в рыло. Но не в грубости дело.

И уже спокойнее добавил:

— Я не такой говорун и краснобай, как некоторые, которые целыми днями на митингах ораторствуют. Но что они умеют? Сами себя организовать не в силах. Зато я — человек дела.

И одной фразой подвел итог:

— Другого такого работника, Владимир Ильич, не найдете.

Ленин подошел к Сталину вплотную, так что стоявшим в коридоре его слова не были слышны:

— Я вас ценю. И вижу большое будущее для вас в партии. Мы заняли у Союза трактирщиков двадцать тысяч рублей, так что «Правда» будет выходить. Но... я запомню ваши ко-

лебания в решающий для революции час. Колебания, которые кто-то другой мог бы счесть недостойными стойкого большевика и не совместимыми с высоким званием члена ЦК. Кто-то другой. Не я. Поэтому вы и остаетесь в ЦК.

Он отошел от Сталина и направился к появившейся в дверях Крупской:

— Наденька, ты говорила, у тебя остался швейцарский шоколад. И где же он?

Теперь они нас перестреляют

Сцена опять полностью переменилась. Все происходит в частной квартире.

Из глубины квартиры раздался девичий смех. Появился заспанный Сталин в окружении смеющихся дочерей рабочего питерской электростанции Сергея Яковлевича Аллилуева — старшей Анны и младшей Нади.

— Что случилось? — потребовал объяснений Сергей Аллилуев, несколько смущенный непринужденным поведением дочерей в присутствии гостей.

— Иосиф-то! Иосиф! — Указывая на Сталина, Анна Аллилуева пыталась объяснить, что именно приключилось.

Но она просто заходилась от смеха. В конце концов выяснилось, что в соседней комнате Сталина разморило и он задремал с дымящейся трубкой в руке.

— Проснулся, когда комната уже наполнилась гарью: тлело одеяло, прожженное огнем из трубки! — Девушек это почему-то страшно веселило.

— Это со мной не впервые, — с досадой объяснил Сталин, — как ни креплюсь, а вдруг и задремлю.

— Ну ты и ленивец! — не выдержал Свердлов. — Так все на свете проспишь!

Повернувшись ко всем, Яков Михайлович стал рассказывать:

— Мы же вместе отбывали ссылку в Туруханском крае. Места, понятное дело, курортные, так что приходилось самим о себе позаботиться, иначе пропадешь. Хозяйство какое-никакое завели. Печку надо топить, а то замерзнешь как цуцик. Убираться, чтобы в грязи не утонуть. Готовить. Словом, договорились с Иосифом — дежурим по очереди.

— И как у вас получалось совместное хозяйство? — заинтересовалась Надежда Константиновна Крупская. — Мы с Володей тоже через это прошли в Шушенском. Но мы

приехали с мамой, она обо всем позаботилась. И девушку наняла — в помощь по дому.

— Иосифа не знаете? — фыркнул Свердлов. — Отлынивал от всего! А я же не мог допустить, чтобы заслуженный кавказский большевик мерз и голодал.

Сталин и не стал ничего отрицать. Ему нравились эти воспоминания:

— Сколько раз старался провести тебя, увильнуть от хозяйства. Проснусь, бывало, в свое дежурство и лежу, будто заспался.

— Ты думаешь, что я этого не замечал? — рассмеялся Свердлов. — Прекрасно замечал.

С улицы доносились злобные выкрики, отзвуки гневных речей.

— Читайте сегодняшние газеты! Документы подтверждают: большевистские лидеры получают деньги от немецкого генерального штаба. Немецкие шпионы! Изменники! Убийцы! Смерть им! Смерть большевикам!

Зиновьев — его одутловатое лицо покрылось потом — не выдержал:

— Нельзя ли, наконец, закрыть окно!

— Жарко сегодня в городе, — робко заметила жена хозяина квартиры Ольга Евгеньевна Аллилуева. — Душно станет, задохнемся.

— Не задохнемся, — успокоил ее Зиновьев. — Нас быстрее передушат.

Все перешли в столовую и устроились за обеденным столом, накрытым белой скатертью. Стол находился в самом центре комнаты. В углу печка. Рядом горка для посуды, столик с самоваром. На стене часы с боем.

— Надо уходить на нелегальное положение, — предложил Свердлов. — В город вошли верные правительству войска. Все воинские части, которые выступили на нашей стороне, капитулировали и ушли в казармы. Всему конец.

Лица у всех были хмурые. Нервы — на пределе. Хозяйка дома разливала чай из самовара. Рука дрогнула, граненый стакан полетел на пол и со звоном разлетелся на куски. Все вздрогнули. Свердлов ринулся к двери, Зиновьев встал у окна и, приоткрыв занавеску, стал смотреть, что происходит на улице. Член ЦК и секретарь Петроградского комитета партии Глеб Иванович Бокий выхватил из-за пояса револьвер.

Сталин бросил в стакан крепко заваренного чая два больших куска рафинада, шумно поболтал ложечкой:

— А варенья домашнего не найдется? Или меда?

Хозяйка квартиры подобрала осколки разбитого стакана и протерла тряпкой мокрое пятно. В коридоре раздался звонок.

— Вы кого-то ждете? — тревожно спросила Надежда Константиновна.

Сергей Аллилуев недоуменно пожал плечами:

— Все, кого приглашали, собрались.

Гости насторожились.

Ольга Евгеньевна побежала открывать:

— Я знаю, кто пришел!

Через секунду в столовую заглянула Надя и таинственно подмигнула Сталину:

— Иосиф, вы нам очень нужны!

Сталин неспешно поднялся и вышел, провожаемый недоуменными взглядами.

— Что случилось? — недовольно спросил Свердлов.

Старшая дочь Аллилуевых простодушно объяснила:

— Принесли костюм, который мы купили Иосифу.

Возмущенный Зиновьев выскочил вслед за Сталиным:

— Какой еще костюм! Куда ты уходишь? Надо решать, идти нам на допрос или нет. Судьба партии решается!

— Ты — еще не вся партия, — приостановившись на мгновение, холодно заметил Сталин. — Я сейчас вернусь. Попей пока чаю.

Зиновьев, взъерошенный, вернулся на кухню.

— Костюм у него был один, давнишний, очень потертый, — объясняла Анна оставшимся в комнате. — Мама два дня назад взялась починить пиджак и после тщательного осмотра заявила: «Нельзя вам больше, Иосиф, ходить в таком обтрепанном костюме. Обязательно нужен новый». Сталин говорит: «Мне времени нет этим заняться. Вот если бы вы помогли». Мама вместе с тетей Маней обошли магазины и раздобыли Иосифу костюм.

В соседней комнате на кровати разложили новенький мужской костюм. Сталин, довольно потирая руки, с готовностью сказал:

— Надо бы примерить. Вдруг не подойдет.

Размер его вполне устроил. Попросил Ольгу Евгеньевну:

— Сделайте мне под пиджак теплые вставки. Галстуков я все равно не ношу. А горло часто болит. Нам, кавказцам, питерский климат не подходит.

Ольга Евгеньевна, складывая костюм, спросила:

— Иосиф, а вы как считаете, Ленину и Зиновьеву нужно являться на суд?

Анна вмешалась:

— О чем ты говоришь, мама? Да их же могут убить! Кто тогда встанет во главе партии?

— Иосиф! — вмешавшись в разговор, вместо матери ответила Надя. Повернулась к сестре: — А что ты так на меня смотришь? Неужто Иосиф не справится?

Она произнесла эти слова взволнованно и искренне. Сталин внимательно посмотрел на юную девушку, зардевшуюся под его взглядом. Скромно, но с достоинством заметил:

— Я не так известен, как Владимир Ильич.

Судьба страны решается не на выборах

Квартира Аллилуевых. Сергей Яковлевич Аллилуев сорвал листок с календаря — сегодня 25 октября 1917 года.

— Погода — типично питерская, промозглая, холодная. Над Невой молочный туман. На улицу выходить неохота. Как они тут живут?

— Тише, папа! — предостерегающе сказала Надя. — Иосиф еще отдыхает.

— Пора бы и встать, — ворчал Аллилуев. — Уж обеденное время. Хорошо быть профессиональным революционером — спи, сколько пожелаешь. У нас на электростанции такого себе никто не позволяет.

— Он очень поздно ложится, — заступилась за гостя Надя.

Сергей Яковлевич пожал плечами:

— Я проголодался и иду на кухню.

Девушки остались одни.

— А помнишь, — сказала сестре Надя, — еще на той квартире Сталин заходил к нам поздно вечером совершенно усталый? Сидел на диване в столовой, и у него глаза закрывались. А мама ему предложила: «Если хотите немного отдохнуть, Сосо, прилягте на кровать. В этом гаме разве дадут задремать».

— Мама помогала Сталину, когда его сослали.

— Ты, конечно, не помнишь, как Иосиф в первый раз пришел к нам, — сказала Анна. — В черном пальто, в мягкой шляпе. Тогда он был очень худым. Бледное лицо, внимательные карие глаза под густыми, остро изломанными

бровями. Он мне сразу понравился. А ты была еще слишком маленькая! Папа знал его еще в Тифлисе и Баку. Рассказывал, что Сосо несколько раз арестовывали и ссылали. А в Батуме его прозвали «Коба», что по-турецки означает «неустрашимый».

— Мне партийные клички не нравятся, — поморщилась Надя. — Такое хорошее имя — Иосиф. А помнишь, как зимой он нас прокатил? В феврале, на Масленицу? Кучеры — все финны. Они на своих низких саночках завлекали: «Садись, прокачу». И вдруг Сосо: «А ну, кто хочет прокатиться? Живо, одевайтесь, поедем сейчас же!» Мы с тобой шубы надели и вниз. Сосо подзывает кучера. Рассаживаемся в санках. Каждое слово вызывает смех. Сосо хохочет и над тем, как мы визжим при каждом взлете на сугроб, и над тем, что вот-вот мы вывалимся из санок.

— А тебя не было дома, когда он вновь появился у нас весной, сразу как вернулся из ссылки, — продолжала вспоминать Анна. — Я первая пришла домой. На вешалке незнакомое мужское черное драповое пальто. На столике длинный теплый полосатый шарф. Сталин! Иосиф! Вернулся! Я не видела его четыре года. Он в темном костюме, в синей косоворотке. Странными только показались валенки. Он не носил их раньше. А вот лицо изменилось. И не только потому, что осунулся и похудел. Так же выбрит, и такие же, как и раньше, усы. Но лицо стало старше — значительно старше! А глаза те же. Та же насмешливая улыбка. И трубка, без которой с тех пор я не могу его представить. «Как вы нас отыскали?» — «Отыскал. Пошел, конечно, на старый адрес, на Выборгскую. Там объяснили... И куда вас в этакую даль занесло? Ехал на паровике, ехал, ехал, думал — не доеду». — «Вы, наверное, голодны. Хотите поесть? Я сейчас приготовлю». Он ответил: «Не откажусь... От чаю не откажусь». Только я разожгла самовар и захотела приготовить сосиски, которые нашлись в шкафу, как ты появилась на кухне.

— Я даже не успела снять свою шапочку и пальто. А ты радостно говоришь: «Иосиф приехал, Сталин». Я — в столовую. Все собрались — отец, мама, Надя, Федя. Все смеются... Помнишь, как Сталин в лицах изображал встречи на провинциальных вокзалах, которые устраивались возвращающимся из ссылки товарищам? Показывал, как ораторы били себя в грудь: «Святая революция, долгожданная, родная, пришла наконец».

— Ага, очень смешно изображал их Иосиф. Он же лю-

бит давать клички людям. Если в хорошем настроении, то «Епифаны-Митрофаны» — «Ну как, Епифаны? Что слышно?» Если его поручение не выполнено: «Эх, Митрофаны вы, Митрофаны!» Иногда зло, иногда добродушно.

— Спать его уложили в столовой, где спал папа, на второй кушетке. Мы ушли в нашу комнату. А спать не хочется. Болтаем, шепчемся. Не можем удержаться и фыркаем в подушки. Мы знаем, что за стеной ложатся спать, но чем больше стараемся удержать смех, тем громче наши голоса. Стук в стенку. Это отец: «Да замолчите вы, наконец! Спать пора!» Иосиф за нас вступился: «Не трогай их, Сергей! Молодежь, пусть смеются».

— А ведь я знаю, что Иосиф был женат, — тихо произнесла Надя. — У него есть сын Яков.

— Так это было давно, — отозвалась Анна. — Его жена умерла лет десять назад. На похороны Иосифа отпустили из бакинской тюрьмы. А мальчика он с тех пор не видел.

— Столько лет совершенно один, без близкого человека рядом. — Грустный голос Нади прозвучал совсем тихо.

Анна удивленно взглянула на младшую сестру. Она все поняла и вдруг сказала:

— У вас большая разница в возрасте. Двадцать два года!

— Мама тоже была совсем юной, когда вышла за папу, — с вызовом ответила Надежда. — Папа на двадцать три года старше мамы.

Анна поняла, что Надя размышляла на эту тему. Значит, все серьезно. Она посмотрела на младшую сестру так, словно впервые ее увидела:

— Так ты об этом думаешь...

— Ладно, надо папу кормить и убираться, — сказала Надя, как отрезала.

Она любила, чтобы в доме был образцовый порядок. Принялась за уборку. На шум выглянул заспанный Сталин. Увидел Надю с щеткой в руках.

— Что это тут творится? Что за кутерьма? А, это вы! Ну, сразу видно — настоящая хозяйка за дело взялась!

— А что! Разве плохо? — встала в оборонительную позу Надя.

— Нет! Очень хорошо! — добродушно сказал Сталин. — Наводите порядок, наводите... Покажите им всем...

Он не мог скрыть своей симпатии к младшей Аллилуевой.

— За вами уж два раза из Смольного присылали, — сообщила Надя.

— Что-нибудь рассказывали? — поинтересовался Сталин. — Как там дела, не говорили?

— Нет, просто просили передать, что товарищи вас ждут.

— Думаете, пора? — задумчиво переспросил Сталин. — Не люблю торопиться. Надо уметь ждать.

Он зашел на кухню, Анна налила ему чаю и вдруг сказала:

— Имейте в виду: Надя — в папу, а он по характеру горд, строптив и непокорен.

Сталин не успел ответить. Вошел Сергей Яковлевич. Поинтересовался у Сталина:

— Хотел спросить, а что Чхеидзе, где он?

— Сложил полномочия вместе со всем президиумом Петроградского совета. Пост председателя Петросовета перешел к Троцкому. А Чхеидзе уехал в Грузию. У него нет будущего, — презрительно ответил Сталин.

— А ведь одно время его воспринимали как президента будущей Российской республики, — не без иронии вспомнил Сергей Аллилуев. — Он уже и вел себя соответственно.

— Мне рассказывали, как назначенный министром иностранных дел Милюков позвал товарищей по кадетской партии в свои министерские апартаменты! — со злой усмешкой произнес Сталин. — Хвастался. Шелк, золото, лакеи. И кто он теперь? Никто! Дилетанты! Ночью поделили должности и думали, что вечно будут на вершине. Не понимают, что борьба за власть не прекращается ни на минуту. И желающие отнять должность толпятся у тебя за спиной.

Сталин закончил завтрак и потянулся за трубкой.

— Я хотел спросить, — неуверенно начал Аллилуев. — Конечно, с февраля численность нашей партии выросла в десять раз. Но нас все равно только лишь двести сорок тысяч. Не маловато ли для реального влияния на огромную страну? За нас рабочие и солдаты, но страна-то крестьянская. Дойдет дело до выборов в Учредительное собрание, крестьяне за эсеров проголосуют, это их партия.

— Ты правильно отметил, Сергей, — ответил Сталин. — За нас рабочие и солдаты. Это главное. У них реальная сила. С ними мы выкинем Временное правительство, всех этих болтунов. Возьмем власть. И уже никому ее не отдадим.

Он посмотрел на часы:

— Наверное, мне пора.

Вновь обратился к Аллилуеву:

— Судьба страны, Сергей, решается не на выборах. И не на митингах. Мы шестой съезд партии провели в полулегальной обстановке. Протокола даже не вели — на случай если полиция нагрянет. Без Ленина, без Зиновьева. Записных ораторов не было. Главный доклад мне поручили. И все нужные решения приняли. Пугали нас: как без Ленина? Справились. Партия под нашим руководством только крепче стала.

Он стал не спеша одеваться. Ольга Аллилуева отгладила ему недавно купленный костюм.

Сергей Яковлевич Аллилуев достал газету:

— Я тут встревожился, когда купил «Петроградский листок». Не читал?

Сталин покачал головой:

— А что там?

— Заметка, которая меня напугала. Читаю:

«Вчера в цирке Модерн при полной, как говорится, аудитории прекрасная Коллонтай читала лекцию. "Что будет 20 октября?»" — спросил кто-то из публики, и Коллонтай ответила: "Будет выступление. Будет свергнуто Временное правительство. Будет вся власть передана Советам", то есть большевикам. Можно сказать спасибо г-же Коллонтай за своевременное предупреждение. Третьего дня Луначарский клялся, что слухи о выступлении — злая провокация».

Аллилуев отложил газету:

— Чуть ли не дату вооруженного восстания назвали! Разве так можно?

— И что же? Ничего, — снисходительно сказал Сталин. — Наши враги бессильны. Они только красиво говорить умеют. Действовать не умеют. Могли нас в июле передушить, как слепых котят. Духу им не хватило! Выступали, совещались, резолюции принимали... Все профукали. А теперь поздно. Сила на нашей стороне. И когда Зиновьев с Каменевым выступили против вооруженного восстания, это нам на самом деле тоже никак не помешало. Предупредили Временное правительство? А что Керенский может? Ничего! Ему никто не подчиняется. Проступок Зиновьева и Каменева в другом. В партии должна быть железная дисциплина, и все обязаны ей подчиняться. Дисциплина хромает. Людей надо подтянуть. Так что не тревожься, Сергей, нас теперь никто не остановит.

Сталин похлопал Аллилуева по плечу:

— Совершим революцию, пришлю сватов.

Когда он спустился вниз, старик-швейцар, отставной солдат, предупредительно распахнул перед ним тяжелую дверь. Сталин равнодушно кивнул ему и хотел пройти. Словоохотливый швейцар заговорил с ним:

— А я раньше в гостинице работал. Однажды сам Александр Федорович Керенский, председатель Временного правительства, к нам приехал. Я дверь распахнул, а он вместо денег подал мне руку. То ли дело раньше, приедет какой-нибудь генерал да рубль на чай даст. Вот это я понимаю. А то руку сует. На что она мне...

И швейцар выжидающе посмотрел на Сталина.

— Правильно, отец, — одобряюще кивнул Сталин. — Революционно мыслишь.

Он засунул руки в карманы пальто, поднял воротник и зашагал в сторону Смольного.

Младшая дочь Аллилуева Надя, несмотря на октябрьскую свежесть, распахнула окно, чтобы проводить его взглядом.

Кабинет Ленина

Политическая жизнь страны сосредоточилась в двух служебных кабинетах.

В одном — у себя в Кремле — сидел в кресле смертельно усталый и очевидно нездоровый Ленин. Он работал из последних сил. Глаза больные, лоб потный, он постоянно вытирал его платком. Действовала только левая рука. Правая, пораженная параличом, бессильно лежала на подлокотнике кресла. Всякое усилие давалось ему с большим трудом. Но Владимир Ильич не хотел на покой.

По другому кабинету — в здании ЦК партии на Воздвиженке (потом аппарат переехал на Старую площадь) — с трубкой в руке расхаживал бодрый и веселый Сталин в новеньком френче. Трубку он держал в левой руке, которая с детских лет плохо сгибалась и разгибалась. Ничего тяжелее трубки он левой рукой держать не мог. Зато правой он действовал крайне энергично.

Присев за стол, Сталин принялся заполнять анкету. В графе «образование» написал: окончил духовную семинарию. И пометил: православную. Он только в одном завидовал Ленину — русский и дворянин. А ему-то еще придется доказывать, что он свой.

Чем хуже чувствовал себя Ленин, с тем большей готовностью он откликался на просьбы тех, кого знал и ценил.

Секретарь доложила Владимиру Ильичу:

— Очень болен Юлий Осипович Мартов. Он плох.

Лидера меньшевиков Юлия Мартова называют «великим неудачником», потому что он потерял свою партию. На Первом съезде Советов в июне 1917 года меньшевиков было в два с половиной раза больше, чем большевиков. Совет рабочих и солдатских депутатов в Петрограде создали меньшевики. Во ВЦИКе меньшевики в сентябре — октябре 1917 года играли ведущую роль.

А после большевистского переворота другие левые социалисты растерялись. Меньшевики не могли понять, как их товарищи по подполью и эмиграции могли узурпировать власть. Сам Мартов был избран членом ВЦИКа, затем депутатом Моссовета. Но умеренность в России не ценится, и меньшевики быстро утратили свои позиции.

— Что врачи говорят? — огорчился Ленин. — Диагноз поставили?

— Туберкулез.

— Так немедленно ехать в Швейцарию, в санаторий!

— Дорогое удовольствие.

— Надо помочь, — констатировал Владимир Ильич. — Почему он сразу ко мне не обратился?

— Вы же знаете щепетильность Юлия Осиповича.

— Попросите Сталина оформить решением политбюро выделение денег — ну, сколько нужно, — Мартову на лечение.

Кабинет Сталина

Помощник вошел к генеральному секретарю ЦК партии большевиков с отпечатанным на пишущей машинке проектом решения политбюро.

— Владимир Ильич просил оформить.

Сталин небрежно просмотрел текст и, не подписав, вернул страницу.

— Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела? Ищите себе для этого другого секретаря, — ответил он грубо.

— Владимир Ильич будет чрезвычайно расстроен и рассержен, — предупредил помощник.

Сталин только хмыкнул — пренебрежительно. Он не сомневался, что, заняв принципиальную позицию, поступил правильно, по-ленински.

Без билета мы нули

— Слышали новый стишок, Владимир Ильич? — спросила секретарь.

Ленин вопросительно посмотрел на нее.

— А вот. — Она держала в руках свежий номер сатирического журнала:

«Партбилетик, партбилетик,
Оставайся с нами.
Ты добудешь нам конфет,
Чая с сухарями.
Словно раки на мели
Без тебя мы будем.
Без билета мы нули,
А с билетом люди».

Дочитав, спросила:

— Правда, смешно? И похоже на правду.

Она не развеселила Ленина.

От желающих вступить в партию, стоявшую у власти, отбоя не было. Новые люди хлынули в партию. Но они не радовали вождя.

Слова Владимира Ильича можно было принять за жалобу:

— Новое поколение партийцев не очень ко мне прислушивается. Тут интрига сложная. Используют, что умерли Свердлов, Загорский и другие. Есть и предубеждение, и упорная оппозиция, и сугубое недоверие ко мне... Это мне крайне больно. Но это факт... Новые пришли, стариков не знают. Рекомендуешь — не доверяют. Повторяешь рекомендацию — усугубляется недоверие, рождается упорство. «А мы не хотим»!!!

— А что же делать?

— Ничего не остается, — бодрился Ленин, — начать сначала, с боем завоевать новую молодежь.

Свободная камера на Лубянке

Неспешно расхаживая по комнате, Сталин возмущенно внушал своим помощникам:

— Старики мешают новым кадрам продвигаться. В основном это эмигранты, которые полжизни прожили вне России. Эти люди на самом деле партии не знали. От пар-

тии стояли далеко. Их следовало бы назвать чужестранцами в партии... В партии нет порядка. А Владимир Ильич болен. Все вожди тянут в свою сторону. Превратились в удельных князей, у каждого свое хозяйство, и к нему не подступись. Надо заставить всех грести в одну сторону.

Сталина в стране практически не знали. В революционные месяцы и в годы Гражданской войны он был мало заметен. Но в качестве государственного чиновника оказался на месте. Видных большевиков вообще было немного, и в основном государственная работа у них не получалась. А Сталин принимал одну должность за другой и справлялся. Ему хватало для этого характера, воли и настойчивости.

В кабинет генерального секретаря ЦК вошел председатель Государственного политического управления (так после Гражданской войны называли ведомство госбезопасности) Феликс Эдмундович Дзержинский. Сталин обратился к нему:

— Товарищ Дзержинский, вот мой помощник Григорий Каннер подал заявление — просит отпустить его на учебу. Что вы об этом думаете?

— Это очень хорошо, — немедленно ответил Дзержинский, — у меня как раз есть свободная камера на Лубянке. Пусть садится. И учится.

У Ленина секретарями работали женщины. У Сталина — только мужчины. Но после слов Дзержинского и у них — словно мороз по коже. На Каннера старались не смотреть.

На заседании оргбюро ЦК под председательством Сталина обсуждался список должностей в системе госбезопасности, включенных в номенклатуру ЦК: назначать на эти должности можно было только с санкции партийного руководства.

Дзержинский возмутился: он руководит госбезопасностью, он кандидат в члены политбюро — и ему не доверяют? Не он будет решать, кто ему нужен на той или иной должности, а аппарат ЦК станет проверять чекистов и говорить, годны они или не годны?

Но Сталин твердо стоял на своем:

— Нет, Феликс, ты не прав. Речь идет о системе партийного контроля, о системе партийного руководства. Нужно, чтобы партия назначала руководящих людей. И ты должен быть благодарен ЦК, а не спорить.

К Сталину в кабинет запросто могли войти только члены политбюро и секретари ЦК партии. Остальным, в том числе работникам его аппарата, следовало заранее догово-

риться по телефону — испросить аудиенцию, осведомиться, в какое время можно зайти.

«Сто раз подумаешь, прежде чем позвонить ему, — вспоминал служивший в его секретариате Алексей Павлович Балашов, — но я не помню случая, чтобы он отказал. Говорил — заходите сейчас или через полчаса. В приемной Товстухе докладываешь, что тебя вызвали. Мы же все подчинялись Товстухе и Мехлису. Надо еще подумать, а как они посмотрят на то, что ты действуешь через их голову».

Иван Павлович Товстуха в 1911 году был сослан в Иркутскую губернию, в 1912 году бежал за границу, в 1913-м присоединился к большевикам. Вернулся на родину после февральской революции. Работал у Сталина в Наркомате по делам национальностей, в 1922 году стал его помощником в ЦК.

«Истинный тип коммуниста-большевика из каторжан или голодных эмигрантов, — таким Товстуху увидел невзлюбивший новую власть профессор Московского университета, — желчный, раздражительный, угрюмый, злой, худой, быть может, чахоточный, несомненно ненавидящий и презирающий всех не-большевиков».

Льва Захаровича Мехлиса Сталин приметил еще в Гражданскую войну, после войны взял его в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, став генсеком, забрал в ЦК. Мехлиса, глубоко преданного вождю, ждала завидная карьера...

Утром первый или второй помощник докладывал Сталину наиболее важные документы, телеграммы и письма. Записывал распоряжения вождя и распределял работу между сотрудниками аппарата.

Сталин не любил, когда помощники задавали ему вопрос: «Что делать?». Неизменно отвечал: «А вы как думаете?» Все это хорошо знали и уж второй раз не попадались. Если идешь к генсеку, то неси готовое решение. Он мог и не согласиться, предложить свое, но не смотрел на помощника исподлобья.

Алексей Балашов ночью дежурил в приемной генсека. Важные сообщения, в том числе и из-за границы, поступали круглосуточно. Утром надо было доложить обо всем Сталину. Проснувшись, генсек звонил дежурному, и тот сообщал всю информацию, пришедшую за ночь, делал краткий обзор поступивших газет.

После полуночи неожиданно появились рабочие. Управляющий делами ЦК Иван Ксенофонтович Ксенофонтов прислал их сделать мелкий ремонт в кабинете Ста-

лина. Балашов рабочих не пустил, отправил назад. Через некоторое время позвонил взбешенный Ксенофонтов:

— Ты что себе позволяешь, почему не выполняешь мои распоряжения? Молод еще!

Балашов уверенно ответил, что Сталин ему о ремонте не говорил, а без его распоряжения он никого в кабинет не пустит.

— Я тебя уволю! — пообещал Ксенофонтов.

— Доложу о вашем решении товарищу Сталину, — хладнокровно ответил Балашов.

Утром, когда пришел генсек, Балашов оставил ему докладную записку относительно ночного происшествия и ушел домой отсыпаться. К вечеру вернулся на работу и узнал от коллег, что приходил Ксенофонтов, но Сталин посчитал правым своего секретаря.

В небольшой проходной комнате между приемной и кабинетом находился личный телефонный коммутатор Сталина. Там посменно дежурили две девушки-телефонистки. Напрямую связаться со Сталиным можно было только по вертушке, аппарату правительственной связи, остальных соединяли телефонистки. Такие же коммутаторы стояли и у других членов политбюро, наркомов, командующих военными округами.

Клянемся тебе, товарищ Ленин

Сталин у зеркала репетировал свою речь на предстоящем траурном заседании съезда Советов:

— Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним твою заповедь... Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь... Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин...

Пуговицы к пальто

Лев Борисович Каменев и Григорий Евсеевич Зиновьев были друзьями и соратниками Владимира Ильича. О Зиновьеве говорили, что он следует за Лениным как нитка за

иголкой. Каменева, которого товарищи считали излишне мягким и интеллигентным, вождь ценил как дельного администратора и мастера компромиссов, поэтому сделал заместителем в правительстве и поручал в свое отсутствие вести заседания политбюро и Совнаркома.

17 декабря 1922 года на торжественном заседании, посвященном празднованию пятой годовщины ВЧК, председательствовал Дзержинский. Он предоставил слово Льву Борисовичу Каменеву:

— Да здравствует новый председатель Московского совета товарищ Каменев!

Каменев говорил:

— Мы не знаем ни одного отказа от исполнения какого бы то ни было приказания, которое пришло бы в ВЧК. Мы не видели ни разу колебания в рядах передовых бойцов ВЧК. Мы всегда могли рассчитывать, что любой приказ, переданный по этой боевой колонне нашей армии, будет исполнен и исполнен во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило тем или другим бойцам ВЧК.

Когда Ленин заболел, Зиновьев находился на вершине власти. В 1924 году его родной город Елизаветград переименовали в Зиновьевск. Без одобрения Григория Евсеевича не принималось ни одно важное решение. Тем более что Зиновьева во всем поддерживал Каменев. Вместе со Сталиным они образовали руководящую тройку.

В январе 1924 года на XIII партконференции к новым вождям партии обратился едкий Давид Борисович Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса:

— Как вы, друзья, ни садитесь, все же в Ленины не годитесь. Пойте соло, запевайте дуэт, трио, квартет и квинтет, но вам не заменить Ленина.

Григорий Евсеевич обиделся, и слова Рязанова из стенограммы вычеркнули.

Зиновьев в душе полагал, что он и один вполне способен заменить Владимира Ильича в Кремле. Он настоял на том, чтобы очередной съезд партии прошел не в Москве, а в Ленинграде. Это бы означало, что если столица и не возвращается в Ленинград, то как минимум оба города обретают равный статус. И, соответственно, хозяин Ленинграда Зиновьев получает в стране дополнительный вес.

Но Григорий Евсеевич недолго наслаждался своим положением. Как только с его же помощью Сталин расставил на ключевых постах своих людей, он — через несколько месяцев после смерти Ленина — обвинил Зиновьева в крупных

ошибках и отменил решение провести съезд в Ленинграде. Полтора года по указанию Сталина партийный аппарат сокрушал авторитет ближайшего ленинского соратника.

Сталин играючи избавился от Зиновьева с Каменевым. Поначалу они не понимали, что происходит. На XIV съезде партии, который проходил 18— 31 декабря 1925 года, пытались сопротивляться генсеку.

Против Сталина выступила ленинградская партийная организация, которой руководил Зиновьев. Каменев говорил на съезде:

— На фоне всеобщего оживления, повышения активности всех слоев населения необходима внутрипартийная демократия, необходимо ее дальнейшее развитие.

Лев Борисович в первый и последний раз высказался очень откровенно:

— Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя»... Именно потому, что я неоднократно говорил это товарищу Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю на съезде: я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба.

Ему снисходительно ответил новый нарком по военным и морским делам Климент Ефремович Ворошилов:

— Товарищи, которые думают, что можно руководить партией по-иному, можно изменить руководство, — предаются совершенно праздным и вредным мечтам. У товарища Сталина имеется в руках аппарат, и он может им действовать, двигать, передвигать и прочее.

Сталина критиковали за то, что он запретил публиковать статьи самой Надежды Константиновны Крупской, которая вступилась за своих друзей. Генсек ответил с трибуны партийного съезда:

— Теперь нас хотят запугать словом «запрещение». Но это пустяки, товарищи. Мы не либералы. И почему бы не запретить к печатанию статьи товавища Крупской, если этого требуют от нас интересы единства партии? А чем, собственно, отличается товарищ Крупская от всякого другого ответственного товарища? Не думаете ли вы, что интересы отдельных товарищей должны быть поставлены выше интересов партии и единства? Разве товарищам из оппозиции неизвестно, что для нас, большевиков, формальный демократизм — пустышка, а реальные интересы партии — всё?

Председатель Ленинградской губернской контрольной комиссии Иван Павлович Бакаев возмущался существующей в аппарате системой:

— Я не могу равнодушно отнестись и к тем нездоровым нравам, которые пытаются укоренить в нашей партии. Я имею в виду культ доносительства. На вопросы так называемого доносительства у меня есть определенные взгляды, но если это доносительство принимает такие формы, такой характер, когда друг своему другу задушевной мысли сказать не может, на что это похоже?

Его резко отчитал член секретариата Центральной контрольной комиссии Сергей Иванович Гусев:

— Я думаю, что товарищ Бакаев, которого я люблю и уважаю, впал в фальшь. Фальшивишь, ты, Бакаич, фальшивишь, поверь мне. Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть членом ЧК, то есть смотреть и доносить. Я не предлагаю ввести у нас ЧК в партии. У нас есть ЦКК, у нас есть ЦК, но я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства.

Сергей Гусев умер в 1933 году, и его похоронили в Кремлевской стене. Его дочь Елизавету в декабре 1936 года посадили — как оппозиционерку. Ивана Бакаева к тому времени уже расстреляли.

Клавдия Ивановна Николаева, член оргбюро и заведующая отделом работниц ЦК партии, считала ненормальным, когда «двое поговорили по душам по вопросам жизни партии или вообще о политике, один обязательно напишет в ЦКК»:

— Загоняется внутрь недовольство, заставляют молчать и не обмениваться мнениями мыслящих членов партии, думающих о ее судьбах и о вопросах, с которыми нас сталкивает жизнь... Товарищ Гусев сегодня с этой трибуны сказал: что же, мы за доносы, такие доносы должны быть в партии, ибо каждый коммунист должен быть чекистом. Товарищи, что такое чекист? Чекист это есть орудие, которое направлено против врага, против классового врага, против буржуазии. Разве можно, товарищи, сравнивать то, что мы должны были быть чекистами в период гражданской войны, и в настоящее время?.. Доносы на партийных товарищей, доносы на тех, кто будет обмениваться по-товарищески мнением с тем или иным товарищем, это будет только разлагать нашу партию.

Представителей Ленинграда возмутило то, что руководители ЦК комсомола просто изгнали тех, кто не был с

ними согласен. Секретарь ЦК комсомола Александр Иванович Мильчаков по-свойски ответил ленинградцам:

— Когда нам говорят: пятнадцать человек из ЦК выкинули, мы отвечаем: экие вы демократы! Товарищ Сталин говорил, что для нас формальный демократизм — пустышка; я осмелюсь это повторить. Для нас интересы партии и партийного влияния на движение, в котором три миллиона комсомольцев и пионеров, — всё.

«Накануне съезда, — рассказывал Александр Мильчаков, — когда комсомол и его актив играли немалую роль во внутрипартийной борьбе, Сталин особенно часто беседовал с нами, секретарями ЦК комсомола. Раз он пригласил первого секретаря ЦК РКСМ Николая Чаплина и меня к себе домой. В назначенный час мы стояли у дверей сталинской квартиры. Позвонили. Дверь открыла Аллилуева, пригласила войти, а сама ушла в другую половину квартиры.

Мы оказались в комнате, уставленной книжными полками. В глубине через раскрытую дверь виден кабинет, письменный стол, лампа. Сталин разговаривал по телефону. Он вышел к нам, поздоровался, пригласил сесть:

— И курите, не стесняйтесь.

Сталин решил в домашней обстановке, спокойно и неторопливо поговорить с нами о положении в партии. Он говорил об оппортунизме Зиновьева и Каменева, об их "штрейкбрехерстве" в октябре, брал с полки книги Ленина, зачитывал ленинские характеристики Зиновьева и Каменева. Останавливался на последних ошибках зиновьевцев, на их "вылазках" в ленинградской печати. Он едко высмеивал их отрыв от практики, от жизни, называя их интеллигентами, вельможами, ничего не смыслящими в деревенской жизни.

Далее Сталин раскритиковал Бухарина, снова привлекал ленинские оценки теоретических заблуждений Бухарина. "Досталось" Бухарину и за правый уклон, и за "всегдашнее трусливое примиренчество", и за совпадение его взглядов с настроением Н. К. Крупской, "которая скатывается в объятия оппозиции".

Казалось, секретарь партии учит уму-разуму молодых коммунистов, секретарей комсомола. Но Сталин не мог скрыть, да и не скрывал личной неприязни к названным лицам. Получалось, что лидеры оппозиции и "примиренцы к ним" — люди конченые, отпетые враги. Сталину заранее известно, что в лоно партии они не вернутся, вопрос их отсечения — лишь дело времени».

Поразил руководителей комсомола заключительный штрих в беседе. Сталин прошел в кабинет, взял со стола список членов и кандидатов ЦК:

— Абсолютное большинство в ЦК — за генеральную линию партии, оппозиционеров всех мастей — меньшинство. Есть еще незначительная кучка людей, представляющих «болото». Таким образом — все ясно. Оппозиционерам — крышка.

Когда Чаплин и Мильчаков собрались уходить, Сталин сказал:

— Я провожу.

Накинул на плечи меховую куртку, надел на голову шапку-ушанку и вышел с ними. Часовому показал книжечку члена президиума ЦИК СССР:

— Пропустите товарищей, они были у Сталина.

Чаплин и Мильчаков медленно шли к Дому Советов.

— Ну как, что скажешь?

— Все бы хорошо, да уж больно он злой...

— Да, их он ненавидит.

— Он для себя, как видно, давно решил вопрос об их судьбе, из ЦК их уберут... — А список цекистов с пометками: «за», «против», «болото»?.. Организатор он отменный, у него все подсчитано...

— Но Ильич не хотел, чтобы лидер партии обладал такими чертами характера, как грубость, нелояльность к товарищам...

— Он их давно не считает товарищами, он и нам внушает: это — враги, враги, враги...

Николая Чаплина расстреляли в 1938 году. Александра Мильчакова в том же году арестовали. Он отсидит шестнадцать лет...

Глава ведомства госбезопасности Дзержинский написал длинное прочувствованное письмо Сталину о Зиновьеве и Каменеве, которые «подняли борьбу за свою власть». Возмущался: «Удалось Зиновьеву предварительно, позаговорщически, деморализовать всю официальную Ленинградскую организацию и привлечь Надежду Константиновну».

Письмо Дзержинский, не доверяя секретарям, написал от руки. Хотел послать копию Крупской, но передумал.

Надежда Константиновна пыталась поддержать своих личных друзей и друзей своего покойного мужа Зиновьева и Каменева против Сталина. Не понимала, насколько это опасно. Она получила слово на съезде и произнесла самую

свою знаменитую речь. Больше она так откровенно не высказывалась.

Надежда Константиновна призвала делегатов съезда и всю партию сохранить атмосферу свободного высказывания различных точек зрения:

— В борьбе с меньшевиками и эсерами мы привыкли крыть наших противников, что называется, матом. Нельзя допустить, чтобы члены партии в таких тонах вели между собой полемику. Необходимо поставить определенные рамки, научиться говорить по-товарищески. Сомнения, взгляды должны обсуждаться на страницах прессы. Последнее время этого не было, отдельные мнения не получили выражения на страницах нашего центрального органа... Я думаю, тут неправильно раздавались выкрики по адресу товарища Зиновьева, что это позор, когда член политбюро высказывает особую точку зрения. Съезду каждый должен сказать по совести, что волновало и мучило его последнее время.

Она говорила долго, превысила регламент. Председательствующий поинтересовался:

— Надежда Константиновна, сколько времени вам еще нужно?

Раздались голоса:

— Продлить время!

И тут Крупская произнесла слова, взорвавшие зал:

— Нельзя успокаивать себя тем, что большинство всегда право. В истории нашей партии были съезды, где большинство было не право. Вспомним, например, стокгольмский съезд. Большинство не должно упиваться тем, что оно большинство, а беспристрастно искать верное решение. Если оно будет верным, оно направит нашу партию на верный путь.

В зале зашумели. Все поняли, что она имеет в виду. На IV (объединительном) съезде партии, проходившем еще до революции в Стокгольме, большевики имели меньше мандатов, чем меньшевики.

Раздались недовольные голоса делегатов:

— Это тонкий намек на толстые обстоятельства.

Вдову Ленина съезд проводил без аплодисментов.

Сталин возмутился ее словами. Инструктировал секретаря ЦК Вячеслава Михайловича Молотова: «Крупская — раскольница (см. ее речь о “Стокгольме”). Ее и надо бить, как раскольницу».

На заседании политбюро обрушился на вдову Ленина:

— Насчет Крупской. Крупская — сознательно или бессознательно, я не берусь утверждать — в своей аналогии насчет Стокгольма первая бросила семя раскола, идею раскола.

Слово на съезде предоставили Марии Ильиничне Ульяновой. Она тоже укорила вдову покойного брата:

— Товарищи, я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены нашей партии.

В зале аплодисменты.

— Я думаю, что монополии на лучшее понимание ленинизма родственниками Ленина не существует и не должно существовать... И напоминать здесь, товарищи, о стокгольмском съезде нельзя. Это вредно, это опасно!

В зале аплодисменты и одобрительные крики:

— Правильно!

Мария Ульянова продолжала:

— Для того чтобы выполнить те крупные задачи, которые стоят перед нами, нужна полная сплоченность. И необходимость подчинения решениям съезда должны осознать не только вожди, но и все рядовые члены нашей партии!

Бурные аплодисменты.

Крупской пришлось полностью отречься от оппозиции. И тогда вдову Ленина вроде как простили. С каждым годом ей становилось все более очевидным, что надо помалкивать.

После смерти Ленина в Москве открыли посвященный ему музей. Подъехала машина. Надежда Константиновна выходит в старенькой шубке.

— Что это вы в такую жару в шубке?

— Знаю, что тепло, да некогда искать летнее пальто. Мария Ильинична уехала в командировку и куда-то запрятала ключ от шкафа.

Одна пионерка встречала Крупскую у входа. Надежда Константиновна, здороваясь, протянула ей руку как взрослой. Девочка решительно заявила:

— В нашей организации мы руки не подаем.

В пионерском отряде отменили рукопожатия.

«Надежда Константиновна просматривала экспозиции залов, давала ценные советы, указания, рекомендации, — вспоминала лектор Центрального музея Ленина. — Будучи уже больной, она ходила с нами по залам музея, слушала наши объяснения экскурсантам, а затем обсуждала вместе с нами, что особенно важно не упустить при раскрытии образа Ленина, чего следует избегать».

Экскурсоводы этого не понимали, а Надежда Константиновна отстаивала свое право на память о муже, внутренне протестуя против догматической сталинской историографии.

Сувенир для наркома

Крупская отправила Сталину письмо:

«Иосиф Виссарионович!

Я как-то просила Вас поговорить со мной по ряду текущих вопросов культурного фронта. Вы сказали: "Дня через четыре созвонимся". Но нахлынули на Вас всякие дела, так и не вышло разговора».

Сталин не принял вдову Ленина.

На XVII съезде партии вечером 27 января 1934 года председательствующий — член политбюро и формальный глава государства Михаил Иванович Калинин предоставил слово Крупской. Бурные, продолжительные аплодисменты.

— Товарищи, — начала она, — партия, рабочие, колхозники, вся страна с волнением ждали XVII съезда и с особенным волнением ждали доклада товарища Сталина, потому что для всех было ясно, что этот доклад будет не просто отчетным докладом — это будет подведение итогов того, что сделано в осуществление заветов товарища Ленина.

Она уже твердо знала, чего именно от нее ждут.

— Если бы победила линия правых, то не было бы коренной перестройки нашей экономики. Если бы победила линия Троцкого, не было бы победы на фронте социализма, — линия Троцкого привела бы страну к гибели.

Еще недавно она иначе относилась к первому председателю Реввоенсовета Республики. Через несколько дней после смерти Ленина Крупская написала Троцкому письмо:

«Дорогой Лев Давидович,

я пишу, чтобы рассказать вам, что то отношение, которое сложилось у Владимира Ильича к вам тогда, когда вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю вам, Лев Давидович, сил и здоровья и крепко обнимаю».

Но теперь с партийной трибуны она говорила:

— Каждый знает, какую громадную роль в этой победе играл товарищ Сталин (*аплодисменты*), и поэтому то чувство, которое испытывает съезд, вылилось в такие горячие

приветствия, в горячие овации, которые съезд устраивал Сталину.

Каменева и Зиновьева выставили из политики.

Григория Евсеевича в Ленинграде заменил Сергей Миронович Киров. На собрании актива ведомства госбезопасности Киров напутствовал чекистов:

— Надо прямо сказать, что ЧК — это орган, призванный карать, а если попросту изобразить это дело, не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был заметен прирост населения благодаря деятельности наших чекистов.

Льву Борисовичу Каменеву принадлежит крылатая фраза: «Марксизм есть теперь то, что угодно Сталину». Но Лев Борисович же одним из первых отказался от политической борьбы против генерального секретаря. Надеялся, конечно, что судьба переменится к лучшему, думал, что настроение генсека переменится...

Каменев с удовольствием взялся руководить Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и книжным издательством «Академия», написал для серии «Жизнь замечательных людей» книгу о Чернышевском. По его совету и Зиновьев писал статьи на литературные темы и даже сочинял сказки.

«Каменев, окончательно выбитый из своих политических позиций, оказался на посту заведующего издательством, — рассказывал историк Дмитрий Петрович Кончаловский. — Помню, он разговаривал со своими сотрудниками и, вынув портсигар, хотел взять из него папиросу, но таковой не оказалось. Вот, подумал я, человек свалился с своей неожиданной высоты и приходится ему просить папироску у незнакомых! Уходя из издательства домой, я был свидетелем, как Каменев спешил вместе со мной на трамвай и вскарабкался на площадку, наполненную публикой. По новому его посту заведующего издательством автомобиля ему не полагалось».

Они пытались начать новую жизнь. Наивно надеялись, что под прошлым подведена черта и больше претензий к ним не будет. Но они состояли в черном списке. Сталин не мог успокоиться, пока не добивал противника, даже если тот не сопротивлялся.

Сталин обвинил их в убийстве хозяина Ленинграда Сергея Мироновича Кирова, чтобы возбудить в стране ненависть к «врагам народа». Политическую оппозицию приравняли к террористам, уголовным преступникам.

Зиновьев не понимал, что происходит. Оказавшись в тюрьме, писал вождю, с которым столько лет сидел за одним столом в Кремле:

«Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение?»

Сталина такие послания только веселили. Сентиментальным он не был. Военная коллегия Верховного суда приговорила Зиновьева и Каменева к смертной казни. Ночью того же дня Льва Борисовича и Григория Евсеевича расстреляли.

При исполнении приговора присутствовали нарком внутренних дел Генрих Григорьевич Ягода и его будущий сменщик на Лубянке секретарь ЦК Николай Иванович Ежов (ему Сталин вскоре поручит расстрелять Ягоду).

Пули, которыми убили Зиновьева и Каменева, Ежов хранил у себя в письменном столе — сувенир на память. Пока не расстреляли и самого Николая Ивановича.

Глазами скульптора

Военный моряк Федор Федорович Раскольников, сыгравший большую роль в революции и в Гражданской войне, заместитель Дыбенко в Наркомате по морским делам и тоже влюбленный когда-то в Александру Коллонтай, в мирное время стал дипломатом.

После возвращения из Афганистана, зимой 1923/24 года, Раскольников обосновался в наркоминдельском особняке. Как-то вечером, когда он вернулся домой, дежурный сказал ему:

— Вам звонил товарищ Сталин. Он просил вас приехать в Кремль.

Раскольников вытребовал из автобазы Наркоминдела дежурную машину, сел на промерзшее клеенчатое сиденье и поехал в Кремль. Сталин жил в маленьком двухэтажном выбеленном домике у крепостной стены около Троицких ворот. Квартира генсека находилась на втором этаже.

В небольшой столовой сидели Сталин и главный кавалерист Красной армии Семен Михайлович Буденный. Сталин взял со стола бутылку кавказского хереса и налил гостю полный стакан.

— Спасибо, Иосиф Виссарионович. Я водки не пью, а вино пью, — отказался Раскольников.

Хозяин не настаивал:

— Я тоже не пью водки.

И стал подробно расспрашивать об Афганистане, который, как все страны Востока, очень интересовал его.

Когда Раскольников рассказал о смерти в Кабуле турецкого политического деятеля, который, по слухам, был отравлен, Сталин лукаво подмигнул Буденному, который молча пил херес, и сказал:

— Видите, как там кончаются дискуссии.

Буденный взглянул на него осоловелыми глазами и кивнул головой. В то время дискуссия с Троцким была в самом разгаре.

После Афганистана Федор Раскольников получил назначение в Наркомат просвещения — начальником Главного управления по делам искусств.

Известный скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров, будущий академик и народный художник СССР, завершил монументальную работу «Похороны вождя». Несколько обнаженных мужчин в античном стиле несли на носилках тело Владимира Ильича. Скульптура поражала мощью фигур, сосредоточенным выражением лиц и необычайным сходством лица Владимира Ильича: Меркуров снимал с него посмертную маску.

Но член Центральной контрольной комиссии Матвей Федорович Шкирятов настоял на политбюро на удалении скульптуры с выставки. При встрече в совнаркомовской столовой Раскольников выразил ему свое удивление.

— Как ты не понимаешь? — горячился, размахивая руками Шкирятов. — Ты подумай, труп Владимира Ильича несут какие-то голые люди, у которых видны х... Разве можно разрешить такую скульптуру? Это осквернение памяти Ленина.

Сколько Раскольников ни доказывал абсурдность его слов ссылкой на античные греческие и римские статуи, партийный инквизитор настаивал на своем.

Федор Федорович напрасно старался. Матвей Шкирятов никогда и ничему не учился, он был неграмотным, писал с невероятными ошибками — прочитать письма партийного инквизитора было совершенно невозможно. Но его эстетические предпочтения возобладали. Скульптору предложили переделать композицию, и он прикрыл обнаженных людей плащами.

Скульптор Мария Давидовна Рындзюнская работала над бюстом Сталина. Жена вождя, Надежда Сергеевна Аллилуева, высказала естественное пожелание, чтобы скульптурное изображение получилось максимально похожим.

Мария Рындзюнская возразила и обратилась к Сталину:

— Я работаю не для семьи, а для народа. Вот, например, у вас подбородок имеет линию уходящую, а я вам сделаю его вперед, и так все остальное. Мы с вами жили при царе — помните, как народ, проходя мимо портрета царя, хотел видеть и понять по изображению — почему он царь. А теперь я хочу, чтобы публика, проходя мимо моего изображения, поняла — почему вы один из наших главков.

Сталин оценил правильный подход скульптора:

— Вы совершенно правы.

Люди должны увидеть его не таким, каков он есть, а каким он должен быть. Скульптор Рындзюнская профессиональным взглядом ухватила важную особенность его внешнего облика:

«Точно вылитая из одного металла, с торсом, сильно развитой шеей голова, со спокойным твердым лицом... Сила, до отказа поражающая и захватывающая, с крепко сидящей головой, которая не представляешь себе, чтобы могла повернуть направо и налево, только прямо и только вперед».

Семинария и ссылка

Ничего о вожде — сверх того, что он сам пожелал поведать стране и миру, — знать было не положено. Он запретил издавать книгу «Рассказы о детстве Сталина». Все расценили это как проявление скромности. А реальная причина запрета та же: вождь не хотел предстать перед подданными мальчиком, ребенком. Став главой государства, он думал о том, каким предстанет перед современниками и каким войдет в историю.

Во время войны Сталин неожиданно начал рассказывать маршалу Георгию Константиновичу Жукову о своем детстве:

— Рос очень живым ребенком. Мать почти до шестилетнего возраста не отпускала от себя и очень любила. По желанию матери учился в духовной семинарии, чтобы стать служителем культа. Но, имея с детства «ершистый» характер, не ладил с администрацией и был изгнан из семинарии.

Так и было принято считать.

Что такое семинария того времени? В русской революции немалую роль сыграли недавние семинаристы. Бывший семинарист Александр Константинович Воронский описал бунт в Тамбовской духовной семинарии: «Били стекла, срывали с петель двери, вышибали переплеты в оконных рамах, разворачивали парты, беспорядочно летели камни... Рев, гам, свист, улюлюкание, выкрики ругательств, сквернословие... В разорванном сознании остались: кровь на руке от пореза гвоздем, сутулая и противно-проклятая спина надзирателя; по ней я бил палкой. Затем я куда-то бежал, кричал истошным голосом, бил стекла. Я познал упоительный восторг и ужас разрушения, дрожащее бешенство, жестокую и веселую силу, опьяненность и радостное от чего-то освобождение».

Митрополит Евлогий вспоминал: «Придешь, бывало, на молитву — в огромном зале стоят человек триста-четыреста, и знаешь, что половина или треть ничего общего с семинарией не имеют: ни интереса, ни симпатии к духовному призванию. Поют хором молитвы, а мне слышится: поют не с религиозным настроением, а со злым чувством: если бы могли, разнесли бы всю семинарию».

Семинаристы чувствовали, что попов недолюбливают, и ощущали свое незавидное положение. В семинарию шли, чтобы не служить в армии и получить возможность поступить в университет. Но Сталин-то учился очень хорошо и на казенный счет! Он и попал в семинарию только благодаря своей прилежности и старательности. Вовсе не бунтовал, вел себя прилежно.

Впоследствии рассказывал, что из Тифлисской духовной семинарии его изгнали за участие в революционном движении. Но никто его не исключал! Это установлено документально. Он сам не явился на экзамены. Почему? Похоже, не хотел становиться священником, как того желала мать, воспитывавшая единственного сына.

Все рассказы об авантюрной жизни Сталина, о чуть ли не уголовных приключениях в подполье — миф. Он не похож на человека силового действия. Он скорее манипулятор. Рано понял, что не надо самому с ружьем бегать, найдется, кого послать.

Почему он вообще стал революционером? Конечно, влияла бунтующая грузинская среда. Но главное — другое. У него в старой России не было никакой перспективы в жизни. Идти по стопам отца, стать сапожником? Отец, кстати, пытался определить его на фабрику. А ему хотелось

иного. В революционных кружках его стали именовать «интеллигентом», приятно... Он вел занятия с рабочими, они ему в рот смотрели. Именно в подполье он стал уважаемым человеком. А ему этого страстно хотелось: щуплый мальчик, самый слабый среди сверстников, жаждал уважения.

Заметим и другое. Он начинал свою жизнь с вполне идеалистическими представлениями. Как минимум, судя по стихам — очень искренними. Но жизнь в подполье его изменила. Не могла не изменить. Это была аморальная, циничная и преступная среда. Мы просто никогда об этом не думали, приученные восхищаться революционерами. Амбициозный и хитрый, он быстро освоился в этой среде.

Сталин не был образцовым революционером. Когда его посадили, писал прошения: просил его выпустить, потому что слаб здоровьем и мама больная.

Исследователи отмечают, что у него не было друзей. Почему? В юности были. А потом исчезли, потому что в подполье все друг друга подозревали в предательстве, в работе на полицию. Вот корни его подозрительности! Он привык: никому нельзя доверять. Тем более что и охранные отделения старались создать впечатление, будто тот или иной подпольщик — на самом деле осведомитель.

Какие еще жизненные уроки — помимо презрения к закону и моральным нормам — преподнесло ему подполье? В Баку его сдал полиции рабочий, ради которого Сталин раздувал пожар революции. Эта история научила его не только необходимости соблюдать конспирацию, но и ждать предательства от самых близких людей.

Все послереволюционные годы вокруг имени Сталина не умирали слухи: он был тайным осведомителем охранного отделения, политической полиции. Даже назывались его агентурные клички — «Семинарист», «Фикус», «Василий».

Почему он вызывал подозрение у товарищей? Что тому причиной? Недоброжелательство? Межпартийная борьба? Или в его биографии в самом деле есть темные пятна, рождающие сомнения?

В энциклопедиях и официальных биографиях написано, что Иосиф Виссарионович Джугашвили родился 21 декабря (по новому стилю) 1879 года. Но есть документы, из которых неопровержимо следует, что в реальности он родился на год и три дня раньше, чем считалось. Не в 1879-м, а в 1878-м.

Когда Сталин сам заполнял анкету, год рождения он вообще опускал, не писал! Историки считают, что этому

есть объяснение: «Похоже, за этим стояло желание скрыть следы общения с жандармским управлением во время пребывания в тюрьме. Как ищут человека в картотеке? Нужно знать фамилию, имя, отчество и дату рождения. Когда год и день рождения другие — человек теряется».

Кто знает, как вел себя человек, попав в тюрьму? На свободе, с товарищами — герой. А в камере — иной. Особые, оформленные отношения с полицией, скорее всего, не возникли, но желание поскорее выйти на свободу вполне могло привести к откровенности на допросах. И Сталин не хотел, чтобы кто-то об этом узнал.

Сотрудничество с охранкой не редкость. Руководитель фракции большевиков в Государственной думе, член ЦК партии Роман Малиновский — один из самых высокооплачиваемых агентов Департамента полиции. А были и другие, кто так или иначе сотрудничал: видные члены политбюро — Калинин, заместитель главы правительства Ян Эрнестович Рудзутак...

Не найдено никаких доказательств сотрудничества Сталина с охранным отделением. Но вот что для нас новое: он привык жить в мире, где постоянно выясняли: кто провокатор? О каком доверии может идти речь? Это понятие исчезло из его жизни. Он привык к среде, где постоянно врут и обманывают. А как еще могли вести себя подпольщики-революционеры? Фанатики, морально неразборчивые, они гордились совершенными ими уголовными преступлениями. И он привык не верить даже самым близким соратникам. Знал их как облупленных...

Наверное, он от рождения не был рубахой-парнем. Но если бы выбрал иной путь — в нем проявились бы иные качества. Одно можно сказать точно. Жизнь Сталина до революции рисует совсем иного человека, чем его привыкли изображать.

После первой русской революции (1904—1905 годы) партии большевиков как таковой не стало. Одни эмигрировали, других посадили, третьи отошли от революции. Ссыльные фактически потеряли всякую связь с товарищами.

Административно-ссыльный Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) угодил в холодный и необжитой Туруханский край.

Писал Аллилуевым:

«Очень-очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, за Ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне!

Жду момента, когда я освобожусь из ссылки и, приехав в Петербург, лично поблагодарю Вас, а также Сергея, за все. Ведь мне остается всего-навсего два года. Посылку получил. Благодарю. Прошу только об одном — не тратиться больше на меня: Вам деньги самим нужны.

Я буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия, — летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, — и я до глупости истосковался по видам природы хотя бы на бумаге. Мой привет ребятам и девицам. Желаю им всего-всего хорошего. Я живу, как раньше. Чувствую себя хорошо. Здоров вполне, — должно быть, привык к здешней природе. А природа у нас суровая: недели три назад мороз дошел до 45 градусов.

До следующего письма.

Уважающий Вас Іосиф».

История ссылки рисует человека, который, похоже, потерял интерес к революционной борьбе. Ничего не хочет делать. Мало читает. Редко переписывается с товарищами. Дает волю природным инстинктам. Он разленился. После подпольной жизни расслабился. Как ни странно это покажется, даже по-своему наслаждается жизнью — охота, рыбалка, несовершеннолетняя любовница... Потом долго ходили слухи о его внебрачных детях.

С местным жандармом, присланным следить за ним, установил дружеские отношения. Жандарм учил его управлять лодкой.

Начальник охраны вождя генерал Власик записал в дневнике 20 сентября 1948 года:

«За столом т. Сталин рассказал о том, как его сопровождал в ссылку надзиратель, которого он так расположил к себе, что тот дал ему охотничье ружье и отпустил его на целую неделю на охоту, снабдив патронами. Т. Сталин вернулся с охоты, и полицейский был очень доволен тем, что его не подвели. Между ними установилось взаимное доверие»

Не раз, наверное, Сталин с раздражением размышлял о том, что, пока он томится в туруханской ссылке, Ленин с Крупской, да и остальные большевики-эмигранты прохлаждаются за границей — в комфорте и уюте. Настанет время, когда генеральный секретарь презрительно скажет, что его оппоненты, побывавшие в эмиграции, «на самом деле партии не знали, от партии стояли далеко и очень

напоминали людей, которых следовало бы назвать чужестранцами в партии».

О Сталине написано так много. Изучен едва ли не каждый его шаг. Но до сих пор остается неясным: а что именно он делал 25 октября 1917 года? Чем он занимался в тот знаменитый день, когда большевики, взяв власть, изменили судьбу России? Описана роль каждого из активных участников вооруженного восстания. Но ничего не сказано о Сталине. Член ЦК партии совершенно не заметен в эти решающие для России дни.

Сталин в 1917 году — вовсе не радикал. Судя по воспоминаниям, совершенно обычный человек, который долго был оторван от нормальной жизни. Вернувшись после февральской революции из ссылки, осматривается, присматривается и вживается в новые времена.

Весной 1917 года он возражает Ленину, который, вернувшись, сразу требует готовиться к взятию власти. А Сталин в это не очень верит. Не знает, что будет дальше. Он вполне умерен. И вовсе не требует наказать членов ЦК Зиновьева и Каменева, которые выступили против захвата власти в октябре. Напротив, вполне к ним снисходителен. А через двадцать лет прикажет обоих расстрелять...

В октябре он становится министром огромной страны. В один день. Совершенно неожиданно для себя. Всего полгода назад он был бесправным ссыльным, зависевшим от благорасположения местного жандарма. Освобожденный февральской революцией, в черном драповом пальто, длинном теплом полосатом шарфе и в странно смотревшихся в Петрограде валенках приехал к тем, кого знал в столице, — к Аллилуевым, на младшей дочери которых вскоре женится. Он был поражен их четырехкомнатной квартирой, особенно медной ванной с горячей водой.

Большевики-революционеры представляли собой группу, не имевшую никакого опыта созидательной работы. Они привыкли только разрушать и ломать. Почти никто из них, включая Сталина, никогда не работал. Они никогда утром не ходили на работу... Большинство не имело никаких организационных навыков. Сталин, как и Свердлов, принадлежал к числу немногих дельных людей. И он — что важно — обладал очень хорошей памятью, помнил всех, с кем когда-то встречался. Да и поумнее был многих товарищей. Потому и смог их обхитрить и обставить.

Никто из подпольщиков до семнадцатого года не предполагал, что в один прекрасный день они внезапно окажут-

ся у руля государства и будут определять судьбу России. А в октябре семнадцатого Сталин внезапно получил пост министра огромной страны.

Конечно, молодой подпольщик часто боялся показаться трусом или недостаточно надежным. Начинающие боевики доказывали друг другу свою храбрость и презрение к врагу... Но главным было твердое убеждение в том, что убивать необходимо во имя высшей цели. Идеология и вера словно выдавали лицензию на праведный гнев. Заповедь «не убий» не применима в революционных условиях. Убийство политического врага — не только необходимость, но и долг.

В 1917 году профессиональные подпольщики, боевики и террористы, организаторы эксов и просто люди с уголовным складом ума, презревшие мораль и нравственность, внезапно оказались у руля государства. Отныне они будут определять судьбу России. Революционеры и подпольщики превратятся в палачей и преступников, которые при советской власти будут безжалостно уничтожать людей.

Войдя в первое советское правительство, Сталин обретает все приятные атрибуты власти. К его услугам машины, помощники, секретари, аппарат, готовый исполнить его указания. Квартира в Кремле. Охрана. И ни с чем не сравнимое ощущение власти над людьми. Он стремительно меняется. Походка, манеры — другие. Просыпается — видимо, дремавшая в нем — тяга повелевать. Точнее, быть повелителем.

В другую эпоху Сталин остался бы малозаметной фигурой. Ему невероятно повезло — он действовал в ситуации, когда политическая конкуренция умирала на глазах. Тоталитарная система создавала дефицит всего — в том числе лидеров. Армия молодых карьеристов, осваивавшаяся в новой системе, отчаянно нуждалась в вожде, который бы ее возглавил и повел к вожделенным должностям и благам. И он поймал эту историческую волну, которая его так высоко подняла.

Вредители

2 июня 1937 года Сталин, выступая на расширенном заседании военного совета при наркоме обороны, потряс слушателей неожиданным открытием:

— Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине про-

тив Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось.

В зале многие вздрогнули. Как? Даже железный Феликс, рыцарь и страж революции, первый чекист Советской России?.. Кому же тогда верить?

Сталин, словно невзначай, назвал и другое имя:

— Андреев был очень активным троцкистом в двадцать первом году.

Кто-то из сидящих в зале спросил недоуменно:

— Какой Андреев?

— Секретарь ЦК, Андрей Андреевич Андреев, — как ни в чем не бывало пояснил Сталин. — Были люди, которые колебались, потом отошли, отошли открыто, честно и в одних рядах с нами очень хорошо дерутся с троцкистами. Товарищ Андреев дерется очень хорошо.

Вождь дал понять, что все, даже члены политбюро, самые проверенные люди, могут оказаться врагами и он один имеет право карать и миловать.

Андрей Андреев по распределению обязанностей вел заседания оргбюро, руководил промышленным отделом и управлением делами ЦК. Сталин отправил его в Воронеж провести большую чистку. По его указанию снимали с должностей и арестовывали целыми списками.

Андреев шифртелеграммой доложил Сталину:

«По Воронежу сообщаю следующее:

Бюро обкома нет, за исключением одного кандидата все оказались врагами и арестованы, новое будет избрано на пленуме обкома. На половину секретарей райкомов есть показания о причастности к антисоветской работе, а они остаются на своих постах, из них часть мы решили арестовать, а часть освободить с постов, заменив новыми...

Очевидно, что самое большое вредительство в Воронеже было по скоту и прежде всего по тяглу. Травили и убивали скот, якобы больной и зараженный. Расчистка в этом направлении еще далеко не закончена, указания НКВД мы дали, будут также дополнительно на днях проведены два открытых процесса по вредителям в животноводстве и один по свекле... Был я на самолетном заводе, завод с большими возможностями и по площади цехов и по оборудованию, но сейчас еще сильно дезорганизован и работает с большими простоями оборудования и рабочих, наркомат недостаточно помогает заводу. Новый директор завода из

парторгов производит неплохое впечатление, но ему надо помочь посылкой группы инженеров вместо арестованных вредителей».

Письмо Андреева позволяет представить, какой разгром был учинен в городе. Его рвение, которое многим людям стоило жизни и свободы, объяснялось среди прочего и желанием замолить грех политической юности.

В расстрельном списке, принесенном вождю, мелькнула фамилия из давней жизни.

Наркомат внутренних дел запрашивал его санкции на вынесение Военной коллегией Верховного суда смертного приговора арестованному начальнику 9-го отдела Главного управления государственной безопасности комиссару госбезопасности 3-го ранга Глебу Ивановичу Бокию.

Надо же, подумал вождь, дослужился до генеральского звания. 9-й отдел, вспомнил он, секретно-шифровальный. Не самый главный на Лубянке, мягко говоря. А ведь был одно время членом коллегии. Еще бы, бывший секретарь Петроградского горкома партии, рядом с Лениным, в революцию гремел... Значит, сознательно отошел в сторону, думал, о нем забудут... Сталин часто поражался наивности людей.

На обеде у наркома обороны маршала Ворошилова вождь обещал:

— Мы уничтожим каждого врага, будь он хоть старым большевиком. Мы уничтожим весь его род, его семью. Мы беспощадно будем уничтожать тех, кто своими действиями и мыслями — да, и мыслями! — посягает на единство социалистической державы. За полное уничтожение всех врагов — их и их рода!

Раздались одобрительные возгласы:

— За великого Сталина!

Вечером 21 декабря 1939 года в Екатерининском зале Кремля состоялся товарищеский ужин по случаю шестидесятилетия Иосифа Виссарионовича Сталина. Собралось человек семьдесят-восемьдесят, многие пришли с женами. Сталин появился последним, со всеми поздоровался за руку.

Обязанности тамады исполнял Вячеслав Михайлович Молотов. Стараясь не заикаться, произнес пышный тост:

— Многие из нас долгие годы работали с товарищем Лениным, а теперь работают с товарищем Сталиным. Большего гиганта мысли, более великого вождя, чем Ленин, я не знаю. Но должен сказать, что товарищ Сталин имеет преимущество перед Лениным. Ленин долгие годы был ото-

рван от своего народа, от своей страны и жил в эмиграции, а товарищ Сталин все время живет и жил в народе, в нашей стране. Это, конечно, позволило товарищу Сталину лучше знать народ, быть ближе к нему. Вот почему товарища Сталина можно по праву назвать народным вождем.

Званый ужин затянулся. Из Екатерининского зала гости перешли в Георгиевский — там был устроен концерт. Потом застолье продолжилось. Молотов был в ударе — пел и танцевал. Разошлись только в восемь утра.

Среди отметивших день рождения вождя были двое, чьи имена у многих советских людей вызывали отвращение.

Фюрер и имперский канцлер Адольф Гитлер тоже поздравил Сталина с юбилеем:

«Ко дню Вашего шестидесятилетия прошу Вас принять мои самые сердечные поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания. Желаю доброго здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза».

Отдельно поздравил Сталина министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп, недавно дважды побывавший в Москве и подписавший два договора с Советским Союзом:

«Памятуя об исторических часах в Кремле, положивших начало повороту в отношениях между обоими великими народами и тем самым создавших основу для длительной дружбы между ними, прошу Вас принять ко дню Вашего шестидесятилетия мои самые теплые поздравления».

Вождь ответил Риббентропу:

«Благодарю Вас, господин министр, за поздравление. Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».

Переписку с Берлином опубликовала «Правда».

Домашние тапочки

Когда вождь в декабре 1945 года после длительного отпуска возвращался из Сочи в Москву, в одном месте проехать по железной дороге не удалось. Через перевал Сталина повезли на автомобиле. А спецвагоны погнали кружным путем, через Грузию. Поезд ждал его за перевалом.

Но в предотъездной суете комендант государственной дачи, где отдыхал вождь, совершил чудовищную ошибку.

«У И. В. Сталина были домашние тапочки, с которыми он не расставался и всегда брал с собой, когда ехал отдыхать на юг, — рассказывал капитан госбезопасности Юрий Сергеевич Соловьев, офицер выездной охраны подразделения № 1 Управления охраны Министерства государственной безопасности СССР. — Уезжая, не успели эти домашние тапочки положить в поезд!»

Из-за анатомических особенностей ноги у него болели, поэтому Сталин не любил новой обуви, предпочитал разношенную. В управлении охраны представляли себе, как разгневается вождь, не обнаружив на ближней даче в Волынском привычной обуви. Но выход нашли. Даже в разрушенной войной стране сталинская охрана ни в чем не знала стеснения.

Капитан Соловьев получил от коменданта государственной дачи № 1 города Сочи пакет с тапочками вождя и самолетом вылетел в Москву. Соловьев до конца жизни гордился точно исполненным важнейшим поручением: «Тапочки-путешественницы прилетели в Москву раньше их хозяина и оказались на традиционном месте у постели». Капитан прослужил в охране Сталина с 1943-го до самой его смерти в 1953 году.

У чекиста два пути

Постаревший Сталин вошел в прихожую ближней дачи. Сбросил шинель и по шерстяному ковру медленно направился к себе в кабинет. На сопровождавшем вождя начальнике личной охраны лица не было.

Сталин пребывал в страшном гневе:

— Вы возите меня по одному и тому же маршруту. Под пули возите!

Он захлопнул дверь перед носом начальника охраны. Тот остался один, потоптался несколько минут, прислушиваясь к тому, что происходило за дверью. Понял, что иных распоряжений не последует. И обреченно ушел.

Вечером появились обычные гости — Георгий Максимилианович Маленков и Лаврентий Павлович Берия, с ними первый заместитель главы правительства Николай Александрович Булганин и секретарь ЦК и хозяин Москвы Никита Сергеевич Хрущев.

Когда каждый из них подъезжал к деревянным воротам, сидевший рядом с водителем офицер личной охраны при-

открывал дверцу машины, чтобы его можно было увидеть, и называл фамилию — свою, а не члена президиума ЦК, которого сопровождал.

Старший наряда охраны дачи, в свою очередь, выходил из калитки, чтобы взглянуть на пассажира. В ярком свете прожекторов лицо сидящего в машине было хорошо видно. Тем более что офицеров, которые несли охрану ворот, о появлении гостей заранее предупреждал дежурный.

Хозяин с гостями поужинали. Сталин вновь возвратился к мысли о стариках и молодых:

— Старики должны понять, что если молодых не допускать до руководства, то это — гибель. Мы, большевики, тем и сильны, что смело идем на выдвижение молодых. Старики должны охотно уступать власть молодым.

Вдруг вспомнил Ленина. Поучающе заметил:

— Вот сегодня здесь произнесено много хвастливых речей. У наших вождей от успехов кружится голова, у них не хватает скромности. А мы должны помнить, что все мы птенцы по сравнению с гигантом Лениным. Ленин нас воспитывал, учил, таскал за уши и нас, замухрышек, вывел в люди. Ленин — это настоящий гигант, и мы все должны подражать нашему учителю Ленину... Я предлагаю выпить за великого человека — Ленина...

В дверях появился сотрудник охраны. Он хотел что-то сказать, но Сталин махнул ему рукой, поднялся со своего места и вышел в соседнюю комнату. Сотрудник охраны вытянулся и доложил:

— Вы вызывали главного редактора «Правды». Он приехал, ждет.

Сталин сделал жест рукой, который можно было истолковать как приглашение: пусть войдет. Когда редактор «Правды» Леонид Федорович Ильичев вошел, вождь в одиночестве прогуливался по кабинету. Он пребывал в прекрасном настроении. Заговорил, хитро улыбаясь в усы:

— Хочу порекомендовать вам одного молодого автора. Может, он, несмотря на свою молодость, заинтересует «Правду». А он, поверьте, просто гений. Вот он написал статью. Она мне понравилась. Сколько у нас молодых и талантливых авторов, а мы их не знаем! Кто-то должен изучать кадры, кто-то должен привлечь хороших талантливых людей. Когда я редактировал «Правду», мы искали молодых авторов.

Он взял со стола рукопись и протянул ее главному редактору центральной партийной газеты. Ильичев, выпуск-

ник Института красной профессуры, переведенный вождем из журнала «Большевик» в газету «Известия», а затем и в «Правду», старательно шевеля губами, быстро ее прочитал. Дойдя до последней страницы, увидел внизу знакомую подпись — Сталин.

Леонид Федорович с воодушевлением на лице поднялся:

— Товарищ Сталин, мы немедленно останавливаем печать газеты, сейчас наберем и заверстаем эту замечательную статью в завтрашний номер.

Вождь сам радовался тому, как он ловко разыграл главного правдиста.

— Ну что, удивил? — довольно спросил он.

— Удивили, товарищ Сталин, — охотно подтвердил Ильичев.

— Талантливый молодой человек?

— Талантливый, — со всем пылом согласился Ильичев.

— Ну что же, печатайте, коли так считаете, — великодушно разрешил вождь. — Пришлите мне верстку, я по старой памяти сам ее вычитаю и выправлю.

Главный редактор «Правды», пятясь, покинул сталинский кабинет.

Оставшись один, Сталин подошел к окну, всматриваясь через стекло: нет ли на земле следов, не подходил ли кто-то чужой к дому? Он запретил сгребать снег — на снегу скорее разглядишь следы. Все ветки на расстоянии полутора метров от земли спилили, чтобы просматривалась вся территория парка. Сталин смертельно боялся покушений. Терзаемый страхом, ночь проводил, просматривая поступавшие к нему бумаги.

Плохо быть одному.

А он один с тех пор, как застрелилась Надежда. Одна пуля из «вальтера», и жизнь переломилась.

Когда-то давно он предложил выпить за Надю и горько добавил:

— Как она могла застрелиться?

Кто-то из родственниц осуждающе заметил:

— Как она могла оставить двух детей!

Сталин прервал ее:

— Что дети! Они ее забыли через несколько дней, а меня она искалечила на всю жизнь.

Хотя вождь и должен быть одиноким.

Великим и непостижимым.

И женщине не место рядом с ним.

Люди должны считать, что он думает только о государстве.

Старшая сестра Надежды, Анна Сергеевна Аллилуева, после войны вдруг взяла и написала воспоминания. Кто ее просил? О себе решила напомнить? Думала сделать ему приятное? Дура. Для всех советских людей он бог, а своячениица позволила себе описать, каков он в жизни.

Пришлось посадить.

Велел дать пять лет.

Потом распорядился увеличить до десяти.

Зачем нам прибыль

По его заданию советские экономисты трудились над текстом нового учебника — «Политическая экономия». Авторов Сталин подбирал сам.

Будущий секретарь ЦК и министр иностранных дел Дмитрий Трофимович Шепилов рассказывал, как в воскресенье вечером с женой отправился в Театр оперетты. Он обожал музыку, мальчиком пел в церковном хоре, помнил наизусть десяток опер, около сотни романсов.

Его нашли в зрительном зале:

— Товарищ Шепилов, вас срочно просят позвонить.

Он набрал номер секретариата генсека. Его соединили со Сталиным. Вождь пребывал в хорошем настроении, благодушно поинтересовался:

— Говорят, вы в театре? Что-нибудь интересное?

— Да, такая легкая музыкальная комедия, — осторожно ответил Шепилов.

Сталин демонстрировал исключительную любезность:

— Если вы в состоянии оторваться, может быть, приедете?

Сталин одну за другой читал главы нового учебника по политэкономии, сам правил текст. Свои замечания разослал членам ЦК. Через две недели в десять часов вечера Сталин собрал авторов учебника и видных партийных экономистов — специалистов в области политэкономии социализма, науки, которой никогда не существовало. Вождь щедро поделился с ними своими научными открытиями:

— В капиталистических странах банки способствуют разорению трудящихся и обнищанию народа. У нас деньги и банки имеют другие функции... Наши предприятия могут быть рентабельными, могут быть и совсем нерентабельными. Но последние у нас не закрываются... Для наших пред-

приятий достаточна и минимальная прибыль, а иногда они могут работать без прибыли...

Поставил задачи:

— Надо колхозное производство постепенно приближать к общенародному. Надо приучать колхозников, чтобы они больше думали об общественном деле...

Оценил ситуацию в стране:

— Дела у нас идут хорошо. Пути ясны, дорожки все указаны...

Вождь пребывал в отличном расположении духа. Кто-то спросил, можно ли опубликовать его замечания. Он пошутил:

— Публиковать не следует... Но если кому-нибудь из вас нравится какое-то положение в моих замечаниях, пускай он изложит его в своей статье как свое мнение, я возражать не стану...

Собравшиеся охотно засмеялись.

Говори громче, кричи!

В номенклатуре возникла важная вакансия — должность первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Сталин предполагал поручить комсомол своему зятю Юрию Жданову, сыну покойного члена политбюро Андрея Александровича Жданова.

Юрий Андреевич в сорок первом окончил Московский государственный университет, получил диплом химика-органика. По специальности поработать не удалось. Проницательные кадровики сразу разглядели в сыне влиятельного отца политические таланты. И Жданов-младший трудился в аппарате ЦК. Такая династия вполне устраивала вождя. Он благоволил к младшему Жданову.

После разговора с вождем Юрий Андреевич приехал в ЦК комсомола знакомиться. Собрали секретарей ЦК. Жданов объяснил:

— Товарищ Сталин просит меня стать первым секретарем. Расскажите, что вы делаете.

Секретари один за другим отчитались, кто чем занят.

Жданов взмолился:

— Ребята, милые, я в этом ничего не понимаю и не могу вами руководить. Я сейчас же пойду к Иосифу Виссарионовичу и откажусь.

Юрий Андреевич, кабинетно-бумажный человек, предпочел остаться в аппарате ЦК партии. Вождем ВЛКСМ

сделали профессионального комсомольского работника Александра Николаевича Шелепина, «железного Шурика». Должность высокая, ему предстояла встреча с вождем.

Председатель внешнеполитической комиссии ЦК партии Ваган Григорьевич Григорьян предупредил комсомольского секретаря:

— Докладывать надо очень кратко — пять-семь минут. Скажешь главным образом о международном молодежном движении.

Шелепина отвели к Маленкову, который так его напутствовал:

— Имей в виду, он почти ничего не слышит, поэтому надо говорить громко, даже кричать. Во-вторых, когда придешь к нему в кабинет, ничего в руках не держать: ни папок, ни бумаг.

Через неделю позвонили:

— Иди.

Александр Николаевич открыл дверь, зашел, очень громко произнес:

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

А он склонился над столом и молчит. Шелепин подошел вплотную и почти крикнул:

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

Он поднял глаза и пальцем показал на стул. Шелепин сел. Начал докладывать — вождь встал. Махнул ему рукой — сиди. Шелепин доложил обстановку в международном молодежном движении. Вождь выслушал. Ничего не спросил, вопросов не задавал. Вдруг сказал:

— Вам надо войти членом в общесоюзный славянский комитет. Это очень важная организация.

— Хорошо, товарищ Сталин, — с готовностью произнес Шелепин.

И тогда вождь заключил:

— Ну, всё, спасибо.

Новый руководитель комсомола встал:

— До свидания, товарищ Сталин.

Вождь не ответил.

Там холодно и нужно выпить

Сталин вызвал руководителя Союза советских писателей Александра Александровича Фадеева, которому симпатизировал:

— Где вы пропадали, товарищ Фадеев?

— Был в запое, — честно признался руководитель Союза писателей.

— А сколько у вас длится запой? — поинтересовался вождь.

— Дней десять-двенадцать, товарищ Сталин.

— А не можете ли вы, как коммунист, проводить это мероприятие дня в три-четыре? — поинтересовался вождь.

Фадеев приходил пьяный и на заседания комитета по присуждению Сталинских премий в области литературы и искусства. Не без интереса наблюдавший за ним вождь благодушно говорил членам политбюро:

— Еле держится на ногах, совершенно пьян.

Все это сходило Фадееву с рук.

А он не мог без алкоголя. Говорил так:

— Когда люди поднимаются очень высоко, там холодно и нужно выпить. Спросите об этом летчиков-испытателей.

Фадеев достиг таких высот, где страшно было находиться.

— Слушайте, товарищ Фадеев, вы должны нам помочь, — сказал Сталин. — Вы ничего не делаете, чтобы реально помочь государству в борьбе с врагами. Мы вам присвоили громкое звание «генеральный секретарь Союза писателей», а вы не знаете, что вас окружают крупные международные шпионы.

— А кто же эти шпионы? — изумленно спросил Фадеев.

Сталин улыбнулся одной из тех своих улыбок, от которых некоторые люди падали в обморок и которая, как Фадеев знал, не предвещала ничего доброго.

— Почему я должен вам сообщать имена этих шпионов, когда вы обязаны были их знать? Но если вы уж такой слабый человек, товарищ Фадеев, то я вам подскажу, в каком направлении надо искать и в чем вы нам должны помочь. Во-первых, крупный шпион ваш ближайший друг Петр Павленко. Во-вторых, вы прекрасно знаете, что международным шпионом является Илья Эренбург. И наконец, в-третьих, разве вам не было известно, что Алексей Толстой — английский шпион? Почему, я вас спрашиваю, вы об этом молчали? Почему вы нам не дали ни одного сигнала?..

Иногда даже Фадеева охватывал ужас. Комсомольский писатель Марк Борисович Колосов, который много лет был близок к Фадееву, рассказывал:

— Саша пришел. Выпил, но немного. И вдруг, зарыдав, упал на пол. Он повторял: «Не могу... больше не могу».

Сочинский бильярд

Николай Александрович Дыгай, бывший котельщик Таганрогского металлургического завода, после войны был назначен министром строительства военных и военно-морских предприятий. Его вызвали в Сочи на доклад.

Скучавший в одиночестве Сталин оставил министра обедать, затем пригласил сразиться на бильярде. Дыгай выиграл три партии подряд. Сталин посмотрел на него тяжелым взором и сказал:

— Правильно мне докладывают, что вы плохо строительством руководите. Всё шары катаете!

У министра сердце ушло в пятки, руки затряслись, и он стал проигрывать. Тут Сталин и говорит:

— И строительством плохо руководите, и в бильярд играть не умеете...

Торт от Лаврентия Павловича

Первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, любимец Сталина, был приглашен на ближнюю дачу.

Официантки приносили еду, ставили закуски на один стол, супы — на другой стол. Все приглашенные подходили и брали, что хотели. По ходу застолья Пономаренко пошел что-то положить в тарелку, вернулся на свое место и почувствовал, что уселся на нечто мягкое и скользкое. Обомлел, сидел и не решался встать. Все отправились курить на террасу, и руководитель Белоруссии остался за столом один.

Его позвал Сталин — присоединяйтесь.

Пономаренко робко объяснил:

— Я во что-то сел.

Сталин подошел, взял его за локоть и поднял.

Позвал Берию:

— Лаврентий, иди сюда. Когда ты кончишь свои дурацкие шутки? Зачем подложил Пономаренко торт?

Хитрый парень из Совмина

«Сидели у т. Сталина часов до семи утра, — вспоминал заместитель главы правительства Вячеслав Александрович Малышев. — Пели песни, разговаривали. Тов. Сталин мно-

го рассказывал о своей жизни и, в частности, провозгласил тост «за стариков, охотно передающих власть молодым, и за молодых, охотно принимающих власть».

Во время войны Сталин поставил Малышева во главе Наркомата танковой промышленности. Отличал его даже больше, чем Дмитрия Федоровича Устинова. Сделал Малышева заместителем главы правительства и членом президиума ЦК КПСС. Дал ему погоны генерал-полковника, золотую звезду Героя Социалистического Труда, четыре ордена Ленина, две Сталинские премии.

Малышев в присутствии вождя лишнего себе не позволял. Сталин это заметил:

— Э-э... машиностроители малолитражками пьют! Не годится!

Взял два рога, подошел к Малышеву, налил в роги вина и предложил с ним выпить. Выпили. От такой «порции» у заместителя главы правительства перед глазами все поплыло. Сталин рассмеялся:

— Он хитрый парень, хитрый!

Выпить не возбранялось.

Коллега Малышева по правительству Анастас Иванович Микоян, ведавший торговлей и пищевой промышленностью, объяснил линию партии:

— Почему шла слава о русском пьянстве? Потому, что при царе народ нищенствовал, и тогда пили не от веселья, а от горя, от нищеты. Пили именно чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь. Достанет иногда человек на бутылку водки и пьет, денег при этом на еду не хватало, кушать было нечего, и человек напивался пьяным. Теперь веселее стало жить. От хорошей и сытой жизни пьяным не напьешься. Весело стало жить, значит, и выпить можно, но выпить так, чтобы рассудка не терять и не во вред здоровью.

Хотите меня отравить?

Адмирал Иван Степанович Исаков, начальник Главного морского штаба, удостоился чести ужинать у Сталина в кремлевской квартире. Они вдвоем шли по коридорам. На каждом повороте — охранник, деликатно отступавший в проем, как бы упуская из глаз проходящих, но на самом деле передававший их глазами другому охраннику, который стоял у следующего поворота и в свою очередь...

Адмиралу не по себе стало. Он возьми и брякни:

— Скучно тут у вас...

— Почему скучно? — удивился вождь.

— Да вот — за каждым углом...

— Это вам скучно, — ответил Сталин, — а мне не скучно: я иду и думаю, кто из них в меня выстрелит. Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь.

Сталин любил пошутить со своими врачами. Поинтересовался у одного из них:

— Скажите, доктор, вы читаете газеты?

— Конечно, Иосиф Виссарионович.

— Какие же газеты вы читаете?

— Центральные — «Правду», «Известия».

— Вы думаете, что газеты печатают для вас? — изумлялся Сталин. — Вы же умный человек, доктор, и должны понимать: в них нет ни слова правды...

Несчастного доктора охватил ужас. Он не знал, что сказать. Вождь наслаждался растерянностью врача. Вдруг спросил его:

— Доктор, скажите, только говорите правду, будьте откровенны: у вас временами появляется желание меня отравить?

От испуга и растерянности доктор и вовсе не знал, что ответить. Посмотрев на него внимательно и убедившись, что этого человека ему опасаться не следует, Сталин добавил:

— Я знаю, вы, доктор, человек робкий, слабый, никогда этого не сделаете. Но у меня есть враги, которые на это способны...

Никогда здесь не хлопайте!

Перед началом каждого пленума ЦК члены высшего руководства по традиции собирались в комнате президиума рядом со Свердловским залом. Обыкновенно Сталин приходил за десять-пятнадцать минут до начала и, если намечались кадровые перемены, предупреждал своих соратников о намерении кого-то снять или назначить.

На первый пленум после последнего при жизни Сталина XIX партийного съезда вождь пришел только к самому открытию, заглянул в комнату президиума и, не присаживаясь, распорядился:

— Пойдемте на пленум.

Все, что происходило потом, стало сюрпризом даже для его близких соратников.

Начало пленума не предвещало никаких неожиданностей. Когда появился вождь, новые члены ЦК встали и с энтузиазмом зааплодировали. Сталин недовольно махнул рукой и буркнул:

— Здесь этого никогда не делайте. — Посмотрел в зал желтыми немигающими глазами и спросил глухо и неприязненно: — Чего расхлопались? Что вам тут, сессия Верховного Совета или митинг в защиту мира?

Члены ЦК растерялись.

— Садитесь! — повелительно произнес Сталин. — Собрались решать важные партийные дела, а тут устраивают спектакль.

Слабые люди, думал он. Пасуют перед трудностями. Нет в них настоящей стойкости. Впадая в дурное настроение, вождь часто упрекал соратников:

— Что с вами будет без меня? Пропадете. Вас передушат.

Головой в колодец

Осенью 1951 года Сталин поехал отдыхать на озеро Рица, где ему построили новую дачу. Отпуск вождь взял долгий — пять месяцев. Но уже в середине октября вызвал к себе нового министра государственной безопасности Семена Денисовича Игнатьева.

Выбор казался странным. Игнатьев — чиновник. До перехода на Лубянку заведовал в аппарате ЦК отделом партийных, профсоюзных и комсомольских кадров, то есть был главным кадровиком. Но Сталину и понадобился человек со стороны. Он сознательно назначил министром чужого для чекистов аппаратчика.

Появившись на сталинской даче, новый министр увидел старого человека, несколько сгорбленного, с опущенными плечами. Но по-прежнему внушавшего страх.

Вождя интересовало, как идут допросы бывшего министра госбезопасности генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова, которого до ареста считали сталинским любимцем. Распорядился на его счет:

— Заковать в кандалы.

Сталин поинтересовался, как работает аппарат госбезопасности. Игнатьев бодро ответил, что после ареста преж-

него министра среди личного состава наблюдалась некоторая растерянность.

— Теперь чекисты подтянулись, работают лучше.

Сталину благодушие нового министра не понравилось.

— Разведчик должен быть как черт: никому не верить, даже самому себе...

Вождь не мог скрыть недовольства чекистами. Бранил аппарат Лубянки. Укорял министра госбезопасности:

— Слепой вы человек, не видите, что вокруг вас делается. Чекисты разучились работать, ожирели, растеряли и забыли традиции ЧК времен Дзержинского...

Приказал продолжить чистку на Лубянке. Распорядился арестовать раскритикованного Игнатьевым заместителя министра генерала Евгения Петровича Питовранова и с ним еще группу крупных чекистов. Хотя еще недавно подумывал, не поставить ли именно Питовранова во главе всего министерства... Философски заметил:

— У чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму.

Вождь пребывал в дурном настроении.

— Чекисты оторвались от партии, хотят встать над партией... Имейте в виду: старым работникам МГБ я не очень доверяю.

Сталин приказал арестовать начальника Лечебно-санитарного управления Кремля профессора Петра Ивановича Егорова, который должен был заботиться о здоровье вождя и его соратников. Как только его взяли, спросил:

— Надели ему кандалы?

Услышав, что профессор не в наручниках, разразился злобной тирадой:

— Вы политические слепцы, а не чекисты. С врагами нигде так не поступают, как поступаете вы. Вы ни черта не понимаете в чекистском деле, а в следствии в особенности.

Сталин был недоволен неумелостью и нерасторопностью следователей. Требовал бить арестованных, чтобы они во всем признались. И, к удивлению Игнатьева, злобно матерился. Вождь подошел к Игнатьеву вплотную:

— Я не проситель у МГБ. Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут исполняться мои требования... Мы вас разгоним как баранов... Если не вскроете террористов, американских агентов среди врачей, которые проникли в Лечебно-санаторное управление Кремля, чтобы губить вождей партии, то окажетесь там же, где и Абакумов...

А Игнатьев сталинских надежд не оправдал. Партийный функционер, чинуша, он пунктуально передавал подчиненным указания вождя, требовал, чтобы те выбивали нужные показания, а сам не покидал письменного стола. Слабаком оказался.

Разочарованный Сталин ему прямо сказал:

— Ты что, белоручкой хочешь быть? Не выйдет. Забыл, что Ленин дал указание расстрелять Каплан? Хотите быть более гуманными, чем был Ленин? А Дзержинский приказал выбросить в окно Савинкова. У Дзержинского были для этой цели специальные люди — латыши, которые выполняли такие поручения. Дзержинский — не чета вам, но он не избегал черновой работы, а вы, как официанты, в белых перчатках работаете. Если хотите быть чекистами, снимайте перчатки. Чекистская работа — это мужицкая, а не барская работа.

И добавил:

— Будешь чистоплюем, морду набью.

Сталинские угрозы звучали зловеще.

15 ноября 1952 года у министра госбезопасности случился сердечный приступ, сваливший его с ног. Вызванные врачи поставили пугающий диагноз — инфаркт. На свое счастье, министр выпал из игры. После смерти Сталина на скамью подсудимых посадят не его, а других.

Вместо Игнатьева верными помощниками вождя стали генерал-лейтенант Сергей Иванович Огольцов и генерал-полковник Сергей Арсеньевич Гоглидзе. Обоих он назначил первыми заместителями министра госбезопасности. В начале ноября 1952 года вождь устроил разгон своим чекистам. В крайне раздраженном состоянии выговаривал им за то, что медленно идет следствие по делу кремлевских врачей:

— Следователи работают без души. Неумело используют противоречия и оговорки арестованных для их разоблачения. Неумело ставят вопросы. Не цепляются, как крючки, за каждую, даже мелкую возможность, чтобы поймать, взять в свои руки арестованного. Среди чекистов много карьеристов, шкурников, бездельников, ставящих личное благополучие выше государственных интересов.

«Сталин, — вспоминал генерал Гоглидзе, — считал, что благодаря политической беспечности, близорукости и благодушию работников МГБ, граничащих с преступлением, не была своевременно разоблачена террористическая группа в Лечсанупре Кремля».

Когда Игнатьев слег, Сталин вызвал к себе Гоглидзе и Огольцова. На сей раз обрушился на них за то, что они отказались от применения против врагов за границей диверсий и террора:

— Прикрываясь гнилыми и вредными рассуждениями о якобы несовместимости с марксизмом-ленинизмом диверсий и террора против классовых врагов, вы скатились с позиции революционного марксизма-ленинизма на позиции буржуазного либерализма и пацифизма.

Сталин в тот же день назначил Гоглидзе первым заместителем министра и поручил ему руководить следствием по особо важным делам. Сергей Арсеньевич занимался арестами и допросами чекистов, вышедших из доверия, и врачами-убийцами. Он докладывал Сталину почти ежедневно.

На заседании президиума ЦК 1 декабря 1952 года вождь вновь завел речь о «неблагополучии» в ведомстве госбезопасности:

— Лень и разложение глубоко коснулись МГБ, у чекистов притупилась бдительность.

Требовал полностью перекроить аппарат.

«Обсуждение проекта реорганизации МГБ, — вспоминал Гоглидзе, — проходило в крайне острой, накаленной обстановке. На нас обрушились обвинения, носящие политический характер». Вождь не стеснялся в выражениях, обещал провести «всенародную чистку чекистов от вельмож, бездельников и перерожденцев».

Сталин выговаривал руководителям Министерства госбезопасности за то, что у них нет преданных делу, по-настоящему революционных следователей, что следователи, работающие на Лубянке, — бонзы, паразиты, меньшевики, не проявляют никакого старания, довольствуются только признаниями арестованных.

4 декабря Сталин подписал разгромное постановление ЦК «О положении в МГБ и о вредительстве в лечебном деле», где говорилось, что многие работники госбезопасности «поражены идиотской болезнью благодушия и беспечности, проявили политическую близорукость перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов».

Вождь почти ежедневно интересовался ходом следствия по делу врачей.

«Разговаривал товарищ Сталин, как правило, с большим раздражением, — вспоминал Гоглидзе, — бранил, угрожал, требовал арестованных бить: “Бить, бить, смертным боем бить”».

Протоколы допросов в полном объеме сразу же пересылались вождю. Он не позволял их редактировать и сокращать. Сказал:

— Мы сами сумеем определить, что верно и что неверно, что важно и что не важно.

Следователи, напуганные сталинским гневом, хотели отличиться, старались, из кожи вон лезли. Арест следовал за арестом.

«Достаточно было какому-либо арестованному назвать нового врача, — вспоминал Гоглидзе, — как правило, следовало указание товарища Сталина его арестовать».

Сталина раздражало, что чекисты «проморгали», как он выразился, врагов внутри страны. 15 декабря на заседании им же назначенной комиссии по реорганизации ведомства госбезопасности никак не мог успокоиться. Пригрозил:

— Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец...

В январе 1953 года министр госбезопасности, подлечившись, вновь появился на Лубянке.

— Докладываю вам, товарищ Сталин, что после болезни я приступил к работе, — стараясь выглядеть браво и говорить по-военному четко, отрапортовал Игнатьев. — Мы сосредоточиваем все внимание и усилия на том, чтобы на основе честного выполнения решений ЦК и ваших указаний в короткий срок навести порядок в работе органов МГБ, покончить с благодушием, ротозейством, трусостью и укоренившейся среди многих работников привычкой жить былой славой.

В поисках завещания

С внешней стороны ближней дачи все оставалось по-прежнему. Колючая проволока, высокий двойной забор, между стенами забора деревянный настил, на котором дежурили часовые — в специальной мягкой обуви, чтобы не шуметь. Мышь не могла проскочить мимо них.

На внешнем обводе дачи установили фотореле, которые срабатывали при любом движении. В основном реагировали на зайцев. Люди к сталинской даче не приближались. По внутренней территории ходили патрули — настороженные офицеры управления охраны Министерства госбезопасности со служебными собаками, срывавшимися с цепи.

Зато внутри дома все переменилось.

Вождь неподвижно лежал на диване в большой столовой, куда его перенесли охранники. Диван отодвинули от стены, чтобы врачам было удобнее осматривать пациента. Дом наполнился людьми, которых здесь прежде никогда не видели.

Уже без всякого стеснения вошел Маленков, который теперь и не замечал скрипа своих ботинок. За ним, уверенно ступая, следовали ухмыляющийся Берия, настороженный Хрущев, поникший Ворошилов, озабоченный Булганин... От прежнего страха не осталось и следа. Члены президиума ЦК что-то громко и горячо обсуждали.

Перепуганные врачи следили за ними, не зная, чего им ожидать, если пациент не выживет. У дивана поставили ширму, притащили столы, на которых разложили лекарства и необходимый инструментарий. Внесли громоздкое медицинское оборудование, которое спешно развертывали и налаживали.

Булганин в маршальской форме настороженно спросил:

— Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?

Александр Леонидович Мясников, известнейший в стране кардиолог, осторожно ответил:

— Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера в связи с гипертонией и мозговым инсультом.

— Возможно? — с нескрываемой иронией повторил маршал Булганин. — А может быть, у него рак желудка? Смотрите, а то у вас все сосудистое да сосудистое, а главное-то и пропустите.

— Вы мне точный диагноз дайте, — шипел Лаврентий Павлович Берия. — А то одни говорят: инфаркт, другие — инсульт! Ошибетесь, поедете туда, куда Макар телят не гонял. — И предупредил в своей пугающей манере: — У нас в тюрьме места всем хватит!

Занятый другими делами Маленков остановил его:

— Не трать время, пусть медики спокойно работают. Они сами разберутся, что делать. Пойдем — надо кое-что важное обсудить.

Члены президиума ЦК отошли. Булганин вполголоса заметил:

— Вроде у него была черная тетрадь, куда он что-то записывал. Но она исчезла. А там могло быть завещание.

Берия ухмыльнулся:

— Завещание, Николай, ищешь? Сомневаюсь, чтобы оно существовало. Он же намеревался жить вечно.

Маленков с еле уловимой улыбкой добавил:

— Думаю, что мы, его воспитанники и соратники, и без завещания знаем, что и как предстоит сделать в стране.

Георгий Максимилианович и Лаврентий Павлович деловито вышли, провожаемые подозрительными взглядами товарищей.

Посмертная судьба Сталина уже была решена.

Долгопрудненскому камнеобрабатывающему заводу срочно заказали новую гранитную лицевую панель для мавзолея со словами «Ленин — Сталин».

В спецлаборатории готовились забальзамировать тело усопшего вождя, которому предстояло занять в мавзолее на Красной площади место рядом с Лениным.

Отгладили парадный шитый золотом мундир генералиссимуса с золотыми же пуговицами, в котором он предстанет перед посетителями, которым отныне суждено было благоговейно взирать на двух вождей.

Введение погон в Рабоче-крестьянской Красной армии стало большим событием, поскольку служили еще те, кто с гордостью рассказывал, как в Гражданскую «рубал золотопогонников». Будущего маршала Константина Константиновича Рокоссовского в первых числах февраля 1943 года с Донского фронта вызвали в Ставку. На Центральном аэродроме в Москве он увидел офицеров с золотыми погонами и недоуменно спросил:

— Куда это мы попали?

Мундир Сталину сшили под личным руководством начальника Тыла Красной армии генерала Андрея Васильевича Хрулева. Принесли первый вариант. Вождь даже не стал мерить, решив, что стоячий воротник ему не подходит. Сказал о себе в третьем лице:

— Товарищу Сталину этот воротник не подходит, сделайте отложной.

Хрулев осторожно доложил:

— Сшили в соответствии с приказом и утвержденным вами образцом. Рисунок формы опубликован в печати.

— А приказ кто подписал? — неожиданно весело спросил вождь. — Сталин. Значит, Сталин может его и изменить, хотя бы для себя.

А теперь в овальном зале ближней дачи в Волынском, обставленном казенной мебелью с бирками и импортной техникой — подарками иностранных гостей, на диване осталось прикрытое одеялом и никому уже не нужное тело.

Вокруг него, действуя строго по инструкции, все еще

хлопотали люди в белых халатах. Они просто не решались признаться, что больше им здесь делать нечего. И надо бы сворачиваться и возвращаться назад... Они, единственные, продолжали его страшиться.

Врачи исполняли свой долг, делали то, что полагалось. Но лежавший на диване Сталин по глазам своих давних соратников, которых он просто не узнавал, — они совершенно переменились, взирали на него без всякого интереса, абсолютно равнодушно! — понял, что помочь ему даже кремлевская медицина не в силах.

Все действительно кончено?

Он умрет.

Судя по поведению соратников, очень скоро.

Но как же так? Он совершенно не собирался умирать!

Он вдруг вспомнил, как в тот январский день 1924 года позвонила из Горок Мария Ильинична Ульянова и произнесла всего три слова:

— Ленина больше нет.

Всё! Прежняя жизнь кончилась и не вернется. Он ощутил тогда невероятный подъем. Почувствовал, как неостановимо пошли незримые часы, ускоряя ход времени, его времени. Конечно, Ленин не хотел, чтобы он ему наследовал. Очень даже не хотел. Приложил немалые усилия, чтобы ему помешать. Но никто не смог его остановить...

Приятно вспомнить.

Но другая мысль болезненно отдалась в его умирающей голове.

Теперь, выходит, кто-то другой уверенно и самовластно расположится в его кресле.

Кто же, интересно, осмелится?

Кого-то он недооценил?

Не убрал вовремя.

Недоглядел.

Сплоховал.

Первый раз в жизни...

Если бы он мог смеяться, захохотал бы во весь голос. Наивные! Глупцы! Ха, неужто кто-то всерьез полагает, будто способен заменить его? Что кто-то иной способен править страной?

Почему-то решительно никто в комнате не обращал внимания на второго Сталина — молодого и черноволосого, который, ни на кого не глядя, самозабвенно подстригал усы, сидя перед зеркалом. И, казалось, решительно ничто иное его в тот момент не интересовало.

Умирающий старик возмущался: отчего же он не проявляет ни малейшего желания вмешаться? Что за самовлюбленность? Индивидуализм? Ведь он единственный может и просто обязан ему помочь! От кого же еще ждать помощи, как не от него!

Сталин, лежавший недвижимо на диване, пытался подозвать себя молодого и полного сил, сидевшего у зеркала и не сознававшего, что происходит.

Как подать ему сигнал тревоги?

Пусть что-нибудь предпримет!

Пока не поздно!

Поможет!

Спасет!

Но ни рука, ни язык не желали выполнять его команд.

Ему вообще больше ничто не подчинялось.

И никто.

Тем временем молодой Сталин завершает филигранную работу над своими усами. Откладывает ножницы. Глядя в зеркало, откровенно любуется собой. Он вполне доволен увиденным. Поднимается со стула. Расправляет френч, застегивает верхнюю пуговицу. Горделиво поднимает голову. Появляется легкая полуулыбка.

Он в расчудесном настроении. Абсолютно уверен в себе. Не знает сомнений, препятствий и преград... И куда-то деловито направляется.

Словно ему много чего предстоит совершить и сотворить. А он соскучился без дела! И словно его ждут. Просят вернуться. Умоляют! И уже замерли в ожидании. Скорее бы! Заждались!

МАЛЕНКОВ
ПАРТБИЛЕТ НОМЕР ТРИ

Наследник вождя

5 марта 1953 года в 8 часов 40 минут вечера в Свердловском зале Кремля открылось совместное заседание ЦК КПСС, Совета министров и президиума Верховного Совета СССР. Собрались задолго до назначенного часа. Никто ни с кем не разговаривал, все сидели молча.

Заседание продолжалось ровно сорок минут. Сидевшие в зале с волнением вслушивались в слова людей, к которым перешла власть. Секретарь ЦК и МК партии Никита Сергеевич Хрущев прежде всего попросил к микрофону министра здравоохранения Андрея Федоровича Третьякова. Тот рассказал о безнадежном состоянии вождя.

Хрущев пояснил:

— Члены бюро президиума ЦК поочередно находятся у постели товарища Сталина. Сейчас дежурит товарищ Булганин, поэтому он не присутствует на заседании.

Никита Сергеевич предоставил слово члену президиума и секретарю ЦК КПСС, заместителю председателя Совета министров СССР Г. М. Маленкову. Георгий Максимилианович объяснил, что товарищ Сталин борется со смертью, но состояние его настолько тяжелое, что даже если он победит подступившую смерть, то еще очень долго работать не сможет.

— Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас, — говорил он. — Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве.

После этой преамбулы на трибуну вышел располневший, с одутловатым, обрюзгшим лицом член президиума ЦК Лаврентий Павлович Берия и сообщил, что в создавшейся обстановке, когда в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин, необходимо теперь же назначить главу правительства:

— Мы уверены — вы разделите наше мнение о том, что в переживаемое нашей партией и страной трудное время у нас может быть только одна кандидатура на пост председателя Совета министров, кандидатура товарища Маленкова.

В зале с готовностью закричали:

— Правильно! Утвердить!

Так Маленков стал хозяином страны. При жизни вождя он воспринимался как заместитель Сталина. И у него был партбилет номер три. Первый выписали Ленину, второй — Сталину, третий — ему...

Георгий Максимилианович Маленков, уже будучи на пенсии, рассказывал сыну Андрею о последних днях Сталина:

«Я, Молотов, Берия, Микоян, Ворошилов, Каганович прибыли на ближнюю дачу Сталина. Он был парализован, не говорил, мог двигать только кистью одной руки. Слабые зовущие движения кисти руки. К Сталину подходит Молотов. Сталин делает знак — "отойди". Подходит Берия. Опять знак — "отойди". Подходит Микоян — "отойди". Потом подхожу я. Сталин удерживает мою руку, не отпуская. Через несколько минут он умирает, не сказав ни слова, только беззвучно шевеля губами...»

Эта история далека от реальности. Сталин никого не узнавал. И скончался он в страшных мучениях, описанных его дочерью Светланой. Но Георгий Максимилианович по справедливости считал себя самым близким к Сталину человеком и его законным наследником.

В октябре 1952 года на XIX съезде, последнем при жизни Сталина, именно Маленков делал основной доклад. Сталину было почти семьдесят четыре года, он чувствовал себя слабым и ограничился небольшой речью. Маленков был одновременно и секретарем ЦК, и заместителем председателя Совета министров, ведал всеми организационно-кадровыми делами, держал в руках партийно-государственную канцелярию и воспринимался как самый близкий к Сталину человек, как заместитель вождя.

Маленков, выступая тогда на партийном съезде, подчеркнул возрастающую роль государства:

— Мы оказались бы безоружными перед лицом врагов и перед опасностью разгрома, если бы не укрепляли наше государство, нашу армию, наши карательные и разведывательные органы.

С высокой трибуны он не только порадовал делегатов съезда рассказом о фантастических успехах родной страны,

но и поведал о бедственном положении Запада, об обнищании американских трудящихся, о падении покупательной способности доллара, о росте дороговизны и снижении заработной платы...

После съезда на организационном пленуме ЦК, когда приступили к выборам секретариата ЦК, Сталин сам зачитал фамилии секретарей. Но себя не назвал. Сидевший в президиуме Маленков протянул руку в направлении трибуны, где стоял Сталин. Из зала раздался хор голосов, так как жест Георгия Максимилиановича был всем понятен:

— Товарища Сталина!

Он негромко произнес:

— Не надо Сталина, я уже стар. Надо на отдых.

А из зала все неслось:

— Товарища Сталина!

Все встали и зааплодировали. Сталин махнул рукой, призывая успокоиться, и сказал:

— Нет, меня освободите от обязанностей и генерального секретаря ЦК, и председателя Совета министров.

Все изумленно замолчали.

Маленков поспешно спустился к трибуне и сказал:

— Товарищи, мы должны все единогласно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь генеральным секретарем.

Опять началась овация, раздались крики:

— Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!

Сталин прошел к трибуне:

— На пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей генерального секретаря и председателя Совета министров. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого!

Зал, стоя, аплодировал. Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой, словно в досаде:

— Ну ладно, пусть будет и Сталин.

После съезда Сталину положили на стол письмо, в котором говорилось, что в Рязани магазины пусты, нельзя купить еды. В письме с ехидцей замечалось: товарищ Маленков на XIX съезде партии заявил, что зерновая проблема решена окончательно и бесповоротно, а в Рязани даже хлеба нет, не говоря уже о колбасе и масле.

Маленков поручил секретарю ЦК Аверкию Борисовичу Аристову проверить это заявление. Тот поехал в Рязань. Когда вернулся, Маленков поинтересовался:

— Как там дела? Перебои со снабжением?

— Нет, — доложил Аверкий Аристов, — какие там перебои! Нет хлеба в продаже, фонды им не выделили.

— Вы только, товарищ Аристов, без паники, — сказал невозмутимый Маленков. — Пишите на имя товарища Сталина результат проверки.

Не успел Аристов составить докладную, как его пригласили на совещание к самому Сталину. Вождь поинтересовался:

— Кто был в Рязани?

Аристов поднялся.

— Что там? Перебои?

— Нет, — доложил Аристов, — товарищ Сталин, не перебои, а давно там хлеба нет, масла нет, колбасы нет. В очереди сам становился с шести-семи утра, проверял. Нет хлеба нигде. Фонды проверял, они крайне малы.

Видимо, Маленков докладывал Сталину о ситуации иначе, в розовых красках. Не хотел огорчать вождя. Сталину слова Аристова не понравились. Он решил, что во всем виноват секретарь обкома партии.

— Что у нас за секретарь сидит в Рязани? Шляпа! Снять его с работы! — кричал рассвирепевший Сталин.

Он не знал, что в стране не хватает хлеба.

«В последний раз я видел Сталина вблизи 21 января 1953 года, — вспоминал Михаил Иванович Халдеев, тогда первый секретарь Московского горкома комсомола, — на торжественном заседании, посвященном 29-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина в Большом театре...

Затылок Сталина был уже явно склеротический, весь в красных прожилках, волос мало, они отдавали рыжеватым цветом. Когда он оборачивался, то просматривались и оспины на лице. Помню, меня удивил его низкий лоб — совсем не такой, как изображали на портретах. В правой руке он держал карманные часы и каждые семь-восемь минут подзывал к себе Маленкова, чтобы спросить, как долго будет продолжаться доклад. И всякий раз Маленков заверял Сталина, что ровно полчаса, не больше. Видно было, что Сталин плохо себя чувствует, ему тяжело дается пребывание на людях».

Весной 1952 года впервые Сталин поручил Маленкову вести заседание, на котором присуждались Сталинские премии в области литературы и искусства, хотя раньше всегда это делал сам. Маленков, вспоминал Константин Михайлович Симонов, чувствовал себя не в своей тарелке.

Сталина хоронили в понедельник утром 9 марта 1953 года на Красной площади. Машина везла орудийный лафет, на котором стоял гроб, накрытый стеклянным колпаком. На гранитной лицевой панели, изготовленной для мавзолея на Долгопрудненском камнеобрабатывающем заводе, уже были слова «Ленин — Сталин». Высшим чиновникам выдали именные пропуска для прохода на Красную площадь «на похороны Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС, генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина».

Речи с трибуны мавзолея произносили трое: Маленков, Берия и Молотов. Стало ясно, что они теперь главные.

«К моему удивлению, — писал работавший в Москве известный американский журналист Гаррисон Солсбери, — Маленков, толстяк средних лет, оказался весьма привлекательным. Он говорил на прекрасном литературном русском и, казалось, обещал новое, более интеллигентное правление».

Сам Георгий Максимилианович настаивал на том, что в стране — коллективное руководство. На президиуме ЦК выразил неудовольствие тем, что «Правда» его речь на траурном митинге опубликовала на первой полосе, а Берии и Молотова — на второй:

— Надо было печатать одинаково. У нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить. Было бы неправильно, скажем, цитировать выступление на траурном митинге кого-то одного. Во-первых, это незаслуженно, во-вторых, неправильно. Считаем обязательным прекратить политику культа личности.

Маленков сделал выговор главному редактору «Правды» Дмитрию Трофимовичу Шепилову и за то, что редакционные умельцы так смонтировали фотографию, сделанную еще во время подписания в феврале 1950 года советско-китайского договора, что новый глава правительства Маленков оказался рядом со Сталиным и Мао Цзэдуном.

Шепилов решил сделать приятное новому хозяину страны. Перестарался. Георгий Максимилианович в присутствии товарищей демонстративно отчитал его за услужливость:

— Публикация такого снимка без ведома ЦК выглядит как провокация. Такого снимка вообще не было. Это произвольный монтаж.

12 марта 1953 года президиум ЦК объявил главному редактору «Правды» строгий выговор за «произвольную

верстку речей руководителей партии и правительства на траурном митинге» и за опубликование без ведома ЦК «произвольно смонтированного снимка на третьей полосе».

14 марта на пленуме ЦК председателя Совета министров Маленкова по его собственной просьбе вывели из состава секретарей ЦК. Первая крупная ошибка! В результате партийные секретари не знали, на кого ссылаться, кому докладывать, и чувствовали себя неуверенно. Слишком сложный пасьянс в Кремле пугал их и раздражал: они привыкли к определенности.

1 мая 1953 года министр обороны маршал Николай Александрович Булганин, принимая парад, произнес речь. Он упомянул троих руководителей страны:

— Великий советский народ, еще теснее сплотившийся вокруг родной Коммунистической партии и ее Центрального комитета, вокруг своего правительства, уверенно идет вперед по пути строительства коммунизма. В недавних заявлениях товарищей Маленкова, Берии и Молотова ясно выражена политика советского правительства... Проведена реорганизация центрального государственного аппарата, что улучшит руководство народным хозяйством. Принят указ об амнистии. Разрабатываются меры по дальнейшему укреплению социалистической законности. Наряду с большим снижением цен на продукты питания значительно снижены цены на промышленные товары массового потребления... Товарищи! Мы, советские люди, уверенно смотрим в будущее.

Очень скоро, поздней весной 1953 года, в Соединенных Штатах, Англии и Канаде вышла книга американского журналиста Мартина Эбона «Маленков: наследник Сталина». В ней множество ошибок — в те годы никакой информации получить было нельзя. Автор почему-то считал, что Маленков был дважды женат. Первой женой Георгия Максимилиановича он считал некую «Елену Рубцову, секретаршу из Министерства иностранных дел», на которой Маленков будто бы женился в 1939 году. Второй — столь же мифическую «бывшую актрису и певицу Елену Хрущеву, ставшую ректором Московского университета»...

Бежавший на Запад бывший чехословацкий дипломат с откровенной неприязнью утверждал, что Маленков «напоминает евнуха из турецкого гарема». Другие дипломаты наперебой уверяли, что у него жестокие глаза. Один из них с мрачным юмором заметил:

— Если бы в пыточной камере мне бы пришлось выби-

рать себе палача, меньше всего мне хотелось бы попасть в руки Маленкова.

Любопытны впечатления иностранных дипломатов. Они обращали внимание на одутловатое и неподвижное лицо Маленкова, лишенное эмоций, на его вялое рукопожатие, на то, что он всегда ходил в придуманной Сталиным униформе и не носил наград, хотя орденами его вождь не обидел.

Автор первой книги о Маленкове достаточно точно показал политический путь своего героя, отметил его участие в репрессиях, обратил внимание на ту аппаратную школу, которую он прошел под началом Лазаря Моисеевича Кагановича и Николая Ивановича Ежова.

Американский журналист отметил, что Маленкову недостает обаяния, юмора, умения играть на человеческих чувствах и слабостях. Обратил внимание на то, что сталинский наследник отнюдь не наделен сталинским властолюбием. Не спешит избавиться от старых кадров и не выдвигает на важнейшие должности преданных ему людей.

Один из руководителей Югославии Милован Джилас вспоминал:

«Он казался замкнутым, внимательным человеком без ярко выраженного характера. Под слоями и буграми жира как будто двигался еще один человек, живой и находчивый, с умными и внимательными черными глазами».

О Маленкове ходили очень доброжелательные слухи. Он пришел на какое-то заседание, его встретили обычными аплодисментами, а он сказал:

— Здесь не Большой театр, а я не Козловский.

В 1953 году в конструкторском бюро главного создателя ракетных двигателей, будущего академика Валентина Петровича Глушко вновь арестовали профессора Александра Ивановича Гаврилова, которого в первый раз взяли еще в 1937-м. Чекисты и руководство завода, директор и парторг выражали недовольство тем, что в конструкторском бюро ключевые посты занимают бывшие заключенные. При Сталине и сам Глушко сидел...

Глушко в отчаянии обратился к Маленкову. Тот принял конструктора.

— Арест профессора Гаврилова, — говорил Глушко, — рассматриваю как недоверие ко мне. Убедительно прошу его освободить, он не виновен.

— Виновен Гаврилов или не виновен — это вопрос не вашей компетенции, — отрезал Маленков. — Но если арест мешает работе, его выпустят.

Глушко встал, считая, что прием окончен. Маленков его остановил. Нажал кнопку вызова помощника:

— Пусть зайдут.

В кабинет вошли перепуганные директор завода и парторг ЦК. Маленков, не приглашая сесть, жестко отчитал обоих:

— Предприятие создано для реализации идей Валентина Петровича. Вас туда направили в помощь ему, а не для того, чтобы ставить палки в колеса. Если не понимаете, придется вас убрать.

Те пытались оправдаться. Маленков не стал их слушать. Обоих быстро убрали с завода. Глушко мог спокойно работать.

Женщина с характером

Маленков окончил гимназию с золотой медалью. После революции служил политработником в Красной армии в Средней Азии. В 1920 году познакомился с будущей женой — Валерией Алексеевной Голубцовой и влюбился в нее. Валерия Голубцова работала библиотекарем в агитпоезде. Формально они не регистрировали свой брак, и Валерия Алексеевна сохранила девичью фамилию.

Эта встреча оказалась для Маленкова редкостной удачей. Жена стала для него другом и опорой. Наделенная сильной волей и характером, Валерия Алексеевна всю жизнь толкала вперед вялого и инертного Георгия Максимилиановича.

В 1921 году Маленковы переехали в Москву. Георгий Максимилианович поступил в Высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана на электротехнический факультет. Еще студентом он стал секретарем партийной организации. Пока муж грыз гранит науки, Голубцова быстро нашла себе работу в организационно-инструкторском отделе ЦК партии, которым руководил главный сталинский кадровик Лазарь Моисеевич Каганович.

Голубцову сделали информатором, то есть в ее обязанности входили изучение и обработка материалов, поступавших в ЦК из местных партийных организаций. Потом она привела на Старую площадь мужа.

«Георгий Маленков был муж Леры (Валерии) Голубцовой, — писал Борис Георгиевич Бажанов, автор изданной в эмиграции книги «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». — Он был года на два моложе меня, но старался придавать себе вид старого партийца. Умная жена, которой

он в сущности и обязан был своей карьерой, втянула его в аппарат ЦК и толкнула его по той же линии, по которой прошел и я, — он стал сначала секретарем оргбюро ЦК, потом, после моего ухода, — секретарем политбюро. Жена его, Лера, была намного умнее своего мужа.

Сам Георгий Маленков производил впечатление человека очень среднего, без каких-либо талантов. Вид у него всегда был важный и надутый. Правда, он был все же очень молод».

Понимая, что семейственность невозможна, Валерия Алексеевна пожертвовала собой: покинула аппарат ЦК и поступила в Московский энергетический институт, с которым связала свою жизнь.

А ее муж медленно поднимался по ступенькам партийной лестницы. Обладатель прекрасного почерка, Георгий Максимилианович выделялся завидной аккуратностью. Бумаги держал в идеальном порядке. Он был вежлив, спокоен и корректен. Умел слушать. Без нужды не высказывался. Когда входил посетитель, обязательно вставал.

Его жизненный путь со временем повторит Константин Устинович Черненко, еще один прирожденный аппаратчик, который тоже станет во главе страны. Всю свою фантастическую карьеру Маленков сделал, не выходя из кабинета партийной канцелярии.

Поскольку Лазарь Каганович по совместительству руководил Московским городским комитетом партии, то в 1930 году утвердил Маленкова заведующим отделом МГК. А через четыре года Маленков возглавил отдел руководящих партийных органов ЦК. Ему было тогда всего тридцать с небольшим. В партийном аппарате это была ключевая должность.

«Маленков был молчалив и без нужды не высказывался, — вспоминал многолетний член политбюро Анастас Иванович Микоян. — Когда Сталин что-то говорил, он — единственный — немедленно доставал из кармана френча записную книжку и быстро-быстро записывал “указания товарища Сталина”».

Маленков организовал кружок по изучению марксизма, куда приглашал лучшего марксиста того времени Николая Ивановича Бухарина и его сторонников. Когда Сталин решил покончить и с Бухариным, Маленков без колебаний выступил против учителя. Сталину это понравилось: идеальный исполнитель.

Помимо преданности у Маленкова обнаружились и другие ценимые Сталиным достоинства. Чистку и переста-

новку партийных секретарей Сталин осуществлял руками своего молодого подручного, получившего право прямого доступа к вождю.

«Когда он получал указание от Сталина, — вспоминал Дмитрий Шепилов, в ту пору один из подчиненных Маленкова, — то ломал любые барьеры, мог идти на любые жертвы и затраты, чтобы выполнить это задание молниеносно, безукоризненно и доложить об этом Сталину. В аппарате ЦК шутили, что Маленков всегда требует, чтобы всякое поручение Сталина было выполнено вчера».

В середине июня 1937 года в Саратов приехала бригада чистильщиков: секретарь ЦК Андрей Андреевич Андреев и заведующий отделом руководящих партийных кадров Маленков. Они объезжали город за городом, планомерно уничтожая местные партийные кадры.

Андреев и Маленков доложили Сталину, что партийное руководство области они сменили, что снятый с должности бывший первый секретарь обкома должен быть арестован, а чистку необходимо продолжить:

«Ознакомление с материалами следствия приводит к выводу, что в Саратове остается до сих пор неразоблаченной и неизъятой серьезная правотроцкистская шпионская организация. Агранов, видимо, и не стремился к этому... Сам аппарат Саратовского УНКВД до сих пор остается нерасчищенным от врагов... Агранов ничего в этом отношении не сделал. На основании этого считаем целесообразным Агранова сместить с должности и арестовать».

Пожелание Андреева и Маленкова было исполнено. Комиссар госбезопасности 1-го ранга Яков Саулович Агранов еще недавно был первым заместителем наркома внутренних дел. Но Сталин распорядился сменить команду на Лубянке. Для начала Агранова отправили в Саратов, а теперь арестовали и расстреляли.

Георгий Максимилианович трудился под руководством Николая Ивановича Ежова, который так нравился вождю и в роли секретаря ЦК, и в роли наркома внутренних дел. А когда Ежов впал в немилость, Маленков же и подготовил его арест. Для начала Николаю Ивановичу подобрали сменщика на Лубянке.

Сталин как бы невзначай заметил:

— Надо бы подкрепить НКВД, помочь товарищу Ежову, выделить ему заместителя. — И обратился к Ежову: — Кого вы хотите в замы?

Тот ответил:

— Если нужно, то дайте мне Маленкова.

Сталин умел делать в разговоре паузу, вроде бы обдумывая ответ, хотя у него давно каждый вопрос был заранее обдуман.

— Да, — ответил Сталин, — конечно, Маленков был бы хорош, но Маленкова мы дать не можем. Маленков сидит на кадрах в ЦК, и сейчас же возникнет новый вопрос, кого назначить туда? Не так-то легко подобрать человека, который заведовал бы кадрами, да еще в Центральном комитете. Много пройдет времени, пока он изучит и узнает кадры.

На этом разговор вроде закончился. А через какое-то время он опять поставил перед Ежовым прежний вопрос:

— Кого вам дать в замы?

На этот раз Ежов никого не назвал. Тогда Сталин предложил сам:

— А как вы посмотрите, если дать вам заместителем Берию?

В марте 1939 года на организационном пленуме после XVIII съезда партии Маленкова избрали секретарем ЦК и утвердили начальником управления кадров.

10 апреля Маленков вызвал к себе Ежова. Эпоха Николая Ивановича закончилась. Прямо в кабинете Маленкова после короткого разговора бывшего наркома внутренних дел, наводившего страх на всю страну, арестовали. Георгий Максимилианович распорядился вскрыть сейф Ежова и доложить, что хранил у себя Николай Иванович.

Перед войной Маленков возглавил управление кадров ЦК, состоявшее из сорока пяти отделов, то есть держал в руках весь партийный аппарат. Коллеги снисходительно называли его «телефонщиком».

«Он всегда сидел на телефоне: где что узнать, пробить, это он умел, — вспоминал Хрущев. — По организационно-административным делам, кадры перераспределить — это Маленков. Передать указания на места, договориться по всем вопросам. Очень активный, живой, обходительный. Но он никогда не руководил ни одной парторганизацией».

Маленков демонстративно ограничил свой аппарат одним помощником. Дмитрий Николаевич Суханов был до предела перегружен различными организационными вопросами, но решал их, вспоминали сослуживцы, «с завидной оперативностью». Это создавало Маленкову репутацию самого умелого секретаря ЦК.

21 февраля 1941 года на пленуме ЦК Георгия Максимилиановича избрали кандидатом в члены политбюро. Маленков вошел в состав высшего партийного руководства.

«У нас на квартире постоянно дежурил кто-нибудь из охраны, — вспоминал сын Маленкова. — Все телефоны прослушивались. Не только отец и мать, но и мы, дети, не могли выйти из дома без сопровождения офицера из органов. И тогда уже мы понимали смысл такой "заботы". У нас в семье выработался превратившийся почти в инстинкт обычай не вести никаких разговоров на политические темы, не называть никаких имен».

С предвоенных пор Маленков непременный участник всех совещаний в кабинете Сталина, а затем и ужинов на его даче. Одиночества вождь не переносил, поэтому коротал вечера в компании членов политбюро. Во время трапезы обсуждались политические вопросы.

На столе официанты расставляли приборы. Приносили коньяк, водку, сухие вина, пряности, травы, овощи, грибы. Хлеб для вождя пекли свой.

Капитан госбезопасности Юрий Соловьев, офицер выездной охраны подразделения № 1 Управления охраны МГБ СССР рассказывал:

«Обслуживающего персонала в зале во время обеда не было. Независимо от своего положения каждый из присутствующих на трапезе обслуживал себя сам. Обеденные первые блюда в больших фаянсовых судках располагались на отдельном столике, и здесь же, горкой, размещалась чистая посуда. Сталин первым наливал из судка в тарелку щи, суп или уху и с тарелкой шел к своему традиционному месту за столом. Позднее приносили второе, и каждый опять же самостоятельно выбирал блюдо. Чай наливали из большого кипящего самовара, стоявшего на отдельном столике. Чайник с заваркой подогревался на конфорке».

Вождь не терпел, когда кто-то пытался остаться трезвым.

«Берия, Маленков и Микоян сговорились с девушками, которые приносили вино, чтобы те подавали им бутылки от вина, но наливали бы туда воду и слегка закрашивали ее вином или же соками, — вспоминал Хрущев. — Таким образом, в бокалах виднелась жидкость нужного цвета: если белое вино — то белая жидкость, если красное вино — то красная. А это была просто вода, и они пили ее.

Но Щербаков разоблачил их: он налил себе "вина" из какой-то такой бутылки, попробовал и заорал:

— Да они же пьют не вино!

Сталин взбесился, что его обманывают, и устроил большой скандал Берии, Маленкову и Микояну».

Вместе с наркомом обороны маршалом Семеном Константиновичем Тимошенко и начальником Генерального штаба генералом армии Георгием Константиновичем Жуковым секретарь ЦК Маленков — как член главного военного совета — подписал 22 июня 1941 года первую директиву войскам.

Через несколько дней вождь включил Маленкова в состав Государственного Комитета Обороны, состоявшего всего из пяти человек. Собственно говоря, само постановление о создании ГКО написано рукой Маленкова. Ему вождь поручил контролировать производство самолетов и авиационных моторов, что через несколько лет станет причиной больших неприятностей...

Во время войны он по указанию вождя несколько раз выезжал на фронт, но вождь привык к Георгию Максимилиановичу и не отпускал его надолго.

Осенью 1942 года Сталин отправил Маленкова вместе с Жуковым под Сталинград. В конце сентября вызвал их для доклада. Когда Жуков закончил свой доклад, Сталин строго спросил Маленкова:

— А почему вы, товарищ Маленков, в течение трех недель не информировали нас о делах в районе Сталинграда?

— Товарищ Сталин, я ежедневно подписывал донесения, которые посылал вам Жуков, — удивленно ответил Маленков.

— Мы посылали вас не в качестве комиссара к Жукову, а как члена ГКО, и вы должны были нас информировать, — строго заметил Сталин.

То есть вождь, доверявший мнению Маленкова, хотел, чтобы тот присматривал не только за фронтом, но и за Жуковым.

Управляющий делами правительства Михаил Сергеевич Смиртюков наблюдал Маленкова на Центральном фронте в 1943 году, где тот был представителем Ставки (Смиртюков рассказал об этом в интервью журналу «Коммерсантвласть»).

Командовал фронтом генерал армии Константин Константинович Рокоссовский. Поздно вечером Маленков по телефону ВЧ докладывал Верховному главнокомандующему обстановку. Улучив момент, попросил:

— Хорошо бы, товарищ Сталин, еще полчок самоходок на наш фронт подбросить.

Сталин, надо понимать, ответил, что самоходной артиллерии не хватает.

Маленков гнул свое:

— Это верно, товарищ Сталин, это верно, но это как раз то, что нам очень надо было бы — полчок.

И стал доказывать, что Центральный фронт сумеет лучше других использовать самоходную артиллерию. Он приводил все новые и новые аргументы, пока верховный не сдался. Разговор с Москвой Маленков закончил словами:

— Спасибо, товарищ Сталин. — Положил трубку, улыбнулся и спросил: — Ну, где наш командующий?

Ему ответили, что Рокоссовский уже отдыхает.

— Тогда не беспокойте его, а полчок у нас будет.

Добился своего.

Семейные дела

Семью Маленкова, как и другие семьи начальства, эвакуировали в Куйбышев, где Валерия Голубцова с августа 1941-го по июль 1942 года работала инструктором отдела машиностроительной промышленности обкома партии.

В 1943 году ее назначили директором Московского энергетического института. После войны она построила целый городок МЭИ, благодаря ее энергии появились новые учебные корпуса, опытный завод, Дворец культуры, общежития и жилые дома для преподавателей. В голодное время под Москвой институту выделили подсобное хозяйство, чтобы улучшить питание в столовых. Она ввела для отличников и больных студентов талоны на усиленное питание.

После войны Голубцова проявила интерес к ракетным исследованиям. Открыла у себя факультет электровакуумной техники и специального приборостроения и уговорила поступить туда сына Хрущева Сергея Никитича.

Валерия Алексеевна руководила институтом одиннадцать лет. В 1951 году у нее случился тяжелый перитонит. Ее с трудом выходили. После этого она ушла с поста директора. Приказом президента Академии наук академика Александра Николаевича Несмеянова она получила должность заместителя председателя Комиссии по истории техники Отделения технических наук Академии наук.

Несмеянов был в долгу у семейства Маленковых. После смерти известного физика академика Сергея Ивановича

Вавилова, который шесть лет возглавлял Академию наук, Маленков пригласил к себе именно Несмеянова и предложил ему возглавить академию.

Между Сергеем Вавиловым и Александром Несмеяновым — помимо крупных научных достижений — было еще нечто общее: репрессированные братья. Брат Сергея Вавилова, Николай Иванович, выдающийся биолог, погиб в заключении. Один из братьев Александра Несмеянова, Василий Николаевич, талантливый геодезист, был расстрелян в 1941-м.

Маленков знал, что Сталин любил иногда назначать на высокие должности людей с темными (по советским меркам) пятнами в биографии. Ему казалось, что такие люди будут служить еще преданнее.

В апреле 1944 года Маленков стал еще и заместителем главы правительства. Возглавил правительственный Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов, и Совет по радиолокации, в который вошли крупнейшие ученые. В мае 1946 года Сталин поручил ему председательствовать в Специальном комитете по реактивной технике при Совете министров.

Но в том же 1946 году он попал в опалу. Всесильному Георгию Максимилиановичу едва не сломал карьеру Василий Иосифович Сталин. В 1946 году вождь разослал членам политбюро письмо, в котором говорилось, что в авиапромышленности вскрыты крупные преступления — промышленность давала авиации негодные самолеты, а командование военно-воздушных сил закрывало на это глаза. Считается, что это генерал авиации Василий Сталин пожаловался отцу на плохие самолеты.

Куратором авиационной промышленности был член политбюро и секретарь ЦК Маленков. Арестовали двух сотрудников управления кадров ЦК, которые занимались авиационной промышленностью и непосредственно подчинялись Маленкову. Аресты подорвали позиции Георгия Максимилиановича.

4 мая 1946 года Сталин специальным постановлением политбюро лишил его должности секретаря ЦК:

«...т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)».

В Министерстве государственной безопасности уже собирали показания на Маленкова, готовясь к его аресту. Следователи, занимавшиеся авиационным делом, не без удовольствия говорили: «Маленков погорел». Георгий Максимилианович предупредил мать, которая постоянно просила его помочь тем или иным людям:

— Не смогу я тебе больше помогать, мама. Самому бы кто помог...

Но Сталин передумал. 1 июля 1948 года вождь подписал постановление политбюро: «Ввиду расширения работы ЦК дополнить Секретариат ЦК т. Маленковым...»

При жизни вождя Георгий Максимилианович стал правой рукой Сталина. Без него не решалось ни одно дело. Но Маленков не был маньяком власти, который думает о ней каждую минуту своей жизни. В отличие от настоящих властолюбцев он находил время для семейной жизни. Читал детям вслух. По субботам и воскресеньям на госдаче смотрел фильмы — после войны в основном трофейные.

Маленков любил физику и оборудовал на даче настоящий физический кабинет для детей — с микроскопом, телескопом, электромоторами. Детей учил музыке и французскому языку. Андрей Маленков стал профессором-биофизиком, Георгий Маленков-младший защитил диссертацию по физической химии. Воля Маленкова работала в Строгановском художественном училище, преподавала композицию.

«К моим братьям и ко мне родители были предельно внимательны, — вспоминала дочь Маленкова. — Отец с мамой внушали нам отвращение ко лжи и всякому лицемерию, к тому, что сейчас называется "элитарный снобизм". Учили судить о людях по их личным достоинствам, невзирая на общественное положение или национальность. При этом не читалось никаких нотаций: мимолетными репликами и личным примером нас подводили к осознанию наших ошибок. О религии упоминаний не было, но — бесспорно — все это укладывалось в евангельские заповеди...»

Поведение самого Маленкова едва ли соответствовало евангельским заповедям. Дочь Волю он выдал замуж за Владимира Шамберга, сына Михаила Абрамовича Шамберга, своего старого товарища и сослуживца. Они дружили еще со времен совместной учебы в Высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана. Михаил Шамберг был правой рукой Маленкова в ЦК. В годы войны Георгий Макси-

милианович сделал его заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК.

Роман Владимира Шамберга и Воли Маленковой вспыхнул еще в юные годы, и никто не сомневался, что они соединят свои судьбы. Жили они вместе с Маленковыми в их квартире на улице Грановского (ныне Романов переулок). Владимир Шамберг поступил в аспирантуру Института экономики Академии наук СССР.

Когда в послевоенные годы начались гонения на евреев, Маленков позаботился о том, чтобы брак дочери с молодым Шамбергом был молниеносно расторгнут. Это произошло в один день. Владимир Шамберг рассказывал, как он вернулся домой и горничная передала ему конверт с запиской от Воли, в которой она сообщала мужу, что они должны расстаться. Он пытался найти ее и поговорить, но она не захотела. В полной растерянности он ушел к родителям.

Охранники Маленкова привезли его вещи. 12 января 1949 года начальник личной охраны Маленкова отвез его в московский городской суд, оформил развод, забрал паспорт и выдал новый — без следов регистрации брака с дочкой Маленкова. Любовь и дружба ничто, когда речь идет о карьере и о расположении вождя.

Почему Георгий Максимилианович так торопился?

Через неделю, 18 января, из партии исключили деда Владимира Шамберга (по материнской линии) — Соломона Абрамовича Лозовского, члена ЦК, заместителя министра иностранных дел и начальника Совинформбюро. В конце января Лозовского арестовали. На свободу он не выйдет: его расстреляют вместе с другими членами Еврейского антифашистского комитета.

31 января решением секретариата ЦК бывшего друга Маленкова Михаила Шамберга выставили из аппарата ЦК и выслали из Москвы — отправили в Кострому заместителем председателя облисполкома.

Запретили пытки

Послесталинское руководство пыталось что-то изменить как внутри страны, так и во внешней политике. Маленков сразу же прекратил репрессии, невинных людей стали выпускать, чекистам запретили «меры физического воздействия», то есть пытать арестованных.

Георгий Маленков уже в апреле 1953 года предложил собрать пленум ЦК, чтобы осудить культ личности Сталина. Сохранился проект его выступления:

«Товарищи! По поручению президиума ЦК КПСС считаю необходимым остановиться на одном важном принципиальном вопросе, имеющем большое значение для дела дальнейшего укрепления и сплочения руководства нашей партии и советского государства. Я имею в виду вопрос о неверном, немарксистском понимании роли личности в истории, которое, надо прямо сказать, получило весьма широкое распространение у нас и в результате которого проводится вредная пропаганда культа личности. Нечего доказывать, что такой культ не имеет ничего общего с марксизмом и сам по себе является не чем иным, как эсеровщиной.

Сила нашей партии и залог правильного руководства, важнейшее условие дальнейшего движения вперед, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашего государства состоит в коллективности и монолитности руководства... Руководствуясь этими принципиальными соображениями, президиум ЦК КПСС выносит на рассмотрение пленума ЦК КПСС следующий проект решения:

"Центральный комитет КПСС считает, что в нашей печатной и устной пропаганде имеют место ненормальности, выражающиеся в том, что наши пропагандисты сбиваются на немарксистское понимание роли личности в истории, на пропаганду культа личности.

В связи с этим Центральный комитет КПСС признает необходимым осудить и решительно покончить с немарксистскими, по существу эсеровскими тенденциями в нашей пропаганде, идущими по линии пропаганды культа личности и умаления значения и роли сплоченного, монолитного, единого коллективного руководства партии и правительства"».

Тогда пленум не собрался. Маленков впервые осудил Сталина и сталинизм на пленуме ЦК в июле 1953 года:

— Вы должны знать, товарищи, что культ личности Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовали. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в по-

следние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной.

Но все слова, прозвучавшие на пленуме, остались для страны секретом. Ничего не было опубликовано.

В последние годы жизни Сталина резко увеличилось налогообложение крестьян, обязательные поставки сельскохозяйственной продукции разоряли их. Налогом облагалось каждое дерево в саду. Крестьяне вырубали сады, забивали скот, не в силах выплатить налоги.

Маленков был сторонником сокращения налогов. Не возражал против личных подсобных хозяйств. Хотел облегчить жизнь крестьянам, децентрализовать управление экономикой. Повысил закупочные цены на продукты сельского хозяйства, сделал упор на производство товаров широкого потребления.

На пленуме ЦК Владимир Павлович Мыларщиков, который руководил сельскохозяйственным отделом ЦК по России, говорил:

— Мы с товарищем Маленковым в пятьдесят четвертом были в Новгороде. Это было в Троицу, в воскресенье. Зашли в одну деревню, шли пешком, проехать нельзя было. Пришли женщины босиком, плохо одетые, начали передавать через товарища Маленкова ЦК и правительству благодарность, что налог уменьшили. Как они говорили! Слезы из глаз готовы были брызнуть. Женщина сказала, что, бывало, фининспектор приедет, опишет всё — заревела и, больше ничего не сказав, ушла...

1 апреля 1953 года в газетах был опубликован длинный — на целую полосу — список товаров, на которые были снижены цены.

Министр культуры Георгий Федорович Александров объяснял задачу коллегам:

— Товарищ Маленков прямо сказал, что мы вытесняем и будем вытеснять водку из быта. Мы будем внедрять кино.

Позволю себе лирическое отступление.

Моя мама на всю жизнь запомнила одно из первых выступлений Маленкова. Ей было лет восемнадцать, жили они очень бедно. Она стояла перед зеркалом и разглядывала свой наряд — выцветшее платье и крепдешиновую косынку, оставшуюся от моей покойной бабушки, и безнадежно мечтала о новом красивом платье, потому что у нее начинался роман с моим будущим папой. И вдруг она услышала по радио знакомый голос, который говорил о том, что нужно позаботиться об упаковке: товары у нас есть, но они плохо упакованы...

Мама была потрясена: первый человек в стране говорил не о тракторах, домнах и прокатных станах, а о том, что людям нужны красивые вещи. И моя мама увидела в этом фантастическую перемену в настроениях начальства. Глаза у нее загорелись, как она мне рассказывала, в предвкушении новой, замечательной жизни...

Пришлось отречься

16 марта 1953 года, через две недели после смерти Сталина, новый глава правительства Георгий Маленков призвал Запад к переговорам:

«В настоящее время нет таких запутанных или нерешенных вопросов, которые нельзя было бы решить мирными средствами на базе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами, включая Соединенные Штаты Америки».

Маленков пошел дальше. Через год, 12 марта 1954 года, выступая с традиционной речью накануне выборов в Верховный Совет, сказал, что новая мировая война «при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации». То есть отверг прежние представления советского руководства о неизбежности войны и о том, что она поможет уничтожению мирового империализма.

Слова Маленкова были сигналом западным странам: мы хотим договариваться. Но Запад не верил в искренность Москвы. Зато слова Маленкова стали желанным поводом для Хрущева избавиться от соперника.

В марте 1953 года Маленков мог выбрать любой пост. Предпочел стать главой правительства — в последние годы Сталин сосредоточил власть в Совете министров. Кроме того, вспомнили, что по традиции на заседании политбюро в ленинские времена председательствовал глава правительства.

А партийный аппарат Маленков опрометчиво оставил Хрущеву, забыв, как за тридцать лет до этого подобную ошибку совершили ленинские соратники. Они тоже не понимали, каким мощным инструментом станет партаппарат в руках умелого секретаря ЦК. Они обманулись насчет Сталина, а Маленков недооценил Хрущева.

Все ошиблись в Никите Сергеевиче, принимая его за простачка, с которым легко будет сговориться! Привыкли,

что Сталин ернически именовал его «Микитой», и думали, что тоже смогут им командовать.

Никита Сергеевич оказался талантливым политиком. Живой и энергичный, он легко обошел своих неповоротливых соратников. Прежде всего он избавился от Берии, которого смертельно боялся. Оттеснить от власти Маленкова, который после смерти Сталина играл роль руководителя страны, оказалось значительно легче.

Львы и кролики в Кремле

Дело даже не в том, что Маленков чувствовал себя неуверенно в роли первого человека. А в том, что не сумел это скрыть. Он пытался установить новый стиль отношений и часто говорил своим подчиненным:

— Решайте сами. Вы лучше моего знаете этот вопрос. Зачем мне вас учить.

Глава правительства хотел предоставить своим подчиненным возможность действовать самостоятельно, видимо, хотел нравиться, а вышло наоборот. Чиновники боятся жестких и жестоких начальников, мягких — презирают, считают слабыми.

Маленкову не хватит воли, силы, хитрости, чтобы удержать власть...

Неуверенный в себе и податливый по натуре, он не был способен на неожиданные и самостоятельные поступки. По словам человека, который его хорошо знал, «Маленков был лишен всяких диктаторских черт, и у меня сложилось впечатление, что он не был честолюбивым человеком. Он был мягок, податлив и испытывал необходимость притулиться к какому-нибудь человеку с сильной волей».

Маленков опирался на Берию.

5 марта 1953 года было принято решение об образовании единого Министерства внутренних дел, объединившего собственно МВД и бывшее Министерство госбезопасности. Министром стал Берия. И несколько месяцев страной управлял тандем Маленков — Берия. Формально Георгий Максимилианович был старшим. Фактически Берия подчинил его своей воле. Лаврентий Павлович презрительно именовал его «Маланьей» — за мягкотелость и пользовался его слабоволием. Для Берии Маленков был удобной ширмой.

Мир делится на львов и кроликов.

Львами были только двое — Хрущев и Берия.

Разница между ними состояла в том, что Никита Сергеевич отчетливо понимал, насколько опасен Лаврентий Павлович. А Берия Хрущева недооценил.

Принято считать, что арест Берии — поворотный момент в истории страны, начало борьбы с культом личности Сталина. Нет, летом 1953 года это была борьба за власть и за выживание. Избавлялись от опаснейшего соперника. Себя спасали.

Товарищи по партийному руководству свергли Берию не только потому, что он претендовал на первую роль. Опасались, что он вытащит на свет документы, свидетельствующие об их причастности к репрессиям.

Лаврентий Павлович, имея в своем распоряжении архивы госбезопасности, запросто мог обнародовать любые документы и выставить товарищей по президиуму ЦК преступниками, а себя — разоблачителем их преступлений. Он-то знал, кто в чем участвовал. А виноваты были все. Одни подписывали уже готовые списки, другие сами требовали кого-то арестовать. Берия всех держал в руках. Начальник Центрального архивного управления МВД генерал Василий Дмитриевич Стыров уже велел своим работникам собрать все материалы, в которых упоминается Маленков.

А Лаврентий Павлович и считал, что его должны бояться. На совещании однажды искренне заметил:

— Нет людей, работающих за совесть, все работают за страх.

Его арестовали и отдали под суд, который вынесет смертный приговор. А по стране пошла гулять частушка:

Берия, Берия
Вышел из доверия,
И товарищ Маленков
Надавал ему пинков.

Маленков согласился убрать Берию, потому что сам его боялся. Не понял, что тем самым лишает себя опоры. Уничтожение Берии поставило крест на карьере Маленкова. Едва Лаврентий Павлович исчез, соратники быстренько съели Георгия Максимилиановича. В одиночку он не мог выстоять против куда более энергичного Хрущева. Чисто аппаратный работник, он чувствовал себя уверенно лишь в собственном кабинете среди таких же чиновников, как он сам. Маленкову не хватало ни характера, ни жизненного опыта для самостоятельных и решительных действий.

В марте пятьдесят третьего года Хрущев был избран секретарем ЦК — всего лишь одним из четырех. После мастерски проведенного им ареста Берии Никита Сергеевич захотел повышения. Он завел речь о том, что на заседаниях президиума ЦК должен председательствовать секретарь ЦК, а не глава правительства Маленков:

— У нас коллективное руководство, значит, каждый должен делать свое дело, Маленков — руководить правительством, а не партией.

Товарищи по партийному руководству, ощущая очевидное первенство Хрущева, спешили удовлетворить его амбиции. Через два месяца после ареста Берии, во время сентябрьского пленума, в перерыве в комнате отдыха, где собирались члены президиума, Маленков вдруг сказал:

— Я предлагаю избрать на этом пленуме Хрущева первым секретарем Центрального комитета.

Каганович вспоминал, что страшно удивился. Обычно такие серьезные вопросы заранее обговаривались. Спросил у Маленкова, почему тот никому ничего не сказал. Маленков объяснил, что перед самым пленумом к нему подошел министр обороны Булганин и предложил избрать Хрущева:

— Иначе я сам внесу это предложение.

И точно — Булганин первым поддержал Маленкова:

— Давайте решать!

Булганин и Маленков, оба — слабые фигуры, наперебой старались расположить к себе Хрущева, чувствуя за ним силу.

На пленуме Маленков объяснил, что «в настоящее время у нас нет первого секретаря ЦК», и предложил кандидатуру Никиты Сергеевича как «верного ученика Ленина и ближайшего соратника Сталина, обладающего огромным опытом в области партийного строительства и глубокими знаниями нашего народа».

Пленум послушно принял решение «об избрании т. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС». В печати об этом не сообщалось, но аппарату новый расклад сил был ясен.

При Сталине Хрущев набивался Маленкову в друзья, по вечерам приглашал вместе с семьями гулять по Москве. И в первые месяцы после смерти вождя тоже старался быть поближе к Маленкову, они вместе обедали, ездили на одной машине. Хрущев не только демонстрировал дружбу с Маленковым, но и по ходу дела внушал ему свои идеи, добиваясь необходимой поддержки.

Почувствовав силу, Никита Сергеевич потерял интерес к Маленкову. Георгий Максимилианович засуетился, чувствуя, что теряет власть, и пытался угодить Хрущеву. Главный редактор «Правды» Дмитрий Шепилов рассказывал, как в апреле пятьдесят четвертого ему позвонил вежливый Маленков:

— Вы не могли бы сейчас приехать ко мне на несколько минут?

Сталинский кабинет отремонтировали для нового хозяина, все было свежее и блестело. Глава правительства, напротив, выглядел неуверенным, говорил сбивчиво и смущенно:

— Я просил вас приехать, товарищ Шепилов, вот по какому вопросу. Шестнадцатого апреля Никите Сергеевичу исполняется шестьдесят лет. Он очень старается. Он хорошо работает. Мы посоветовались между собой и решили присвоить ему звание Героя Социалистического Труда. Мне поручено переговорить с вами, чтобы хорошо, по-настоящему подать это в газете.

Маленкову его старания не помогли. Уже через полтора года Хрущев настолько окреп, что атаковал Георгия Максимилиановича и обвинил его, главу правительства, в отказе от основных принципов советской политики.

Хрущев назвал слова Маленкова о гибели цивилизации в случае мировой войны «теоретически неправильными, ошибочными и политически вредными». Это заявление, утверждал Хрущев, «способно породить у народов чувство безнадежности их усилий сорвать планы агрессоров». Маленкову пришлось оправдываться и опровергать самого себя. Но это его уже не спасло.

8 мая 1954 года Хрущев выступал перед ленинградскими партработниками:

— Показали мне ваш стадион. Стадион замечательный. На этом стадионе висит огромный портрет товарища Маленкова, портретов других же членов президиума ЦК нет. Что такое культ личности? Это возвеличение одного человека, которому приписывают все существующие и не существующие заслуги. Зачем нам нужно создавать какого-то «бога»? Ведь у нас все государственные вопросы решаются коллегиально. Все члены президиума ЦК в равной степени несут ответственность перед партией и страной. Если вы хотите выделить товарища Маленкова, то это неправильно, потому что и другие члены президиума также являются достойными руководителями нашего государства...

На встрече глав правительств четырех держав — СССР, США, Великобритании и Франции — в Женеве советскую делегацию должен был возглавить председатель Совета министров Маленков. Хрущева это не устраивало: «Маленков оказался человеком совершенно безынициативным и в этом смысле даже опасным, он слабоволен и слишком поддается чужому влиянию. Не только нажиму, а просто влиянию других...»

— У нас могут сложиться довольно тяжелые условия, — внушал Никита Сергеевич товарищам. — Маленков возглавит нашу делегацию, а для всех очевидно, что Маленков не способен по-настоящему противостоять противнику при встрече. У него характер, сглаживающий острые углы. Он улыбающийся человек, не способный парировать удары, тем более не способный предпринять наступление при обсуждении вопросов. А без этого нельзя. Защищаться — значит вдохновлять противника. Необходимо нападать... Мы не сомневаемся в честности товарища Маленкова, но я очень сомневаюсь в его возможностях проведения твердой линии: у него нет твердого характера, хребта не хватает. Обменивались мы мнениями на этот счет, в частности с товарищем Молотовым, говорили, что, вот, Черчилль рвется к встрече с председателем Совета министров СССР, и, право, боязно, что, если он сюда приедет и наедине будет говорить с Маленковым, тот может испугаться, сдаться... Я вижу, что нет у него характера, если человек нередко теряется, заискивает перед другими...

И Хрущев сам поехал в Женеву.

На пленуме ЦК в январе 1955 года первый секретарь ЦК произнес большую речь против Маленкова. Рассказал, как Георгий Максимилианович позвонил ему вечером домой:

— Хочу посоветоваться насчет доклада о бюджете на сессии Верховного Совета.

Приехал и говорит:

— Знаешь, я хочу в докладе о государственном бюджете поставить вопрос об улучшении социального обеспечения в стране.

Хрущев возразил:

— Позволь, ведь этот вопрос еще совсем сырой, его только готовят, никакого решения еще нет. О чем же ты будешь говорить? Неужели ты хочешь пятаки раздавать, делать народу какие-то посулы?..

И Никита Сергеевич возмущался:

— Товарищу Маленкову нужна была дешевенькая сла-

ва. Это песня из той же оперы, как и его выступление на Пятой сессии Верховного Совета СССР...

Что же ставилось в вину главе правительства?

В его речи были широковещательные обещания, «направленные на снискание дешевой популярности». Товарищи обвиняли Маленкова в том, что он противопоставил темпы развития тяжелой промышленности темпам развития легкой и пищевой промышленности, выдвинул лозунг форсированного развития легкой промышленности...

Хрущев предложил освободить его от обязанностей главы правительства:

— Товарищ Маленков не обеспечивает выполнение обязанностей председателя Совета министров СССР, плохо организует работу Совета министров, не проявляя себя достаточно зрелым и твердым большевистским руководителем.

Политическая карьера Георгия Максимилиановича завершилась. Впервые — нормальным образом: переизбрали! Не уволили и не посадили. Большое достижение.

«Как в полчаса увял этот человек, — записал свои впечатления от пленума Александр Трифонович Твардовский, — исчезла вся значительность, был просто толстый человек на трибуне под устремленными на него указательными пальцами протянутых рук президиума, запинающийся, повторяющийся, "темнящий", растерянный, чуть ли не жалкий. Странно, что у него не хватило ума в свое время отойти в сторонку чуть-чуть, быть вторым, неужели так хотелось быть первым?.. Жалка и безнадежна его дальнейшая судьба».

Пленум ЦК 31 января постановил:

«ЦК КПСС считает, что тов. Маленков Г. М. не обеспечивает надлежащего выполнения обязанностей Председателя Совета Министров СССР. Не обладая необходимыми знаниями и опытом хозяйственной деятельности, а также опытом работы местных советских органов, тов. Маленков плохо организует работу Совета Министров, не обеспечивает серьезной и своевременной подготовки вопросов к заседаниям Совета Министров. При рассмотрении многих острых вопросов тов. Маленков проявляет нерешительность... Между тем т. Маленков неправильно понял свои функции и явно претендовал не только на руководство деятельностью Правительства, но и на руководство Президиумом ЦК».

Маленкова убрали с поста главы правительства, перевели в заместители, дали незначительный пост министра электростанций, но оставили членом президиума ЦК.

18 февраля Никита Сергеевич держал речь на пленуме ЦК компартии Украины. И опять почти всю речь посвятил развенчанию уже сброшенного с пьедестала соперника:

— Товарищ Маленков, видимо, упоенный положением председателя Совета министров, думал, что теперь он может все сделать. Он произнес необдуманную речь, в которой заявил, что в два-три года добьемся изобилия продовольствия и предметов потребления. Но он не подумал, откуда же это изобилие берется. В каком состоянии находится сельское хозяйство? Как выполнить это обещание?.. Чтобы создать видимость, что слова об изобилии начинают выполняться, стали вытаскивать из сундука золото, золото потекло за границу!

Хрущев напомнил слова Маленкова, который, выступая на сессии Верховного Совета, сказал о необходимости «крутого подъема» производства предметов народного потребления, о «форсированном развитии легкой индустрии» и снижении сельскохозяйственного налога:

— Я ему сказал, что ты неправильно поступаешь. Это же по существу меньшевистские речи, разве можно забывать, что мы окружены капиталистическими государствами... Нам надо всемерно крепить мощь нашего государства... Это значит, что мы должны развивать тяжелую промышленность. Говорить другое — значит заниматься демагогией, которая разоружает наш народ. Это по сути дела капитуляция перед врагом! После выступления Маленкова ряд экономистов выступил с «теоретическими» обоснованиями линии, явно антимарксистской, направленной на защиту положения о том, что теперь можно дать приоритет легкой промышленности перед тяжелой. Товарищи, это опасные рассуждения... Американские капиталисты вынашивают планы прибрать нас к рукам, когда мы ослабнем, закабалить нашу страну...

Хрущев вспомнил беседу с секретарем московского горкома Екатериной Алексеевной Фурцевой:

— А как реагируют простые люди на такие речи? Мне товарищ Фурцева рассказывала. Приехала к ней родственница из деревни. Она спрашивает ее: как дела у вас в деревне? «Ничего, — отвечает, — теперь стало веселее. Товарищ Маленков хорошо выступил и пообещал нам, что скоро будет изобилие всех жизненных благ»... Эта крестьянка говорит: у нас Маленкова называют Георгием Победоносцем. Ну, для крестьянки, может быть, он победоносец, но мы-то знаем, какой он победоносец. Это несчастье, а не победоносец...

Антипартийная группа

6 апреля 1957 года на президиуме ЦК в отсутствие Хрущева рассматривался вопрос о его награждении за освоение целинных земель. Обычно в таких случаях все высказываются «за». Но тут произошло непредвиденное. Министр государственного контроля Вячеслав Михайлович Молотов высказался «против»:

— Хрущев заслуживает, чтобы его наградить, но, полагаю, надо подумать. Он недавно награждался. Вопрос требует того, чтобы обсудить его политически.

«Политически» — то есть по существу. В словах Молотова был резон: неприлично давать награду одному человеку слишком часто. Но дело было не в награде. Молотов выступил против Хрущева.

Ему возразил первый заместитель главы правительства Михаил Георгиевич Первухин:

— Нет сомнения, что Никита Сергеевич проявил инициативу относительно целинных земель. До него этот вопрос не ставился. Целина — важное дело, и нас не должно смущать, что через два года награждаем вновь.

Каганович тоже высказал сомнение в целесообразности награждения:

— Товарищ Хрущев имеет заслуги в этом деле. Награда заслуженная. Но тут есть вопрос. Правильно ли, что мы награждаем первого секретаря только за одну отрасль? У нас нет культа личности, и не надо давать повода... Надо спросить самого товарища Хрущева и политически обсудить вопрос.

Маленков занял уклончивую позицию:

— Личные заслуги товарища Хрущева большие. Но предлагаю ограничиться сейчас обменом мнениями и поговорить еще, может быть, вне заседания.

Секретарь ЦК Петр Николаевич Поспелов не согласился с Маленковым:

— Целинные земли — не частный вопрос. Товарищ Хрущев заслуживает награды.

По существу это была проба сил. Влиятельные члены президиума ЦК фактически выступили против Хрущева. В тот раз они не решились идти до конца и уступили. Президиум все-таки принял постановление «О награждении первого секретаря ЦК КПСС Героя Социалистического Труда т. Хрущева орденом Ленина и второй Золотой медалью “Серп и Молот”», отмечая «выдающиеся заслуги

Н. С. Хрущева в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель».

После голосования Маленков даже позвонил Хрущеву и подобострастно сказал:

— Вот, Никита, сейчас поеду домой и от чистого сердца, со всей душой трахну за тебя бокал коньяку.

Никите Сергеевичу, разумеется, доложили, кто и как высказывался за его спиной. Хрущев и сам не заметил, как в высшем партийном органе собралась критическая масса обиженных на него людей, — Маленков и Молотов, которых он оттер от власти и лишил должностей; Булганин, Каганович и Ворошилов, которых он ругал при всяком удобном случае.

Ничего у них общего не было кроме главной цели — убрать Хрущева. Они объединились против Хрущева, как в пятьдесят третьем против Берии. Все они сильно себя переоценивали и не замечали, как быстро окреп Никита Сергеевич, как стремительно освоился в роли руководителя страны. Они предполагали, что им легко удастся скинуть Хрущева. Молотов видел себя на его месте, Булганина намечали председателем КГБ, Маленкова и Кагановича — руководителями правительства.

18 июня 1957 года на заседании президиума ЦК намечалось обсудить вопрос об уборке урожая и хлебозаготовках. Хрущев предложил всему составу президиума отправиться в Ленинград на празднование 250-летия города. Первым возразил Климент Ефремович Ворошилов:

— Почему все должны ехать, что, у членов президиума нет других дел?

Каганович поддержал маршала, сказал, что лично он занят уборкой урожая:

— Мы глубоко уважаем Ленинград, но ленинградцы не обидятся, если туда поедут не все, а несколько членов президиума.

Не сразу разобравшись, что происходит, Никита Сергеевич в привычной для него резкой манере обрушился на членов президиума. Микоян пытался его успокоить. Но тут члены президиума сказали, что так работать нельзя — давайте обсуждать поведение Хрущева, а председательствует пусть Булганин. Вот тут Никита Сергеевич понял, что против него затеян заговор.

Первым речь произнес Маленков, который больше всех пострадал от Хрущева:

— Вы знаете, товарищи, что мы поддерживали Хрущева. И я, и товарищ Булганин вносили предложение об избрании Хрущева первым секретарем. Но вот теперь я вижу, что мы ошиблись. Он обнаружил неспособность возглавлять ЦК. Он делает ошибку за ошибкой, он зазнался. Отношение к членам президиума стало нетерпимым, особенно после XX съезда. Он подменяет государственный аппарат партийным, командует непосредственно через голову Совета министров. Мы должны принять решение об освобождении Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК.

Маленкова поддержал Каганович, у которого Никита Сергеевич когда-то был в подчинении:

— Хрущев систематически занимался дискредитацией президиума ЦК, критиковал членов президиума за нашей спиной. Такие его действия вредят единству, во имя которого президиум ЦК терпел до сих пор причуды Хрущева.

Поднаторевший в борьбе с партийными уклонами Каганович напомнил, что Хрущев в свое время допустил ошибку и поддержал троцкистскую платформу.

— Хрущев, — припомнил Лазарь Моисеевич, — был в двадцать третьем — двадцать четвертом годах троцкистом. И только в двадцать пятом он пересмотрел свои взгляды и покаялся в своем грехе.

Обвинение в троцкизме было крайне опасным, и потом Хрущев попросит Микояна прийти ему на помощь. Анастас Иванович растолкует недавним членам ЦК, плохо осведомленным о реальной истории партии:

— В двадцать третьем году Троцкий выдвинул лозунг внутрипартийной демократии и обратился с ним к молодежи. Он собрал много голосов студенческой молодежи, и была опасность, что он может взять в свои руки руководство партией. Во время этой дискуссии на одном из первых собраний Хрущев выступал в пользу этой позиции Троцкого, но затем, раскусив, в чем дело, в той же организации активно выступал против Троцкого. Не надо забывать, что Троцкий был тогда членом политбюро, ратовал за внутрипартийную демократию. Надо знать психологию того времени и подходить к фактам исторически...

Забавно, что всякий раз, когда Хрущев, подчиняясь человеческим чувствам, выступал за демократию в партии или в защиту невинно расстрелянных, его обвиняли либо в троцкизме, либо в ревизионизме. Партийные работники и после его отставки говорили: «Хрущев троцкист, хотя о Троцком высказывается уклончиво. Ему пары лет не хва-

тило, чтобы всех реабилитировать, начиная с Зиновьева и Каменева. И колхозы он считал делом сомнительным, отсюда его установки на агрогорода и совхозы».

А тогда на президиуме ЦК Молотов, фактически отстраненный от большой политики, тоже с удовольствием сквитался с Хрущевым:

— Как ни старался Хрущев провоцировать меня, я не поддавался на обострение отношений. Но оказалось, что дальше терпеть невозможно. Хрущев обострил не только личные отношения, но и отношения в президиуме в целом.

Молотова и Маленкова поддержали глава правительства маршал Николай Александрович Булганин и два его первых заместителя — Михаил Георгиевич Первухин и Максим Захарович Сабуров. Ворошилов, которым Хрущев в последнее время просто помыкал, внес оргпредложение:

— Я пришел к заключению, что необходимо освободить Хрущева от обязанностей первого секретаря. Работать с ним, товарищи, стало невмоготу. Не можем мы больше терпеть подобное. Давайте решать.

Едва зазвучала критика в адрес Никиты Сергеевича, секретари ЦК Фурцева и Брежнев бросились собирать союзников и единомышленников. Екатерина Алексеевна сразу сказала:

— Надо звать Жукова, он на стороне Хрущева.

Секретарь ЦК Аверкий Аристов, ведавший партийными организациями Российской Федерации, заболел и сидел дома. Фурцева предложила и его привезти на заседание, хотя он не был членом президиума и не имел права решающего голоса. Леонид Ильич выскочил из зала заседаний и побежал к себе в кабинет. Позвонил Аристову:

— Немедленно приезжайте, нас мало.

Брежнев стал искать министра обороны Жукова. Выяснилось, что маршал на учениях за городом. За ним послали. После этого Леонид Ильич соединился с верным хрущевцем председателем КГБ генералом армии Иваном Александровичем Серовым, предупредил, что заседание президиума направлено против Никиты Сергеевича.

Когда Брежнев вернулся, его подозрительно спросили:

— Куда это вы мотались?

Брежнев огрызнулся:

— У меня желудок расстроился, в уборной сидел.

Фурцевой он дал знать, что мобилизовал всех, кого мог.

Маленков в нервном состоянии даже стучал кулаком по столу. Маршал Жуков потом иронически вспоминал:

«Я сидел рядом с Маленковым, и у меня графин подпрыгнул на столе».

Хрущева предполагалось назначить министром сельского хозяйства: пусть еще поработает, но на более скромной должности. Расклад был не в его пользу. Семью голосами против четырех президиум ЦК проголосовал за освобождение Хрущева с поста первого секретаря.

Но произошло нечто неожиданное: Хрущев нарушил партийную дисциплину и не подчинился решению высшего партийного органа. Ночь после заседания он провел без сна со своими сторонниками. Вместе они разработали план контрнаступления.

Никита Сергеевич точно угадал, что многие члены ЦК, особенно молодые, поддержат его в борьбе против старой гвардии и простят первому секретарю такое нарушение дисциплины. Помощники и соратники Хрущева обзванивали партийных секретарей по всей стране, мобилизуя их на поддержку хозяина страны.

Первый секретарь Хабаровского обкома Алексей Павлович Шитиков вызвал своего второго секретаря Алексея Клементьевича Чёрного:

— Только что звонил заведующий сельхозотделом ЦК Мыларщиков. Просил созвониться с соседями-дальневосточниками, всем вместе первым самолетом вылететь в Москву и сразу же ехать к нему в ЦК. При этом он доверительно намекнул, что в Кремле идет очень важное заседание президиума ЦК, касающееся Хрущева. Но о причинах выезда просил не распространяться.

Верные Хрущеву люди объясняли провинциальным партсекретарям: «В Кремле бывшие сталинцы бьют нашего Никиту».

Ключевую роль в спасении Хрущева сыграли председатель КГБ Серов и министр обороны Жуков. Маршал Жуков самолетами военно-транспортной авиации со всей страны доставлял в Москву членов ЦК, а Серов их правильно ориентировал. Некоторые члены ЦК в этом и не нуждались. Они сразу встали на сторону Хрущева.

Появилось письмо, адресованное президиуму ЦК:

«Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным Комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов Пленума ЦК такие важные для всей нашей партии вопросы.

В связи с этим мы, члены ЦК КПСС, просим срочно

созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение Пленума.

Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партией».

Письмо подписали люди, связавшие с Хрущевым свою политическую судьбу. Они собрались в Свердловском зале Кремля, заявили, что поддерживают первого секретаря и пришли требовать от членов президиума отчета: что происходит?

Члены президиума ЦК были потрясены тем, что кто-то посмел пойти против их воли. Президиум ЦК увидел, что партийный аппарат вышел из подчинения. Молотову и Маленкову пришлось согласиться на проведение пленума ЦК, на котором люди Хрущева составляли очевидное большинство. Остальные, увидев, чья берет, тотчас присоединились к победителю.

Роли переменились. Пленум ЦК превратился в суд над антипартийной группой Молотова, Маленкова и Кагановича. Молотова на первое место поставил сам Хрущев — он считал Вячеслава Михайловича идейным вождем группы.

Антипартийной в советской истории становилась та группа, которая терпела поражение во внутрипартийной борьбе. Победил Хрущев, поэтому его противники оказались антипартийной группой. Через семь лет, осенью 1964-го, Хрущев потерпит поражение, и люди, которые говорили о нем почти то же самое, что Маленков и другие, окажутся победителями и возьмут власть...

Первые секретари обкомов не хотели никакого либерализма, но еще больше они боялись возвращения к сталинским временам, когда никто не был гарантирован от ареста. Старая гвардия олицетворяла именно такую жизнь. Поэтому июньский пленум поддержал Хрущева. Никита Сергеевич тоже не у всех вызывал симпатии, но он открывал молодому поколению дорогу наверх, освобождая кабинеты от прежних хозяев.

Хрущев ловко выделил из семи членов президиума, выступивших против первого секретаря, троих — Молотова, Маленкова и Кагановича — и представил их антипартийной группой. Остальным дал возможность признать свои ошибки и отойти в сторону. Ворошилова и Булганина Хрущев вообще помиловал. От Булганина он, правда, потом все равно избавился, а Ворошилову позволил остаться на декоративном посту председателя президиума Верховного Совета СССР.

Жизнь в опале

Маленков проиграл и эту схватку. Все противники Хрущева были выброшены из политики и из Москвы и находились под наблюдением местных органов КГБ. Бывшего главу правительства сослали на Алтай директором Усть-Каменогорской ГЭС. А летом 1957 года перевели в шахтерский город Экибастуз — в Павлодарской области Казахстана. Назначили директором теплоэлектростанции.

О жизни Маленкова в Казахстане автору рассказывал крупный партийный работник Валерий Иннокентьевич Харазов. Он был секретарем одного из райкомов в Москве, пока его по разнарядке не отправили поднимать целину — секретарем Павлодарского обкома по промышленности, и Георгий Максимилианович Маленков оказался одним из его подопечных.

— Встретили его люди хорошо, — вспоминал Валерий Харазов. — Ходил он в том же френче, что и на фотографиях. Держался очень скромно, но на него сбегались посмотреть. Однажды мы с ним вместе полетели в Москву, а в то время надо было лететь чуть не целые сутки со множеством остановок.

Выяснилось, что в народе он по-прежнему популярен. Харазову потом в ЦК КПСС недовольно сказали:

— Если бы что-то случилось, ты бы расстался с партбилетом.

Боялись, что возникнет стихийный митинг в поддержку Маленкова.

— Прямых рейсов тогда не было. Летели долго. Когда самолет совершал очередную промежуточную посадку, мы с ним отходили в сторону. И все равно сбегались люди, чтобы на него посмотреть. Маленков сам боялся привлекать к себе внимание, понимал, чем ему все это грозит.

В Челябинске пришлось заночевать, потому что Москва не принимала. Вдруг прибежал летчик с другого самолета:

— Георгий Максимилианович, летим со мной! Меня Москва принимает.

Маленков к Харазову:

— Как быть?

Тот развел руками:

— Нельзя, мы должны прилететь тем рейсом, о котором сообщили в Москву.

Маленкова вызвали в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Помощник председателя КПК Николая Михайловича Шверника звонил Харазову и предупредил:

— За вами пришлют машину. Назовете в справочной вашу фамилию.

Прилетели в Москву, вышли из самолета. Маленков радостно говорит:

— А вот Воля!

Его встречала дочь с мужем, который водил машину.

Харазов пошел узнавать насчет транспорта. Выяснилось, что обещанный автомобиль с автобазы управления делами ЦК так и не прислали.

Маленков робко предложил:

— Может, нам поехать на машине Воли?

Сели все вместе. Дочь стала уговаривать Георгия Максимилиановича заглянуть сначала домой, переодеться и умыться с дороги.

Маленков повернулся к Харазову.

Тот сказал:

— Нам надо в КПК.

Маленков тут же согласился:

— Лучше я сразу съезжу, а потом уже домой.

Харазов оставил его в Комитете партконтроля, а сам поехал к матери.

Маленков вскоре ему позвонил:

— Вопрос, по которому меня вызвали, к нынешним делам отношения не имеет. Подробно не могу вам сказать по телефону, но это старые дела.

Маленкова обвиняли в том, что он в годы Большого террора проводил репрессии в Армении, куда ездил по поручению Сталина.

А тогда Георгий Максимилианович робко попросил Харазова:

— Вы без меня не уезжайте, я же не знаю даже, где билеты купить.

Проработав всю жизнь в партийно-государственном аппарате, он был абсолютно беспомощен в бытовых делах...

В Экибастузе рабочие ТЭЦ избрали Маленкова членом парткома. Об этом немедленно сообщили в Москву. Злой Хрущев позвонил первому секретарю Казахстана Николаю Ильичу Беляеву:

— Что это означает? Вы знаете, как мы относимся к Маленкову, а у вас ему, выходит, оказывают политическое доверие?

Беляев вне себя позвонил в Павлодар. Первого секретаря горкома сняли с работы. Харазова вызвали на совещание в Алма-Ату, куда окружным путем надо было добираться восемнадцать часов на самолете. После совещания велели задержаться и повели к Беляеву. Руководитель республики стал его распекать:

— Как вы могли допустить, что Маленкова избрали членом парткома?..

Вскоре с Маленковым произошла неприятная история — он потерял партбилет. Родившимся после крушения советской системы не понять масштаба постигшей его трагедии. Утеря партбилета — страшный и непростительный грех!

Как это произошло? Городок, где жил Маленков, стоит в степи. Никакой зелени. Маленький оазис — возле горкома. Маленкова вызвали на совещание. Он пришел заранее, скинул френч и, держа его в руке, прогуливался. И не заметил, как партбилет выпал из кармана. Спохватился в горкоме — нет партийного билета. Пришел домой сам не свой. Но через час милиционер принес ему партбилет:

— Вы его потеряли в скверике.

Что делать? Ясно, что за час партбилет никому в руки не попал. А вдруг это провокация? И ждут, как он себя поведет? Он пошел в горком и честно признался, что потерял партбилет. Ему дали выговор и выдали новый. Так он остался без партбилета номер три...

А в октябре 1961 года на XXII съезде партии председатель КГБ СССР Александр Николаевич Шелепин выступил с резкой антисталинской речью и рассказал о причастности Маленкова и других членов политбюро к массовым репрессиям. Шелепин впервые процитировал мерзкие и циничные резолюции, которые Сталин и его соратники ставили на просьбах арестованных разобраться, и сказал, что они «несут прямую, персональную ответственность за их физическое уничтожение». В 1961 году Маленкова исключили из партии.

В 1968 году в возрасте восьмидесяти четырех лет умерла его мать — Анастасия Георгиевна, которая с тридцатых годов работала директором санатория под Москвой в поселке Удельное. Маленков написал заявление о выходе на пенсию и, не спросив разрешения, вернулся в Москву, чтобы похоронить мать. Хрущева уже сняли, а новых руководителей Георгий Максимилианович не интересовал.

А вот жить недавнему руководителю страны было негде. Они с женой остановились у дочери. Потом Валерии Алексеевне Голубцовой разрешили вступить в кооператив, и в 1973 году они получили двухкомнатную квартиру на 2-й Синичкиной улице. В 1980 году им дали квартиру получше (тоже двухкомнатную) на Фрунзенской набережной. На пенсии Маленков интересовался экологией, биосферой, физикой. Много читал. Мемуаров не писал.

Голубцова страдала от стенокардии и болезни Паркинсона. Маленкова мучила почечнокаменная болезнь. В больницу их положили одновременно. Валерия Алексеевна скончалась 1 октября 1987 года. Георгий Максимилианович, более крепкий, умер в ночь на 14 января 1988 года. Он прожил восемьдесят шесть лет в стране, где мужчины в среднем не доживают и до шестидесяти.

— Пришло сообщение о смерти Маленкова, — объявил на заседании политбюро генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. — Нужно ли публиковать официальное сообщение?

Решили не публиковать. Перестройка была в самом разгаре, но для членов политбюро Маленков все еще оставался грешником — членом «антипартийной группы». Руководители партии и государства увлеклись обсуждением, где хоронить. Разрешили похоронить Маленкова рядом с женой на Новокунцевском кладбище.

ХРУЩЕВ
ПОЧЕМУ КОММУНИЗМ НЕ ПОСТРОИЛИ

Тайная стенограмма

Всегда считалось, что существуют хранимые за семью печатями стенограммы заседаний высшего органа власти — политбюро (в 1952—1966 годах — президиума) ЦК. Наступит счастливый момент, с этих стенограмм снимут гриф секретности, и мы узнаем все тайны. В реальности заседания политбюро (президиума) ЦК практически никогда не стенографировались.

Члены политбюро собирались в Кремле каждый четверг. Отсутствовать можно было только по причине болезни или заграничной командировки, куда ездили опять же по решению политбюро. Если бы кто-то пропустил заседание, сразу возник бы вопрос: выходит, он сам все знает, без совета политбюро намерен решать свои вопросы?.. Такой человек в политбюро бы не задержался.

На заседании обсуждались наиболее важные проблемы. Остальные решения принимались опросом: общий отдел ЦК с фельдъегерской связью рассылал членам политбюро документы, на которых нужно было написать «за» или «не согласен».

В зале, где заседало политбюро, места за столом занимали в зависимости от ранга и продолжительности пребывания в партийном звании. У каждого было свое место, в чужое кресло не усаживались.

Во время заседания разносили чай, кофе, предлагали бутерброды. Заместитель начальника политической разведки генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко запомнил вызов на заседание политбюро:

«На центральный стол подавали бутерброды с благородной рыбкой, с красной и черной икрой, а всех нас, подпиравших стены зала заседаний, обносили только бутербродами с колбасой и сыром. Таким образом, каждый еще раз мог осознать свое место и назначение в этом мире».

Если обсуждение затягивалось, то устраивали перерыв и обедали на втором этаже, в комнате возле Свердловского зала. За обедом разговор продолжался.

На политбюро вызывали министров, маршалов, академиков, директоров, словом, любых чиновников. Они докладывали, потом шло обсуждение и принималось решение. По традиции почему-то не приглашались ждавшие назначения послы. Они сидели в приемной, пока принималось решение отправить их в ту или иную страну.

В приемной, где ждали своей очереди приглашенные на заседание, официанты тоже разносили чай. Дежурный секретарь называл номер обсуждаемого вопроса — в соответствии с повесткой дня. Вызванные по этому вопросу заходили в зал заседаний. После обсуждения сразу выходили. Задерживаться не позволялось.

Иногда разрешалось присутствовать помощникам первого (генерального) секретаря. Всегда сидел заведующий общим отделом ЦК или его первый заместитель. Они коротко помечали на карточках, кто присутствовал, какие темы обсуждались. В меру своих способностей передавали смысл позиции каждого выступавшего и записывали окончательное решение.

Магнитофонные записи заседаний (даже когда такая техника появилась) исключались, во-первых, ради соблюдения секретности и, во-вторых, как ни странно это звучит — во имя свободы высказываний. Еще в ленинские времена члены политбюро условились, что стенограмм не будет — все могут высказываться свободно и не думать о том, что потом кто-то прочтет запись и узнает, кто какой позиции придерживался.

И только Хрущев в бытность руководителем партии и правительства несколько раз вызывал стенографисток и устраивал расширенные заседания президиума ЦК, на которых выступал с обширными речами. Эти записи представляют особую ценность, потому что на них запечатлена неправленая речь Никиты Сергеевича.

Теперь, когда опубликованы протоколы президиума ЦК (за все хрущевское десятилетие), можно узнать, что говорил Никита Сергеевич в своем кругу. 14 декабря 1959 года Хрущев выступал на президиуме ЦК о проекте программы КПСС. Объяснил, как именно представляет себе приближение к коммунистическому обществу:

— Это значит всех детишек взять в интернат, всех детей от рождения до окончания образования взять на государ-

ственное обеспечение, всех стариков от такого-то возраста — обеспечить всем... Я думаю, что когда мы одну-две пятилетки поработаем, мы сможем перейти к тому, чтобы всех людей кормить, кто сколько хочет. У нас хлеб будет, мясо — еще две пятилетки (это максимум) и, пожалуйста, — кушай. Но человек больше не скушает, чем может. Даже в капиталистических странах есть рестораны, где можно заплатить сколько-то и ты можешь кушать, что хочешь. Почему же при нашем социалистическом и коммунистическом строе нельзя будет так сделать?

Вот каким ему виделся коммунизм, предел мечтаний советского человека, рай на земле... Страна жила бедно, и возможность накормить людей досыта рисовалась главе партии и правительства главной задачей.

Но для него идея строительства коммунизма, вызывавшая уже в ту пору насмешки, не была циничной абстракцией. Этим он и отличался от товарищей по партийному руководству, которые давно ни во что не верили.

Кухонный спор

В том же 1959 году в Москву приезжал тогдашний вице-президент Соединенных Штатов Ричард Никсон. Через десять с лишним лет он вновь появится в Москве — уже в качестве президента США — и будет вести плодотворные переговоры с новым главой партии Леонидом Ильичом Брежневым. Но это уже будет другой Никсон и другая Москва.

Никсону предстояло открыть в парке Сокольники первую американскую выставку. Советская выставка уже прошла в Нью-Йорке.

В Сокольниках американцы развернули студию цветного телевидения, которого в Советском Союзе еще не видели, и предложили устроить в студии живые дискуссии и в прямом эфире транслировать их по телевизионной сети выставки. Председатель Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами Георгий Александрович Жуков доложил в ЦК КПСС, что заявил протест американскому представителю: «Я еще раз подчеркнул, что мы считаем абсолютно неприемлемым проведение на выставке и тем более показ по телевидению каких-либо дискуссий».

Ограничили число тех, кому достанутся билеты, а также предписали выделить «специальных людей из числа членов партии, комсомольцев и беспартийного актива для органи-

зации критических записей в книге отзывов посетителей, имея в виду критику американского образа жизни».

Прилетев в Москву, Никсон лег пораньше, но из-за большой разницы во времени ему не спалось. В половине шестого утра он встал, разбудил своего помощника и вместе с советским охранником, который одновременно исполнял обязанности переводчика и водителя, поехал на Даниловский рынок. Когда вице-президент был мальчиком, он работал в лавке отца и рано утром ездил с ним на рынки в Лос-Анджелесе, чтобы доставить свежие фрукты и овощи. Ему хотелось сравнить рынки.

Американца встретили доброжелательно, предлагали ему фрукты и овощи, от денег отказывались. Вице-президента поразила только одна деталь: он увидел две пары весов — одними пользовался продавец, другими покупатель, чтобы убедиться, что его не обвесили. Понятие «контрольные весы» ему было незнакомо.

У Никсона выпрашивали билеты на американскую выставку. Решив, что билеты дороги для этих людей, он попросил помощника дать им сто рублей. Но все засмеялись: билеты не достать ни за какие деньги. Посещение рынка было незапланированным и разозлило хозяев. «Правда», «Известия», «Труд» дружно обвинили Никсона в попытке «подкупить» и «унизить» советского человека: он пытался раздавать деньги, позируя американским фотографам.

Встречи в Кремле начались в кабинете формального главы государства маршала Клемента Ефремовича Ворошилова, председателя президиума Верховного Совета СССР. Потом гостя отвели к Хрущеву. Когда американцы вошли, Никита Сергеевич демонстративно рассматривал модель спутника, отправленного на Луну.

«Я чувствовал, что он находится в раздраженном состоянии, — вспоминал Никсон. — Он все время оглядывал меня с ног до головы, как портной может оглядывать клиента, чтобы сшить ему костюм, или, скорее, как похоронных дел мастер оглядывает будущего покойника, чтобы подобрать ему гроб».

Хрущев был страшно недоволен тем, что американский конгресс принял резолюцию в поддержку «стран, порабощенных Советским Союзом». Стуча кулаком по столу, заявил, что считает это серьезной провокацией.

— Эта резолюция воняет! — кричал он.

Он выражал свои эмоции с помощью непечатных слов, выходящих столь далеко за рамки дипломатического язы-

ка, что Олег Александрович Трояновский, его молодой переводчик и будущий посол, густо покраснел и не без колебаний перевел его слова.

Хрущев приехал на открытие выставки. Пытался поддеть Никсона:

— Американцы потеряли умение торговать. Вы постарели и не торгуетесь, как раньше. Вам надо влить свежие силы.

— А вам надо иметь товары, чтобы торговать, — нашелся Никсон.

Хрущев заговорил о том, что Советский Союз желает жить в мире, но готов защитить себя в случае войны. Обещал, что Советский Союз через семь лет достигнет уровня развития Соединенных Штатов:

— Когда мы догоним вас и станем вас обгонять, мы помашем вам рукой. Если вы захотите, мы остановимся и скажем: пожалуйста, догоняйте нас...

Проходили мимо бакалейной лавки. Никсон сказал:

— Может быть, вам будет интересно узнать, что у моего отца была небольшая лавка в Калифорнии и все мальчики в нашей семье, учась в школе, одновременно работали в этой лавке.

Хрущев презрительно отмахнулся и фыркнул:

— Все торговцы — воры!

Никсон хладнокровно ответил:

— Воры бывают везде. Я видел сегодня, как люди перевешивают продукты, купленные в государственном магазине.

Они остановились в павильоне, где были выставлены образцы кухонной техники. Заговорили о достоинствах разных стиральных машин. Никсон решил объяснить, что не только богатые американцы могут купить дом, представленный на выставке:

— Это типичный для Соединенных Штатов дом, его стоимость четырнадцать тысяч долларов — эти деньги можно выплачивать двадцать пять — тридцать лет. Большинство рабочих могут купить себе такой дом.

Хрущев, не моргнув глазом, выпалил:

— У нас тоже найдутся рабочие и крестьяне, которые могут выложить четырнадцать тысяч долларов наличными за жилье.

Никита Сергеевич убежденно говорил о том, что капиталисты строят дом всего на два десятилетия, а в Советском Союзе дома ставят так, чтобы они оставались и детям и внукам:

— Вы думаете, что русские будут поражены этой выставкой? Для того чтобы американец мог купить такой дом, он должен иметь очень много долларов, а у нас достаточно быть гражданином страны. Если у американца нет долларов, его право купить подобный дом превращается в возможность ночевать под мостом.

Никсон пытался ему возражать:

— Мы не считаем, что эта выставка поразит советский народ, но она заинтересует его точно так же, как ваша выставка заинтересовала нас. Разнообразие, право выбора, тот факт, что дома строят тысячи различных фирм, — вот что важно для нас. Мы не хотим, чтобы какой-то один высокопоставленный государственный чиновник принимал решения и говорил, что мы будем иметь дома одного типа.

Хрущев ответил, что лучше иметь одну модель стиральной машины, чем много разных.

Никсон заметил:

— Не лучше ли сравнивать качества наших стиральных машин, чем мощь наших ракет? Разве не такого соревнования вы хотите?

— Да, мы хотим такого соревнования! — воскликнул Хрущев. — Это ваши генералы кричат о ракетах, а не о кухонной утвари, это они грозят нам ракетами, это они хорохорятся, что могут стереть нас с лица земли. Но этого мы, конечно, никому не позволим сделать. А тем, кто попытается, мы покажем, как говорят у нас в России, кузькину мать. Мы сильны, мы можем побить вас.

Никсон гнул свою линию:

— Вы сильны, и мы сильны. В некотором отношении вы сильнее нас, а в другом — мы сильнее. Но мне кажется, что в наш век спорить, кто сильнее, — занятие совершенно бесполезное... Для нас спор, кто сильнее, не имеет смысла. Если начнется война, обе наши страны проиграют.

Пошли дальше по выставке. Никсон и Ворошилов оказались впереди. Хрущев шел сзади. Никсон обернулся и пригласил Никиту Сергеевича присоединиться к ним. Хрущев с сардонической улыбкой ответил:

— Вы идите с президентом, а я знаю свое место.

Вечером на официальном открытии выставки Ричард Никсон произнес заранее подготовленную речь. Вице-президент говорил на крайне болезненную для советских лидеров тему — о том, сколько американских семей владеет автомобилями, телевизорами, собственными домами:

— Цифры наглядно свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты, крупнейшая в мире капиталистическая страна, подошли, с точки зрения распределения благ и богатств, ближе всего к идеалу всеобщего благосостояния в бесклассовом обществе.

Этого Хрущев не мог вытерпеть. Он стал возражать. Но Никсон его остановил:

— Слово предоставлено мне. Сейчас моя очередь говорить.

После обмена речами Никсон подвел Хрущева к столу с калифорнийскими винами. Хрущев предложил выпить «за мир и ликвидацию всех военных баз на чужой территории».

Никсон не захотел поддержать тост против собственных вооруженных сил и уточнил:

— Давайте просто выпьем за мир.

Начался спор о военных базах, но кто-то провозгласил тост за долголетие Хрущева. Никсон был рад сменить тему:

— Выпьем за это. Мы можем не соглашаться с вашей политикой, но хотим, чтобы вы были в добром здравии. За то, чтобы вы дожили до ста лет!

Они выпили, но Хрущев решил оставить последнее слово за собой:

— Когда нам будет по девяносто девять лет, мы продолжим обсуждение этих вопросов.

Никсон позволил себе довольно рискованное замечание:

— Вы хотите сказать, что в девяносто девять лет вы все еще будете у власти и у вас в стране по-прежнему не будет свободных выборов?

Хрущев пригласил вице-президента на дачу (по словам Никсона, «это было одно из роскошнейших имений, которые мне когда-либо приходилось видеть») и предложил прокатиться по Москве-реке. На обратном пути катер сел на мель. Никсону показалось, что Хрущев сейчас просто расстреляет рулевого. Когда они пересаживались в другую лодку, чтобы продолжить поездку, вице-президент, оглянувшись на рулевого, увидел самого несчастного человека на свете.

После прогулки был устроен обед на лужайке перед дачей. Хрущев практически не прикоснулся к спиртному и был абсолютно трезв. Рекомендовал гостям рыбу:

— Это любимое блюдо Сталина. Он говорил, что такая рыба укрепляет организм.

Первый заместитель главы правительства Анастас Иванович Микоян рассказал Никсону, как Сталин вызывал их всех ночью, и заметил:

Семья Ульяновых. Стоят: Ольга, Александр, Анна; сидят: Мария Александровна с младшей дочерью Марией, Дмитрий, Илья Николаевич, Владимир. *Симбирск, 1879 г.*

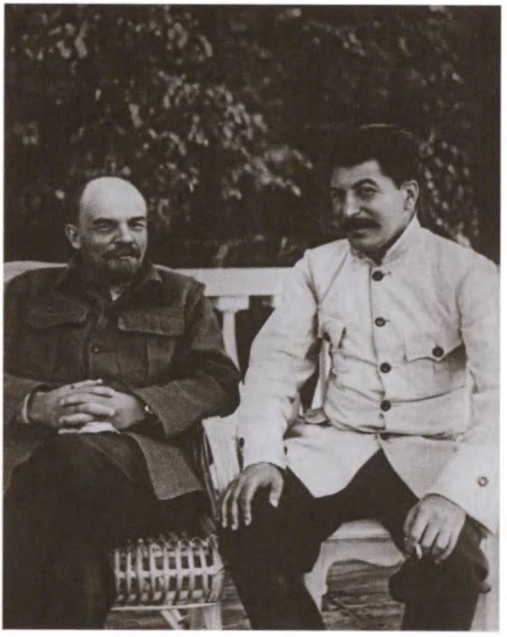
Владимир Ульянов.
Тюремное фото

Надежда Крупская.
Тюремное фото

В своем кабинете в Кремле. *Октябрь 1918 г.*

Инесса Арманд

Фанни Каплан



Со Сталиным
в Горках.
Фото М. И. Ульяновой

В Горках с Надеждой
Константиновной

И. Сталин

Виссарион Иванович Джугашвили, отец И. В. Сталина

Екатерина Георгиевна Геладзе, мать И. В. Сталина

Сосо Джугашвили. *1893 г.*

Екатерина (Като) Сванидзе, первая жена Сталина

На улице Москвы в сопровождении охранника. *1927 г.*

С женой Надеждой Аллилуевой

Сталин
с сыном Василием
и Власиком. *1935 г.*

Л. П. Берия с дочерью
вождя Светланой
(Сталин — на
заднем плане)

Рубен Ибаррури, сын генерального секретаря компартии Испании Д. Ибаррури, и Артем Сергеев, воспитанник Сталина. *1941 г.*

Сталин на трибуне Мавзолея. *7 ноября 1941 г.*

Парад Победы. *24 июня 1945 г.*

Георгий Маленков и Иосиф Сталин

Похороны Сталина

Георгий Маленков. *1935 г.*

Валерия Голубцова, жена Маленкова

С Никитой Хрущевым

Н. Хрущев

Н. С. Хрущев (в центре) с семьей во время посещения США. Слева: Н. П. Хрущева, посол СССР в США М. Меньшиков, Н. Рокфеллер; справа: Рада и Сергей Хрущевы. *1959 г.*

Никита Хрущев и Юрий Гагарин

Выступление в ООН. *Сентябрь 1959 г.*

На выставке в Манеже. Н. С. Хрущев и М. А. Суслов в сопровождении руководства Союза художников обсуждают картины Бориса Жутовского (рядом с Хрущевым)

Никита Хрущев и Джон Кеннеди

Никита Хрущев и Леонид Брежнев. *1962 г.*

— Мы спим гораздо лучше с тех пор, как нами руководит товарищ Хрущев.

Улыбнувшись, добавил:

— Думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

Хрущев с удовольствием заговорил о том, что неделю назад Советский Союз запустил межконтинентальную баллистическую ракету, которая пролетела семь тысяч километров и отклонилась от цели меньше чем на два километра. Перегнувшись через стол, сказал Никсону, что сообщит ему сейчас нечто совершенно секретное:

— У одной из баллистических ракет отказала система отключения двигателей, и ракета пошла мимо цели — дальше, к Аляске. Но, к счастью, упала все-таки не на Аляску, а в океан.

Хрущев рассказал, что Советский Союз уже располагает достаточным количеством ракет среднего и дальнего радиуса действия, чтобы уничтожить всех противников в Европе и разрушить основные города в Соединенных Штатах. Конечно, Советский Союз тоже понесет потери, но европейские страны просто превратятся в пустыню.

Американцы плохо представляли себе ситуацию в советских вооруженных силах, и Никсон стал донимать Хрущева вопросами:

— Почему Советский Союз продолжает строить бомбардировщики, если вы довольны количеством ракет и точностью их попадания?

Никита Сергеевич ответил, что производство бомбардировщиков почти прекращено, потому что ракеты точнее. Кроме того, люди иногда не в состоянии сбросить бомбы на цель из-за эмоциональной реакции, а на ракеты можно положиться.

— Сожаление вызывает судьба моряков, — заметил Хрущев. — За исключением подводных лодок, флот совершенно устарел. Крейсеры и авианосцы — это просто мишени для ракет, и я прекратил строительство больших надводных кораблей.

Хрущев вновь и вновь возвращался к разговору о разрушительных возможностях советских ракет, настойчиво повторял, что Советский Союз превосходит Соединенные Штаты по ракетам, а против ракет нет защиты. С веселой улыбкой он пересказал анекдот, придуманный англичанами:

— Пессимист говорит, что для уничтожения Англии достаточно шести атомных бомб, а оптимист утверждает, что понадобится девять или десять.

Никсон пришел к выводу, что Хрущев вовсе не таков, каким он хочет казаться. Он трезв, холоден и невозмутим. И Никсон составил себе представление о дипломатической тактике советского лидера. Во-первых, Хрущев требует того, на что не имеет права претендовать. Во-вторых, он угрожает войной, если не получает требуемого. В-третьих, обвиняет других в том, что они создают угрозу миру, отказываясь принимать его требования. В-четвертых, в уплату за мир он получает как минимум половину того, на что без всяких оснований претендовал вначале...

Из Калиновки в столицу

Никита Сергеевич представляется сумасбродом, человеком неуравновешенным, неспособным справиться с эмоциями. Но это поверхностное впечатление. Ближайшие помощники знали, что Хрущев держал себя в руках, а если демонстрировал ярость и гнев, то это был обдуманный жест.

Никита Сергеевич недооценен отечественной историей.

Что он сделал для страны?

Создал ракетно-ядерный щит, который надежно обеспечивает безопасность нашей страны и по сей день. До Хрущева вожди в ракеты не верили.

Он отправил человека в космос, а это самое выдающееся достижение нашей страны в XX веке.

Он накормил страну. При Сталине каждый год тот или иной край голодал.

В ходу приписанная британскому премьер-министру Уинстону Черчиллю фраза о Сталине: «Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой».

Черчилль никогда этого не говорил. Владеющий английским языком может проштудировать его сочинения и лично убедиться в этом. Да и комплимент, если задуматься, весьма сомнительный. Принял страну с сохой, с сохой же, выходит, и оставил... В реальности Сталин «принял страну» в период расцвета НЭПа, когда она не только сама себя кормила, но и экспортировала хлеб.

А вот Хрущев принял у Сталина страну полуголодной. В пятьдесят третьем собрали только тридцать миллионов тонн зерна. По потреблению продуктов на душу населения страна осталась на дореволюционном уровне. Хозяйка Москвы Екатерина Алексеевна Фурцева после смерти Сталина говорила на пленуме ЦК:

— Возьмите Москву, которая всегда находилась в более благоприятных условиях по сравнению с другими городами страны. Даже в Москве до последнего времени хлеб продавали в одни руки не более килограмма. В Москве, которая находится в особых условиях, хлеб продавали с примесью около сорока процентов картофеля и прочего.

Экономическая статистика свидетельствует: хрущевское десятилетие (1954—1964 годы) — лучшее в советской истории. Вторая половина пятидесятых — время феноменальных достижений советской экономики. А дальше началось затухание экономического роста.

Хрущев начал строить жилье. При Сталине не было гражданского строительства, возводили министерства и дома для начальства. Хрущев выводил людей из подвалов, из бараков, из общежитий, из огромных коммуналок и переселял в отдельные квартиры. Строил детские сады, поликлиники.

Молодому читателю, наверное, непросто сейчас представить себе это время. Если описать его одной фразой: Хрущев дал людям надежду. Исчез страх, сковывавший страну, и она двинулась вперед. Оттепель — время бурного расцвета литературы, искусства, кинематографа, науки.

И вот главный показатель успешности развития страны при Хрущеве. В начале XX века ожидаемая продолжительность жизни в России была на пятнадцать лет меньше, чем в Соединенных Штатах. В конце пятидесятых, при Хрущеве, произошел столь быстрый подъем продолжительности жизни, что разрыв с Соединенными Штатами был почти полностью ликвидирован! А после Хрущева, при Брежневе, началось снижение продолжительности жизни у мужчин, и разрыв быстро нарастал...

Страдания советских людей не находили ни малейшего отклика у правящего класса. Крупные чиновники оторвались от реальной жизни и преспокойно обрекали сограждан на тяжкие испытания. Как показывает анализ поступавших к ним документов, они были прекрасно осведомлены о страданиях людей. Но не найден ни один документ, в котором хозяева страны сожалели бы о трагедиях, постигших сограждан. Начисто отсутствовали простые человеческие чувства. В этом смысле Хрущев, искренний и живой, сильно отличался от соратников.

Амбициозные и тщеславные чиновники обладали неограниченной властью над людьми, давно уже немыслимой в других обществах. Уверенность в своем величии подкре-

плялась системой распределения благ, доступных только тем, кто занимал высокий пост. Система была ориентирована на максимально комфортное устройство собственной жизни, извлечение благ из своей должности.

Железный занавес — запреты на поездки за границу, на иностранные газеты, книги и фильмы — нужен был для сохранения власти. Себе, своим детям и родственникам высшие чиновники разрешали всё. И это придавало дополнительную сладость принадлежности к высшему кругу избранных: нам можно, а вам нельзя.

Нашедшие себя в системе не испытывали никакого разлада со своей совестью. Необходимость по долгу службы произносить ритуальные речи о коммунизме усиливала привычку к двоемыслию и воспитывала безграничный цинизм.

А Хрущева пребывание на высоком посту не сделало равнодушным. Тем он и отличался от товарищей по партийному руководству.

Никита Сергеевич родился в 1894 году в селе Калиновка Курской губернии. Там он прожил недолго, но не забывал односельчан, живо интересовался жизнью курян и заботился о родной деревне. Когда Хрущев оказался в зените власти, руководители Курской области проявляли особую заботу о его родной деревне.

Ему было четырнадцать лет, когда семья перебралась в Юзовку (ныне Донецк). Его отец Сергей Никанорович работал шахтером, и сам он начал трудовую деятельность в восемнадцать лет. Шла Первая мировая война, но в армию его не призвали как шахтера.

Никита Сергеевич не собирался быть революционером, хотел учиться горному делу. Не случись революции, стал бы инженером, управлял шахтой, пошел бы по этой стезе и явно добился бы больших успехов. Но 1917 год прервал нормальное течение жизни. Большевистскими идеями его соблазнил Лазарь Моисеевич Каганович, который станет одним из самых близких к Сталину людей. Каганович, оценив Хрущева, повел его по партийной линии. Но Никита Сергеевич хотел учиться и в 1922 году поступил на рабфак, проучился три года.

У Никиты Сергеевича Хрущева была счастливая семья, и этим он отличался от многих других советских руководителей. Совсем молодым человеком в Юзовке Хрущев женился на Ефросинье Ивановне Писаревой, красивой рыжеволосой женщине, дочери его старшего товарища. Она

умерла в 1919 году от тифа, оставив Никиту Сергеевича с двумя детьми — Юлией и Леонидом.

Окончив рабфак и вернувшись в Юзовку в 1922 году, Хрущев женился во второй раз на юной девушке. Брак оказался очень недолгим, Никита Сергеевич о второй жене вспоминать не любил, поэтому известно только ее имя — Маруся.

Подругой жизни стала Нина Петровна Кухарчук, женщина более образованная, чем ее муж, и твердо верившая в коммунистические идеалы. Нина Петровна была спокойной женщиной с очень твердым характером. С советами к мужу не приставала, занималась домом и детьми. И она всегда была поддержкой мужу. Нина Петровна родила троих детей — Раду, Сергея и Елену. Таким образом, Хрущев — редкость среди членов политбюро — был многодетным отцом, растил пятерых детей.

Сталин сделал Кагановича секретарем ЦК и одновременно первым секретарем Московского обкома и горкома партии. Лазарь Моисеевич забрал Хрущева с собой в Москву. И многие годы Хрущев воспринимался как человек Кагановича.

А желание учиться не оставляло Хрущева. В 1929 году его приняли в Промышленную академию, но в мае 1930-го избрали секретарем бюро ячейки академии, и трехгодичного курса он не окончил. В январе 1931 года стал первым секретарем Бауманского райкома партии, а через год — вторым секретарем столичного горкома.

В Москве Никита Сергеевич занимался всеми городскими делами. Каганович находил время только для таких колоссальных проектов, как строительство метро. И Сталин написал письмо столичным властям с просьбой присвоить Московскому метрополитену имя Кагановича. В 1934 году Сталин выдвинул Хрущева на самостоятельную работу — поставил во главе столичного горкома, а через год и во главе Московской области.

В конце января 1938 года Сталин сменил руководство Украины. Перевел из Москвы в Киев первым секретарем республиканского ЦК понравившегося ему Никиту Сергеевича Хрущева и ввел его в состав политбюро.

10 октября 1938 года Сталин говорил о задачах партийной пропаганды по случаю выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». Заметил между делом:

— Товарищ Хрущев думает, что он до сих пор остается рабочим, а между тем он интеллигент (веселое оживление в зале). Он перестал быть рабочим, потому что живет ин-

теллектом, работает головой, отошел от физического труда, вышел из среды рабочих.

Всю Великую Отечественную Никита Сергеевич был членом военного совета разных фронтов. Смелости Хрущеву было не занимать. Его личный пилот полковник Николай Иванович Цыбин (он пилотировал американские самолеты «дуглас» и С-47) во время войны вел дневник. Полеты были трудными и опасными, но Хрущев не боялся:

«19 августа 1941 года. Перелет Харьков — Полтава. Взлет и посадка ночью. Истребители сопровождения побились. Летчики получили легкие ранения (самолет члена политбюро Хрущева полагалось охранять. — *Л. М.*)...

21 декабря 1941 года. Перелет Москва — Рязань — Мичуринск — Воронеж. Плохая погода. Туман. По выходе из тумана обстрел из зенитной артиллерии (района г. Ряжск). Два самолета П-3 сгорели. Экипажи погибли. Остальные четыре самолета вернулись на аэродром...

12 февраля 1942 года. Перелет Нижняя Дуванка — Россошь — Воронеж. Полет в плохую погоду по всему маршруту: туман и обледенение. Самолеты сопровождения: один сгорел, экипаж погиб; второй сел вынужденно...

28 февраля 1942 года. Перелет Ростов-на-Дону — Сватово. Полет в плохую погоду, туман в районе Донбасса. Самолеты сопровождения вернулись на свой аэродром...

4 марта 1943 года. Полет Москва — Мичуринск — Воронеж — Уразово. Полет в плохую погоду. Туман и снегопад в районе Мичуринска и Воронежа. Самолеты сопровождения расселись вынужденно, и только один пришел в Уразово спустя несколько минут...

28 октября 1944 года. Перелет Киев — Ровно — Львов. Участок Ровно — Львов — снег с туманом, обледенение, град. Истребители сопровождения вернулись обратно».

Хрущев оставался первым секретарем ЦК компартии оккупированной немцами Украины и, конечно же, ждал освобождения республики. Сразу вернулся в Киев.

Осенью сорок шестого начался жестокий голод. Из-за небывалой засухи собрали втрое меньший урожай, чем надеялись. 27 сентября 1946 года появилось постановление «Об экономии в расходовании хлеба» — оно сокращало число людей, которые получали карточки на продовольствие. А лишиться карточек было тяжким ударом: чем кормить семью? Купить в магазинах было нечего!

Хлебозаготовки оставили Украину без хлеба. Однако же в нехватке хлеба обвиняли колхозников, «разбазаривавших

государственный хлеб». Сажали председателей колхозов. Сталин приказал выкачивать зерно и оставил деревню без хлеба.

По данным органов внутренних дел республики, к лету 1947 года больше миллиона человек страдали от дистрофии, триста с лишним тысяч, надеясь спасти, госпитализировали, сорок шесть тысяч жителей Украины умерли от голода.

Попытки Хрущева добиться от Сталина выделения хлеба успехом не увенчались. Он представил вождю записку с описанием бедственной ситуации в республике.

20 октября 1946 года получил уничтожающий ответ:

«Тов. Хрущеву

Копия: членам и кандидатам политбюро

Я получил ряд Ваших записок с цифровыми данными об урожайности на Украине, о заготовительных возможностях Украины, о необходимом количестве пайков для населения Украины и тому подобное.

Должен Вам сказать, что ни одна из Ваших записок не заслуживает внимания. Такими необоснованными записками обычно отгораживаются некоторые сомнительные политические деятели от Советского Союза для того, чтобы не выполнять задания партии.

Предупреждаю Вас, что если Вы и впредь будете стоять на этом негосударственном и небольшевистском пути, дело может кончиться плохо».

Никита Сергеевич попал у Сталина в опалу. Вождь лишил его положения единоличного руководителя республики. Хрущев остался лишь главой республиканского правительства. А первым секретарем ЦК компартии Украины Сталин отправил в Киев своего проверенного соратника Кагановича. Но недолго продержал его на Украине. Лазарь Моисеевич в том же году вернулся в Москву, и единоличным хозяином республики опять стал Хрущев.

В конце 1949 года Никита Сергеевич находился во Львове. Он проводил митинг в Лесотехническом институте, посвященный убийству писателя Ярослава Александровича Галана. Националистическое подполье ненавидело писателя, один из студентов Лесотехнического института его и убил. Во время выступления Хрущеву передали записку, что Сталин просит позвонить.

Хрущев закончил речь, поехал на временную квартиру, на которой остановился во Львове. Здесь была развернута ВЧ-связь, Никита Сергеевич соединился с Москвой. Ста-

лин только что вернулся из отпуска, в котором находился три месяца.

Ничего не объясняя, вождь спросил:

— Когда вы можете приехать в Москву?

— Если нужно срочно, могу завтра.

— Хорошо, — сказал Сталин и, по обыкновению не прощаясь, повесил трубку.

Разговор был настолько коротким, что опытный Хрущев встревожился: зачем вызывают, что его ждет в Москве? Позвонил главному кадровику Георгию Максимилиановичу Маленкову, который знал все, что происходит в аппарате. Тот успокоил Никиту Сергеевича:

— Тебя вызывают из хороших побуждений. Подробности узнаешь, когда приедешь.

13 декабря 1949 года политбюро приняло решение избрать Хрущева секретарем МК. В тот же день провели объединенный пленум МК и МГК, и Никита Сергеевич вновь стал хозяином столицы.

Сотрудники горкома и обкома не покидали своих кабинетов, пока Хрущев был на месте. А он уезжал домой под утро. Однажды кто-то из работников не выдержал и позвонил в приемную Хрущева:

— Ну, что, дед уже уехал?

— А что?

— Так мы можем по домам разъезжаться?

— Можете, — последовал ответ.

Это был сам Хрущев. На следующий день он собрал аппарат и велел по ночам не сидеть:

— Если кто-то понадобится, оставлю! Остальные пусть спят по ночам. Сонные люди не должны руководить городом.

После смерти Сталина Хрущев пустился в воспоминания:

— Когда я приехал с Украины и стал секретарем МК, я пообедал, а потом сел и поехал в Луховицы — это сто двадцать километров в сторону от Москвы. А мне звонят и спрашивают, куда я уехал. Сталин приглашал вас на обед и спрашивал, где вы. Так ведь я же секретарь Московского комитета, если я не буду ездить, то что же я буду стоить? Мне говорят — этого делать нельзя. Вот и получилось — я поехал и должен давать объяснения, почему поехал.

Это не единственный случай, когда вождь демонстрировал свое недовольство инициативами Хрущева. Главный редактор «Правды» Леонид Федорович Ильичев вспоминал историю с публикацией статьи Хрущева о проблеме деревень в 1951 году.

— Статья вызвала «высочайший гнев». В чем же дело? Оказалось, что статья «не понравилась» Сталину. Он воспринял ее крайне нетерпимо и болезненно. Мне была поставлена в вину политическая незрелость.

Редакции велели опубликовать исправление: «По недосмотру редакции при печатании во вчерашнем номере газеты "Правда" статьи тов. Н. С. Хрущева "О строительстве и благоустройстве в колхозах" выпало примечание от редакции, где говорилось о том, что статья тов. Хрущева печатается в дискуссионном порядке. Настоящим сообщением эта ошибка исправляется».

Очень болезненная для Никиты Сергеевича история...

Хрущев как-то жаловался на свою сложную жизнь: приходится работать и в отпуске. Увидев в зале председателя ВЦСПС Виктора Васильевича Гришина, балагурил:

— Тут вот присутствует товарищ Гришин. Мы аккуратно платим членские взносы, но защиты от него очень мало. (*Аплодисменты.*) Идет почта, и сидишь на берегу моря и слушаешь ВЧ. Ты в море прыгнул, а тебя просят к телефону. Я не жалуюсь, раз попал в такое положение, надо нести крест в интересах нашей партии и народа...

После смерти Сталина началась новая жизнь.

Дочь Никиты Сергеевича Рада рассказывала, что хорошо помнит тот день, когда состоялся пленум ЦК, на котором выбирали нового руководителя партии. Вечером она вместе с отцом возвращалась из города на дачу. И спросила отца прямо в машине:

— Кого выбрали?

Он сказал:

— Меня:

Рада очень удивилась и спросила:

— Тебе не страшно?

— Нет, — просто ответил Никита Сергеевич.

Двадцатый съезд

25 февраля 1956 года, в последний день, когда XX съезд партии фактически закончил работу и уже был избран новый состав ЦК, на закрытом заседании Хрущев произнес свою знаменитую речь о сталинских преступлениях.

Хрущев вышел на трибуну с докладом, который дорабатывал до последней минуты. Сохранилась обильная правка, сделанная секретарем ЦК Михаилом Андреевичем

Сусловым. Никита Сергеевич отвлекался от написанного текста, импровизировал. Его речь не стенографировалась. Поэтому после съезда еще неделю шла работа над уже произнесенным докладом, он приглаживался, причесывался, «обогащался» цитатами из Маркса и Ленина.

Считалось, что Хрущев решился выступить только в последний момент, никого не поставив в известность. Это не так. Доклад долго готовился и обсуждался на президиуме ЦК. Маршал Ворошилов удрученно заметил, что после такого доклада никого из них не выберут в ЦК, делегаты проголосуют против. Поэтому о сталинских репрессиях рассказали уже после выборов руководящих органов партии.

Первоначальный проект доклада представили секретари ЦК Петр Николаевич Поспелов и Аверкий Борисович Аристов. В этом сравнительно коротком тексте уже содержался весь перечень сталинских преступлений, от которых мороз шел по коже.

Первые шаги в преодолении сталинского наследства сделал, как ни странно, Берия. Заняв пост министра внутренних дел, он велел прекращать заведомо фальсифицированные дела и освобождать арестованных. В его аппарате подготовили документ в несколько десятков страниц. В нем цитировались показания следователей МГБ о том, как они сажали невиновных и получали нужные показания, воспроизводились резолюции Сталина, который требовал нещадно бить арестованных. С этим документом знакомили членов ЦК, которых приглашали на Старую площадь. Прочитанное производило впечатление разорвавшейся бомбы.

Другое дело, что Берия вовсе не преследовал цель восстановить справедливость. Разница между Хрущевым и Берией состоит в том, что Никита Сергеевич действительно хотел сделать жизнь людей лучше. Он выпустил людей из лагерей не ради славы, а потому что считал, что их посадили беззаконно. А когда Берия осуждал репрессии, он тем самым снимал с себя ответственность и намеревался призвать к ответственности других.

После ареста Берии освобождение заключенных продолжалось. Это было неизбежным, считал профессор Владимир Павлович Наумов, который многие годы работал в аппарате ЦК, а в горбачевские годы вошел в комиссию, занимавшуюся реабилитацией невинно осужденных:

— Волнения в лагерях начались еще при Сталине. В сорок шестом бунтовали заключенные на Колыме, в Коми и Казахстане. А с марта пятьдесят третьего их число резко

увеличилось. Восстания подавлялись с применением тяжелой военной техники, танков, артиллерии. Заключенных было так много, что если бы они поднялись, то смели бы охрану лагеря. А рядом с лагерями жили вчерашние зэки, недавно освобожденные, — либо им не разрешили вернуться домой, либо они встретили женщину, завели семью. Возникала критическая масса, опасная для власти. Фактически все крупные индустриальные города были окружены лагерями заключенных и бывшими заключенными, без которых промышленность не могла обойтись.

— Вы не переоцениваете такую перспективу? — спросил я профессора Наумова. — Десятки лет держали страну в стальном корсете, и вдруг вы говорите, что они все могли восстать...

— Сталин воспринимался как высшее существо, которое все предвидит, все знает. А когда на этом месте оказались другие лица, магия верховной власти развеялась. На новых руководителей смотрели без пиетета. Исчез страх, сковывавший страну.

Бериевская амнистия была попыткой разрядить обстановку, снять напряжение. Освободили шантрапу, мелких уголовников, которые не знали, куда им деться, поэтому и прокатилась по стране волна грабежей и краж. А те, кто давно ждал свободы, остались в заключении, поэтому и начались восстания, в которых участвовали бывшие военнопленные, то есть люди, умеющие держать в руках оружие. Когда они увидели, что их обошли, это еще больше прибавило желания освободиться любой ценой...

Слова профессора Наумова подтверждают воспоминания полковника Ивана Александровича Санникова, который служил в управлении Министерства госбезопасности по Кемеровской области с 1949 года:

«В 1955 году меня пригласил начальник управления: "Хотели отправить вас на учебу, но в Мысках и Томусе критическая обстановка. Придется вам туда поехать выправлять положение". Так я оказался в Междуреченске, который называли "местом неловленых зверей". Крупнейшее предприятие города — шахта имени В. И. Ленина — была на 80 процентов укомплектована людьми из лагерей. Антиобщественные элементы расклеивали провокационные листовки, направленные на срыв производства... Город находился на грани массовых беспорядков».

13 февраля 1956 года, накануне открытия XX съезда, на пленуме ЦК еще старого созыва Хрущев сообщил:

— Президиум Центрального комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина считает необходимым поставить на закрытом заседании съезда доклад о культе личности. Видимо, этот доклад надо будет сделать на закрытом заседании, когда гостей никого не будет.

Когда Хрущев готовился к XX съезду, ему на стол безостановочно клали документы о сталинских репрессиях. Среди соучастников преступлений значились имена людей, сохранявших высокие посты. Никита Сергеевич делал циничный выбор: тех, кто еще был нужен, оставлял, с остальными расставался. Эта двойственность сказывалась во всем. Люди, которых следовало посадить на скамью подсудимых, остались на руководящих постах. Могли они искренне бороться за преодоление преступного прошлого?

Однажды в небольшой компании, где присутствовал член президиума ЦК Анастас Микоян, речь зашла о том, почему так медленно реабилитировались жертвы сталинских репрессий.

— Почему мы, — сказал Анастас Иванович, — устраивали видимость судебного разбирательства... вместо того, чтобы реабилитировать всех сразу? Потому, что остерегались, как бы наш народ окончательно не уверился в том, что мы — негодяи.

Мгновение Микоян помедлил. Потом заключил:

— Негодяи! То есть те, кем и были мы на самом деле!

Часто говорят: члены политбюро столь же виновны в массовых репрессиях, как и Сталин, у Хрущева, мол, руки по локоть в крови, а он все свалил на вождя... Но ведь как только умер Сталин, массовые репрессии прекратились! Сразу! В тот же день! Да, и после 1953 года преследовали инакомыслящих, были политзаключенные. Но массовый террор остался в прошлом. Это неопровержимо доказывает, что его вдохновителем и организатором был Сталин.

Другие члены политбюро к нему присоединялись. Одни, как Молотов, — потому что полностью одобряли его идеи и методы. Остальные, как Хрущев, — вынужденно, поскольку соучастие в преступлениях было обязанностью руководства страны. Но как только представилась возможность прекратить убийства, Никита Сергеевич это сделал.

Но хрущевская десталинизация была частичной, двойственной, противоречивой.

«Невозможно было сразу представить себе, что Сталин — убийца и изверг, — вспоминал Хрущев. — Мы созда-

ли, грубо говоря, версию о роли Берии: дескать, Берия полностью отвечает за злоупотребления, которые совершались при Сталине. Мы находились в плену этой версии, нами же созданной: не бог виноват, а угодники, которые плохо докладывали богу. Здесь не было логики, потому что Берия пришел уже после того, как главная мясорубка сделала свое дело, то есть Сталин все сделал руками Ягоды и Ежова. Не Берия создал Сталина, а Сталин создал Берию».

6 августа 1956 года Хрущев выступал на общем партийном собрании аппарата ЦК КПСС. Он, как это часто делал, начал с шутки:

— Я не собирался выступать на сегодняшнем собрании. Но ко мне подошел секретарь нашей партийной организации товарищ Лукьянов и спросил: выступлю я или нет. Я ответил ему, что выступать не собирался. Тогда он сказал: хорошо бы вам выступить.

Хрущев говорил о позитивном влиянии XX съезда, но посочувствовал работникам идеологического фронта, которым пришлось развернуться на сто восемьдесят градусов и критиковать то, что они столько лет восхваляли:

— Очень многие товарищи — бедняги (пусть они на меня за это не обижаются), работающие на различных участках идеологического фронта, да почти все товарищи, против «ошибок» которых теперь борются, да и те, которые борются с этими ошибками, сами в той или иной мере замазаны в этом деле.

В зале засмеялись. Но как-то невесело.

Догнать и перегнать

19 мая 1957 года в правительственной резиденции Хрущев устроил встречу с деятелями литературы и искусства. Для начала он напугал слушателей. Как раз накануне вернулся из поездки в Индонезию председатель президиума Верховного Совета СССР Климент Ворошилов. О его успешном визите в дружественную страну писали газеты. И вдруг Хрущев сказал:

— Вы думаете, что у нас уже бесклассовое общество, врагов нет, что же, с молитвами будем жить дальше? Я расскажу вам один секрет... Как вы считаете — можно вам сказать его? Ворошилов находился в Джакарте, а мы знаем, чья агентура поехала уничтожить самолет с Ворошиловым. Да, да.

— Чья? — поинтересовалась писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян, известная своей дотошностью.

Хрущев прямого вопроса не ожидал. Отрезал:

— Этого я вам не скажу. (*Смех.*) Не все ли вам равно? Наших врагов, а какая разница — американская или французская, от этого не легче... Враги существуют, и оружие надо держать наготове и прежде всего держать главное оружие — идеологическое оружие в порядке. Сейчас хотят разложить с идеологического фронта, поэтому ваш участок фронта, участок писателей, самый главный, потому что через вас хотят, влияя на вас, разлагать наше общество...

Снова вмешалась Мариэтта Шагинян:

— А можно спросить: есть ли в Армянской республике масло? Мы идем к коммунизму, а население кричит — где же масло?

Недовольный Хрущев повернулся к представителю Армении:

— У вас нет масла?

— Масло есть, сахар есть. Правда, масла стало поменьше...

— А когда я была, — продолжала Шагинян, которую нельзя было сбить с толку, — масла не было.

— Она была в марте, — оправдывался представитель республики, — действительно, один-два дня не было.

— Там живут мои родственники, — настаивала Шагинян. — Масла там нет.

— Мариэтта Сергеевна, — пытались ее урезонить, — такой случай может быть и впредь один раз в году.

— Как туда ни приеду, так масла нет, — упрямо констатировала Шагинян.

На самом деле Никита Сергеевич представлял себе, как скудно живут люди. Честно говорил:

— Я был рабочим, социализма не было, а картошка была. Сейчас социализм построили, а картошки нет... Я был лучше обеспечен в дореволюционное время, работая простым слесарем, зарабатывал сорок пять рублей при ценах на черный хлеб в две копейки, на белый — четыре копейки, фунт сала — двадцать две копейки, яйцо стоило копейку, ботинки, самые лучшие «Скороходовские», — до семи рублей. Чего уж тут сравнивать?

Когда речь шла о практических делах, он не витал в эмпиреях. Говорил с горечью:

— Ведь люди живут в подвалах, а некоторые даже и без подвалов, неизвестно, где они ютятся...

Хрущев побывал в Китае, а на обратном пути завернул во Владивосток и Хабаровск, съездил в Комсомольск-на-Амуре. Ему люди прямо на улице и пожаловались: с хлебом и молочными продуктами плохо, жиров нет, коров держать невозможно, потому что и кормов нет... В Советской Гавани ситуацию описал первый секретарь горкома Иван Павлович Николаенко:

— С хлебом проблем нет, мяса не хватает, овощей почти нет. Едим сухую картошку.

— Как «сухую»?

— Такую нам ее привозят. Варим и едим.

— Это сельхозотделу ЦК надо выдать, — не выдержал Хрущев. — Они там сидят, ни черта не знают, а люди сушеный картофель едят.

Но, несмотря на обещание Никиты Сергеевича навести порядок в поставках продовольствия, жители Советской Гавани сидели на сушеной картошке и яичном порошке.

Он пребывал в растерянности, не понимал, почему в Советском Союзе нет того, что в изобилии в других странах. Пытался сделать так, чтобы жизнь в стране стала хорошей, нормальной, счастливой, чтобы она нравилась людям. Приказал, чтобы в столовых хлеб давали бесплатно. Но ничего не получалось. Он перепробовал все варианты, и выяснилось, что система реформированию не подлежит. Хотел вытащить страну из беды, но уповал на какие-то утопические идеи, надеялся решить проблемы одним махом.

22 мая 1957 года, выступая в Ленинграде на совещании работников сельского хозяйства северо-запада Российской Федерации, Хрущев провозгласил громкий лозунг:

— Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения.

Лозунг воспринимается как авантюрный. Однако в тот момент Хрущев был абсолютно уверен, что цель достижима. Освоение целинных и залежных земель, казалось, решило зерновую проблему. Почему же нельзя обеспечить людей мясом и молоком?

Партийные секретари откликнулись на призыв Хрущева за год-другой поднять животноводство и пустили под нож немалую часть поголовья. Области, правда, оставались без скота. Крестьян заставляли добровольно-принудительно продавать скот, который тут же сдавали в счет поставок мяса государству. Самые ушлые скупали скот в соседних областях. Развращающий обман приобрел повсеместный характер. Это были времена, когда славу, успех, благово-

ление начальства приносили не столько реальные дела, сколько громкие почины и инициативы, стахановское движение, маяки пятилетки.

Конечно, и в те времена люди вели себя по-разному. Один, получив команду, все поля засевал кукурузой, которая на севере никогда не росла, и оставлял область без урожая. Другой сажал кукурузу только вдоль дорог, чтобы начальство успокоить, но докладывал, что все указания выполнил.

Особо рьяных исполнителей начальнических указаний высмеивали популярные куплетисты Павел Васильевич Рудаков и Вениамин Петрович Нечаев:

Шел в Воронеж поезд с грузом
И свалился под откос.
Для уборки кукурузы
Кто-то рельсы все унес.

Первый секретарь Хабаровского крайкома Алексей Павлович Шитиков решил не отставать от передовиков. Под его давлением председатель колхоза «Трудовая слава» Федор Егорович Ватутин сдал на заготовительный пункт всех свиней, кроме свиноматок, весь молодняк крупного рогатого скота — и сделал три плана. А на следующий год колхоз и одного плана не смог выполнить... Ватутин стал Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета. Шитикова перевели в Москву.

Законы биологии не позволяют за один год в несколько раз увеличить производство мяса, поэтому в 1960 году производство мяса упало. Но Хрущев не мог остановиться. В январе 1961 года он выступал в Киеве на пленуме республиканского ЦК, то есть говорил не на публику, а обращался к высшей номенклатуре:

— Украина может не только досрочно выполнить семилетку по производству мяса, молока, но и быстро решить задачу — догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения. Некоторые могут сказать: черт его знает, Хрущева, положение у нас сейчас — тут бы быть живу, а не жиру, а он нам начинает голову морочить: догнать Америку. Да, товарищи, догнать. Не только догоним, но и перегоним.

Никита Сергеевич отвлекся от написанного текста и объяснил украинскому ЦК, почему он так уверен в победе над американцами:

— Наши учебные заведения выпускают в три раза больше инженеров, чем в Соединенных Штатах Америки, а известно, у кого знания, у кого наука, у того будущее. Мы сейчас интернаты начали строить. Недалеко то время, когда мы будем богаты и всех детишек возьмем в интернаты. А это не только обучение грамоте, это воспитание, это влияние на души, чтобы удержать от дурных влияний с тем, чтобы создать ему наилучшие возможности, с тем, чтобы воспитать из него настоящего человека, о котором говорил Горький.

Зал бурно зааплодировал, хотя едва ли члены ЦК хотели, чтобы их собственных детей поголовно забирали в интернаты для воспитания из них людей будущего. Приятно возбужденный своими планами Хрущев продолжал:

— Американцев беспокоит один вопрос: когда? Я им отвечал: можете себе в блокнотик записать — в 1970 году мы вас догоним (*бурные аплодисменты*) и пойдем дальше, а в 1980 году в два раза будем больше производить, чем производит Америка. (*Бурные аплодисменты.*)

Через несколько месяцев после этой речи Александр Трифонович Твардовский побывал в Ярославле. Записал в дневнике: «Пустые магазины и рынки, уныние на женских (да и на мужских) лицах. Два сорта рыбных консервов. Безрыбная Волга...»

Гоголевские персонажи

Никита Сергеевич считал, что виной всему негодные кадры. 16 февраля 1961 года на президиуме ЦК рассказывал о большой поездке по Украине, Северному Кавказу, Закавказью и Центрально-Черноземной зоне, где проходили зональные совещания по сельскому хозяйству:

— Я считаю, что совещания проходили хорошо. В народе они вызвали подъем и очень хорошее настроение. В городах, где я был, народ очень верит, подбадривает, критика ему нравится. Я уже говорил, что на одной из станций много собралось народа. Я им сказал, что вот езжу, принимаем меры, примем решение ЦК и Совета министров. А мне говорят:

— Как, крутишь?

— Да.

— За чубы?

— Да, за чубы.

— А у кого чуба нет, так по лысине.

В зале засмеялись.

— На Украине, — продолжал Хрущев, — рассказывают такой анекдот. У них в эту зиму испортился водопровод, потом его исправили. Перед моим приездом тоже испортился водопровод, перебои были с водой. Так киевляне говорят: «Почему, вы думаете, не было воды? Руководителям республики клизму ставили!»

И в зале опять засмеялись, хотя там сидели и руководители Украины.

— То есть едет Хрущев, и уже клизму ставят! — довольно разъяснил первый секретарь. — И ведь сами не отрицают, что у них плохо. — И продолжал разносить начальников: — Вот тамбовский секретарь Золотухин все хотел, чтобы его пороли, чтобы сняли штаны и пороли. Какое удовольствие! Все виноватым себя признавал и приговаривал: да, товарищ Хрущев, надо штаны снять и меня выпороть. Он это три раза повторил. Я уже не вытерпел и сказал ему: «Что это вы все штаны хотите снять и зад нам показать? Вы думаете доставить нам удовольствие?» Какой это секретарь?

Тем не менее повинную голову меч не сечет. Хрущев высмеял тамбовского секретаря, но снимать не стал. Григорий Сергеевич Золотухин возглавил более крупный Краснодарский край, потом переехал в Москву министром заготовок СССР.

Основания для горького смеха и издевок у Хрущева были. Первый секретарь Воронежского обкома приказал директорам хозяйств показать Никите Сергеевичу, будто уборка идет полным ходом.

— Так они там рельсы таскали по полю, чтобы доказать, будто поле убрано, — потрясенный увиденным, рассказывал Хрущев. — Это же просто времена Гоголя!

Первым секретарем обкома в Воронеже был Алексей Михайлович Школьников, окончивший индустриальный техникум и Высшую партийную школу. И ему эта гоголевская история сошла с рук. А после ухода Хрущева его переведут в Москву и назначат первым заместителем председателя Совета министров России.

— Я попросил справку о Российской Федерации, — продолжал Хрущев. — Оказывается, что она сама себя не прокармливает. Мне Полянский говорит: «Вот если бы снять Москву и Ленинград, тогда мы бы себя прокормили». А кому же Москву отдадим — Грузии? А как же мы к коммунизму придем? Так и будем сидеть на старых нормах? Тогда надо просто сказать: мы банкроты, строительство коммунизма — это выдумка Маркса и Энгельса, а на практике мы

видим, что ничего из этого не получается. То есть то, что говорят американцы.

И первый секретарь ЦК КПСС, не знавший усталости, опять насел на нерадивых подчиненных:

— Некоторые постарели, одряхлели, уже привыкли, истрепались. Я бы сказал, не истрепались нервно, а языком истрепались... Когда я приехал в ЦК, то в аппарате ЦК слух распространился: пришел Хрущев и хочет, чтобы мы занимались подсчетом, сколько поросят поросится и сколько коровы молока надаивают. А что же нам делать? Лекции читать? Какому дураку нужны лекции, если нет молока, мяса и хлеба? Мы являемся как бы конкретными каменщиками, которые кладут здание коммунизма. Камни же наши — это предметы производства и предметы потребления.

9 января 1963 года на президиуме ЦК Хрущев продолжал в том же духе:

— Я был в Туркмении, сегодня мне Малин счет показал. Они пишут в счете, что дали мне какую-то тужурку или жакет. Я жакета не получал. (*Смех в зале.*) Тут же цену указывают. Затем они пишут: ковер с портретом Хрущева стоит столько-то (*смех*), конь стоит столько-то плюс расходы на транспортировку коня, обеды стоят столько-то. Оформлено все чин чином. Это возмутительно! Так что имейте в виду, когда пригласят вас на обед, скажите: лучше сам привезу, дешевле будет стоить (*смех*), а на обед съел то, что мне на год хватит. Я говорю: счет счетом, хорошо, я буду отрабатывать, но не мог съесть на такую сумму. Конь — на конном заводе, он мне не нужен. И на сотню рублей медикаментов! (*Смех.*) Я не болел и никаких медикаментов не ел, а счет мне прислали. (*Смех.*) Был обед для парламентской индийской делегации, это тоже на мой счет. Я говорю: я с ними не обедал, я только их принимал, но не угощал.

— А они там обедали, — уточнил секретарь ЦК Фрол Романович Козлов.

— У меня не обедали. Они в Туркмении обедали — и за мой счет. После войны товарищ Гречуха — был такой украинский президент, — напомнил Никита Сергеевич, — поехал в Черновцы и там обнаружил счет на две или три бочки пива, как будто он выпил. А у него язва желудка, он, кроме воды, ничего пить не может... Я теперь куда приеду, скажу: обедать буду один. Отдельный обед и отдельный счет. Мясо мне запрещено есть, а там я съел столько, что и за год не съем...

Михаил Сергеевич Гречуха после войны был председателем президиума Верховного Совета Украины, потом его

переместили на пост первого заместителя главы республиканского правительства.

10 сентября 1963 года на президиуме ЦК обсуждался вопрос «О лучшем использовании минеральных удобрений». Хрущев завел речь о предложении секретаря ЦК Николая Викторовича Подгорного и заместителя председателя Совета министров Дмитрия Степановича Полянского поднять цены на картофель. И его сразу потянуло на воспоминания:

— Я помню детство, мы буквально на картошке выезжали. Брали картофелину, пекли или засыпали немного мукой, чтобы связать эту тертую картошку. У нас большинство людей уезжали на шахты, в Петербург, Одессу, Ялту, бежали, кто куда мог, потому что прокормиться не могли жители. Те, которые оставались, только картошкой спасались. Картошка прекрасно родила. Донбасс жил за счет картошки курской и орловской. Я помню, когда мы с отцом в Донбассе работали, эту картошку ели, чудесная картошка.

В его устах свойственная немолодым людям ностальгия по ушедшей юности приобретала политический характер. Он, наверное, и сам не замечал, что из его собственных слов неоспоримо следовало: раньше было лучше, в царские времена рабочему человеку жилось легче, чем при социализме.

— Почему же сейчас картошки нет? — задавался вопросом Хрущев. — Мы решение приняли, а картошки нет. Товарищи, картошка-то этого не понимает. Как Подгорный рассказывал, у них один егерь, который организовывал охоту, говорил Кириченко, когда тот ругался, что на него зверь не идет: зверь же дикий, он бежит куда хочет, а не на первого секретаря. (*Веселое оживление в зале.*) Как и картошка, она же решения ЦК не понимает, ей надо условия создать, тогда она будет расти.

— Вот смотрите, я беседовал с рабочими. Они говорят: лука нет, цингой болеем. Ну как это может быть, чтобы лука не было? Шпинат. Вот, говорят, стоит десять копеек по старым ценам, и теперь тоже десять копеек. Или там сельдерей. Что это? Мелочь. Я же помню, в Донбассе болгары снабжали. Бывало, у болгарина мать или жена покупают картошку, так он сельдерея пучок бесплатно дает, потому что это мелочь. Это вот, говорит, мое, бери. А у нас цены выросли на эту дребедень в десять раз. Ну что за позор? Так что мы будем теперь приучать людей, что коммунизм, и вы кушайте суп без сельдерея, без петрушки, без укропа?! Социализм есть, а укропа нет, картошки нет и прочего нет...

Побывав за границей, Хрущев всякий раз возвращался пораженный увиденным. На сей раз он заговорил о том, что югославские животноводы втрое более экономны советских, у них на откорм свиней уходит втрое меньше кормов.

— Вот я был на Украине месяца два назад вместе с Подгорным. Он говорит: откармливаем до ста тридцати килограммов, потому что тогда сало в ладонь. Кто это сало в ладонь ест? И украинцы не едят. Это старое понятие о сале. А вы посмотрите, что, значит, в ладонь сало получить, сколько надо свинью откармливать, сколько ее надо содержать? В два раза больше, чем если откармливать этого поросенка до веса девяносто килограммов, то есть на бекон. Весь капиталистический мир откармливает свиней только на бекон, потому что это самое выгодное, и я бы сказал, самое приятное для потребления. Вот я спорил с Подгорным, он не согласился. Говорит, ты уже оторвался от Украины, а мы тут настоящие, щирые украинцы. Так это растратчики народного богатства! Если бы они были фермерами, они бы пролетели в трубу со своей системой. Я правильно говорю, товарищ Подгорный?

— В основном, — осторожно ответил Подгорный.

В зале веселое оживление.

— А мне больше и не надо, — задорно заметил Хрущев, — я на большее не претендую.

В зале опять заулыбались. Но Никита Сергеевич был настроен отнюдь не благодушно:

— Вот вам, товарищи. Если Подгорный так мыслит, так он же не последний человек в нашей партии. А сколько у нас таких подгорных? Миллионы.

— Никита Сергеевич, вы мне приписываете, такого не было, — оправдывался Подгорный.

— Да когда американский фермер Гарст приехал и узнал о ста тридцати килограммах, он возмутился и сказал, что будет в ЦК жаловаться Хрущеву.

Новый взрыв смеха.

— Это он насчет минеральных удобрений сказал, что будет жаловаться Хрущеву, — поправил его Подгорный.

— И по свиньям, — стоял на своем Никита Сергеевич.

— А по свиньям, когда ему сказали, он сказал: правильно, — продолжал Подгорный. — Потому что иначе колбасы без сала не сделаешь.

— Я не думаю, что он мог это сказать, — усомнился Хрущев. — Вряд ли кто из американцев захочет заплатить больше за то, что сало толще, потому что все хотят купить,

чтобы меньше было жира и больше мяса. И вы сами, когда сырое сало едите, так говорите: мне «с пид черевка». А это как раз от живота и там сало самое тонкое. Верно?

— Верно, — наконец согласился Подгорный.

Хрущев закончил довольно угрожающе:

— Надо сейчас людей, которые у нас в руководстве, обучить, кто не знает, а кто не хочет учиться, их надо заменять. Другого выхода нет.

Обидел кадры

14 декабря 1959 года на расширенном заседании президиума ЦК Хрущев, говоря о проекте программы КПСС, завел речь о том, что его волновало:

— В программе надо было бы подумать и насчет демократизации нашего общественного строя. Без этого нельзя. Взять, к примеру, наше руководство — президиум. Мы не ограничены ни властью, ни временем. Правильно ли это? Может собраться артель, люди могут спаяться и спиться.

Хрущев перевел свою идею в практическую плоскость:

— Я беру президиум ЦК: нас выбирают, но на следующем съезде одна треть выбывает обязательно.

А то, говорил Хрущев, молодежь растет, но должности для нее не освобождаются. Они должны ждать, когда кто-нибудь из старшего поколения умрет.

— Буржуазные конституции, — высказал Хрущев крамольную мысль, — пожалуй, более демократично построены, чем наша: больше двух созывов президент не может быть. Если буржуа и капиталисты не боятся, что эти их устои будут подорваны, когда после двух сроков выбранный президент меняется, так почему мы должны бояться? Что же мы, не уверены в своей системе или меньше уверены, чем эти буржуа и капиталисты, помещики? Нас выбрали, и мы самые гениальные? А за нами люди совершенно незаслуженные? Поэтому я считал бы, что нужно так сделать, чтобы таким образом все время было обновление.

Кому из тех, кто сидел в зале заседаний президиума и слушал первого секретаря, могли понравиться эти слова? Сам Хрущев пенсионного возраста, ему все равно вскоре уходить, а каково более молодым? Неужели им придется расставаться с должностями просто потому, что больше двух сроков нельзя занимать высокое кресло?

— Если каждый будет знать, что он будет выбран толь-

ко один срок, максимум два, — продолжал фантазировать Хрущев, — тогда у нас не будет бюрократического аппарата, у нас не будет кастовости. А это значит, что смелее люди будут выдвигаться, а это значит, демократизация будет в партии, в народе, в стране.

Приехав в Киев в январе 1961 года, Хрущев поделился своей идей с украинской номенклатурой:

— Товарищи, вредно задерживаться. Я вправе это говорить, потому что мне в апреле месяце этого года будет шестьдесят семь лет. (*Аплодисменты.*) Может быть, нам даже установить какое-то расписание, что такой-то пост могут занимать люди не старше такого-то возраста. Это может быть не закон, могут быть исключения, но должны быть какие-то правила. Вот его вызываешь. Он говорит: знаете, понимаете... Не хочется обидеть. Может быть, какую-то другую работу? Он говорит: нет, я еще здоровый. Что же ты здоровый, у тебя то под левым, то под правым ребром болит... Я сам себя ловлю. Бывало, машина станет, выскакиваешь как пуля, а теперь одну, вторую ногу выдвинешь, и я замечаю, что я приобрел приемы старика, которые свойственны каждому старику. (*Шум в зале.*) Нет, товарищи, вы меня не подбадривайте. Я у вас не прошусь на пенсию, но я уже пенсионер по возрасту... Другой раз выдвигают, говорят: молодой. Сколько же ему лет? Сорок пять. Когда мне было тридцать пять лет, я уже был дед...

Наверное, Никита Сергеевич рассчитывал на поддержку молодых кадров, которым омоложение аппарата открыло бы дорогу наверх. Но логика молодых аппаратчиков была иной: они, как и старшие товарищи, больше дорожили стабильностью. Только занял кресло — и уже освобождать?

17 июня 1961 года Хрущев на заседании президиума ЦК вновь вернулся к этому вопросу. Он немного смягчил свою позицию относительно того, сколько времени можно занимать высшие руководящие посты, сделал послабление для товарищей:

— Я все-таки считаю, что следует оставить три срока для союзного руководства и два срока для всех остальных. Почему? Все-таки союзный уровень есть союзный. Во-вторых, когда мы запишем два срока, то нам не скажут этого, но это вызовет большое недовольство у руководителей социалистических стран. Надо с этим считаться. Поэтому не надо поддаваться настроению демократизма, надо все-таки реально представлять ответственность за наше дело. ЦК союзный и ЦК республиканские были на одном уровне. Сейчас

надо отделить ЦК союзный, а те в другую категорию перенести. Это будет правильно. Там будет восемь лет.

Можно без преувеличения сказать, что именно из-за этой идеи Хрущев нажил себе больше всего врагов внутри аппарата. Первый секретарь чувствовал нарастающее сопротивление и не знал, что предпринять.

С одной стороны, члены президиума ЦК, которым сильно доставалось от Хрущева, смертельно устали от постоянного напряжения, в котором он их держал. А с другой — окружение Хрущева не одобряло его либеральных акций, критики Сталина, попыток найти общий язык с Западом, сократить армию и военное производство.

В августе 1963 года отдыхавший в Пицунде Хрущев пригласил к себе Твардовского. Александру Трифоновичу позвонил помощник первого секретаря по идеологии Владимир Семенович Лебедев:

— Так вот я докладывал Никите Сергеевичу. Тот спрашивает: «А он отдыхал в этом году? А то, может быть, мы бы здесь и встретились?..»

В Пицунде Хрущев принял видных советских писателей. После обеда попросил Твардовского прочитать поэму «Теркин на том свете». Много лет Александр Трифонович пытался ее напечатать — не разрешали!

«Чтение было хорошее, — записал в дневнике Твардовский, — Никита Сергеевич почти все время улыбался, иногда даже смеялся тихо, по-стариковски (этот смех у него я знаю — очень приятный, простодушный и даже чем-то трогательный). В середине чтения примерно я попросил разрешения сделать две затяжки...

Дочитывал в поту от волнения и взятого темпа, несколько напряженного, — увидел потом, что мятая моя дорожная, накануне еще ношенная весь день рубашка — светло-синяя — на груди потемнела — была мокра».

Когда Твардовский закончил чтение, раздались аплодисменты. Никита Сергеевич встал, протянул ему руку:

— Поздравляю. Спасибо.

Твардовский попросил у Никиты Сергеевича разрешения «промочить горло». Первый секретарь ЦК пододвинул поэту коньяк.

— Налейте и мне, — сказал он, — пока врача вблизи нету.

Дослушав поэму, Хрущев обратился к газетчикам:

— Ну, кто смелый, кто напечатает?

Вызвался главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей:

— «Известия» берут с охотой.

На аэродроме Лебедев сказал Твардовскому, что Никита Сергеевич просит дать возможность прочесть поэму глазами. Его смутили рассуждения насчет «большинства» и «меньшинства». И по личной просьбе Хрущева Твардовский выкинул вот такие строки:

Пусть мне скажут, что ж ты, Теркин,
Рассудил бы, голова!
Большинство на свете мертвых,
Что ж ты, против большинства?
Я оспаривать не буду,
Как не верить той молве.
И пускай мне будет худо, —
Я останусь в меньшинстве.

Никита Сергеевич не стал вникать в философский смысл стихов Твардовского, а автоматически откликнулся на слова о «большинстве» и «меньшинстве». А в меньшинстве не хотел оставаться даже всесильный первый секретарь ЦК...

Поход на выставку

Самым громким идеологическим скандалом стала история с посещением Хрущевым выставки московских художников. Существует множество версий этой истории. Одни полагают, что первый секретарь ЦК взорвался и дал волю эмоциям из-за того, что различные группы художников пытались перетянуть его на свою сторону, а ему это надоело. В Союзе художников, как и в Союзе писателей, шла борьба не только между различными школами, но и между теми, кто добивался успеха верной службой начальству, и талантливой молодежью.

Скорее, в основе атаки на либерализм в сфере культуры и литературы — провалы во внутренней политике, в экономике, когда ухудшилась ситуация с продовольствием. Власть ответила обычным образом — закручиванием гаек.

После XX съезда собирались провести пленум ЦК по идеологическим вопросам, чтобы продолжить десталинизацию, но так и не провели. А вот после Манежа, в июне 1963 года, собрали единственный за все десять хрущевских лет пленум по идеологии.

Вокруг того, как относиться к художникам, давно шли споры. Трезвомыслящие работники аппарата призывали к

разумной осторожности. Заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС Борис Сергеевич Рюриков говорил на совещании:

— Союз художников — это не та организация, в которой можно работать приказом и указом. Нормальная работа Союза требует коллективности, не позволяя ставить личное над общим. К сожалению, таких качеств у товарища Герасимова и некоторых его соратников не оказалось.

Живописец Александр Михайлович Герасимов с 1947 года был президентом Академии художеств. Прославился не только страстной борьбой против «антипатриотов и космополитов» в художественной критике, но и полным неприятием исканий современных живописцев, видя во всем новом разлагающее влияние Запада. Избавиться от него мечтали уже и в аппарате ЦК.

Избранный вторым секретарем Московского горкома Николай Григорьевич Егорычев вспоминал:

«Первое поручение, которое я получил, — заняться идеологией, хотя я был далек от этих вопросов. Пробным шагом в этой области был мой поход на выставку шестнадцати молодых художников на Беговой улице. Я должен был решать: открывать или не открывать эту выставку, так как на ней было представлено много модернистских работ.

Я осмотрел выставку, побеседовал со многими художниками. Они смотрели на меня настороженно, у всех в глазах вопрос: "Ну как? Откроют?" Меня это даже удивило. Я сказал:

— Открывайте, конечно. Кому это нравится — пусть посмотрят.

Во всяком случае, как я полагал, нашей идеологии это никак не навредит».

Осенью 1962 года в Центральном выставочном зале организовали показ работ, посвященный тридцатилетию Московской организации Союза художников. В Манеже долгое время располагался правительственный гараж. Только в конце пятидесятых уговорили Никиту Сергеевича передать Манеж художникам.

«В конце ноября, — вспоминал Егорычев, — я ознакомился с выставкой, организованной в Центральном выставочном зале. Действовала она уже около месяца и вызвала большой интерес москвичей и гостей столицы. За это время ее посетили более ста тысяч зрителей. Занявшая весь первый этаж Манежа выставка действительно оказалась очень интересной: показали все лучшее, что было создано

за тридцать лет работы Московской организации Союза художников».

В Министерстве культуры подозрительно наблюдали за исканиями молодых живописцев. Приписывали это, как водится, тлетворному западному влиянию.

— В последние годы, — говорила министр Фурцева, — отмечается усиление влияния буржуазной идеологии на некоторую часть советских художников и скульпторов. В результате этого отдельные молодые художники стали работать в духе подражания формалистическим течениям буржуазного изобразительного искусства Запада.

Газета «Известия» попросила Илью Григорьевича Эренбурга написать о выставке в Манеже. «Известия» редактировал хрущевский зять Алексей Аджубей. Следовательно, разгром этой выставки заранее не замышлялся. Илья Григорьевич написал одобрительную статью и не мог понять, почему ее не печатают.

А дело было в том, что 20 ноября 1962 года возмущенные выставкой партийные художники написали жалобу в ЦК: «формалисты» зажимают реалистов! Секретарь ЦК Суслов доложил о письме Хрущеву.

29 ноября на президиуме ЦК Хрущев — с участием главного редактора «Известий» Аджубея, заведующего отделом культуры ЦК Дмитрия Алексеевича Поликарпова, главного редактора «Правды» Павла Алексеевича Сатюкова — разбирал письмо группы художников в ЦК. Влиятельные руководители Союза художников жаловались на засилье «формалистов», которые протаскивают «буржуазную идеологию в советское изобразительное искусство, растленно влияя на молодежь». Авторы письма недоумевали: почему «формалисты» нашли трибуну и в «Неделе», и в «Известиях»?

Обсуждение происходило через три недели после Карибского кризиса, когда едва не началась ядерная война между СССР и США, и Хрущев сорвался. Он хотел реваншироваться за неудачу. Так была воспринята эта драма мирового значения — как поражение Хрущева. На самом деле Никита Сергеевич многого добился. Президент США Джон Кеннеди обещал не нападать на Кубу и убрать из Турции ракеты «Юпитер». Это была победа Хрущева, но об этом знали только посвященные. В обмен Хрущев обещал забрать с Кубы ракеты. И весь мир увидел, как советские корабли разворачиваются и уходят. Это было зримое свидетельство поражения.

Карибский кризис подточил власть Никиты Сергеевича. Товарищи по партийному руководству видели, как он признал свою ошибку и пошел на попятный. Советские военные были крайне недовольны тем, что им пришлось отступить, считали это унижением и полагали, что Хрущев просто струсил.

Теперь Никита Сергеевич демонстрировал идеологическую непреклонность. 1 декабря он отправился смотреть выставку работ столичных живописцев. Вошел в Манеж со словами:

— Где тут у вас праведники, где грешники?

Сопровождали его члены президиума ЦК Михаил Андреевич Суслов и Дмитрий Степанович Полянский, секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, первый секретарь Московского горкома Николай Григорьевич Егорычев, министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева и новый секретарь ЦК комсомола Сергей Павлович Павлов. Кивнув в их сторону, Хрущев сказал художникам:

— Вот они говорят, что у вас мазня. Я еще не видел, но думаю, что они правы.

«У меня вызвало некоторое удивление, — рассказывал Егорычев, — когда я не увидел в этой представительной группе Л. Ф. Ильичева, секретаря ЦК по идеологии... После того как осмотрели работы на первом этаже, Хрущева — неожиданно для меня — повели на второй этаж. Я недоуменно спрашиваю: "Куда всех ведут?"

Как потом выяснилось, "отсутствующий" Ильичев за ночь (!) до посещения выставки руководителями ЦК распорядился собрать по квартирам работы молодых абстракционистов и следил за их размещением на втором этаже вне выставки МОСХ. Он и авторов пригласил. Те вначале были очень довольны, что их работы хотят показать. Но оказалось, что кому-то очень хотелось столкнуть их с Н. С. Хрущевым. Провокация удалась. Хрущев, как только увидел эти работы, стал кричать».

На первом этаже висели работы знаменитых художников двадцатых годов, но человеку, не подготовленному к восприятию современной живописи, с эстетической глухотой, картины казались странными и нелепыми. Хрущев был скор на приговор:

— Нашему народу такое не нужно!

Взвинченный и раздраженный, Никита Сергеевич поднялся на второй этаж, где выставлялись молодые живописцы, которые вскоре станут известными всему миру.

— Что это за безобразие, что за уроды? Где автор? — ругался Хрущев. — Что это за лица? Вы что, рисовать не умеете? Мой внук и то лучше нарисует.

«Когда Хрущев подошел к моей последней работе, — вспоминал художник Борис Иосифович Жутовский, — к автопортрету, он уже куражился:

— Посмотри лучше, какой автопортрет Лактионов нарисовал. Если взять картон, вырезать в нем дырку и приложить к портрету Лактионова, что видно? Видать лицо. А эту же дырку приложить к твоему портрету, что будет? Женщины должны меня простить — жопа.

И вся его свита мило улыбнулась».

Хрущева несло, туалетная тематика захватила его воображение. Скульптору Эрнсту Иосифовичу Неизвестному (который со временем поставит памятник на могиле Никиты Сергеевича) первый секретарь ЦК говорил:

— Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет... Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите.

Хрущев настойчиво интересовался социальным происхождением художников. Неужели ему мнилось, что это дети помещиков и купцов? Но молодые художники, чьи работы он не понимал, происходили из простых семей и к тому же прошли через войну — кто рядовым, кто младшим офицером.

Выставку использовали для начала мощной атаки на все антисталинские силы в советской культуре.

25 апреля 1963 года на заседании президиума ЦК рассматривалась записка секретаря ЦК по идеологии Леонида Ильичева «о заглушении зарубежных радиопередач». Страх перед западными радиопередачами всегда преследовал советских руководителей. Они даже не отдавали себе отчета в том, что тем самым признавали шаткость выстроенной ими системы, которая могла рухнуть в результате всего лишь радиопередач.

Первым делом решили прекратить выпуск радиоприемников с коротковолновым диапазоном.

Хрущев распорядился:

— Давайте поручим товарищу Устинову с тем, чтобы с Калмыковым рассмотреть и разработать вопрос о том, чтобы производить радиоприемники, которые работали бы только на прием от наших радиостанций.

Валерий Дмитриевич Калмыков возглавлял Госкомитет по радиоэлектронике. Комитет подчинялся Дмитрию Федоровичу Устинову как председателю Высшего совета народного хозяйства.

— Без коротких волн, — уточнил Косыгин.

— Быстро любители приспосабливают, и практически трудно это сделать, — заметил секретарь ЦК Борис Николаевич Пономарев.

— Приспосабливают не все, — возразил Хрущев.

— Приспосабливают как раз тогда, когда коротковолновые выпускают, — сказал Ильичев. — Мы им сами даем возможность.

— Выпустили девять миллионов штук, — с горечью заметил Леонид Ильич Брежнев.

— Почему это сделали? — грозно спросил Хрущев.

— Было решение прекратить, но не выполнили, — дал справку Ильичев. — Самое главное возражение было Министерства торговли: потребитель не берет без коротких волн. Они же соображают. Не берут, и затовариваются.

— А надо сократить производство, — отрезал Хрущев.

— Других не будет, эти будут брать, — пренебрежительно бросил первый заместитель главы правительства Алексей Николаевич Косыгин.

— А давайте посмотрим, — вдруг предложил Хрущев, — может, произвести эти, без коротких волн, а те заменить. Обратиться к населению. И заменить. Пусть товарищи Устинов и Шелепин разберутся, и, может быть, тогда ответят те люди, которые нарушили решение ЦК и правительства.

Но все-таки Никита Сергеевич понимал, что одними запретами делу не поможешь, и добавил:

— Надо построить более широкую телевизионную сеть. Надо занять людей разумной пищей, и тогда люди не будут этого делать. В городах надо перевести радиотрансляцию через сеть. Я не знаю, может быть, налог увеличить на индивидуальное использование радиоприемников, а за репродукторы — меньше брать.

— На средних и длинных волнах они меньше поймают, — уверенно сказал Косыгин.

— Одним словом, — заключил Хрущев, — надо организовать более разумное наступление на противника и не давать ему возможностей с нашей стороны, не облегчать ему возможности вести пропаганду по радио на нашу страну.

— Не подставлять бока, — вставил Суслов.

Но Хрущев уже успокоился и довольно разумно добавил:

— Будут некоторые слушать, пусть слушают. Я помню во время войны, бывало, Гречуха, делать нечего ему, так «вин все знал, что нимцы кажуть» на украинском языке. Он так и пропадал у радио. Все знали эту слабость.

Никита Сергеевич оглядел собравшихся:

— Что еще? Всё?

Мастера политической интриги

Вся советская история — это история непрерывной борьбы за власть. У Хрущева были сильные соперники. Он неустанно сражался с ними и одерживал одну победу за другой, проявив выдающийся талант в борьбе за власть. Хрущев недооцененный в этом смысле человек. Он был гениальным мастером политической интриги. Ведь каких людей он как бы играючи убрал: Берию, у которого в руках была госбезопасность, маршала Жукова, у которого была армия и народная слава! В 1957 году Никита Сергеевич чуть не в одиночку пошел против президиума ЦК и одолел всех. За каждой такой операцией стояла большая закулисная работа. Для этого надо было иметь острый ум и смелость.

Партийная номенклатура помогла Хрущеву получить власть и удержать ее. Но одновременно первые секретари осознали и собственную значимость. Они скептически смотрели на Хрущева. Что хотели — исполняли, что им не нравилось — не делали.

На XXII съезде под давлением Хрущева приняли программу построения коммунизма. Но всем было ясно, что построить коммунизм нельзя. Партийные секретари не хотели отвечать за невыполненные обещания. Им нужно было, чтобы Хрущев ответил за все. Так что это было серьезное противостояние. Или он их. Или они его.

Хрущева товарищи по партии боялись. Он умел внушать страх и в пожилые годы. Добреньким он никогда не был. Иначе бы не выжил. Но он был человек не злопамятный, снимал с должности и этим ограничивался. Сталин расстреливал, чтобы не оставались где-то рядом с ним недовольные и обиженные. А Хрущев никого не добивал, переводил на менее значимые должности, и это создавало ощущение его слабости.

«Мы осудили культ Сталина, — говорил он, уже отправленный на пенсию, — а есть ли в КПСС люди, которые подают голос за него? К сожалению, есть. Живут еще на свете

рабы, живут и его прислужники, и трусы, и иные. "Ну и что же, — говорят они, — что столько-то миллионов он расстрелял и посадил в лагеря, зато твердо руководил страной". Да, есть люди, которые считают, что управлять — это значит хлестать и хлестать, а может быть, даже захлестывать».

Увидев, что Хрущев «хлестать» их не собирается, все им обиженные утратили страх и объединились. У партийных секретарей были личные причины не любить Хрущева. Они жаждали покоя и комфорта, а Хрущев проводил перманентную кадровую революцию. Он членов ЦК шпынял и гонял, как мальчишек. Никита Сергеевич позволил своему окружению сплотиться против него.

Хрущев совершил много тактических ошибок. Офицерский корпус не принял тех сокращений, которые он произвел в армии. Хрущев поссорился и с КГБ. Он пренебрежительно относился к госбезопасности и хотел, в частности, снять с чекистов погоны, превратить комитет в гражданское ведомство.

После 1960 года Хрущев не подписал ни одного представления КГБ на генеральское звание. Некоторые начальники управлений и председатели КГБ республик оказались всего лишь полковниками. Звание полковника председатель КГБ мог дать своей властью. А генерала — только решением президиума ЦК, которое оформлялось постановлением Совета министров.

Председатель Комитета госбезопасности Владимир Ефимович Семичастный несколько раз обращался к Хрущеву:

— Никита Сергеевич, неудобно получается. По всем неписаным положениям председатель КГБ в республике — старший воинский начальник. А он всего лишь полковник. Рядом министр внутренних дел — генерал.

Хрущев в шутку все переводил. Когда Семичастный опять завел речь о генеральских погонах, Хрущев его прервал:

— Пойдем обедать!

Зашли в Кремле в комнату, где обедали члены президиума ЦК, рядом со Свердловским залом. Хрущев сказал:

— Вот пришел председатель КГБ, просит генеральские звания. Я ему могу только свои генеральские штаны отдать, ну так он в них утонет.

— Никита Сергеевич, да я же не себе прошу...

Правда, Хрущев удержался от соблазна и себе звание тоже не повысил в отличие от Брежнева, пожелавшего красоваться в маршальской форме. Как Хрущев пришел

с войны генерал-лейтенантом, так с двумя звездочками и остался. А его лизоблюды тоже уговаривали:

— Как же так, Никита Сергеевич, вы Верховный главнокомандующий, а мы старше вас по званию?

— Ничего, — уверенно говорил Хрущев, — я с вами и так управлюсь.

Кончилось это тем, что он обзавелся таким количеством врагов, что уже не смог всех одолеть.

Хрущев любил рассказывать во всех подробностях, как именно он убирал своих соперников. И сплотившиеся против него секретари поступили так, как их учил Никита Сергеевич. Они воспользовались его отъездом, как это сделал сам Хрущев, готовя отставку Жукова. Они сговорились с основной массой членов ЦК, как это сделал Хрущев, сражаясь с Маленковым. И они тоже использовали эффект внезапности, как это сделал Хрущев, пригласив ничего не подозревавшего Берию на заседание президиума правительства.

И окружение Никиты Сергеевича до последнего не позволило ему понять, что он остался в полном одиночестве. Газеты, радио и телевидение продолжали восхвалять Хрущева. Улицы были увешаны его портретами.

Репутация Хрущева была подорвана денежной реформой, повышением цен. Он утратил ореол «народного заступника» от бюрократов и чиновников. А свергли его потому, что страха он не внушал — сам избавил от него страну.

Хрущев видел, что экономическая ситуация в стране ухудшается. Закупки хлеба увеличивались, но урожая все равно не хватало — ни пищевой промышленности, ни животноводству. 1963 год был особенно неудачным, с прилавков исчезли мясо, гречка, белый хлеб, кондитерские изделия.

Почему же зерна перестало хватать тогда, когда начался рост сельского хозяйства? В хрущевские годы страна стала жить лучше. Люди больше потребляли сахара, рыбы, мяса, чем до войны. А сельское хозяйство не справлялось.

В середине пятидесятых, в годы хрущевских реформ, деревня получила приток рабочей силы. Сокращалась армия — многие демобилизованные вернулись домой. Разрешили вернуться в родные места репрессированным народам, а это в основном были крестьяне. Немалое число людей из городов в приказном порядке отправляли в деревни — председателями колхозов и совхозов, специалистами. В деревню распределяли выпускников сельскохозяйственных учебных заведений, добровольцев, осваивавших целину. Это, конечно же, сильно укрепило деревню.

Но к концу пятидесятых люди двинулись в обратную сторону — из деревни в города. Хрущев сделал великое дело — освободил крестьянина от крепостничества. С февраля 1958 года крестьяне стали получать паспорта. Этого права они были лишены постановлением ЦИК и Совнаркома от 27 декабря 1932 года.

До пятьдесят восьмого года крестьяне могли уехать из колхоза, только получив справку из сельсовета или от председателя колхоза. А им запрещали отпускать людей. При Хрущеве колхозникам, желающим уехать, стали давать временные паспорта, и они обретали свободу передвижения. Правда, окончательно право на паспорт крестьяне получили только 28 августа 1974 года, когда появилось постановление ЦК и Совмина «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» (инициатором постановления был министр внутренних дел Николай Анисимович Щелоков).

Паспорт в руке открыл сельской молодежи дорогу в город, где было комфортнее и интереснее, где можно было учиться, найти работу по вкусу и жить в приличных условиях. По старому закону все молодые люди, выросшие на селе, автоматически в шестнадцать лет зачислялись в члены колхоза, даже если они этого не хотели. Они бежали из деревни под любым предлогом. Обычно не возвращались после службы в армии. За четыре последних хрущевских года, с шестидесятого по шестьдесят четвертый, из деревни в город ушли семь миллионов сельских жителей.

В принципе сокращение сельского населения — явление нормальное и прогрессивное, когда является следствием роста экономического прогресса в сельском хозяйстве. Но вот этого как раз и не было! Советское сельское хозяйство оставалось отсталым, и исчезновение молодых людей было для него болезненным.

Никита Сергеевич верил в то, что общественное хозяйство в состоянии накормить всю страну, а личное подсобное хозяйство только отвлекает людей от полноценного труда. Специалисты предостерегали Хрущева от поспешных решений. Личное подсобное хозяйство давало крестьянам половину их дохода, больше половины овощей, мяса и молока (см.: Отечественная история. 2000. № 1).

Но Хрущев ничего не желал слышать. Ему не нравилось даже то, что колхозник имеет свое хозяйство, а когда это делали рабочие в совхозе или тем более горожане, он считал это недопустимым отставанием, перечеркивани-

ем марксистских идей. Нужно общее хозяйство, общий труд, а свои огороды, свое хозяйство — это возвращение к мелкому хозяйству, позорная отсталость. Зачем людям держать скот, если молоко и мясо есть в магазине? 20 августа 1958 года бюро ЦК КПСС по России приняло постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках».

На декабрьском пленуме Хрущев потребовал сократить размеры приусадебных участков и количества скота в личном владении работников совхозов:

— Наличие больших приусадебных участков и скота в личной собственности стало серьезным препятствием на пути развития производства.

В родном селе первого секретаря ЦК реализовывалась его мечта: освободить крестьянина от лишних забот, чтобы строили коммунизм, ни на что не отвлекаясь. В Калиновке перестали держать коров, потому что открылись ларьки, где бесперебойно торговали молоком. Раз в месяц давали четыре килограмма масла.

Никиту Сергеевича охватила новая идея. Мало того, что люди занимаются своей коровой, вместо того чтобы работать на государство, они еще кормят скотину дешевым хлебом! Поднять цену на хлеб нельзя по политическим соображениям. Тогда летом 1959-го приняли закон, запрещающий тем, кто живет в городах и рабочих поселках, держать в личной собственности скот — коров, коз, свиней.

Тем самым Хрущев загубил подсобное хозяйство, которое кормило многие семьи, особенно в маленьких городах. Люди поначалу охотно продавали скот. Отдали корову — легче стало, не надо спозаранку вставать ее доить. А потом из магазинов все исчезло — и мясо, и молоко. Пожалели, что без коровы остались. Но уже назад не вернешь. Большие города худо-бедно снабжали, а маленькие города попали в беду — остались без молока и мяса.

Хрущев, не зная, что делать, создал производственно-территориальные управления сельским хозяйством, разделил обкомы и крайкомы на промышленные и сельские. Наивно полагал: будут конкретные чиновники, которые отвечают за сельское хозяйство, будет больше отдача. Количество чиновников увеличилось вдвое.

В последние месяцы своего правления Хрущев увидел, что повернул не туда. Стал требовать, чтобы колхозами перестали командовать, говорил, что сельское хозяйство надо

интенсифицировать, что нужны комплексная механизация, мелиорация и химизация сельского хозяйства.

Николай Митрофанович Луньков, который был послом в Норвегии, вспоминает визит Хрущева в Осло. Во время прогулки Хрущев, его зять Аджубей, главный редактор «Известий», и главный редактор «Правды» Сатюков ушли вперед. Министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко сказал Лунькову:

— Вы поравняйтесь с Никитой Сергеевичем и побудьте рядом на случай, если возникнут какие-либо чисто норвежские вопросы.

В тот момент, когда Луньков приблизился, Хрущев оживленно говорил входившим в его ближний круг Аджубею и Сатюкову:

— Слушайте, как вы думаете, что, если у нас создать две партии — рабочую и крестьянскую?

При этом он оглянулся и выразительно посмотрел на Лунькова. Тот понял, что надо отойти. Луньков присоединился к министру иностранных дел и на ухо пересказал Громыко услышанное. Министр осторожно заметил:

— Да, это интересно. Но ты об этом никому не говори.

9 января 1964 года на президиуме ЦК обсуждали вопрос о пенсионном обеспечении и других видах социального страхования колхозников. Через полгода это наконец реализовалось в форме закона.

15 июля Верховный Совет принял закон о пенсиях и пособиях колхозникам. Впервые в колхозной деревне появилась система социального обеспечения крестьян. Сталин-то считал, что колхозникам пенсии ни к чему. Мужчины получали пенсию в шестьдесят пять лет, женщины в шестьдесят. Хрущев ввел пенсии по инвалидности и в связи со смертью кормильца, пособия для беременных женщин.

Услышать благодарность за пенсии Хрущеву не довелось, через несколько месяцев его самого отправили на пенсию.

Заговор в октябре

В октябрьские дни 1964 года председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный приказал управлению военной контрразведки и в первую очередь особистам Московского военного округа немедленно сообщать ему даже о незначительных передвижениях войск. Три дня, пока снимали Хрущева, личный состав оперативных подразделений КГБ,

в первую очередь хорошо подготовленных офицеров 9-го управления (охрана высших должностных лиц), держали на казарменном положении в полной боевой готовности...

Генерал-лейтенант Николай Александрович Брусницын, в те годы заместитель начальника Управления правительственной связи КГБ, вспоминал, как накануне этих событий его вызвал Семичастный. Хрущев еще отдыхал в Пицунде. Семичастный властно сказал, что ему нужно знать, кто и зачем звонит Никите Сергеевичу.

— Владимир Ефимович, — твердо ответил Брусницын, — этого не только я, но и вы не имеете права знать.

Семичастный тут же набрал номер Брежнева:

— Леонид Ильич, начальник правительственной связи говорит, что это невозможно.

Выслушав Брежнева, Семичастный задал новый вопрос заместителю начальника управления правительственной связи:

— А что можно?

— Что конкретно надо? — уточнил Брусницын.

— Надо знать, кто названивает Хрущеву.

— Это можно, — согласился Брусницын, — положено иметь такую информацию на спецкоммутаторе.

— Хорошо. Каждый час докладывайте мне, кто звонит Никите Сергеевичу.

На государственную дачу в Пицунде линия правительственной междугородней ВЧ-связи шла через Тбилиси. Ее отключили, сославшись на повреждение аппаратуры. Хрущева соединяли через спецкоммутатор Москвы, так что председателю КГБ немедленно докладывали о всех его телефонных переговорах...

13 октября 1964 года Никита Сергеевич прилетел в Москву на заседание президиума. В правительственном аэропорту Внуково-2 первого секретаря ЦК и председателя Совета министров встречал один только председатель КГБ Семичастный.

Дело было не только в том, что Семичастный должен был сменить личную охрану Хрущева и вообще проследить, чтобы темпераментный Никита Сергеевич не предпринял каких-то неожиданных действий. Не всякий решился бы в тот момент оказаться один на один с Хрущевым. Никита Сергеевич все еще оставался первым человеком в стране, и его боялись.

Семичастный много лет спустя рассказывал, что Брежнев даже предлагал физически устранить Хрущева — не ве-

рил, что им удастся заставить его уйти в отставку. Не хочется подвергать сомнению слова Владимира Ефимовича, но люди, знавшие Брежнева, сильно сомневались, что он мог такое сказать, — не в его характере.

По другим рассказам, в какой-то момент у Брежнева сдали нервы, он расплакался и с ужасом повторял:

— Никита нас всех убьет.

А вот Семичастный Хрущева не боялся. Чего-чего, а воли, решительности и властности у Владимира Ефимовича было хоть отбавляй.

Спустившись по трапу, Хрущев спросил Семичастного:

— Где остальные?

— В Кремле.

— Они уже обедали?

— Нет, кажется, вас ждут.

Хрущев из аэропорта сразу приехал в Кремль. В три часа дня началось заседание президиума ЦК. Вошел Хрущев, поздоровался и спросил:

— Ну, что случилось?

Он занял председательское кресло и повторил:

— Кто же будет говорить? В чем суть вопроса?

Товарищи по президиуму ЦК потребовали, чтобы Хрущев добровольно ушел в отставку. Он сопротивлялся. Его заявление об уходе нужно было для того, чтобы избежать прений на пленуме ЦК. Если бы Хрущев настаивал на своей правоте, он теоретически имел бы право получить слово на пленуме.

Разумеется, это ничего бы не изменило. Члены ЦК, видя, на чьей стороне преимущество, проголосовали бы за его смещение. Но, возможно, нашлись бы двое-трое из старых друзей Никиты Сергеевича, кто выступил бы в его защиту. А задача состояла в том, чтобы все сделать спокойно, избежать полемики на пленуме, добиться единодушного одобрения отставки Хрущева, показать, что это воля всей партии.

Заседание президиума ЦК закончилось поздно вечером. Решили назавтра продолжить заседание. Никита Сергеевич отправился к себе на Воробьевы горы. Он еще был первым секретарем и главой правительства. Но фактически его отрезали от внешнего мира. Об этом позаботился Семичастный. Никита Сергеевич не смог позвонить ни жене, которая лечилась на чехословацком курорте Карловы Вары, ни внучке Юле в Киев.

Личную охрану первого секретаря Семичастный сменил. Чекисты, которые были обязаны даже ценой собственной

жизни защищать Хрущева, собрали свои вещи и исчезли. Начальник 9-го управления КГБ полковник Владимир Яковлевич Чекалов без колебаний подчинился Семичастному.

Никита Сергеевич не выдержал давления со стороны недавних товарищей. Ему было слишком много лет, и он устал. Промаявшись всю ночь, утром 14 октября Хрущев появился на заседании президиума уже не бойцом.

На глазах у Хрущева появились слезы:

— Напишите заявление о моем уходе, о моей отставке, я его подпишу. Я полагаюсь на вас в этом вопросе. Скажите, где мне жить. Если нужно, я уеду из Москвы.

Кто-то откликнулся:

— Зачем это делать? Не нужно.

— Если у вас пойдут дела хорошо, — сказал Хрущев, — я буду только радоваться и следить за сообщениями газет. Спасибо за совместную работу, за критику.

Рада Никитична Аджубей рассказывала мне, что в тот момент даже не особенно сожалела о выходе отца на пенсию:

— Это даже к лучшему. Программа Хрущева исчерпала себя, дальше придет молодая команда и пойдет дальше...

Брежнев сам определил уровень жизни пенсионера Хрущева. Сохранилась написанная рукой Леонида Ильича не слишком грамотная записка:

«1. Пенсия 5000 (500 р. по новому курсу).

2. Кремлевская столовая.

3. Поликлиника 4-го Гл. упр.

4. Дача — на Перового-Дальней (Истра).

5. Квартиру в городе подобрать.

6. Машину легковую».

Относительно машины устно сказал помощникам: «Не новую». Никите Сергеевичу выделили небольшую дачу и рекомендовали в город не приезжать. Хрущев, ссылаясь на большую семью, просил оставить ему дотацию для столовой лечебного питания (где начальству выдавали продукты, купить которые в обычных магазинах было невозможно) в сто рублей (как министрам), ему оставили семьдесят — как чиновникам средней руки.

Судьба детей

Хрущев был многодетным отцом. Его старший сын Леонид, военный летчик, погиб на фронте. Время от времени рассказывают, будто сын Хрущева не то попал в плен к

немцам, не то убил человека, и Никита Сергеевич чуть ли не ползал на коленях, вымаливая у вождя прощение. Вроде бы об этом рассказывал Молотов, которого Хрущев выставил из политики.

Но в распоряжении историков весь объем документов Третьего рейха: нигде нет и упоминания о Леониде Хрущеве. В плен попал в июле 1941 года сын Сталина — командир артиллерийской батареи старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили. И старшина 1-й маневренной воздушно-десантной бригады РККА Василий Васильевич Кокорин, называвший себя племянником Молотова (*см.*: Новое военное обозрение. 2000 № 20).

Бригада была заброшена в немецкий тыл, боевую задачу выполнить не удалось, Кокорин обморозил ноги и 1 апреля 1942 года сдался в плен. В лагере было настолько ужасно, что он заявил коменданту: его мать, Ольга Михайловна Скрябина, — сестра министра иностранных дел Молотова. Его положили в госпиталь и стали лечить обмороженные ноги.

1 июля 1942 года в ставке Гитлера «Волчье логово» генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель упомянул, что к немцам попал не только сын Сталина, но и племянник Молотова. Кокорина перевели в концлагерь Заксехаузен, где в одном из блоков содержался Яков Джугашвили, которого в апреле 1943-го убили.

2 мая 1945 года итальянские партизаны освободили Кокорина и доставили в Рим, где передали советской военной миссии. Его отправили пароходом в Одессу, где и арестовали. Он провел в камере шесть с лишним лет уже после того, как следствие было завершено. Чекисты держали мнимого племянника на тот случай, если он понадобится для обвинений против самого Вячеслава Михайловича? Племянник-предатель, племянник — агент гестапо мог бы пригодиться, если бы на скамью подсудимых посадили Молотова. Документы по делу Кокорина подписывал сам начальник Главного управления военной контрразведки Смерш генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов. Он ничего без прямых указаний Сталина не делал.

10 января 1952 года трибунал Московского военного округа приговорил бывшего старшину-десантника к расстрелу за переход на сторону противника и сотрудничество с гестапо. 26 марта приговор привели в исполнение...

Историки и сослуживцы подтверждают: Леонид Хрущев в 1943 году был сбит в воздушном бою и погиб, хотя

тело его тогда не удалось найти, как и останки многих солдат и офицеров Красной армии, которые числились без вести пропавшими.

Командующий 1-й воздушной армией генерал-лейтенант Сергей Александрович Худяков написал Никите Сергеевичу: «С глубоким прискорбием сообщаю Вам печальную весть. Ваш сын, летчик 18-го гвардейского истребительного авиационного полка гвардии старший лейтенант Леонид Никитович Хрущев 11 марта 1943 г. не возвратился с боевого задания».

Два десятилетия спустя Хрущева приглашали в часть, где служил его сын, — это 18-й гвардейский истребительный авиационный Витебский дважды краснознаменный ордена Суворова полк. В составе полка сражалась в военные годы эскадрилья французских летчиков «Нормандия — Неман».

А вот вдову погибшего на войне Леонида Хрущева арестовали и посадили на пять лет, потом отправили в ссылку; их дочь Юлю Хрущевы взяли к себе и воспитывали как дочь. Юля называла бабушку с дедушкой папой и мамой.

Другой сын, Сергей Хрущев, в 1958 году окончил Московский энергетический институт. Он интересовался автоматикой и хотел работать в конструкторском бюро Николая Алексеевича Пилюгина, занимавшегося разработкой систем управления ракетными комплексами. Но его переманил к себе Владимир Николаевич Челомей, который вошел в историю как один из создателей советского ракетно-ядерного оружия. Различие между ним и Королевым состоит в том, что Сергей Павлович «знал одной лишь думы власть», с юности мечтал о космических полетах и всю жизнь упрямо шел к этой цели, а Челомей точно так же мог бы преуспеть и в других областях науки и техники.

Личный опыт показал Челомею, как важна поддержка сильных мира сего. И он неустанно завоевывал себе друзей наверху. Успехи Челомея многие связывают с тем, что у него работал сын Хрущева Сергей Никитич. В том же году, когда младший Хрущев пришел в конструкторское бюро Челомея, самого Владимира Николаевича избрали членом-корреспондентом, на следующий год он стал генеральным конструктором, получил «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда и Ленинскую премию. В 1962-м Челомей стал академиком, в 1963-м его наградили второй «Золотой Звездой». Конкуренты и завистники говорили, что награды Челомею принес Сергей Хрущев.

Но неверно полагать, что младший Хрущев просил отца: дай нам то или другое. Аппарат делал все сам, зная, что у Челомея работает сын хозяина. Наверное, обаятельный и обходительный Челомей не упускал случая сказать Никите Сергеевичу, какой у него замечательный и одаренный сын. И сердце Хрущева таяло, ему было приятно... Но главное состояло в том, что в определенном смысле они были родственные души. Никита Сергеевич буквально бредил ракетами. А Челомей их создавал.

Когда отца сняли, Сергей Никитич Хрущев тоже лишился любимой работы. Челомею он больше не был нужен... Сергей Никитич сделал огромное дело — уговорил отца диктовать воспоминания. Четырехтомные заметки Никиты Сергеевича — бесценный источник по истории Отечества. И сам Сергей Никитич стал писать, его книги пользуются большим успехом.

Рада Никитична Хрущева всегда держалась скромно. Никто бы и не подумал, что она дочь хозяина страны. Она прожила достойную жизнь и была счастливым человеком, несмотря на все испытания. И она вовсе не похожа на детей других высокопоставленных начальников. Всю жизнь работала в журнале «Наука и жизнь», заведовала отделом биологии и медицины, потом стала заместителем главного редактора. Решив, что журналистского образования недостаточно, окончила биологический факультет Московского университета.

Известный ученый Николай Петрович Шмелев, женившийся на внучке Хрущева, вспоминал, как однажды дома у первого секретаря ЦК КПСС вспыхнул скандал из-за «народного академика» Трофима Денисовича Лысенко, который с благословения руководства страны травил ученых-генетиков. Спровоцировала его Рада. Она спросила отца, не опасается ли он, что разгром генетики может оказаться столь же пагубным, как и запрет кибернетики при Сталине.

«Никита Сергеевич, — вспоминал Шмелев, — мрачнел, багровел, огрызался, как затравленный волк, от наседавшей на него со всех сторон родни, что-то несвязное такое возражал... А потом как грохнет кулаком по столу! Ни до, ни после я его таким больше не видел никогда».

Рада хлопнула дверью, уехала и неделю не приезжала к родителям... Она была принципиальным человеком, не поступалась своими убеждениями и очень достойно прошла по жизни, доказав своим примером, как можно избежать любых соблазнов.

А мужу Рады отставка Хрущева точно сломала жизнь.

На второй курс отделения журналистики филологического факультета Московского университета Алексей Иванович Аджубей перевелся из школы-студии Художественного театра. Веселый, обаятельный, яркий, компанейский, артистичный, хорошо одетый, он был на пять лет старше вчерашних школьников. В него влюбилась юная Рада Хрущева, дочь первого секретаря ЦК компартии Украины.

Мать Аджубея, Нина Матвеевна Гупало, модная портниха, которая работала в закрытом ателье и обшивала тогдашнее московское высшее общество, была встревожена: не сломает ли эта любовь карьеру ее сына? Времена были еще сталинские, сегодня Хрущев — член политбюро и в фаворе, а завтра...

Но любовь закончилась свадьбой.

Ходила тогда такая шутка: «Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей».

Шутка не имела отношения к реальности.

Они родили троих детей и хранили прекрасные отношения, пока были вместе на этой земле. Алексей Иванович всегда ласково и нежно относился к жене. Рада Никитична стала ему надежной опорой.

Это была очень необычная пара. Рада Хрущева с трудом переносила бурный образ жизни мужа, который после работы привозил домой коллег, и они до утра веселились и выпивали. Аджубей был человеком богемы, любил компании, ни в чем себе не отказывал. Такой яркий человек не мог не пользоваться успехом у женщин. Рассказывали, что из-за какой-то дамы у Аджубея вышел разлад с замечательным певцом Марком Бернесом. И главный редактор мстил более удачливому в любви Бернесу злыми газетными фельетонами...

При таком различии характеров Рада Никитична и Алексей Иванович счастливо жили и в те трудные годы, когда и Хрущев, и Аджубей потеряли работу.

Студентом Алексей Аджубей пришел стажером в отдел спорта «Комсомольской правды» и стал главным редактором. Причем этому быстрому возвышению он был в равной степени обязан и высокому положению тестя, и собственным талантам. Аджубей был прирожденным газетчиком и все свои должности занимал по праву. Как выразилась одна его сотрудница, «он любил газету, как женщину». Другое дело, что, не будь он зятем Никиты Сергеевича, едва ли его карьера оказалась бы такой быстрой.

Прочный тыл позволял Аджубею делать то, что непозволительно было другим. Он мог позвонить тестю и по-домашнему представиться:

— Никита Сергеевич, это Алеша.

Присутствовавшие при разговоре испытывали непреодолимое желание встать и вытянуться в струнку. Конечно, такой звонок решал вопрос, который остальным был не по зубам. Но очень многое Аджубей делал на свой страх и риск. Хрущев одобрял отнюдь не все новации своего зятя.

Родственные отношения с Хрущевым не спасали Аджубея от неприятностей. Некоторые члены президиума ЦК, возмутившись очередным номером «Комсомолки», снимали трубку «вертушки» и звонили главному редактору:

— Товарищ Аджубей, в чьих интересах вы напечатали статью в сегодняшнем номере?

И Алексей Иванович не знал, что последует за этим выговором: не позвонит ли разгневанный член президиума ЦК самому Хрущеву? И не разозлится ли Никита Сергеевич на своенравного зятя, который создает ему лишние проблемы, и не скажет ли: подберите-ка ему другую должность, менее заметную?

Поэтому Аджубею приходилось ладить и с большим начальством, и с аппаратом ЦК, который тоже способен был нагадить главному редактору газеты. Но у него было еще одно преимущество: он знал, как Хрущев относится к тому или иному чиновнику, поэтому на злой вопрос мог уверенно и даже с вызовом ответить:

— Эта статья опубликована в интересах советской власти.

И собеседнику оставалось только в сердцах бросить трубку «вертушки».

Хрущев и Аджубей были в чем-то похожи: тот же взрывной темперамент, та же склонность к новым, революционным идеям и готовность немедленно, ни с чем не считаясь, воплощать их в жизнь. Став главным редактором «Известий», Алексей Иванович изменил не только газету, но образ и темп жизни газетчиков. В «Известиях» поставили телетайпы, которые были абсолютной новинкой, завели электронную рекламу — вечером бегущая строка на здании газеты на Пушкинской площади сообщала о содержании свежего номера.

Он требовал от подчиненных сенсаций, материалов, о которых говорила бы вся страна. На летучке недовольно говорил:

— Что это за номер? Я в обществе показаться не могу!

Он принадлежал к редкой породе газетных редакторов, которые работают азартно, фонтанируют идеями и умеют воодушевлять своих коллег. Тираж газеты достиг фантастической цифры в восемь миллионов экземпляров, при том что подписка была лимитирована, то есть не все желающие могли подписаться на любимую газету.

Ходили слухи, что зять первого секретаря ЦК метил на место министра иностранных дел, поскольку «Аджубей для Никиты Сергеевича — первый авторитет». Хрущеву нравилось назначать на высокие посты молодых людей. На Смоленской площади ждали перемен. Может быть, Аджубей, очень одаренный человек, и стал бы министром, но Хрущева раньше отправили на пенсию.

Алексей Иванович Аджубей в сорок лет остался без работы. Его убрали из «Известий», вывели из состава ЦК партии. Месяц он сидел дома, ожидая решения своей судьбы. Его согласился взять главный редактор журнала «Советский Союз» поэт Николай Матвеевич Грибачев. Он прославился тем, что с гордостью называл себя и своих однокорытников «автоматчиками партии». Это позволяло Грибачеву в кадровых делах держаться самостоятельно. Но его журнал был рекламно-экспортным, тексты требовались соответствующие. Здесь Аджубей прозябал до самой перестройки. Ему запретили печататься под своей фамилией, пришлось обзавестись псевдонимом.

Сам Хрущев, отправленный на пенсию, не мог оправиться от удара. Его бывший помощник по идеологии Владимир Лебедев рассказывал Твардовскому: «Первое время Никита Сергеевич очень переживал, просто плакал горючими слезами, постепенно только утих и, может быть, смирился. Все это было полнейшей неожиданностью».

По словам Рады Никитичны, Хрущев ожидал худшего. На даче метался по дорожкам, предполагал, что его могут арестовать или сослать. И томился в одиночестве. Немногие рисковали приезжать к нему.

Известный фотограф Петр Михайлович Кримерман вспоминал (*см.*: Московский комсомолец. 2004. 12 апреля), как в 1966 году навестил Хрущева в Петрово-Дальнем. Ему пришлось преодолеть два пропускных пункта. Кримерман показал Никите Сергеевичу фотографии, которые сделал Юрий Алексеевич Гагарин.

Хрущев заинтересованно спросил:

— Петр, а нельзя ли Гагарина пригласить ко мне? Очень хочу с ним увидеться.

Кримерман передал приглашение Гагарину. Тот обрадовался. Потом задумался:

— Ты пока ничего не говори Никите Сергеевичу.

И словно не было разговора. Через какое-то время Кримерман напомнил Гагарину о приглашении. Тот потупился:

— К сожалению, поехать не могу. Не время.

Слетать в космос оказалось проще, чем навестить опального вождя.

Чего не могли простить Хрущеву?

Партийные секретари сообразили, что разрешение критиковать Сталина и преступления его эпохи открывает возможность обсуждать и критиковать и нынешнюю власть, и саму систему. И в разоблачении сталинских преступлений видели одни неприятности.

Главное было не допустить и мысли о том, что массовые репрессии — порождение сталинской системы. Ведь в таком случае следовало бы ставить вопрос о демонтаже всей системы. Чтобы избавиться от сталинизма, следовало изменить все политическое устройство страны. Об этом Хрущев и подумать не мог.

Отправив Никиту Сергеевича в отставку, брежневское политбюро сформулировало идеологическую платформу, на которой сложилось мировоззрение целых поколений: ошибочно то, что делал Хрущев, а не Сталин. При Сталине хорошего было больше, чем плохого, и говорить следует о хорошем в истории страны, о победах и достижениях.

Поклонники Сталина увидели, что честный разговор о трагическом прошлом неминуемо ведет к полному развалу системы. То, что произошло после знаменитого секретного доклада Хрущева на XX съезде о сталинских преступлениях, продемонстрировало слабость системы, которая держится только на вертикали власти.

Вот этого не могут простить Хрущеву! Вот почему бранят, называя разрушителем государства. Стоит вытащить из этой вертикали хотя бы один элемент — безоговорочное подчинение власти, избавить страну от страха, дать людям свободу слова, и система начинает рушиться. Вот почему власти всегда так важно, чтобы ее боялись, чтобы не звучали критические голоса, чтобы не было сомнений и дискуссий. От подданных власть желает слышать только долгие и бурные аплодисменты, переходящие в овацию...

БРЕЖНЕВ
СЛАДКИЙ СОН В КРЕМЛЕ

Бюллетень о состоянии политического здоровья

Генсеками не рождаются. Леонид Ильич Брежнев овладевал искусством большой политики в невидимых миру подковерных схватках. Восхождение на олимп ему очень дорого обошлось. Он заплатил за это своим здоровьем.

Сохранился своего рода исторический документ. Это листок нетрудоспособности, бюллетень, выданный Леониду Ильичу Брежневу весной 1953 года, сразу после смерти Сталина, врачами Кремлевской поликлиники. Тогда еще в бюллетене писали диагноз, и можно установить, от чего страдал будущий хозяин страны в те исторические дни, когда менялась судьба государства. Хотя почерк так себе — докторский...

Диагноз: «Коронаро-кардиосклероз после перенесенного инфаркта миокарда. Облитерирующий эндартериит». Лечащий врач из Кремлевской поликлиники пометил: «Нетрудоспособен с 10 апреля 1953 года». Но терапия на дому Брежневу не помогла. Его положили в больницу, где он пролежал три недели — со 2 по 23 мая.

В Кремле происходили грандиозные перемены. Все кипело. В такие дни болеть — пропустить все на свете. А Леонид Ильич Брежнев наблюдает за происходящим с больничной койки... Отчего же он остался в стороне?

И вот еще одна поразительная деталь. Почему вообще сохранился этот бюллетень? Его ведь полагалось сдавать по месту работы — как оправдание, почему отсутствовал. Платили по больничному. А этот остался в личном архиве Брежнева. Леонид Ильич не сдал бюллетень, потому что некуда было! Человек, которому предстояло восемнадцать лет руководить нашей страной, в тот момент вообще остался без дела.

Брежнев стремительно взлетел в октябре 1952 года — на последнем при Сталине XIX съезде партии. В роли

первого секретаря ЦК компартии Молдавии он впервые выступал на съезде, был избран в состав партийного ареопага и увидел, что происходит за кулисами большой политики.

Право выйти на съездовскую трибуну получило небольшое число первых секретарей ЦК национальных республик и крупных областей. Вождь приметил Леонида Ильича, который чисто внешне выгодно отличался от других партийных руководителей.

16 октября 1952 года Брежнев пришел на первый пленум нового состава ЦК, на котором предстояло избрать руководящие органы — президиум и секретариат. Стенограмма не велась. О том, что в тот день происходило в Свердловском зале Кремля, известно лишь по рассказам участников пленума. Сталин достал из кармана френча собственноручно написанную бумагу и сказал:

— В президиум ЦК можно было бы избрать, например, таких товарищей...

Он огласил длинный список. К удивлению присутствовавших, включил в высшее партийное руководство сравнительно молодых партработников, в том числе Брежнева.

Сидевший в зале и ни о чем не подозревавший Леонид Ильич неожиданно стал секретарем ЦК и кандидатом в члены президиума ЦК, созданного вместо политбюро. Он сам был поражен неожиданным взлетом — заранее его никто не предупредил. Сталин любил сюрпризы. Так Брежнев оказался в высшей лиге. Ему было всего сорок пять лет, и он уже почти достиг вершины власти.

Сразу после съезда его пригласили на обед в честь иностранных делегаций в Георгиевском зале Кремля. Обед начинался по-сталински поздно, в девять вечера. На именном приглашении для Брежнева от руки написано: стол № 4. Уже совсем рядом с вождем.

На олимпе жизнь особая, и Брежневу предстояло быстро освоиться среди ушлых московских чиновников. Леонид Ильич уловил, что следует быть крайне осторожным. Он попал в жестко очерченную жизнь высшего партийного функционера.

«В начале пятидесятых, — вспоминал сотрудник аппарата президиума Верховного Совета, — Кремль казался гнетущим огромным пустырем. Ходить по территории запрещалось. Иногда мелькнет фигура какого-нибудь руководителя. Впереди один охранник, сзади второй. Машина промчится с занавешенными окнами — уже событие».

Отныне Леонид Ильич был избавлен от всех бытовых хлопот. Ему полагалась охрана. Люди из Министерства госбезопасности взяли на себя заботу и обо всех хозяйственно-бытовых проблемах семьи. Секретарю ЦК не надо было думать ни о хлебе насущном, ни о пополнении гардероба.

На улице Грановского существовала так называемая столовая лечебного питания. Ее посещали крупные кремлевские чиновники и старые большевики. Они не столько обедали, сколько запасались продуктами. В будние дни часов в шесть-семь вечера улица Грановского заполнялась черными автомобилями. Высшие чиновники заходили в так называемую столовую с озабоченным видом, а выходили с большими свертками, упакованными в плотную желтую бумагу и перевязанными бечевкой.

Высшее партийное руководство в магазине не показывалось. Достаточно продиктовать обслуживающему персоналу, что именно нужно, и все доставят на дом. За это отвечало Главное управление охраны Министерства госбезопасности.

На Западе охрана только бережет жизни. У нас по-другому. Одежда и еда, здоровье и досуг, щекотливые поручения и тайные встречи — всем ведала личная охрана. Без охранника кремлевские небожители не могли ступить и шагу. Начальнику охраны рассказывали то, чем не делятся даже с женой. Посвящали в семейные секреты. Он заботился о детях и внуках хозяина, спасал от неприятностей, выручал из беды.

Продукты в столовой лечебного питания МГБ Брежнев стал получать сразу после избрания секретарем ЦК, с 23 октября 1952 года. За первую неделю заплатил 317 рублей. Счет за ноябрь составил уже 3955 рублей.

Леонид Ильич и Виктория Петровна Брежневы сохранили счета за продукты, полученные в пятьдесят втором и пятьдесят третьем годах, когда они жили на олимпе. Вот как выглядит один из них:

«Счет № 17-С

Причитается с Вас за отпущенные продукты с 1 декабря 1952 г. по 1 января 1953 г. по счетам-фактурам — 5566 руб. 16 коп.

Засчитывается за возвращенную тару 488 руб. 10 коп.

Следует к оплате: 5078 руб. 06 коп. (Пять тысяч семьдесят восемь рублей, 06 коп.)

Начальник Столовой лечебного питания
МГБ СССР Сергеев
Гл. бухгалтер Журков».

2 января 1953 года Брежневым представили декабрьский счет. 6 января Леонид Ильич расплатился. Брежневы осваиваются в Москве, аппетиты растут. За январь они уже заплатили за еду 6727 рублей. И еще отдельно «за отпущенные кондитерские изделия» — внесли в кассу 105 рублей. Много это или мало? Шесть тысяч — это по тем временам четыре-пять зарплат среднего московского служащего.

Полномочия Брежнева в ЦК Сталин установил сам. Поручил ему наблюдать «за делом подбора и распределения кадров по линии военного и военно-морского министерства». Иначе говоря, все назначения в военном ведомстве требовали его согласия.

Кресло военного министра занимал маршал Александр Михайлович Василевский. Он был всего лишь членом ЦК, по партийному званию — ниже Брежнева. Но Василевский с военных лет был близок к Сталину, который ему покровительствовал. Так что маршал мог, минуя Леонида Ильича, напрямую обращаться к вождю.

Сталин был стар и устал. Брежнев всего несколько раз побывал в кабинете вождя. Внимательно слушал и старательно вникал. Он успел пройти краткий курс в сталинской школе управления, хотя один на один со Сталиным ни разу не беседовал. У престарелого вождя не осталось сил возиться с каждым из новичков. Он устраивал только групповые сеансы.

Формально Брежнев вошел в число тех, кто определяет судьбу страны. По существу же принадлежал к числу младших секретарей. На ужины к Сталину или на дачу его не приглашали. Что задумывалось на самом верху, он тоже не знал.

Брежнев присутствовал на заседаниях президиума ЦК КПСС, когда принимались решения начать печально знаменитое «дело врачей», реорганизовать Министерство госбезопасности и выделить дополнительные средства вооруженным силам. Он только слушал, пытаясь понять сталинскую логику.

В ночь на 1 марта 1953 года у Сталина случился инсульт. Начиная со 2 марта высшие руководители страны встречались в узком кругу. Брежнева не приглашают, его мнением не интересуются. Он растерян и не знает, что делать.

На Старой площади Леонид Ильич был человеком новым. За четыре с небольшим месяца в столице не успел установить нужные контакты. В Москве личное общение между высшими руководителями партии практически ис-

ключалось. Во-первых, они недолюбливали друг друга и, безусловно, никто никому не доверял. Во-вторых, Сталин не хотел, чтобы члены политбюро собирались за его спиной.

Составляя список нового руководства, старые члены президиума ЦК Леонида Ильича просто вычеркнули. Он им не был нужен.

Вечером 5 марта 1953 года на совместном заседании ЦК, Совета министров и президиума Верховного Совета Брежнева освободили от обязанностей секретаря ЦК «в связи с переходом на работу начальником политуправления военно-морского министерства».

Многие высшие чиновники лишились своих кресел, но всем подобрали приличные посты. Только от Брежнева, можно сказать, избавились. Начальник политуправления — должность, приравненная к заместителю министра, то есть на много ступенек ниже той, что он занимал с октября 1952 года. Чтобы освободить кресло для Леонида Ильича, убрали из флотского политуправления адмирала Семена Егоровича Захарова, который недолго был секретарем ЦК ВЛКСМ, а всю войну руководил политработой на Тихоокеанском флоте.

Падение с олимпа было невероятно болезненным. Только что Брежнев — свой среди руководителей страны, за одним столом со Сталиным... Теперь ему предстояло подчиняться своим недавним подчиненным. Можно без преувеличения сказать, что 1953 год был в жизни Брежнева одним из худших.

Он поехал в Военно-морское министерство к Николаю Герасимовичу Кузнецову. Адмирал возглавил флот в тридцать четыре года. Моряк до мозга костей. Упрямый до категоричности. Человек прямой и резкий, он оберегал престиж флотской службы. И плохо встретил бывшего секретаря ЦК, считая, что политработник, который никогда не плавал, бесполезен на флоте. Зачем ему Брежнев, не нюхавший моря?

В записной книжке Брежнев пометил телефон Николая Герасимовича Кузнецова. Причем не номер вертушки, аппарата правительственной связи, положенной высшим чиновникам, а городской — К-5-24-80. Вчерашнему секретарю ЦК неоткуда было позвонить министру по прямому правительственному телефону, по которому между собой беседовали высшие чиновники.

Но это еще полбеды! Буквально через десять дней Военно-морское министерство слили с Военным в единое

Министерство обороны, которое существует и по сей день. Соединили и политорганы. Брежнев вообще остался без работы. Вот тогда он и свалился. Подвели сразу и сердце, и сосуды ног — болезнь, от которой часто страдают курильщики.

За год до этого, весной 1952 года, когда Брежнев руководил Молдавией, у него уже случился инфаркт миокарда. Он проснулся утром с сильной болью в груди. Его срочно госпитализировали. Месяц лежал в больнице.

В протоколе заседания политбюро записали: «Предоставить первому секретарю ЦК КП(б) Молдавии Брежневу Л. И. полуторамесячный отпуск с 20 июня 1952 года для лечения». Его доставили в подмосковную Барвиху, самый комфортабельный и престижный санаторий для начальства. Мягкий климат средней полосы, показанный практически при любом заболевании, большие комнаты, хорошее диетическое питание и настоящая медицина. Путевка полагалась только высшей номенклатуре.

Здесь он лечился, гулял, беседовал с другими отдыхающими, видными партийными секретарями, — пока не почувствовал себя здоровым. Хотя это потрясение не прошло бесследно. Но тогда лучше всяких лекарств его подняла на ноги неожиданная сталинская милость — избрание секретарем ЦК. Теперь, наоборот, все рухнуло.

Лежа на больничной койке, в полном отчаянии он в мае 1953 года написал слезное письмо главе правительства Маленкову:

«В связи с упразднением Главного политуправления военно-морских сил я обращаюсь к Вам, Георгий Максимилианович, с большой просьбой... Почти тридцать лет своей трудовой деятельности я связан с работой в народном хозяйстве. С 1936 года на советской и партийной работе. Люблю эту работу, она для меня вторая жизнь...

Мне трудно менять характер работы или приобретать новую специальность теперь, когда возраст приближается к 50 годам, а здоровье нарушено двумя серьезными заболеваниями — инфаркт миокарда и эндортернит (слово «эндартериит», серьезное заболевание ног, Брежнев не смог написать правильно. — *Л. М.*). Прошу Вас, Георгий Максимилианович, направить меня на работу в парторганизацию Украины. Если я допускал в работе какие-либо недостатки или ошибки, прошу их мне простить».

Маленков послание переадресовал Никите Сергеевичу, который как раз неплохо знал Брежнева по Украине. На

письме сохранилась пометка: «Хрущев ознакомился». Ни Маленков, ни Хрущев на слезную мольбу Леонида Ильича не откликнулись.

Брежневу предложили должность заместителя начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-Морского Флота. Он еще лежал в больнице, а приказом нового министра обороны маршала Николая Александровича Булганина его вернули в кадры вооруженных сил. В порядке компенсации повысили в звании: из генерал-майоров произвели в генерал-лейтенанты.

Многих других советских чиновников крушение карьеры ломало. Но не Брежнева. Он прошел такую жизненную школу, с таким трудом годами карабкался вверх по этой лестнице... Неужели позволит себе рухнуть на дно?..

Символическое свидетельство служебного крушения Брежнева — выписанный ему мандат на районную партийную конференцию Киевского района Москвы. Еще недавно от него зависела судьба страны. А теперь он мог только поднять руку за избрание районного начальства.

Всю жизнь Леонид Ильич делал записи, вел что-то вроде дневника. С горечью и обидой пометил в записной книжке:

«Как легко с величайших вершин столкнуть человека в бездну глубочайшего горя!»

Подчеркнул. И с надеждой добавил: «Время все исцеляет».

Он ожидал сигнала сверху, надеялся, что недавние соратники вспомнят о нем, позовут назад, что-то предложат. Всякий раз с надеждой снимал трубку вертушки. Разочарованно записал в дневнике:

«Позвонил Николай Александрович, сказал: “не робей, тебе со мной будет хорошо, приходи” и т. д. Но на этом дело и закончилось».

Николай Александрович — это Булганин, который после смерти Сталина и всех кадровых перемен стал для Брежнева высшим начальником.

Из всех сталинских соратников Булганин, пожалуй, запомнился меньше других, хотя этот благообразный господин с бородкой был в какой-то момент едва ли не ближайшим к Сталину человеком. После смерти вождя Булганин — министр обороны, первый заместитель главы правительства и член президиума ЦК. Но Николай Александрович, гедонист, поклонник красивых женщин и ценитель хороших вин, был человеком нерешительным и в

политике робким. Карьера его окажется недолгой — его съедят более зубастые товарищи. Так что к лучшему, что Брежнев не оказался в его окружении.

Леонид Ильич в ГлавПУРе тосковал. Служба эта ему не нравилась, ездить по частям он не любил, армейская жизнь его не интересовала.

Формально ГлавПУР работал на правах отдела ЦК. Фактически роль армейского политоргана была куда большей. Новый начальник ГлавПУРа генерал-полковник Алексей Сергеевич Желтов был на два года старше Брежнева. Отношения с Желтовым не сложились. Записи тех месяцев — это реестр бед и огорчений.

2 июня Леонид Ильич пометил в дневнике:

«Перед отъездом на учения Алексей Сергеевич вызвал и сказал, что был у Н. А. Булганина, советовался с ним, кого оставить вместо себя. И тот дал указание, что надо оставить С. С. Шатилова. А в мае делал предложение по поводу моего положения первым замом. Как это понимать?»

Огорченно добавил: «Все повернулось в другую сторону».

И тут же новая запись:

«Почту не дают. Мне звонков нет. Желтов звонит Пронину и Шатилову. Докладов министру нет. Поручений нет. С рабочим местом и транспортом проблемы».

Генерал-лейтенант Сергей Савельевич Шатилов, до войны столичный партработник, в конце войны начальник политуправления 1-го Украинского фронта, и генерал-лейтенант Михаил Михайлович Пронин были такими же, как он, заместителями Желтова. Обида казалась тем большей, что в войну Брежневу уже пришлось подчиняться Пронину. Тот был начальником политуправления 4-го Украинского фронта, в составе которого воевала 18-я армия Леонида Ильича. Но с тех пор Брежнев сделал большую карьеру! И вот опять вернулся в прежнее положение.

«Алексей Сергеевич приехал на день — уехал на две недели. Вновь никаких поручений и заданий кроме текучки. Это уже месяц. Я — как ворона среди голубей. У них связи — долголетняя работа. Смотрят как на временщика (вроде наказанного)».

Генерал-полковнику Желтову было не до Брежнева. Главный политработник оказался на ножах с новым первым заместителем министра обороны Георгием Константиновичем Жуковым. Маршал собирался убрать Желтова с поста начальника ГлавПУРа, и тот отчаянно сражался за свое место.

Маршал Жуков считал многих политработников просто бездельниками. Исходил из того, что сами командиры — «старые, испытанные коммунисты, хорошо знающие партийно-политическую работу», — прекрасно справятся и с комиссарскими обязанностями. Зачем им дублеры?

Он хотел сократить вооруженные силы за счет политсостава. На флоте упразднили треть политорганов и уволили половину политработников. У оставшихся служебные перспективы ухудшились, что вызывало массовое недовольство влиятельной категории людей в погонах.

А Брежнев отправился в положенный ему длительный отпуск — отдохнуть в Сочи и заодно заехать в Днепропетровск. В его личном архиве сохранился отпускной билет:

«Предъявитель сего генерал-лейтенант Брежнев Леонид Ильич уволен в очередной отпуск в г. г. Сочи, Днепропетровск сроком на сорок пять суток с 13 октября 1953 по 26 ноября 1953 г. Уволенный в отпуск генерал-лейтенант Брежнев Л. И. по окончании срока отпуска обязан явиться к месту службы в Главное политическое управление г. Москва 27 ноября 1953 г.

Для проезда туда и обратно выданы перевозочные документы — требования по форме 1 за № № 091021-22.

Начальник Главного политического управления
генерал-полковник А. Желтов».

На оборотной стороне приписано: с генерал-лейтенантом Брежневым Л. И. следует его жена — Брежнева Виктория Петровна.

Начальник административно-хозяйственного отдела полковник Полуэктов подписал соответствующую справку:

«Выдана жене состоящего на военной службе в ГлавПолитУправлении генерал-лейтенанта Брежнева Л. И. Брежневой Виктории Петровне в том, что она действительно следует на санаторное лечение в Центральный Сочинский санаторий согласно санаторному билету, выданному госпиталем им. Мандрыка.

На проезд по железной дороге от станции Москва до станции Сочи выданы перевозочные документы за № 091021-23».

Страдать в Политуправлении Леониду Ильичу пришлось недолго. Через несколько месяцев о нем вспомнил Хрущев и отправил в Казахстан поднимать целину.

Президиум ЦК КПСС 27 февраля 1954 года постановил: «В связи с избранием тов. Брежнева Л. И. вторым секретарем ЦК КП Казахстана освободить его от работы в Мини-

стерстве обороны СССР». Брежнев поехал в Казахстан не хозяином, а вторым секретарем республиканского ЦК. Но Леонид Ильич назначение принял с благодарностью, потому что это означало возвращение на партийную работу.

Брежнев демонстрировал свою признательность Никите Сергеевичу. Очень старался и не упустил свой шанс. Целина находилась под постоянным присмотром Хрущева. Через полтора года, в августе 1955-го, первого секретаря республиканского ЦК Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко отправили из Алма-Аты послом в Польшу. Хозяином Казахстана стал Брежнев.

На целине Брежнев много работал. Однажды в Семипалатинске Леониду Ильичу стало плохо, закружилась голова, он потерял сознание и упал. Ночью его отправили в Алма-Ату прямо в больницу. Когда вернулся на работу, объяснил, что ездил по области и три ночи не спал. В другой раз ему стало плохо в Целинограде. Очнулся на носилках. Спасало невероятное жизнелюбие, характер и до поры до времени крепкое здоровье.

Целинники вспоминали о нем хорошо:

«Не выносил грубости и невежества. И с юмором у него было все в порядке, любил рассказывать анекдоты. Всегда одет с иголочки. Неряхам мог заметить: "Ну и чухонцы вы!" Открытый и простой».

На XX съезде партии в феврале 1956 года Леонид Ильич получил слово как руководитель партийной организации Казахстана. Но после съезда в Алма-Ату он не вернулся. Хрущев оценил деятельного и энергичного работника. Брежнева, как и в 1952 году, избрали кандидатом в члены президиума и секретарем ЦК.

Леонид Ильич с триумфом вернулся туда, откуда его изгнали четыре года назад. Он вновь принадлежал к высшему руководству страны. Он был счастлив. Миг торжества, который мало кто испытывал! Говорят, что когда Брежнева избрали секретарем ЦК, Аверкий Борисович Аристов, который в ЦК ведал силовыми структурами, самолично принес его досье, и они его вместе сожгли.

Когда Брежневы перебрались в Москву, то в мае 1956 года купили на Московской мебельной фабрике мебельный гарнитур для кабинета: «книжный шкаф, письменный стол, рабочее кресло и мягкий диван; фанировка: лицевая фанера под орех». Леонид Ильич дома не работал, книг не читал, ничего не писал. Но как одному из руководителей страны без кабинета!

Мы его не знали

Документы из личного архива Брежнева очень многое объясняют в человеке, который восемнадцать лет руководил нашей страной. Он страстно мечтал выбиться в люди и не жалел сил, прорываясь наверх. Со временем Леониду Ильичу напишут воспоминания о его героической жизни, их станут изучать в школах и на научных конференциях. Но от реальности они были далеки.

Мало кому из советских руководителей приходилось начинать свою жизнь так тяжко, как Брежневу. Его юность и молодость — это каторжный труд и неустроенность. Он работал грузчиком. Почти что нищенствовал. Уехал на Урал, чтобы заработать на жизнь. Хотел получить хорошее образование, но не вышло.

В 1929 году Брежнев заполнил единую анкету, составленную статистическим отделом ЦК партии.

Национальность — украинец. И во всех документах Леонид Ильич называл себя украинцем; а вот после войны, когда этот анкетный пункт приобрел значение в кадровых делах, стал русским.

Сколько всего учился — четыре года.

В других партиях — не состоял.

В оппозициях — не участвовал.

За границей — не был.

Земли нет, рабочего скота нет, коров нет.

И самая берущая за сердце фраза: «Своего дома не было и нет».

Леонид Ильич Брежнев родился в 1906 году в поселке Каменское Екатеринославской губернии. В 1936 году Каменское переименовали в Днепродзержинск — в память о создателе ВЧК. А город Екатеринослав стал Днепропетровском — в честь революционера Григория Ивановича Петровского.

Родным для Брежнева был русский язык, не украинский, но в речи чувствовался сильный южный говор. Когда он возглавит страну, этот южнорусский говор с фрикативным «г» станет нормативным для высшего чиновничества, своеобразным пропуском для прохода в «руководящие» ворота, как выразился один крупный партийный работник.

«Отец мой, — писал Леонид Ильич в автобиографии, — сын бедного крестьянина Курской губ. до 18-тилетнего возраста жил в деревне и занимался сельским хозяйством. Имели 3 десятины земли на 12 едоков. 18-тилетним отец в

силу бедности уехал на заработки в Каменское, где работал чернорабочим в прокатном цеху».

Илья Яковлевич Брежнев происходил из деревни Брежневки Стрелецкого уезда Курской области. Он женился на Наталье Денисовне. У них сначала родилась девочка, но она умерла. В 1906-м появился Леонид Ильич, в 1909-м Вера Ильинична. Последним родился второй сын, Яков Ильич, названный в честь деда по отцовской линии. Вся семья жила в одной комнате, которую снимала в доме заводского мастера.

Население поселка Каменское в начале века составляло примерно двадцать пять тысяч человек. Большинство взрослых работали на Днепровском заводе Южно-Русского металлургического общества. Это было крупнейшее на юге России предприятие.

2 июля 1930 года начальник прокатного цеха и председатель цехкома завода подписали справку: «Настоящим удостоверяем, что Брежнев Илья Яковлевич работает на Днепровском государственном заводе имени товарища Дзержинского с 11 июля 1897 года по 1915 год в качестве чернорабочего и с 1915 года по настоящее время весовщиком в железопрокатном отделении».

Через несколько лет понадобились более развернутые данные. В июле 1936 года товарищи Ильи Яковлевича составили справку:

«Мы, нижеподписавшиеся старые рабочие завода Д. Г. З. имени тов. Дзержинского города Днепродзержинска Днепропетровской области, дали настоящую справку тов. Брежневу Илье Яковлевичу в том, что он действительно работает на заводе Д. Г. З. имени тов. Дзержинского в следующем порядке:

Сначала работал в старо-сталепрокатном с 1896 года по 1908 год, то есть двенадцать лет при горячих работах.

С 1908 года по 1928 год, то есть 20 лет, работал в железопрокатном отделении на холодных работах по разным квалификациям.

С 1928 года по настоящее время работает в качестве мастера фабрикатора на производстве железопрокатного и проволочного отделения.

С 1930 года по настоящее время состоит в инженерно-технической секции, членский билет № 8970.

В чем собственноручно подтверждаем».

Старинный документ хранила сестра Леонида Ильича Вера Брежнева. 17 мая 1974 года она переслала его брату в Москву:

«Леня!

Среди своих документов нашла справку папы о его работе. Если она тебе нужна, оставь себе, а если нет, возвратишь. Посылаю и портрет папы и заодно мамы. Если есть возможность его перефотографировать, то он, по-моему, лучший, чем тот, который прислали, но он с дефектом, чуток ободран».

Леонид Ильич с уважением вспоминал отца, сдержанного и строгого, но не наказывавшего детей. Ценил в нем рассудительность и порядочность. Илья Яковлевич не дожил и до шестидесяти, умер еще до войны. Мать, Наталья Денисовна, была моложе мужа на восемь лет. Она дождалась того момента, когда ее сын стал хозяином страны. В 1966 году перебралась к сыну в Москву, тихо и скромно жила у него на госдаче. Наталья Денисовна скончалась в 1975 году.

«Заводской быт, думы и чаяния рабочего человека, его подход к жизни — все это определяющим образом сформировало и мое мировоззрение. И то, что было заложено тогда, сохранилось и на всю жизнь», — со значением говорится в очерке «По заводскому гудку», который входил в большую автобиографическую эпопею, написанную от имени генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева.

Но красивый рассказ о том, что юный Леонид Ильич начинал трудовую деятельность рядом с отцом, придуман. Ему и пятнадцати не исполнилось, когда завод, на котором работал отец, закрылся. Жители поселка разъезжались; не было ни работы, ни возможности как-то прокормиться. «Жизнь в Каменском утратила всякий смысл», — говорится в очерке «Чувство Родины», тоже опубликованном от имени Леонида Ильича.

Чем же занимался будущий генсек?

«Детство я проводил при отце, — писал он в автобиографии. — В 1921 году я окончил в Каменском единую трудовую Советскую школу. В том же году в связи с закрытием завода я вместе с отцом переехал в Курскую губернию, где и занимался сельским хозяйством — по положению бедняк. Вел общественную работу в деревне среди молодежи, антирелигиозную пропаганду: в эти годы удается отобрать церковный сад в три десятины и передать в пользу школы».

В 1935 году, когда в очередной раз решалась его судьба, в родном Днепродзержинске Леонид Ильич своим красивым разборчивым почерком написал автобиографию. Она не понадобилась, осталась в его личном архиве. Вот что в ней написано: «Я в 1921—22 году, работая на селе, вступаю

в комсомольскую организацию, здесь я впервые начал познавать и чувствовать на себе лично классовую борьбу и, как всегда, мы побеждали».

Какие важные слова: «И, как всегда, мы побеждали»! Уверенность в себе, умение создавать команду и сообща одерживать победы — вот ключ к его политическому успеху.

Комсомольский билет помог из деревни перебраться в город и пойти учиться. Когда он станет генеральным и возглавит страну, на память о светлой комсомольской юности секретари ЦК ВЛКСМ во главе с Евгением Михайловичем Тяжельниковым выпишут ему членский билет номер один. Старались порадовать вождя.

Брежнев, воспринимая эту верноподданническую церемонию как значительное событие, 14 апреля 1977 года записал в дневнике: «Переговорил с Подгорным, с Сусловым, Косыгиным: о вручении мне комсомольского билета № 1. Речь Тяжельникова, мое выступление».

Леонид Ильич поступил в Курский землеустроительный техникум, где был «госстипиндистом». Именно так и написал в автобиографии не очень грамотный молодой Брежнев. Он имел в виду, что был стипендиатом. Ему дали государственную (а была еще губернская) стипендию — десять рублей! И предоставили койку в общежитии.

Зарабатывал он на жизнь — все годы, пока учился, — грузчиком на станции Курск. Носил дрова, таскал мешки с зерном: «Я работал по выгрузке семечек из вагонов, а затем переноске их на 3-й этаж маслобойного завода, от которого мы работали, а так же и на других работах, как-то: пилка дров и другое».

В техникуме изучались серьезные предметы — геодезия, геология, почвоведение, сельскохозяйственная статистика. Леонид Ильич благополучно переходил с курса на курс. Но большого интереса к учебе не питал, его образование осталось очень скудным. И он не испытывал желания пополнить свои скромные познания.

«Читал для удовольствия, по внутренней потребности он крайне редко и мало, — вспоминал его помощник Александр Михайлович Александров-Агентов, — ограничиваясь газетами и “популярными” журналами типа “Огонька”, “Крокодила”, “Знание — сила”».

Брежнев не освоил даже грамоты. Простые слова писал с грубыми ошибками. Но не упустил ни одной возможности, которая перед ним открывалась. В техникуме получил ценную профессию землеустроителя. Окончив техникум в

1927 году, молодой специалист нанялся землеустроителем в Грайворонском уезде Курской губернии.

20 ноября 1927 года председатель Теребринского сельсовета подписал характеристику, выданную землемеру и землеустроителю Брежневу:

«Выдана Теребринским сельсоветом Грайворонского уезда в том, что тов. Брежнев, работая в качестве землеустроителя с 1-го мая по 20 ноября 1927 года, проявил себя как хорошего работника, все порученные ему работы выполнял аккуратно, а также тов. Брежнев завоевал авторитет от населения как массовик. Рекомендуем тов. Брежнева как активного работника. Выдана на предмет представления в Земотдел».

Брежнев познакомился с будущей женой, и жизнь стала значительно интереснее.

29 февраля 1928 года он написал (орфография оригинала сохранена):

«Заведывающему Губземельустройством
Землеустроителя III разряда
Л. И. Брежнева

Заявление

Настоящим прошу разрешить мне отпуск с 2-го марта с/г на 18 дней — неиспользованных мною за 1927 год».

Он собирался жениться. Искал место, где мог бы заработать, чтобы прокормить семью. Нашел и, не боясь трудностей, решился ехать с молодой женой на Урал. Написал заявление:

«Заведующему Курским Губземотделом
Землеустроителя
Брежнева Л. И.

Рапорт

В виду перемены мною места службы прошу об увольнении меня с выдачей соответствующих документов и учинить расчет».

Он начал работать в огромном тогда Свердловском округе. Сохранилось удостоверение, датированное 3 апреля 1928 года, — на бланке Свердловского исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов:

«Настоящее дано гр. Брежневу Леониду Ильичу в том, что он действительно состоит на службе в Свердловском окружном земельном управлении в должности землеустроителя, что подписями и приложением печати удостоверяется».

Начинал он землеустроителем третьего разряда, потом его переквалифицировали в производителя землеустроительных работ, а 1 апреля 1929 года назначили районным землеустроителем. Избрали в Бисертский районный совет депутатов. Он быстро понял, что без партбилета ничего не достигнешь. Вступая на Урале в партию, написал заявление:

«Состоя в коммунистическом союзе молодежи с 1923 года, неся ряд комсомольских и общественных нагрузок, не имея ни одного предупреждения и выговора, в настоящий момент, имея возраст 23 года, выходя из комсомола как переросток и чувствуя себя подготовленным к переходу в ряды ВКП/б/, руководствуясь искренним желанием переносить все трудности наравне со всеми членами партии в построении социалистического общества, прошу бюро ячейки принять меня в ряды членов ВКП/б/».

Как положено, собрал необходимые рекомендации.

8 октября 1928 года получил комсомольскую характеристику:

«Дана настоящая характеристика члену Шемахинской ячейки ВЛКСМ тов. Брежневу Л. И. в том, что он за время пребывания с 5-го мая по октябрь месяц с/г проявил себя как дисциплинированный работоспособный и вполне подготовленный товарищ. Все возложенные на него обязанности выполнял честно и аккуратно. С отрицательной стороны тов. Брежнев ни в чем не был замечен.

Бюро ячейки дает настоящую характеристику на предмет вступления в ряды ВКП(б)».

30 сентября 1929 года на общем партийном собрании Бисертской советской ячейки ВКП(б) Брежнева приняли кандидатом в члены партии. Ему предстояло пройти двухгодичный кандидатский стаж.

Его рекомендовали пятеро членов партии. Все рекомендации уместились на одном листе. Кто-то просто подписал. Кто-то счел необходимым добавить несколько слов:

«Рекомендую Брежнева Леонида Ильича в кандидаты ВКП(б) как участвующего в общественной работе и всю свою работу как землеустроителя проводит не только по обязанности, но всю работу увязывает с общими задачами».

«Рекомендую в кандидаты партии Брежнева Леонида Ильича как активного, общественного и трезвого выдержанного работника».

«Рекомендую в кандидаты ВКП Брежнева Леонида Ильича как выдержанного, активного товарища».

9 октября 1929 года бюро Бисертского райкома партии

утвердило кандидатом в члены ВКП(б) Брежнева «как служащего-специалиста, принимающего активное участие в общественной работе». Он уплатил положенный по уставу вступительный взнос: три процента с зарплаты в сто сорок рублей — четыре рубля двадцать копеек.

На Урал Леонид Ильич попал в период сплошной коллективизации, когда справных, успешных, умелых хозяев называли кулаками, лишали земли, всего имущества и насильственно выселяли из родных мест. Ценности, деньги и зерно отбирали. Задача молодого Брежнева состояла в том, чтобы передать земли, отобранные у кулаков, беднякам. Эти годы позволили ему впоследствии уверенно говорить, что он знает сельское хозяйство и проблемы деревни.

«При нарезке пахотных земель и луговых участков, — говорится в очерке «Чувство Родины», написанном от его имени, — мы последовательно проводили классовый принцип, стремились ограничить, потеснить к худшим угодьям кулака и помочь бедняку».

28 октября 1929 года Брежнев на бюро райкома докладывал о ходе землеустройства. Члены бюро во главе с заместителем ответственного секретаря райкома Безматерных его работу одобрили. В начале декабря Брежнев выступал на пленуме районного комитета:

— Лучшие земли мы передали бедняцкой и лучшей части середняцкой части населения. Мы должны предоставить все возможное бедноте, чтобы эти земли были засеяны. Особенное внимание должно быть обращено в распределении кредитов бедняцким группам, которые организованы. Я считаю как недостатком в работе по коллективизации — отсутствие плана этой работы. Выезжающие шефы вопросы коллективизации в деревнях не заостряют...

В Бисертском районе Леонид Ильич проработал недолго. 4 декабря бюро райкома разрешило ему уйти в отпуск. Его ждало новое назначение. В протоколе заседания бюро Свердловского окружного комитета партии записали: «Утвердить заведующим отделом землеустройства окружного земельного управления тов. Бережнева» (!).

Фамилию свердловские чиновники спутали. Слышали в первый раз. Ничего, пройдет время, и все в стране узнают, кто такой Леонид Ильич Брежнев. А вот более важный вопрос: почему его продвигали? Ответ очевиден: он был прирожденным лидером. Хорошо чувствовал себя на первых ролях, не терялся, не боялся принимать решения. И это ощущалось с молодости.

Он был уверенным в себе человеком. Без комплексов и обиды на весь мир. Но не сатрапом и не деспотом. Первый руководитель нашей страны, который много и охотно улыбался. И улыбка у него была хорошая... Он вел себя просто и естественно. В отличие от других вождей. И он нравился!

Выданные ему характеристики одна лучше другой:

«Тов. Брежнев проявил сам себя исключительно только с хорошей стороны, политически грамотный, использовался партячейкой на докладах, все возлагаемые на него партпоручения выполнял добросовестно и аккуратно. Идеологически вполне выдержан, работоспособный, все вопросы землеустройства и землеуказаний проводил на основе политики партии и Советской власти».

Дежурный в райкоме партии записал распоряжение, отданное по телефону: «Немедленно откомандируйте Брежнева на работу завотделом землеустройства».

В Бисертском районном исполнительном комитете совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Свердловского округа Уральской области ему выписали характеристику-удостоверение:

«Дано настоящее тов. Брежневу Л. И. в том, что он действительно находился на службе в Бисертском райисполкоме Свердловского округа с 1-го апреля 1929 г. по 7-е февраля 1930 г. в должности Районного Землеустроителя и одновременно с 4-го ноября 1929 г. по 7 февраля 1930 г. работал Членом Президиума Бисертского Райисполкома в качестве зав. зем. части.

Ко всем возлагаемым обязанностям относился аккуратно и добросовестно. Уволился с 7 февраля 1930 г. по собственному желанию в связи с отзывом тов. Брежнева на должность Заведующего отделом Землеустройства Свердловского ОКРЗЕМУПРАВЛЕНИЯ, что и удостоверяется».

Леонид Ильич перебрался в Свердловск. Но пробыл там недолго. Он не был создан для этой работы, казавшейся ему скучной.

Вхождение в номенклатуру

Леонид Ильич понимал, что ему не хватает образования, вернее, диплома, необходимого для дальнейшей карьеры. Решился. Все бросил и в сентябре 1930 года поехал в Москву учиться. Запасся характеристикой:

«Выдан настоящий зав. отделом Землеустройства Свердловского ОКРЗУ тов. Брежневу Л. И. в том, что он за время

работы в отделе землеустройства проявил себя как хороший работник и способный администратор. Проявлял активное участие в общественной работе как в учреждении, так и на селе, работая по производству землеустроительных работ. Занимал ряд выборных должностей в общественных, профессиональных и советских организациях. Рекомендуем тов. Брежнева как хорошего работника и заслуживающего звания студента. Выдан настоящий для представления в ВУЗ».

В столице он поступил в Институт сельскохозяйственного машиностроения имени М. И. Калинина. Жена, Виктория Петровна, оставила дочку Галю на попечение матери и переехала к мужу. Но жить в Москве с семьей студенту было негде и не на что. Леонид Ильич проучился всего три месяца, еще два провел на практике на заводе «Коммунар» и покинул столицу.

Невероятно аккуратный и предусмотрительный в бумажных делах, он запасся документом, подтверждавшим, что хотя и немного, но поучился в московском вузе. В институте 21 мая 1931 года ему выписали справку:

«Дана бывшему студенту ИСХМ имени М. И. Калинина Брежневу Л. И. в том, что им прослушаны удовлетворительно с 1 октября по 20 декабря 1930 г. за первый триместр следующие дисциплины:

1. Математика
2. Химия (органическая и неорганическая)
3. Металловедение (черная металлургия и механическое испытание материалов)
4. Политэкономия
5. Начертательная геометрия и проекционное черчение
6. Военные науки (топография)

С 20 декабря 1930 г. по 20 февраля 1931 г. отбыл практику по холодной обработке металлов на заводе "Коммунар"».

Куда же Леонид Ильич направил свои стопы?

На Урал он не вернулся. Брежневы поехали в родной город, к его родителям. И с разрешения соответствующего наркомата перевелся из московского вуза в Каменский металлургический институт имени Арсеничева. Михаил Иванович Арсеничев был первым руководителем местных большевиков, погибшим в марте 1918 года.

«Институт, — как выразился потом многолетний помощник Брежнева Виктор Андреевич Голиков, — был не ахти какой».

Да и Леонид Ильич не столько учился, сколько шел по общественной линии: председатель профкома, секретарь

парткома. Эта стезя больше всего отвечала его характеру и природным данным. Не упускал ни единой возможности проявить себя.

В ноябре 1933 года он получил письмо из ЦК профсоюза:

«Дорогой товарищ Брежнев!

Получили твое согласие на использование тебя в должности внештатного инструктора металлургии. В связи с этим и посылаем тебе удостоверение, выданное от имени ЦК нашего союза. На ближайший отрезок времени задание тебе дается, а в дальнейшем мы тебя прикрепим к отделу, с которым тебе придется заниматься самому.

Для почтовых расходов тебе понадобятся деньги. Мы это предусмотрели и даем указание вашему завкому о выдаче тебе аванса. По использовании этих пяти рублей ты будешь представлять отчет завкому и снова получишь пять рублей. Все твои отчеты завком будет направлять в ЦК, так как эти деньги будут выдавать за его счет.

Что тебе будет непонятно — пиши заведующему или его заместителю того отдела, к которому ты прикреплен для работы».

Секретарь ЦК союза рабочих металлургической промышленности прислал ему удостоверение:

«Дано тов. Брежневу Л. И. в том, что он действительно является внештатным инструктором ЦК ВСРМП и ему представляется право по заданию ЦК проверять состояние профработы на отдельных участках завода, в завкоме, цехкомах, профгруппах и осуществлять контроль за проведением в жизнь директив ЦК ВСРМП. Завком обязан оказывать максимальное содействие в выполнении т. Брежневым Л. И. порученной ему работы».

Он не отказывался ни от одного задания, даже от тех, что заведомо мало подходили. Вот одно из них.

«Выписка из протокола Заседания Пленума заводского партийного комитета от 16 июня 1935 г.

СЛУШАЛИ: об утверждении руководителей по истории партии и кружков текущей политики на летний период.

ПОСТАНОВИЛИ:

Утвердить т. Брежнева руководителем кружка по истории партии в силовом цеху».

Знатоком истории партии Леонид Ильич точно не был...

Поразительная деталь: совсем молодой человек, не шибко грамотный, вчерашний грузчик, заботливо сохранял все свои служебные документы, словно чувствовал, что со временем они станут исторической ценностью. Не писал

и не говорил ничего, о чем со временем пришлось бы пожалеть. Практически ничего в своей биографии не скрывал и прошлое не переписывал.

Он еще учился, а уже 20 марта 1933 года молодого активного коммуниста утвердили директором Каменского вечернего металлургического рабфака, который со временем преобразовали в техникум.

Когда в 1976 году страна готовилась отметить семидесятилетие генсека, корреспондент журнала «Комсомольская жизнь» был командирован в Днепродзержинск, где раздобыл «Книги приказов по личному составу» рабфака, заполненные каллиграфическим почерком Леонида Ильича. Написанные по-украински приказы директора техникума Брежнева передают дух времени.

19 мая 1933 года: «Студентку 5-й группы Хрен О. Е. как дочь кулака, раскулаченного и лишенного права голоса, из состава студентов исключить как чуждый элемент». 19 июня: «Студента 9-й группы Мухина Алексея исключить из состава студентов как сына кулака, который утаил свое социальное происхождение при поступлении на рабфак».

Своими приказами Брежнев лишал юношей и девушек, «виновных» в том, что родились они «не в той семье», возможности получить образование, подрезал крылья на взлете.

Институт Леонид Ильич окончил заочно. Специальность — инженер-теплосиловик. Дипломная работа — «Проект электростатической очистки доменного газа в условиях завода имени Ф. Э. Дзержинского».

Почти через тридцать лет, 23 декабря 1963 года, на президиуме ЦК Никита Сергеевич Хрущев заговорил о том, что не нужно всеобщего среднего образования. Достаточно восьмилетки, а дальше молодые люди пусть осваивают профессию. Это была одна из идей, порожденных его бурным темпераментом и, конечно же, собственной малограмотностью.

Вообще-то на пороге была научно-техническая революция, и экономика нуждалась в образованных кадрах. Но Брежнев преданно поддержал Хрущева:

— Я считаю, что этот вопрос решается с политической точки зрения и в этом плане приобретает особую ценность мысль товарища Хрущева по вопросу о том, чтобы люди приобщались к труду. Я хотел бы подтвердить это примером своей семьи, показать это на примере своем, своего брата и сестры.

Наш отец мечтал, чтобы мы получили высшее образование. Он сам не имел высшего образования и сорок пять

лет проработал в цехе. Когда наступило время перехода его на пенсию, мы, уже выросшие, сказали ему, что, когда он уйдет на пенсию, мы ему будем помогать. Он нам на это ответил: для меня высшей наградой будет, если вы получите высшее образование. Мы все трое получили высшее образование без отрыва от производства. Я закончил среднюю школу и уже имел трудовой стаж. Нигде не учился пять лет, так как работал в сельском хозяйстве у отца. Потом приехал в Москву, потом бросил Москву и приехал на завод.

— Даже при таких условиях можно получить образование, — довольно заметил Хрущев.

— А после этого я окончил техникум, — продолжал Брежнев.

— Таких можно пересчитать по пальцам, — заметил первый заместитель главы правительства Анастас Иванович Микоян, который в отличие от Хрущева и Брежнева считал, что нельзя мешать молодежи получать высшее образование.

— Пальцев не хватит, — отрезал Хрущев.

— Потом поехал учиться, — с удовольствием продолжал свой рассказ Брежнев, — после этого приехал на завод и пять лет работал слесарем, потом окончил институт. Брат также начал работать на заводе, потом окончил институт и сейчас работает начальником цеха. Сестра также окончила институт и сейчас работает химиком в лаборатории...

В партии шла бесконечная чистка. Членов ВКП(б) проверяли вновь и вновь. Выискивали сомнительных и исключали. В Москве действовала Центральная комиссия по проверке и чистке рядов партии, в областях и краях — местные. Поскольку Брежнев некоторое время поработал на Урале, запросили Свердловск: нет ли за ним грешков?

16 июня 1934 года Уральский областной архив ВКП(б) выдал справку:

«В протоколах по чистке рядов ВКП(б) Бисертской районной организации Свердловской области фамилии Брежнева Л. И. не значится.

Чистка советской ячейки в Бисертском районе проходила с 9 по 24 июля 1929 г.

Основание: протокол проверкома по Бисертскому району».

Иначе говоря, перед партией чист...

Леонид Ильич совсем недолго был начальником смены силового цеха завода имени Ф. Э. Дзержинского, поскольку 6 октября 1935 года был призван в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. Ему было уже двадцать девять лет.

Брежнева отправили в Забайкальский военный округ. Он должен был служить срочную службу рядовым, но добился, чтобы его направили курсантом в Читинскую танковую школу (тогда она называлась Забайкальской бронетанковой академией). Наверное, сыграло роль то, что он получил инженерное образование. Началось активное производство и освоение бронетанковой техники, и в войсках были рады каждому технически подкованному призывнику.

Начальство отметило очевидную склонность курсанта к политической работе. Его назначили политруком танковой роты 14-го механизированного корпуса Дальневосточного военного округа — на далеком разъезде Песчанка.

Четыре десятилетия спустя, весной 1978 года, министр обороны Дмитрий Федорович Устинов уговорил Брежнева совершить беспрецедентную поездку по стране. Высокие гости остановились и в Чите, где располагался штаб войск Забайкальского военного округа.

Ранним утром на читинском вокзале появился спецпоезд с двумя тепловозами. В кабине помимо машиниста и его помощника — машинист-инструктор и офицеры областного управления госбезопасности. На второй путь встал поезд прикрытия — пустые составы. На всем вокзале остались только чекисты, пассажиров держали в зале ожидания, где компанию им составили чекисты в штатском и милиционеры в форме, вспоминал полковник госбезопасности Алексей Владимирович Соловьев (*см.*: Тревожные будни забайкальской контрразведки. М., 2002).

Над поездом постоянно курсировал самолет-ретранслятор. Поэтому из Москвы можно было в любую минуту связаться с узлом связи спецпоезда. Если кто-то из членов политбюро хотел поговорить с Леонидом Ильичом, то спецкоммутатор ВЧ правительственной связи Кремля передавал: «Пароль "Молния"». Его немедленно соединяли с Брежневым.

На вокзале гостей ждала колонна из десяти автомобилей. Две машины ГАИ, машина сопровождения УКГБ, «чайка» Брежнева (с ним сели командующий войсками округа генерал армии Петр Алексеевич Белик и второй секретарь обкома Николай Федорович Носов), за ней машина прикрытия, машина с врачами и министром обороны Устиновым, еще одна машина охраны и еще один автомобиль ГАИ. Машина прикрытия, в которой сидел начальник одного из отделов областного управления госбезопасности,

должна была в случае необходимости прикрыть собой автомобиль генсека.

Брежневу приготовили сюрприз. Отвезли в полк, где он служил в тридцатые годы. Осмотрев музей боевой славы, он написал в Почетной книге:

«Дорогие солдаты и офицеры!

Для меня памятны и дороги эти места. Я начинал здесь воинскую службу в 1935—1936 годах в танковой части.

Спасибо, что вы храните традиции воинов, защищавших нашу Родину в дни Великой Отечественной войны. Будьте же достойны тех, кто, не щадя своей жизни, свято сражался и защитил рубежи Советской Родины.

Желаю вам хорошей службы».

Леонид Ильич, сентиментально относившийся к своему прошлому, был тронут музейной экспозицией. Член военного совета и начальник политуправления Забайкальского округа генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Лизичев вскоре был переведен в Москву заместителем начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. Занял кресло, в котором когда-то сидел сам Леонид Ильич...

В октябре 1936 года политрука Брежнева уволили в запас. Он вернулся домой, и в ноябре демобилизованного командира назначили директором Днепродзержинского металлургического техникума. Но в этой должности он не задержался. Массовые репрессии открыли молодому симпатичному человеку с рабочим прошлым и армейской закалкой дорогу к большой карьере.

В мае 1937 года началась его политическая карьера. В родном городе Брежнева утвердили заместителем председателя горисполкома по строительству и городскому хозяйству. Через год, в мае 1938 года, перевели в областной центр, в Днепропетровск. Днепропетровская область была тогда огромной, в нее входили районы, которые потом стали самостоятельными областями.

В обкоме партии Брежнева поставили заведовать отделом советской торговли. Торговлей Леонид Ильич никогда не занимался, но это было время, когда на такие мелочи не обращали внимания. Умеет руководить, понимает линию партии — значит справится с любой должностью.

Руководить, то есть ладить с начальством и подчиненными, у него явно получалось. Во всех характеристиках встречается одна и та же оценка: «массовик». Он любил декламировать стихи, сам баловался сочинительством.

Он был внимателен и доброжелателен. Окружающие это ценили.

7 февраля 1939 года его избрали секретарем обкома по пропаганде и агитации. Это был по-настоящему высокий пост. Днепропетровский обком по утвержденной ЦК иерархии принадлежал ко второй группе (к первой относились Киевский и Харьковский), численность аппарата превысила сто пятьдесят человек.

Но идеологическая работа Брежневу не нравилась. Он настолько не любил читать, что толком не освоил даже обязательный набор догматических установок. Да и не охота было ему корпеть над бумагами! Через много лет, вспоминая свою идеологическую должность, генсек Брежнев в узком кругу заметил брезгливо:

— Я это ненавижу, не люблю заниматься бесконечной болтовней. Так что еле-еле отбрыкался...

На свое счастье, идеологическим секретарем он оставался недолго. Брежнева поддерживал Константин Степанович Грушевой, с которым они вместе учились в металлургическом институте. Грушевой раньше начал делать партийную карьеру. В январе 1939 года его избрали вторым секретарем Днепропетровского обкома.

Константин Грушевой тащил за собой Брежнева. В 1940 году в обкоме по указанию Москвы ввели дополнительную должность секретаря по оборонной промышленности — в связи с тем, что многие предприятия переходили на выпуск военной продукции. Константин Степанович предложил поручить это дело Брежневу.

Кандидатуру Леонида Ильича одобрил глава Украины Никита Сергеевич Хрущев, который приезжал в область изучать кадры. В апреле 1941 года Брежнева утвердили секретарем по оборонной промышленности. Ему было всего тридцать четыре года. Со всей энергией он взялся за дело, ему хотелось показать себя. Но началась война.

Генеральские погоны

В июне 1941 года Брежнев едва успел заехать за матерью в Днепродзержинск, как город захватили немцы. Он отправил семью в эвакуацию и ушел в армию. Большинство украинских партработников поступило в распоряжение Военного совета Южного фронта. Как секретарь обкома он сразу получил один ромб в петлицы — ему присвоили зва-

ние бригадного комиссара. У политического состава Красной армии еще сохранялись специальные звания.

С 28 июня 1941-го по 16 сентября 1942 года Леонид Ильич служил заместителем начальника политуправления Южного фронта. После неудачи под Харьковом Южный фронт откатился назад, не сумел удержать Новочеркасск. И Ростов оставили без разрешения Ставки. Сталин был вне себя. Южный фронт слили с Северо-Кавказским фронтом. А 1 сентября 1942 года Ставка преобразовала Северо-Кавказский фронт в Черноморскую группу войск. 8 октября Брежнева назначили заместителем начальника политуправления группы войск. Это была меньшая по значению должность, чем прежняя. 22 декабря он получил медаль «За оборону Одессы», но вообще-то наградами его не баловали.

Членом Военного совета Черноморской группы войск был генерал-майор Семен Ефимович Колонин. Вскоре его перевели в 18-ю армию, и он взял с собой Леонида Ильича. 1 апреля 1943 года Брежнева утвердили начальником политотдела 18-й армии. Новая должность опять-таки была пониже предыдущей. Выходит, в первые два года войны карьера Брежнева развивалась по нисходящей. Леонид Ильич, несомненно, переживал свои неуспехи, считал такое отношение к себе несправедливым и со временем попытается переписать свою военную биографию.

Брежнев прибыл в 18-ю армию, когда уже шли бои на Малой земле. Но эта героическая страница истории войны прочно связана с именем Брежнева.

Начальник политотдела армии занимался работой политаппарата в частях, пропагандой, печатью, ведал приемом в партию и разбором персональных дел. Иначе говоря, к военным делам Леонид Ильич отношение имел косвенное. Однако в армейской среде чувствовал себя неплохо и, судя по отзывам, нравился подчиненным. Но Брежнев жаловался друзьям, что его не продвигают по службе, что многие начальники политотделов армий уже получили генеральское звание, а его зажимают.

Еще до войны, 7 мая 1940 года, указом президиума Верховного Совета в вооруженных силах были введены новые звания. Они присваивались правительственной комиссией, которая рассматривала личное дело каждого командира. Для высшего политического состава специальные звания сохранялись. И только когда в октябре 1942 года в очередной раз был упразднен институт военных комиссаров, политработникам дали обычные для армии и флота звания.

Бригадные, дивизионные, корпусные и армейские комиссары получили генеральские звания. Впрочем, вожделенные генеральские погоны достались не всем бригадным комиссарам. Заместитель начальника политуправления Южного фронта Леонид Ильич Брежнев при аттестации стал 15 декабря 1942 года всего лишь полковником.

Когда советские войска подошли к Карпатам, приказом Ставки образовали 4-й Украинский фронт. В августе 1944 года в состав фронта включили 18-ю армию. Армия участвовала в освобождении Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии. Командовал фронтом генерал армии Андрей Иванович Еременко, членом Военного совета был генерал-полковник Лев Захарович Мехлис. И только 2 ноября 1944 года Брежневу наконец присвоили звание генерал-майора.

18-я армия закончила свой боевой путь в освобожденной от немецких войск Чехословакии. После войны ее расформировали. Но Брежнев уже получил вожделенное повышение. Ему благоволил член Военного совета фронта генерал-полковник Лев Захарович Мехлис, один из доверенных помощников Сталина.

Мехлис приметил Брежнева, приблизил к себе и через голову других политработников назначил в июне 1945 года начальником политуправления фронта. Так что именно Мехлису Леонид Ильич был обязан фактически первым за все годы повышением в должности.

Через год после войны, 18 июня 1946 года, Брежнева уволили в запас. Леонид Ильич вернулся в гражданскую жизнь в военной форме. Особую гордость составляло участие в Параде Победы на Красной площади в июне 1945 года. Эти хроникальные кадры часто повторяли в те годы, когда он был главой партии и государства. Бравый, веселый генерал смотрелся очень выигрышно.

Единственное, что его огорчало... Леонид Ильич считал себя обделенным наградами, у других на груди было богаче. Хранил в архиве номер «Красной звезды» за март 1942 года с указом о награждении бригадного комиссара Брежнева первым орденом Красного Знамени. В наградном листе говорилось:

«Работает заместителем начальника политуправления фронта. Будучи в этой должности, умело организует работу, вкладывая всю силу и энергию... Тов. Брежнев часто бывает в боевых порядках войск, мобилизуя массы красноармейцев, политработников и командиров на разгром фашистов. Тов. Брежнев — бесстрашный боевой политработник».

Столь же заботливо он хранил указы 1945 года — о наградах, которыми генерал-майора Брежнева отметили поляки и чехи в благодарность за освобождение от фашистов. Фронтовое знакомство с Леонидом Ильичом имело немалое значение. Ветеран 18-й армии — это звучало гордо. Ветераны регулярно собирались, фотографировались, присылали снимки Брежневу.

«В годовщины Победы Брежнев встречался с боевыми товарищами из 18-й, — вспоминал один из его бывших сослуживцев. — Шутил, растроганно фотографировался. У него была хорошая память. Многих, не путая, называл по имени и фамилии».

Брежнев восстановил отмененный Сталиным День Победы. Распорядился в 1965 году сделать 9 мая выходным.

В Московском горкоме провели совещание. Задача — превратить день Победы в большой всенародный праздник, пометил в записной книжке редактор «Вечерней Москвы» Виталий Александрович Сырокомский:

«8 мая во Дворце съездов — торжественное заседание (докладчик — министр обороны Малиновский). Приглашаются Герои Советского Союза со всей страны. Выставка в Манеже. Месячник культурно-шефских мероприятий. Физкультурно-спортивный праздник. Театрализованное представление на стадионе "Динамо". Новые названия улиц. Сувениры и подарки ветеранам.

С 12 по 25 апреля — показ воинской самодеятельности. С 1 по 9 мая в парках встречи с Героями Советского Союза, участниками Великой Отечественной войны. Показать шире массовый героизм советских людей в противовес драматургам и прочим, копающимся в ошибках. Проявить заботу об инвалидах. 20 апреля провести продажу муки — два килограмма на человека».

Главных редакторов газеты вызвали в ЦК КПСС. Первый заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК Владимир Иванович Снастин предупредил:

«Докладчик 8 мая — т. Брежнев.

Крупная политическая акция. Обращение к народам мира и народам Советского Союза.

О Сталине. Надо ли обходить? Есть две точки зрения.

Руководил по глобусу (но его заслуги признают даже Черчилль и де Голль). Есть и люди, готовые зачеркнуть все, что сказано на XX съезде, и полностью реабилитировать. А надо спокойно, объективно, не размазывая, не ставя под сомнение решения XX съезда, сказать о Сталине. Мы не

можем зачеркивать роль Государственного Комитета Обороны, который под руководством Сталина сплотил, организовал, направил. Надо научно обоснованно, деликатно, спокойно сказать о роли ГКО».

На торжественном собрании 8 мая 1965 года Леонид Ильич упомянул Сталина один раз: «Был образован Государственный Комитет Обороны во главе с генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным для руководства всеми действиями по организации отпора врагу». Зал, услышав знакомое имя, отозвался аплодисментами.

Брежнев покровительствовал участникам войны. Старался им помочь. Сознавал, что фронтовое прошлое выгодно отличает его от других руководителей страны, которые провели всю Великую Отечественную в тылу.

30 августа 1946 года Брежнева утвердили первым секретарем Запорожского обкома и горкома. Вторым секретарем сделали Андрея Павловича Кириленко, который на многие годы станет его верным соратником.

Город был совершенно разрушен. Пострадал крупнейший в стране металлургический завод «Запорожсталь». Знаменитая Днепровская гидроэлектростанция была взорвана. Восстановительные работы начались еще до Брежнева, но «Запорожсталь» никак не удавалось запустить. Начальником строительства назначили Вениамина Эммануиловича Дымшица, потом он станет заместителем председателя Совета министров СССР. Брежнев ценил его строительные таланты и полностью ему доверял.

Леонид Ильич запомнился человеком, который не хотел себя утруждать и отлынивал от работы. Но это произошло, когда он стал пожилым. А пока был молодым и еще только поднимался по карьерной лестнице, сил не жалел.

Когда Брежнев и Дымшиц рапортовали Сталину о восстановлении первой очереди «Запорожстали», Леонид Ильич получил свой первый орден Ленина. И в Запорожье он не задержался.

Сталин поручил руководить Украиной Лазарю Моисеевичу Кагановичу. В войну Леонид Ильич одно время служил под началом Кагановича, члена Военного совета Северо-Кавказского фронта. Лазарь Моисеевич занимался организацией десанта на Малую землю под Новороссийском. Теперь Каганович перевел понравившегося ему Брежнева в Днепропетровскую область, одну из крупнейших на Украине.

Днепропетровск Леонид Ильич нашел в столь же бедственном положении, что и Запорожье, — шахты затопле-

ны, заводы разрушены, дома сожжены, центр города лежал в руинах.

«Города по существу не было, — вспоминал крупный партийный работник Федор Трофимович Моргун, который после войны учился в Днепропетровском сельскохозяйственном институте, — город был мертв. Водопровод и транспортные коммуникации бездействовали».

Восстановлением города днепропетровцы в немалой степени обязаны Брежневу. Работа в Днепропетровске оставила у Леонида Ильича добрый след в памяти. Он всегда с удовольствием приезжал в город, заходил в обком, где был равно внимателен ко всем — от уборщицы до первого секретаря. У него была завидная память на лица.

В особом фаворе оказались те, кто начинал с ним в Днепропетровске. Преданные Брежневу люди составили костяк его команды. Член политбюро Владимир Васильевич Щербицкий начинал свою партийную карьеру на родине Леонида Ильича, в Днепродзержинске, а потом его еще и перевели в Днепропетровск, где он сменил Кириленко. Дружеские отношения с тех пор связывали всех троих — Брежнева, Кириленко, Щербицкого.

В июле 1950 года Леониду Ильичу пришлось распрощаться с Днепропетровском. На сей раз его судьбу решал Хрущев, которому поручили подыскать нового первого секретаря для Молдавии. Он отправил в Кишинев Брежнева.

На пленуме ЦК компартии Молдавии зачитали представление ЦК ВКП(б):

— Товарищ Брежнев в партии свыше двух десятков лет, молодой сравнительно товарищ, сейчас в полной силе. Он землеустроитель и металлург, хорошо знает промышленность и сельское хозяйство, что доказал на протяжении ряда лет своей работой в качестве первого секретаря обкома. Человек опытный, энергичный, моторный, он прошел всю войну, у него есть звание генерала, и руку он имеет твердую...

К приезду Брежнева в Молдавию насильственная коллективизация практически была завершена. Сельское хозяйство находилось в бедственном положении, что списывалось на происки врагов.

Прежнее руководство убрали после постигшей Молдавию катастрофы. Сначала на республику обрушилась жестокая засуха, какой не было полвека. Беду усугубила принудительная сдача хлеба государству. Было приказано придать хлебозаготовкам «классовый» характер — забрать

хлеб у «кулацко-зажиточного слоя». В реальности забирали хлеб у всех, у кого он был. Начался настоящий голод. После хлебозаготовок у крестьян ничего не оставалось.

Брежнев об этой катастрофе никогда не вспоминал. Незлой по натуре человек, он, как и многие чиновники сталинского времени, воспитал в себе умение не замечать страдания и несчастья окружающих. Действовал инстинкт самосохранения: человек искренний и чувствительный работать в аппарате бы не смог. Хотя Леонид Ильич был куда более чувствительным и ранимым, чем его коллеги.

Почему Леонид Ильич?

В перестроечные годы историки и политики задались вопросом: а мог в октябре 1964 года, когда Хрущева отправили на пенсию, кто-то другой, помимо Брежнева, возглавить страну?

В тогдашнем руководстве можно было найти более молодых, образованных и динамичных политиков, но реально выбор ограничивался членами президиума ЦК. Остальные, имевшие меньший партийный ранг, не рассматривались как реальные кандидаты.

В октябре 1964 года в президиум входили (помимо Хрущева): Брежнев, Воронов, Кириленко, Козлов, Косыгин, Микоян, Подгорный, Полянский, Суслов, Шверник.

Козлов, еще недавно второй человек в партии, был неизлечимо болен и работать не мог. Кандидатуры Микояна и Шверника, председателя Партийной комиссии при ЦК (внутрипартийная инквизиция), не рассматривались ввиду преклонного возраста, Полянский, напротив, был слишком молод. Кириленко никогда не котировался так высоко, чтобы претендовать на первые роли.

Кого же тогда могли предложить в первые секретари?

Подгорного? Суслова? Косыгина?

Николай Викторович Подгорный и Брежнев были в тот момент на равных: оба секретари ЦК с широкими полномочиями, в отсутствие хозяина по очереди председательствовали на заседаниях президиума и секретариата.

За спиной у Подгорного было руководство украинской, крупнейшей в стране, партийной организацией. Он явно жаждал власти и рассчитывал на первые роли. Но у него маловат был опыт работы в центре. В 1964 году его еще воспринимали как провинциального, украинского партработ-

ника. Он очевидно уступал Леониду Ильичу, давно занимавшему видные посты в столице.

Михаил Андреевич Суслов был, разумеется, известен партаппарату всей страны. К нему уже тогда относились с почтением и даже с некоторой опаской. Но он с послевоенных времен шел исключительно по идеологической линии. А «идеологи» первыми секретарями не избирались. Считалось, что первому лицу нужен опыт руководства промышленностью и сельским хозяйством

Такой опыт, конечно же, был у Алексея Николаевича Косыгина. Но ему мешало другое: за всю свою жизнь он всего лишь несколько месяцев находился на освобожденной партийной работе — в 1938 году, когда его, молодого директора фабрики «Октябрьская», поставили руководить промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома. Но в том же тридцать восьмом Косыгина утвердили председателем Ленинградского горисполкома, на следующий год перевели в Москву наркомом текстильной промышленности, и с той поры он работал в правительстве.

Первые секретари обкомов, составлявшие большинство Центрального комитета, считали, что во главе партии должен стоять такой же, как они, профессиональный партийный работник. Косыгину многие симпатизировали, но видели его максимум в кресле главы правительства.

Конечно, все эти формальные соображения могли быть забыты, если бы кто-то из вероятных кандидатов имел поддержку большинства членов президиума. Но такой сплоченной группы в президиуме не было.

Из всего наличного состава именно Леонид Ильич Брежнев представлялся самым очевидным кандидатом на роль первого секретаря ЦК. Фронтовик, первый секретарь нескольких обкомов, первый секретарь в Молдавии и Казахстане, председатель президиума Верховного Совета, секретарь ЦК, занимавшийся космосом, тяжелой и военной промышленностью...

И по человеческим качествам Брежнев подходил на роль лидера больше других. Не вечно хмурый Косыгин, не тонкогубый Суслов с лицом инквизитора, не грубоватый Подгорный, а красивый, улыбчивый, доброжелательный Леонид Ильич больше располагал к себе. Импозантный и артистичный, он умел вести себя, точно чувствовал, как следует говорить с тем или иным человеком, сразу становился центром большой компании, словом, производил очень благоприятное впечатление.

Так что в октябре 1964 года за Брежнева голосовали с легким сердцем. Его избрание вызвало в стране одобрение. Получив газеты, советские люди не без удовольствия всматривались в еще молодое и приятное лицо. Старое-то партийное руководство за небольшим исключением представляло собой малосимпатичную компанию. Борис Леонидович Пастернак писал тогда:

И каждый день приносит тупо,
Так что и вправду невтерпеж,
Фотографические группы
Сплошных свиноподобных рож.

Другое дело, что потом, когда начался застой и Брежнев стал вызывать только раздражение и насмешки, возник вопрос: да почему же нам так не повезло и во главе государства оказался именно такой человек?

Так ведь выбор в принципе был неширок. Хозяином страны мог стать только кто-то из действующей обоймы высших руководителей. Все это были люди, которые добрались до высших должностей не потому, что страна оценила их таланты, а потому, что они пришлись по душе предыдущему поколению руководителей.

После октября 1917 года происходила отрицательная кадровая селекция, ее результаты были всего заметнее на примере тех, кто управлял страной. Это не значит, что высшее руководство составляли люди совсем уж без достоинств. Они выбились наверх, потому что знали, как обойти соперников и конкурентов. Но даже те, кто от природы был наделен лидерскими качествами, кто обладал знаниями и широким кругозором, были искалечены той борьбой за власть, через которую они все прошли...

Ничего не менять!

Когда в октябре 1964 года к власти в стране пришел Леонид Ильич Брежнев, решительно никто не предполагал, что он будет руководить Советским Союзом восемнадцать лет — до самой смерти.

Часто рассуждают о «раннем» и «позднем» Брежневе: первый сделал много полезного, а второй был просто тяжело больным человеком, оттого страна впала в застой. Вот если бы Леонид Ильич вовремя ушел, его бы вспоминали с благодарностью и восхищением...

Рассуждения наивные.

Политика Леонида Ильича Брежнева на посту главы партии и государства состояла в том, чтобы ничего не менять! Первые годы жили за счет освежающего эффекта послесталинского освобождения, которое вдохнуло силы в народ и позволило прилично поднять уровень жизни, потом — за счет начавшегося экспорта сибирской нефти (тогда и стали зависеть от постоянно колеблющегося уровня мировых цен на энергоносители).

Чего можно ожидать от Брежнева, прояснилось довольно быстро. Сошлюсь хотя бы на мнение профессионального партийного работника Георга Васильевича Мясникова. Он много лет проработал вторым секретарем Пензенского обкома партии, хорошо знал, что происходит внутри аппарата. Георг Мясников вел дневник, который его сын опубликовал после смерти отца. Это важное обстоятельство — дневник не предназначался для чужих глаз. Автор очень откровенен.

27 декабря 1967 года секретарь Пензенского обкома записал в дневнике:

«Определилась политика Брежнева:

1. Боязнь реформ. Внешнее умиротворение. И внутреннее, и зарубежное.

2. Распущенность. Каждый сам по себе, никто не цыкнет.

3. Боязнь прошлого.

4. Консерватизм к молодым. Боязнь новых потрясений.

5. Своеобразная национальная политика. Все кадры — сами по себе, но выпячивается явно хохлацкое направление.

6. Отсутствие новых идей и попыток отыскать их.

7. Утверждение топорного, возвышенного стиля речей без особых мыслей».

Леонид Ильич у власти всего три года! Еще полон сил, здоров, энергичен. Но проницательному и хорошо осведомленному партийному работнику ясно: Брежнев боится перемен, у него нет свежих идей и они ему не нужны.

Брежнев со товарищи пришли к власти, чтобы покончить с хрущевскими реформами, которые представлялись партийной верхушке ненужными и вредными. Леонид Ильич верил, что сумеет улучшить жизнь людей без коренных перемен.

Известного юриста Владимира Ивановича Теребилова, которого прочили в министры юстиции, вызвали в ЦК и отвели к Брежневу знакомиться. Теребилов, как положено, отказывался от назначения, говорил, что есть более подго-

товленные люди на пост министра, а он может и не справиться.

— А ты думаешь, генсеку легко жить и легко работать? — укоризненно заметил Леонид Ильич. — Вы, наверное, между собой рассуждаете так: вот живет Брежнев, вся власть у него, ест и пьет — чего хочет, ездит — куда угодно... Нет, это совсем не так. Сидишь за столом, размышляешь по многу часов и думаешь: вот сорвался план добычи угля, вот хлеб не созрел, вот и того нет, и другого... И столько еще проблем, что голова идет кругом. Думаешь, думаешь, и вдруг озарение — нашел все же пути решения всех этих вопросов, и не только нашел, но и решил их наилучшим образом... И вот в этот-то момент... просыпаешься — оказывается, устал, задремал, сидя за столом, а в жизни все как было, так и осталось...

Озарение не приходило. Решить одним махом все проблемы не удавалось. И Брежнев делал то, что не требовало больших усилий. Скажем, настоял на переходе к пятидневной рабочей неделе — вместо одного выходного появилось два, и в субботу можно было отдыхать, это стало подарком для страны.

Два крупных партийных работника Александр Евгеньевич Бовин и Вадим Валентинович Загладин в Завидово, где они писали Брежневу очередную речь, однажды вдвоем осушили пять бутылок коньяка. Вместо того чтобы лечь спать, Бовин отправился в кинозал, где находились и сам генеральный секретарь, и другие высшие чиновники...

Утром председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов укорял его:

— Советую извиниться перед Леонидом Ильичом.

Бовин пошел к Брежневу:

— Прошу меня извинить. Я был вчера в кино слишком возбужден.

— Брось ты это, — искренне ответил Брежнев. — Ну, был веселый. Я сам это люблю.

Как человек Брежнев был общительным, доступным, умел казаться обаятельным, даже очаровывал. Избегал неприятных разговоров, поэтому убирал с должности без объяснения причин, но не добивал. Мог вспылить, послать матом, но быстро отходил. И это было комфортно для публики, утратившей за десятилетия советской власти стремление двигаться вперед, готовность проявлять инициативу.

Сейчас мы понимаем: пытаясь сделать социалистическую экономику эффективной, решить множество соци-

альных проблем, Хрущев перепробовал все варианты, возможные в рамках существовавшего политического строя. Выяснилось: система реформированию не подлежит. Если перемены заходят слишком далеко, партийный аппарат и госбезопасность теряют контроль над обществом и социализм рушится. Либерализация или реформация командно-административной экономики, реального социализма ведут к его краху. Поэтому при Брежневе наступил период реставрации старых порядков — только без сталинских массовых репрессий.

Какое-то время общество и Брежнев находились во вполне гармонических отношениях, поскольку ничего друг от друга не требовали. Это же в его годы родилась чудная формула нашей жизни: «они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем». Платили, конечно, немного. Но при скромных потребностях народа хватало.

Глухое раздражение снималось самым доступным транквилизатором — дешевой водкой: за счет продажи алкоголя целые области выполняли финансовый план. Страна спивалась, и никто этому не препятствовал. Выпивка — не порок.

Зато не было нужды вкалывать, выкладываться, чего-то добиваться, изобретать, придумывать. Требовалось лишь немного лицемерия: поднимать руку на собрании (партийном, профсоюзном, комсомольском, трудового коллектива), ходить голосовать — когда устраивались выборы (без выбора), произносить ритуальные слова о правильности линии КПСС «во главе с товарищем Леонидом Ильичом Брежневым».

Брежнев погрузил общество в своего рода наркотическое опьянение или, точнее, в приятную апатию. Когда после Брежнева обществу поднесут к лицу зеркало и станет ясен весь масштаб нерешаемых проблем, люди переживут шок. В перестроечные годы советское общество испытает то, что испытывают наркоманы со стажем, когда их лишают наркотика и начинается ломка...

Леонид Ильич Брежнев, став главой партии, получил огромную власть. Но и он зависел от мнения других членов партийного руководства. 27 декабря 1973 года, подводя итоги работы политбюро и секретариата за год, Брежнев говорил в своем кругу:

— Я, например, подписываю некоторые решения, хотя с ними не согласен. Правда, таких решений было очень немного. Так я делаю, потому что большинство членов полит-

бюро проголосовало «за». Мы с вами, товарищи, работаем в согласии, в духе ленинских заветов... У нас в партии полное единство, нет никаких оппозиционных группировок, и нам с вами легче решать все вопросы... Мы нередко, конечно, устаем, перегружаем себя, но все это, товарищи, ради общего блага нашей страны. Иногда приходится отбрасывать усталость, чтобы решить тот или иной вопрос...

Казалось, генсек ни от кого не зависит. Его слово — закон. Но Брежнев никогда не забывал, что руководит огромной страной не оттого, что его избрал народ и выдал ему мандат доверия. Его усадила в высокое кресло когорта партийных секретарей. Они могут и передумать... Леонид Ильич знал, как устроена советская жизнь, и неукоснительно следовал правилам. Понимал, какие решения вправе принять сам, а какие — лишь с согласия остальных членов политбюро.

Перед началом заседания члены политбюро уединялись в так называемой ореховой комнате. Здесь обговаривались важнейшие вопросы, поэтому иногда начало заседания задерживалось на пятнадцать-двадцать минут. Секретарям ЦК и кандидатам в члены политбюро в ореховую комнату вход был заказан. И они покорно ждали, пока появятся настоящие хозяева жизни во главе с генеральным секретарем.

Открывая заседание, Брежнев спрашивал, есть ли у членов политбюро замечания по повестке. Но очень редко кто-то вносил дополнительный вопрос. Полагалось все заранее обсудить и согласовать, чтобы не ставить товарищей в затруднительное положение. Необговоренные заранее предложения на политбюро, как правило, проваливались. Представлять на политбюро неподготовленные вопросы считалось большим аппаратным промахом.

Соблюдению процедур придавалось особое значение. Все решения принимались на заседаниях политбюро ЦК, но обязательно оформлялись решением президиума Верховного Совета. Так повелось со сталинских времен, и ничего не менялось.

В политбюро существовали свои правила: наводить порядок в чужом огороде не принято. В стране торжествовал не общегосударственный, а ведомственный интерес. Член политбюро, заинтересованный в том, чтобы его предложение прошло, должен был убедить в своей правоте товарищей. Проекты решений рассылались по разным ведомствам и отделам ЦК, у всех были свои интересы, и их следовало

учитывать. Иначе прохождение бумаги тормозилось до тех пор, пока она вообще не умирала.

Брежнев был внимателен к первым секретарям обкомов, крайкомов, национальных республик. Не жалел времени на телефонные звонки. Один из дежурных в приемной генерального рассказывал, как Брежнев частенько говорил:

— Что-то я давно с таким-то не беседовал. Соедини.

Даже в отпуске два-три часа в день сидел у аппарата ВЧ, разговаривал с секретарями обкомов, расспрашивал о нуждах и проблемах. Первые секретари были главной опорой режима. От них зависел и генеральный. Первые секретари встречались между собой в Москве на сессиях Верховного Совета и пленумах ЦК, общались в номерах гостиницы «Москва», собирались по группам, обсуждали ситуацию, помогали друг другу.

Первый секретарь обкома мог рассчитывать на особое внимание руководства партии. Брежнев понимал, как важно первому секретарю обкома, вернувшись домой, со значением произнести: «Я разговаривал с генеральным. Леонид Ильич сказал мне...»

«Брежнев принимал "нашего брата" охотно, нередко допоздна, до одиннадцати-двенадцати ночи, — вспоминал бывший первый секретарь Томского обкома Егор Кузьмич Лигачев. — Иногда принимал группами, тогда мы рассаживались в его кабинете кто где мог, если не хватало мест — садились на подоконник».

Леонид Ильич неуклонно проводил в жизнь то, что считал правильным. У него был твердый характер. Но не позволял себе рискованных шагов, не спешил. Вел себя осторожно и предпочитал сложный вопрос отложить. Он был разумным человеком, избегал крайностей. Как бы на него ни жали, если ему что-то было не ясно, если сомневался, говорил:

— Отложим, мне надо посоветоваться.

Действительно советовался с теми, кому доверял, интересовался реакцией других членов политбюро. Перед важным решением их обзванивал. Добившись поддержки, Брежнев приходил на заседание и веско говорил:

— Мы посоветовались и думаем, что надо действовать так-то и так-то.

И его люди дружно подхватывали:

— Правильно, Леонид Ильич.

С годами Брежнев отработал технологию избавления от тех членов политбюро, которые с ним не соглашались.

Перед очередным пленумом ЦК генеральный секретарь внезапно уединялся с тем, с кем хотел расстаться, и просил подать заявление об уходе на пенсию. Брежнев убрал всех, кто мог составить ему конкуренцию.

Леонид Ильич занимал должность, на которой почти ни в чем не знал отказа. Немногие способны выдержать испытание той абсолютной властью, которой он был наделен. Возможность единолично управлять огромной страной и исполнить почти любую мечту, конечно же, развращает.

Он и воспринимал себя как небожителя. Перестал интересоваться настроениями в обществе, отношением к нему людей. Первые годы Брежнев запрещал останавливать из-за него уличное движение. А потом как-то недовольно сказал охраннику:

— Ну подождут немного, ничего не случится. Что же, генсек должен ждать?

Маршал Кирилл Семенович Москаленко, главный инспектор Министерства обороны и сослуживец Брежнева в военные годы, месяц не мог не только добиться приема у генсека, но даже дозвониться до него. Во время праздника на трибуне Мавзолея маршал пожаловался Брежневу, что ему никак не удается доложить ему о крупных недостатках в системе противовоздушной обороны страны.

— Меня надо жалеть, — недовольно ответил Брежнев.

Леонид Ильич уверился, что он один тащит на себе огромный воз, а соратники бездельничают. У него возникло стойкое нежелание заниматься делами. Раздражался, когда от него требовали решений. Ни с кем не хотел общаться. Считал справедливым вознаградить себя за все тяготы юности и молодости. Генеральный желал слышать только дифирамбы. И окружающие это знали.

Посол во Франции Степан Васильевич Червоненко, старый знакомый еще по Украине, писал из Парижа:

«Дорогой Леонид Ильич!

Хотели бы Вам сказать, что не только мы, советские люди, но и все прогрессивное человечество планеты живем под впечатлением XXVI съезда КПСС, архитектором и творцом которого являетесь Вы. В глубоком и содержательном Вашем докладе на съезде мы находим ответы на самые жгучие вопросы современности. Просим Вас передать наши поздравления и самые добрые пожелания глубокоуважаемой Виктории Петровне...»

Подчиненные и старые знакомые не упускали случая

выразить свое восхищение его заслугами. Давняя подруга семьи в марте 1973 года презентовала Брежневу стихотворение собственного сочинения:

Ты, Генеральный партии народа,
Своей душой и помыслами чист.
В одном строю с народом все невзгоды
Прошел, как настоящий коммунист.
Без суеты, без шума и без треска,
Без ложных обещаний, без прикрас
Ведешь страну ты с Ильичевским блеском.
И без ошибок точно целит глаз.
Становишься сильнее год за годом,
Друзей все больше преданных кругом.
От партии ты говоришь с народом,
А от народа говоришь с врагом.

Потеряв с годами интерес к делам страны, Леонид Ильич оставался внимателен к окружающим, рядовым работникам, которых другие номенклатурные начальники не замечали. Весь персонал знал по имени — охранников, поваров, официанток.

Когда на Черном море катались на катере, сам угощал секретарш пивом. Гримеру Вале, которая приезжала со съемочной группой Центрального телевидения записывать выступления генерального, дарил духи. Спросил у председателя Гостелерадио Сергея Георгиевича Лапина:

— Сергей, а ты уже посылал Валю в Америку?

Гримеров никогда не включали в состав съемочных групп, отправляемых в загранкомандировки. Обычно находчивый Лапин замялся. Его первый заместитель Энвер Назимович Мамедов, обладавший завидной реакцией, ответил первым:

— Сергей Георгиевич, мы просто не успели вам доложить, что Валюше предстоит сопровождать нашу съемочную группу, выезжающую в Соединенные Штаты...

Леонид Ильич охотно помогал в житейских делах. Не обижался, когда ближний круг просил о квартире. Напротив, давал указание помочь и требовал, чтобы ему доложили об исполнении. Во время очередного совещания Михаил Кузьмич Янгель, один из главных создателей ракетно-ядерного оружия, оказался рядом с Брежневым.

Во время ужина Леонид Ильич спросил:

— Слушай, Михаил Кузьмич, у тебя есть какие-нибудь домашние проблемы? Могу помочь в их решении?

Янгель сказал Леониду Ильичу:

— Не знаю, удобно ли вас затруднять при вашей занятости личными проблемами. Но есть одна. Квартира у нас хорошая, да, к сожалению, в ее окна никогда не заглядывает солнце. Когда въезжали — была светлая. А потом прямо против окон выросла стена нового здания.

Через несколько дней Янгеля, который отдыхал в санатории, соединили с Москвой. Звонил помощник Брежнева, который хотел уточнить, в каком районе он желал бы получить новую квартиру. Через месяц семья Янгеля въехала в дом у Патриарших прудов...

Брежневу ничто не давалось легко. Юность и молодость его были очень трудными. Потом война. После войны — смертельно опасные политические интриги. Борьба за политическое выживание и за власть. Вот почему потом, возглавив страну, он спешил компенсировать недополученное. Произвел себя в маршалы, осыпал наградами. Первым из советских руководителей стал в полной мере наслаждаться жизнью. И очень хотел сделать красивой и приятной жизнь своих детей и близких соратников.

В последние годы он сильно изменился. Садился в кресло и, повернув одутловатое, неподвижное лицо куда-то в сторону, устремлял взгляд в одну точку. Казалось, он просто не сознает, где находится. Немного оживлялся, увидев председателя Гостелерадио Лапина, спрашивал одно и то же:

— Почему мало показываешь хоккея?

«Он уже ничем и никем не управлял, управляли им», — написал в своих воспоминаниях Владимир Александрович Крючков, который вскоре станет председателем КГБ.

Как же Брежневу удалось, пребывая в таком беспомощном состоянии, сохранить свое кресло? Хрущева скинули, когда он был значительно бодрее и работоспособнее Леонида Ильича.

Все назначения Брежнев делал с учетом личных отношений. Он бы наверняка, заболев, лишился власти, если бы не успел очистить политический небосклон от вероятных соперников и недоброжелателей. Загодя расстался со всеми, кто мог составить конкуренцию. В руководстве страны не осталось никого, кто был бы заинтересован в его уходе. Напротив, члены политбюро, сами уже престарелые и больные, ни на что не претендовали. В руководстве партией не осталось никого, кто был бы заинтересован в его уходе. Члены политбюро хотели, чтобы Леонид Ильич оставался на своем месте как можно дольше. И они вместе с ним.

Разрядка, но не разоружение

Брежнев, прошедший войну, серьезно отнесся к возможности наладить отношения с ведущими державами и тем самым укрепить мир. На переговорах был склонен к разумному компромиссу.

«Несмотря на грузность своего тела, — вспоминал канцлер ФРГ Вилли Брандт, — он производил впечатление изящного, живого, энергичного в движениях, жизнерадостного человека. Его мимика и жесты выдавали южанина, в особенности если он чувствовал себя раскованным во время беседы».

В начале 1970-х открылась возможность для сближения двух супердержав. Соединенные Штаты завязли во Вьетнаме, Советский Союз столкнулся с открытой враждебностью Китая. Стремление избежать ядерного конфликта стало важнее идеологических разногласий.

С американской стороны архитектором разрядки стал советник американского президента по национальной безопасности Генри Киссинджер. 20 апреля 1972 года он прилетел в Москву с секретным визитом. Перед этим Киссинджер побывал в Пекине. Он же и восстановил отношения Соединенных Штатов с коммунистическим Китаем. В Москве пытались понять, что он за человек, как с ним иметь дело. В личном архиве Брежнева сохранилась пачка вырезок из американских газет, которые принесли ему помощники. Это карикатуры на Киссинджера. Его фотографии в Пекине — с китайскими руководителями. И снимок с женщиной, с которой, как считалось, у него роман.

Побывав в Америке, Леонид Ильич весьма впечатлился. Встречали его доброжелательно, подарили «линкольн». Правительство США не располагало средствами для покупки такой дорогой машины. Нескольких бизнесменов попросили скинуться во имя укрепления отношений с Советским Союзом.

Леониду Ильичу нравилось, когда в западной печати писали о нем как о миротворце, крупном политическом деятеле. Он понимал свою ответственность за сохранение мира. Не на словах, а на деле пытался предпринять все возможное, чтобы не разгорелась ядерная война. Брежнев сделал разрядку реальностью.

Но позитивный импульс зарубежных визитов генерального секретаря быстро затухал. Другие члены политбюро, менее открытые и менее сентиментальные, чем Брежнев,

да и весь партийный аппарат все равно воспринимал разрядку как хитрый шаг в борьбе с империализмом.

Перед XXV съездом партии в Завидове, где ему готовили отчетный доклад, Леонид Ильич в узком кругу вдруг вспомнил Карибский кризис 1962 года, когда из-за советских ядерных ракет на Кубе едва не началась война с Соединенными Штатами:

— Я не забуду, в какой панике Хрущев то пошлет телеграмму Кеннеди, то требует ее отозвать. А все почему? Никита хотел надуть американцев. Кричал на президиуме ЦК: «Мы попадем ракетой в муху в Вашингтоне! Мы держим пистолет у виска американцев!» А что получилось? Позор! И чуть в ядерной войне не оказались. Сколько пришлось потом трудов положить, чтобы поверили, что мы действительно хотим мира. Я искренне хочу мира и ни за что не отступлюсь. Однако не всем эта линия нравится. Не все согласны.

Помощник генерального секретаря по международным делам Андрей Александров-Агентов возразил:

— Ну что вы, Леонид Ильич. Население страны двести пятьдесят миллионов, среди них могут быть и несогласные. Стоит ли волноваться по этому поводу?

Брежнев отмахнулся:

— Ты не крути, Андрюша. Ты ведь знаешь, о чем я говорю. Несогласные не где-то среди двухсот пятидесяти миллионов, а в Кремле. Они не какие-нибудь пропагандисты из обкома, а такие же, как я. Только думают иначе!

Политика разрядки держалась только на его личной воле. И все кончилось, когда генеральный секретарь стал болеть, лишился способности трезво оценивать ситуацию, да и потерял ко всему интерес.

«Понимание непосильности соревнования с Вашингтоном приобретало иной раз неожиданное и страшноватое выражение, — вспоминал один из работников ЦК КПСС Карен Нерсесович Брутенц. — На лекциях в военной аудитории нередко звучал такой вопрос-реплика:

— Хорошо, что мы вышли на паритет с Соединенными Штатами. Но наше производство — только пятьдесят процентов американского, а еще есть Европа, есть Япония. Сколько лет мы удержим этот паритет; может, стоит начинать сейчас, пока не поздно?»

Незадолго до своей кончины на заседании политбюро Брежнев неожиданно произнес:

— Говорим все время о дружбе между народами, а что мы показываем по телевидению, передаем по радио о ка-

питалистических странах? Агрессию, кризис, всякие беды да безобразия... А между тем там живут народы, которые чего-то добились, что-то есть у них хорошее и достойное уважения. Мы ведь патенты у них покупаем.

После смерти Брежнева отношения с Соединенными Штатами, с Западом настолько ухудшатся, что возникнет угроза новой войны.

Все голосуют «за»

Когда много позже во времена президентства Бориса Николаевича Ельцина начнется приватизация и вообще новая экономическая жизнь, страна ахнет:

— Откуда взялась целая армия «прихватизаторов», коррупционеров и воров? Вот к чему привела утрата идеалов, бездуховность...

Наивное объяснение. Это брежневское правление невероятно развратило общество. Сочетание бесконечной лжи и откровенного стремления любыми путями обустроить свою жизнь сформировало спаянный класс чиновников, жаждавших обогащения.

Оправившись после потрясений 1991 года, они увидели, какие замечательные возможности открыло им новое время. Они точно так же конвертируют власть в материальные блага, но невиданно увеличился масштаб ценностей. Если раньше речь шла о средненьких (по нынешним временам) дачах, машинах, коврах и видеомагнитофонах, то теперь о миллионах и миллиардах долларов.

Коррупция в брежневские времена приняла широчайший масштаб, поскольку вся жизнь человека зависела от армии чиновников. И в постсоветские времена бизнес невозможен без поддержки властных структур. Точно так же, как в брежневские годы, официальная зарплата чиновника не имеет значения. Главное — должность и власть, которые рождают деньги. Сохранилась и привычка безнаказанно и нагло врать, уверяя всех, что чиновники живут только на зарплату.

Все это люди, которые при Брежневе проходили школу профессионального комсомола. Если молодой человек с юности поднаторел в составлении звонких, но бессмысленных лозунгов, умело организовывал «группы скандирования», ловко отчитывался о массовой посещаемости несуществующей системы комсомольской учебы, если он

умел угодить начальству, то какие еще качества нужны для успешной карьеры?

Бывший руководитель столичного управления госбезопасности рассказывал мне, как в советские времена после приема в Кремле областные начальники поехали к одному из них домой — добавлять. Крепко выпили, и один за другим стали произносить здравицы в честь первого секретаря Московского обкома Василия Ивановича Конотопа, который с удовольствием это слушал. Один из секретарей обкома произносил свой тост, стоя на коленях перед Конотопом... Кто знает нравы нынешней номенклатуры, подтвердит: брежневское наследство не кануло в Лету.

После смерти Брежнева крупный партийный работник, словно подводя итоги его правления, записал в дневнике:

«Шесть противоречий социализма.

Безработицы нет, а никто не работает.

Никто не работает, а планы выполняются.

План выполняется, а в магазинах ничего нет.

В магазинах ничего нет, а холодильники полны.

Холодильники полны, а все недовольны.

Все недовольны, а голосуют "за"».

Конечно, холодильники были полными весьма условно. Они забивались всем, что удалось достать, — нужным и ненужным. Хватали не то, что хотелось купить, а то, что «выбрасывали» на прилавки.

К концу брежневского правления Советский Союз по урожайности зерновых занимал 90-е место в мире, а по урожайности картофеля — 71-е место, отставая даже от среднего уровня развивающихся стран!

«Ненормальное давно и незаметно стало нормальным, — записал в дневнике известный литературный критик Игорь Александрович Дедков. — Мы молчаливо допустили, что обойтись можно без молока каждый день, без хорошего чая, без масла. Без какой-нибудь ваты, без электрических лампочек. Без батареек. Без свободы выбирать одного из двух. Без свободы писать письма, огражденные от перлюстрации. Без многих других свобод...

Допускали, что все нормально. Потому что мы имели в виду возможные худшие варианты. И только потому мы говорили: все хорошо!»

Но две аксиомы точны.

Все голосуют «за»... На выборах в бюллетене красовалась лишь одна фамилия. Можно было ее вычеркнуть. Но практически никто этого не делал! Боялись? Считали, что,

опуская бюллетень в ящик, исполняют важное государственное дело?

Скорее, воспринимали выборы как маленький праздник в череде серых будней. На избирательный участок приходили семьями, с детьми. Милиционеры и члены избирательной комиссии были непривычно любезны. Играла музыка. Торговали бутербродами с копченой колбасой, которой в магазине не укупишь. Жалко, что ли, проголосовать?..

Страдала и негодовала мыслящая публика. Известный прозаик Юрий Маркович Нагибин писал в дневнике 4 февраля 1969 года:

«Я никак не могу настроить себя на волну кромешной государственной лжи. Я близок к умопомешательству от газетной вони, я почти плачу, случайно услышав радио или наткнувшись на гадкую рожу телеобозревателя. Как пройти сквозь все это и сохранить себя?»

Никто не работает... С одной стороны, зарплату регулярно получали даже принципиальные бездельники, даже в убыточном хозяйстве. С другой — умелый и усердный работник фактически не поощрялся. Прилично заработать, да еще и превратить ассигнации в нужный товар, можно было лишь неофициально.

Распределение из-под прилавка, ситуация, когда не зарабатывали, а добывали, когда не честный труд, а место во власти или связи давали какие-то блага, — все это воспитывало привычку ловчить и обманывать. Честное и успешное хозяйствование было невозможно, воспринималось как глупость.

Нарастало ощущение неравенства, особенно когда перебои с поставками продуктов стали постоянными. Москвичи, томившиеся в очередях, вызывали зависть у остальной России, где и в очередях-то стоять было бесполезно: все по талонам. Классическое «понаехали!» первоначально относилось к русским же людям, потянувшимся из провинции в столицу за едой.

При Брежневе высшее чиновничество перестало таиться, привыкло жить на широкую ногу и не стеснялось это демонстрировать.

В стране было больше девятисот общесоюзных, союзно-республиканских и просто республиканских министерств и ведомств. В Совет министров СССР входило 115 (!) человек, поэтому в полном составе собирались лишь раз в квартал.

Пока чиновники наслаждались своими привилегиями за непроницаемым забором, общество как бы ничего не ведало. На тайное неравенство не обижаются. А когда разница в уровне жизни стала бросаться в глаза, это породило всплеск злобы и ненависти.

Леонид Ильич ушел из жизни 10 ноября 1982 года — во сне, спокойно и без страданий. Такая кончина всегда считалась счастливой.

Отчетливо помню: мало кто помянул его тогда добрым словом. От симпатий к Леониду Ильичу ничего не осталось. Страна от него устала. Казалось, Брежнев перешел в анекдоты. В любой компании в те годы находился человек, который под общий смех довольно похоже подражал его манере говорить.

Но прошли годы. То, как тогда жили, думали и чувствовали, быстро забылось. Отношение к Леониду Ильичу стало меняться. Пришли к выводу, что и «застой» был не так уж плох, и Брежнев сыграл положительную роль в истории страны.

Чем дальше уходит та эпоха, тем больше тех, кто воспринимает Брежнева как символ утерянных спокойствия и надежности, стабильности и справедливости — всего того, чего сильно не хватало нашему народу на протяжении столь многих лет. Торжествует такая точка зрения: брежневские времена были совсем не так плохи, страна успешно развивалась, и сейчас проживаем брежневское наследство, а недостатки можно было исправить...

В реальности все восемнадцать лет его правления происходил упадок страны. Застой и деградация были следствием не брежневских недугов, а неизбежного провала политической и экономической модели. Дряхление генерального секретаря, скорее, его символизировало. Сменявшие друг друга старцы на трибуне Мавзолея — можно ли придумать более зримую метафору упадка советского строя?

Однако возможность пожизненно править страной такая система обеспечивает. Если бы врачи 4-го главного управления (медицина для начальства) при Министерстве здравоохранения СССР владели секретом бессмертия, то Леонид Ильич Брежнев, вполне возможно, правил бы нами и по сей день...

АНДРОПОВ
СИРОТА С СОМНИТЕЛЬНОЙ АНКЕТОЙ

Судьба старшего сына

В 1935 году в Рыбинске юный Юрий Владимирович Андропов женился — на выпускнице своего же техникума Нине Ивановне Енгалычевой, дочери управляющего отделением Госбанка. Она училась на электротехническом отделении и была капитаном сборной техникума по волейболу. Рассказывают, что познакомились они на дружеской вечеринке. Стройная и темноглазая, она произвела сильное впечатление на молодого Андропова.

В семье сохранилось фото, которое Андропов подарил будущей жене, когда она после техникума уехала работать в Ленинград. Фото он снабдил романтической подписью:

«На память о том, кто так нежно и страстно тебя любит. Милая, милая далекая и вечно незабываемо близкая Нинурка. В память о далеких, морозных, но полных счастья ночах, в память вечно сияющей любви посылает тебе твой хулиган Юрий».

Кто бы мог подумать, что Юрий Владимирович Андропов способен на такие сильные чувства? Он вернул Нину из Ленинграда и добился своего — они поженились. Он сфотографировался с женой и на обратной стороне снимка 1 марта 1936 года своим четким почерком написал:

«Если вам когда-нибудь будет скучно, если вы хоть на минуту почувствуете себя несчастной, то взгляните на эту фотографию и вспомните, что в мире существуют два счастливых существа. Счастье заразительно. Оно вместе с воздухом проникает к вам в душу и в одно мгновение может сделать то, что не в состоянии сделать годы».

У них появилось двое детей: в 1936 году родилась дочь, ее назвали Евгенией в честь бабушки по отцовской линии, в 1940-м — сын, названный в честь деда Владимиром. Но брак оказался недолгим. Любовь растаяла без следа. Вскоре

после рождения сына Андропов уехал на новое место работы, в Петрозаводск, один, без семьи. Отговорился:

— Пока там нет квартиры, негде жить.

И вроде бы только няня, хорошо знавшая своего Юру, печально сказала:

— Ты уезжаешь навсегда. Ты уже не вернешься...

Он уехал и долго не писал. Потом письменно попросил развода. Нина Ивановна, женщина очень гордая, тут же ответила, что согласна.

В Петрозаводске Андропов женился во второй раз — на Татьяне Филипповне Лебедевой. Она тоже занималась комсомольской работой и слыла женщиной с очень сильным характером. В новом браке у него тоже родилось двое детей — сын и дочь.

Татьяна Филипповна Андропова приезжала в Петрозаводск в 1969 году на празднование 25-летия освобождения Карелии от финской оккупации. Опекать ее поручили молодому офицеру госбезопасности Аркадию Федоровичу Яровому. Он написал об этом через много лет в книге «Прощай, КГБ».

— Поручаю вам, товарищ старший лейтенант, персональную охрану нашей высокопоставленной гостьи, Андроповой Татьяны Филипповны, — сказал ему председатель КГБ Карелии Виктор Андреевич Заровский. А потом добавил: — Ты уж постарайся, голубчик, чтоб ей все было хорошо... И насчет еды проследи.

Яровой попросил совета у инструктора обкома партии Маргариты Оскаровны Руоколайнен, подруги Татьяны Филипповны.

— Чего, говоришь, на завтрак? — басовито спросила, смерив меня строгим взглядом с головы до пят, Оскаровна. — Сам-то что можешь предложить?

— Ну, икры там всякой попросить в ресторане... Красной, черной... Кофе, пирожного, конфет дорогих...

Опытная Маргарита Оскаровна отвергла его идеи:

— Пойди к Дерусову, директору пригородного совхоза, у него парники есть. Он мужик хозяйственный, неужто у него не посажено несколько кустов ранней картошки? Да свежего судачка — тут у нас проблем с рыбой нет. И чаю по-карельски с самоваром. Сахар лучше колотый...

— Это ей, кремлевской гостье, такой плебейский ужин?

— Ну, ты спросил, я тебе сказала!..

Яровой был благодарен Маргарите Оскаровне за ее подсказку.

— Спасибо, я давно с таким аппетитом не ела, — сказала Татьяна Андропова. — И где это картошка такая ранняя выросла в Карелии?..

Окружавшие Андропова люди знали, что воспоминания о прошлом были Юрию Владимировичу неприятны. Он сам практически ничего не вспоминал и не любил, когда другие напоминали ему о том, что он сам хотел бы забыть.

Его первая жена, Нина Ивановна, работала в архиве Ярославского управления госбезопасности, вновь вышла замуж. По словам дочери, втайне продолжала любить Андропова... Но ничего не требовала, ни о чем не просила, никому не жаловалась. Поэтому развод сошел Юрию Владимировичу с рук, хотя в партийном аппарате и в КГБ уход из семьи, мягко говоря, не одобрялся. Когда бывший муж стал генеральным секретарем, жизнь Нины Ивановны изменилась. На нее все стали обращать внимание, и ей это было очень неприятно. Она еще больше переживала. Дочь считает, что именно поэтому она заболела раком...

Детьми от первого брака Андропов почти не интересовался, не помогал в трудные военные годы. Он только отправил к ним свою бывшую няню, Анастасию Васильевну Журжалину, которая так и жила с ними до смерти.

Его дочь Евгения стала врачом и всю жизнь прожила в Ярославле. Отца она практически не видела. Один раз после войны, когда они оказались под Москвой, няня позвонила Юрию Владимировичу, и он приехал посмотреть на детей. Потом вторая жена отца, Татьяна Филипповна, как-то прислала ей письмо и пригласила девушку к себе. По словам Евгении Юрьевны, «отец тяготился встречами, спешил».

В следующий раз она увидела его лежащим в гробу.

Он несколько раз устраивал ей с ребенком путевки, чтобы они могли отдохнуть. Когда Андропов стал генеральным секретарем, местные власти по собственной инициативе тут же переселили его дочь в новую квартиру. Она родила двух мальчиков — Андрея и Петра. Андрей Викторович Волков окончил Институт точной механики и оптики в Ленинграде, но служил в ярославском областном управлении госбезопасности, дослужился до подполковника...

А вот судьба старшего сына Андропова, Владимира Юрьевича, названного в честь деда, сложилась неудачно. Он дважды сидел в тюрьме за кражи. Освободившись, Владимир Андропов уехал подальше от родных мест — в Тира-

споль, работал механиком-наладчиком в конструкторском бюро швейной фабрики. Он женился, ему дали квартиру, в 1965 году на свет появилась Женя Андропова, внучка Юрия Владимировича. Нарушать закон Владимир Юрьевич перестал, зато начал пить. Слабохарактерный и слабовольный по натуре Владимир Андропов постепенно спивался, нигде не работал.

Юрий Владимирович присылал сыну деньги, но потребности в общении не испытывал. Старательно скрывал, что у него сын, сидевший в тюрьме. Таких родственников не было ни у кого из членов политбюро. Вообще-то в кадры КГБ никогда не брали, если в семье есть осужденный преступник.

Владимир Андропов скончался 4 июня 1975 года, ему было всего тридцать пять лет. Умирал он тяжело. Говорят, что надеялся хотя бы перед смертью увидеть отца. Юрий Владимирович не приехал ни в больницу, хотя было известно, что сын смертельно болен, ни на похороны. Не приехала и мать.

Рассказывают, что в 1982 году, решающем для Андропова, все документы о его непутевом сыне собрали и отправили в Москву. Или сам Андропов спешил их уничтожить. Или его соперники хотели обзавестись компрометирующим материалом на кандидата в генеральные секретари...

Загадочный дедушка

Некоторые обстоятельства появления на свет Юрия Владимировича Андропова, как и сведения о его родителях, в определенной степени так и остались невыясненными, что породило множество слухов и легенд.

Юрий Андропов родился на станции Нагутская Ставропольской губернии. Ныне это село Солуно-Дмитриевское Андроповского района, а на вокзале стоит бюст Юрия Владимировича. Сохранилось свидетельство о рождении, выданное юному Андропову Моздокским городским советом рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов Терского округа: «Выдано в том, что Андропов Юрий-Григорий Владимирович родился в 1914 году 15 числа июня месяца, о чем в книге записей актов гражданского состояния произведена соответствующая запись...»

В метрике указано двойное имя — Юрий-Григорий, что нехарактерно для России. И это не описка. В свидетельстве

об окончании Моздокской фабрично-заводской семилетки, выданном 26 июня 1931 года, Андропов просто назван Григорием:

«Предъявитель сего Андропов Григорий Владимирович, родившийся в 1914 году, обучался с 1923 года по 1931 год в Моздокской Фаб-Зав семилетке и окончил полный курс в 1931 году...»

Своего отца, Владимира Константиновича, Юрий Андропов не помнил. Тот умер в годы Гражданской войны от сыпного тифа. Год его смерти Юрий Владимирович в разных анкетах почему-то называет разный. По одним источникам, Владимир Константинович Андропов был железнодорожным телеграфистом, по другим — мастером, по третьим — коммерческим ревизором на станции Беслан, той самой, что много позже станет местом действия одной из самых страшных трагедий второй чеченской войны.

«Отец мой, — писал Юрий Андропов в самой полной из автобиографий, — был дежурным по станции, затем начальником станции Нагутинская Северо-Кавказских железных дорог. В 1915 (или 16) году отец переезжает на станцию Беслан, где работает ревизором (или контролером) движения. Отец происходит из донских казаков. Его отец (мой дед) или учитель, или инспектор училищ (точно не знаю, никогда его не видел)».

В другой автобиографии Андропов добавил: «Отец учился в институте путей сообщения, но был оттуда исключен за пьянство. Имел 2-х дядей в городе Ростове-на-Дону (по отцу). Сам я их никогда не видел. По рассказам матери — оба служили на железной дороге. Сейчас оба умерли».

Мать Андропова, Евгения Карловна, овдовев, в 1921 году второй раз вышла замуж тоже за железнодорожника — Виктора Александровича Федорова.

«Мой отчим — помощник паровозного машиниста, — писал Андропов. — В 1923 или в 1924 году отчим в виду тяжелого материального положения бросает учиться в городе Орджоникидзе (бывший Владикавказ) в техникуме путей сообщения и приезжает жить на станции Моздок Северо-Кавказской железной дороги. Там он работал сначала смотрителем зданий, а потом инструктором санитарного дела».

В Моздоке мать Андропова преподавала в школе, отчим учил подростков слесарному делу в фабрично-заводской семилетке. Туда же пристроил пасынка. Когда Юрию Андропову было всего четырнадцать лет, умерла и мать.

Можно представить себе, как это было ужасно для мальчика, какой тяжелой — эмоционально и материально — была его юность. Ему пришлось самому пробиваться в жизни, помочь было некому. С отчимом он жить не захотел.

После школы Юрий Андропов работал на железной дороге рабочим телеграфа. Уволили как несовершеннолетнего. Устроился помощником киномеханика с окладом в пятьдесят рублей в рабочий клуб имени Коминтерна профсоюзного комитета работников железнодорожного транспорта. Вычитал в газете, что открыт прием в Рыбинский техникум водного транспорта, где не только бесплатное обучение, но еще дают стипендию и общежитие. В марте 1932 года собрал документы и отправил по почте с просьбой его зачислить:

«Прошу принять меня в техникум речного судоходства на отделение судоводительное или судостроительное. В настоящее время я работаю помощником киномеханика, рабочий стаж имею 2-х годичный.

Отца я лишился, когда мне было 2 года, отец работал телеграфистом на железной дороге, мать умерла год назад. В настоящее время я живу у отчима и работаю при железнодорожном клубе на станции Моздок.

Прошу ввиду дальнего расстояния точно сообщить то время, когда я должен буду прибыть в техникум. Прошу также обеспечить меня общежитием и стипендией, так как средств к дальнейшему существованию не имею».

Его приняли в техникум без экзаменов. Руководители техникума вошли в его положение, предоставили общежитие и стипендию — сто шесть рублей.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов любил именовать себя волжским матросом, намекая на свое рабочее прошлое. На самом деле матросом он был только во время короткой учебной практики. Поплавать по Волге после окончания техникума ему не пришлось. Желание быть моряком, похоже, оказалось не слишком сильным. Окончив техникум в мае 1936 года, он был оставлен там секретарем комитета комсомола и комсоргом ЦК ВЛКСМ. Из своего речного прошлого он любил вспоминать только одного боцмана, который держал в кулаке всю команду. Своего рода идеал руководителя. Моздокская семилетка и четыре года в Рыбинском техникуме — вот и все образование будущего главы государства.

От воинской службы Андропов был освобожден по состоянию здоровья — из-за плохого зрения получил белый

билет. Но, став председателем КГБ, не нашел в себе силы преодолеть искушение. Ни одного дня не служивший в вооруженных силах Юрий Владимирович был произведен в генералы армии и по праздникам с удовольствием носил форму, которая почти не отличалась от маршальской...

В ноябре 1936 года его из техникума перебросили комсоргом ЦК ВЛКСМ на рыбинскую судоверфь имени В. Володарского. Ему было двадцать два года. С тех самых пор и до конца жизни Андропов непрерывно находился на комсомольско-партийно-аппаратной работе — с перерывом на посольскую деятельность и на председательство в КГБ. Он никогда не руководил ни реальным производством, ни каким-то регионом. Не имел ни экономических познаний, ни опыта практической работы в промышленности, сельском хозяйстве, финансах.

Его карьера сложилась так: из комсомола в партию, из партии в КГБ. Достоинства такого жизненного пути очевидны: точное знание государственного механизма, тайных пружин управления страной, умение приводить в действие рычаги власти. Недостаток заключается в том, что все знания о стране почерпнуты из вторых рук — из чьих-то рассказов, донесений, справок и аналитических записок подчиненных.

Сотни страниц секретных документов, которые каждый день ложились на стол секретаря ЦК и председателя КГБ, создавали ощущение полного знания о происходящем в стране. Это, несомненно, была иллюзия. Вероятно, поэтому Андропов искренне считал, что страна нуждается главным образом в наведении порядка, дисциплине и борьбе с коррупцией, а вовсе не в глубоких экономических и политических реформах.

Он попал на комсомольскую работу в разгар репрессий. Большой террор не обошел и ярославский комсомол.

Сохранилась речь, произнесенная начинающим комсомольским работником Андроповым на городском активе. Юрий Владимирович с юношеским пылом разоблачал с трибуны врагов народа:

— ЦК ВКП(б) не раз предупреждал партийные и комсомольские организации о бдительности. Существовала теория, что в комсомоле нет и не может быть врагов. А враги народа — троцкисты, шпионы, диверсанты пытаются пролезть в каждую щель, использовав слабые места. Враги народа свили себе гнездо в ЦК ВЛКСМ, они пытались разложить молодежь и на почве разложения отвлечь ее от борьбы с врагами.

В июне 1937 года Юрия Андропова взяли в Рыбинский горком комсомола заведовать пионерским отделом и утвердили членом бюро. В августе перевели в обком руководить отделом учащейся молодежи.

В октябре в Ярославле прошла областная конференция.

— Наша областная комсомольская организация, — грозно произносил с трибуны Андропов, — была засорена врагами народа. Все бюро обкома, за исключением первого секретаря, посажено, так как развивало враждебную деятельность.

Юрия Владимировича утвердили третьим секретарем Ярославского обкома комсомола. Он понравился новому хозяину области Алексею Ивановичу Шахурину, будущему наркому авиационной промышленности.

Это уже была номенклатурная должность. Он сразу получил квартиру в доме для областного начальства на Советской улице — в двух минутах ходьбы от обкома. Собственно, должности освобождались чуть не каждый день. В 1937 году областные чекисты арестовали больше пяти тысяч человек. Карьера в годы чисток делалась быстро, надо было только самому уцелеть.

В декабре 1937 года сняли первого секретаря Ярославского обкома комсомола Александра Брусникина — «за сокрытие своей связи с враждебными элементами и за попытку скрыть от ЦК факты засоренности вражескими элементами Ярославской областной организации». Вскоре Брусникина арестовали и расстреляли.

— Очистив свои ряды от врагов народа и их приспешников, — бодро докладывал на областной конференции Юрий Андропов, — разоблачив троцкистско-бухаринскую и буржуазно-националистическую сволочь, комсомольская организация области под руководством партии идейно закалилась и окрепла...

Вот с такими представлениями о жизни начал политическую карьеру Юрий Владимирович Андропов. Что-то из этого ужасного, отвратительного прошлого он отбросит, что-то останется в нем навсегда и будет определять его взгляды на мир. Ему лично жаловаться было нечего — массовые репрессии открыли ему дорогу наверх.

В декабре 1938 года его сделали первым секретарем обкома комсомола.

Продвижение наверх имело для Андропова одну неприятную сторону. В его документах проверяли каждую запятую, и бдительные кадровики сразу же отметили очевидные противоречия и темные места в его биографии.

На пленум обкома приехала из Москвы инструктор ЦК комсомола Капустина. Вот ей бывший первый секретарь обкома комсомола, обиженный предшественник Андропова, и сигнализировал: «Отец Андропова был офицером царской армии, а мать из купеческой семьи».

Бдительная Капустина затеяла настоящее следствие с очными ставками и в январе 1939 года доложила своему начальству:

«Я поставила этот вопрос перед секретарем Ярославского обкома ВКП(б) тов. Шахуриным, проверила в партколлегии, где знакомилась с его делом при приеме в партию. В беседе со мной и секретарями Ярославского обкома ВКП(б) т. т. Шахуриным и Ларионовым Андропов категорически отрицал принадлежность отца к белой армии и происхождение матери из купеческой семьи.

Мною был послан для проверки на место рождения и жительства семьи тов. Андропова работник Ярославского обкома ВЛКСМ тов. Пуляев, а по приезде в Москву мною лично был проверен материал, касающийся социального происхождения матери тов. Андропова.

Установлено следующее:

Отец тов. Андропова инженер-путеец, умер в 1919 г. от брюшного тифа. В белой армии не служил. Дед Андропова (по отцу) работал в Ростове в качестве инспектора реальных училищ.

Мать Андропова с 17-ти летнего возраста работала учительницей. Воспитывалась в семье (куда была подкинута грудным ребенком) Флекенштейн, Финляндского гражданина, временного купца 2-й гильдии, который умер в 1915 г. Бабка после его смерти жила своим трудом, сейчас получает пенсию.

По словам приемной бабки Андропова Флекенштейн, у Андропова живет не его тетка, а его няня, что никаких сведений о родной бабке Андропова они не имели и не знают, кто она.

Из этого становится ясным, что тов. Андропов дал неправильные сведения о социальном происхождении своей матери. Я считаю необходимым потребовать у тов. Андропова объяснение причин, побудивших его дать эти неверные сведения».

По тем временам обвинения убийственные. За обман партии и попытку скрыть свое происхождение могли не только карьеру сломать и выбросить с руководящей работы, но и посадить. Тем более что в биографии Андропова

было предостаточно темных пятен. Будущий председатель КГБ, сам заполняя анкету или составляя автобиографию, путался в именах, датах, степени родства. Могло показаться, что он что-то скрывает.

Юрию Владимировичу пришлось самому пробиваться в жизни. Но его дочь Евгения Юрьевна рассказывала в интервью (*см.*: Коммерсант-власть. 2001. 26 июня), что семья не бедствовала:

— Дед со стороны матери имел определенный достаток, и семья Андроповых жила у него. Поэтому они могли позволить себе иметь няню для ребенка. А когда отец в раннем возрасте потерял родителей, оказалось, что эта няня для него — самый близкий человек.

В своих первых анкетах Юрий Владимирович Андропов писал, что происходит из донских казаков. Но окружающие считали его скрытым евреем, имея в виду неарийское происхождение его матери Евгении Карловны, преподававшей музыку.

Встречавшиеся с Юрием Владимировичем Андроповым находили в его внешности семитские черты. Возможно, хотели их увидеть...

«Еврейский тип лица был у Андропова, — уверенно писал литературовед Вадим Валерианович Кожинов. — В 1993 году я беседовал с бывшим заместителем председателя КГБ Ф. Д. Бобковым, и он сообщил мне, что, как в конце концов выяснилось, мать Андропова родилась в еврейской семье, но еще в раннем детстве осиротела и была удочерена русской семьей, по всем документам являлась русской и, возможно, даже не знала о своем этническом происхождении».

Характерен жгучий интерес офицеров госбезопасности к этническому происхождению своего шефа.

Валерия Михайловича Легостаева, бывшего помощника члена политбюро ЦК КПСС Егора Кузьмича Лигачева, осенило в момент прощания с Андроповым:

«В мозгу вспыхнула удивительная догадка, что человек, чье лицо в круге яркого света лежало сейчас передо мной на гробовой подушке, при жизни, вне всяких сомнений, был евреем. Это показалось мне тогда настолько неправдоподобным, что я невольно замедлил перед гробом шаг, стараясь получше рассмотреть открывшуюся взору картину...»

Зная, что товарищи считают его анкету не совсем чистой, Юрий Владимирович пытался доказать им, что они ошибаются. Андропов в КГБ вел активную борьбу с «сио-

низмом», что на практике означало запрет на выезд евреев за границу, подавление интереса к изучению еврейского языка, культуры и истории народа и строгий контроль за тем, чтобы «лица некоренной национальности» не занимали видные посты. В Пятом управлении КГБ образовали отдел по борьбе с враждебной сионистской деятельностью...

Что же говорят о происхождении Андропова рассекреченные документы из его личного архива?

«По Вашему требованию, — писал в свое оправдание Андропов, — присылаю автобиографию и объяснение к ней.

Мать моя младенцем была взята в семью Флекенштейн. Об этой семье мне известно следующее: сам Флекенштейн был часовой мастер. Имел часовую мастерскую. В 1915 году во время еврейского погрома мастерская его была разгромлена, а сам он умер. Жена Флекенштейна жила и работала в Москве. Прав избирательных не лишалась.

Родная мать моей матери была горничной в Москве. Происходила из Рязани. О ней мне сообщила гражданка Журжалина, проживающая у меня. Журжалина знает мать с 1910 года, живет у нас с 1915 года. Прежде она была прислугой в номерах (Марьина роща, 1-й Вышеславцев переулок, дом № 6). Моя мать — родственница Журжалиной по ее мужу.

Все это записано мною со слов Журжалиной.

Тетка или не тетка мне Журжалина?

Не тетка. В анкете Журжалина указана мною как тетка потому, что я просто затрудняюсь определить степень родства (как и она сама). В этом я ничего плохого и предвзятого не видел и не вижу.

Как случилось, что я не знал, что дед мой — купец 2-й гильдии?

Я и сейчас об этом не знаю, а попытки чтобы узнать делал:

Я перед вступлением в ВКП(б) просил отчима, как можно подробнее рассказать мне о родителях, так как о последних я знаю очень мало. Он ответил мне письмом (оно у тов. Ларионова), в котором ни слова не говорит о том, что Флекенштейн был купец.

Сама Флекенштейн в 1937 году, когда я брал у нее документ (справку о нелишении прав), ничего мне о "купцах" не говорила».

На карту было поставлено все. Андропов поехал в Москву. Пошел в Моссовет. Попросил справку о том, что Фле-

кенштейн избирательных прав не лишался. В те годы избирательных прав лишали так называемые эксплуататорские классы, под эту категорию подпадали и бывшие купцы. Они назывались забытым уже словом «лишенцы». Принадлежность к лишенцам была крайне опасна. По этим же спискам составлялись другие — на арест и высылку.

Справку, доложил Андропов, ему не дали, но сообщили, что в списке лишенных избирательных прав Флекенштейны не значатся.

«Вот все, что мог я сообщить, — писал Андропов. — Прошу только как можно скорее решать обо мне вопрос. Я чувствую ответственность за организацию и вижу гору дел. Решаю эти дела. Но эта проклятая биография прямо мешает мне работать. Все остальное из моей биографии сомнению не подвергалось, и поэтому я о нем не рассказываю».

Андропов совершенно прав: «проклятая биография мешает работать»! Дурацкое выяснение обстоятельств его появления на свет, социальное происхождение его деда и бабки — какое все это имело значение для его жизни и работы?!

Но удивительно, что он не извлек уроков из собственной истории. Он пятнадцать лет руководил Комитетом госбезопасности, и его подчиненные занимались тем, что рылись в далеком прошлом людей, выясняя их социальное или национальное происхождение. И прошлое губило людей. А вот самому Андропову повезло.

Его судьба была в руках второго секретаря Ярославского обкома партии Алексея Николаевича Ларионова, ведавшего местными кадрами. Энергичный, моторный, заводной Ларионов был всего на семь лет старше Андропова и всячески покровительствовал молодому человеку. Он и спас его от бдительных кадровиков из ЦК комсомола.

Но все равно процесс проверки происхождения Андропова затянулся на четыре месяца. Избрали Андропова первым секретарем обкома в декабре 1938 года, а утвердили в должности только в середине апреля 1939 года. А Москва дала добро на его назначение еще через пять месяцев.

В 1939 году секретарь обкома Ларионов привлек комсомольского вожака Андропова к другому заметному делу — строительству гидроузлов на Волге. Занимался этим НКВД, строили заключенные, их не хватало, Андропов мобилизовал на стройку несколько тысяч молодых ярославцев. 14 июля 1944 года по докладной записке наркома

внутренних дел Берии появился указ президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями инженерно-технического, административно-хозяйственного состава и рабочих Волгостроя НКВД» за «выдающиеся успехи и технические достижения по строительству гидроузлов на реке Волге».

Ордена получила большая группа сотрудников Главного управления лагерей Наркомата внутренних дел. Орден Красного Знамени вручили и Андропову как бывшему секретарю Ярославского обкома комсомола, хотя к тому времени он уже уехал из города.

В июне 1940 года Андропова перебросили в Петрозаводск и утвердили первым секретарем ЦК комсомола недавно созданной Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

В 1920—1930-е годы это была просто Карельская Автономная Республика в составе Российской Федерации. Но когда Сталин в ноябре 1939 года начал войну с Финляндией, у него возникли далеко идущие планы в отношении Карелии. Если бы его планы осуществились и Финляндия капитулировала, то ее территория, видимо, сильно уменьшилась бы, а Карелии, напротив, увеличилась. Карельскую АССР заранее переименовали в Карело-Финскую и повысили ее статус до союзной республики. Соответственно Карельский обком преобразовали в ЦК компартии Карело-Финской ССР.

Возглавил республику один из создателей компартии Финляндии и многолетний работник Коминтерна Отто Вильгельмович Куусинен. Он станет покровителем Андропова, сыграет в его карьере решающую роль. Куусинен был образованным, трудолюбивым, спокойным и разумным человеком, и общение с ним многое даст молодому комсомольскому секретарю.

Куусинен понадобился Сталину после начала финской войны. В Москве появилось сообщение о создании «народного правительства» Финляндской демократической республики во главе с Отто Куусиненом. «Правительство» с трудом сформировали, потому что многих финских коммунистов, работавших в Москве и Карелии, уже успели уничтожить.

Война с маленькой Финляндией оказалась настолько кровавой и неудачной, что Сталин счел за благо закончить

ее. Но он оставил Куусинена в Петрозаводске и сделал его председателем президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. В 1941 году ввел в состав ЦК ВКП(б). Под руководством Куусинена Андропов и осваивал науку политической борьбы.

В Петрозаводске Андропов, не имевший высшего образования, поступил в только что открытый Карело-Финский государственный университет. Но учебе помешала война. Впрочем, фронта Андропов избежал, он был нужнее в тылу — возглавлял республиканский комсомол. В ноябре 1944 года его перевели на партийную работу — сделали вторым секретарем Петрозаводского горкома партии. После войны, в январе 1947 года, он стал уже вторым секретарем ЦК компартии Карело-Финской ССР.

Заняв высокий пост, Андропов заочно (без сдачи экзаменов) окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Без диплома о высшем образовании он чувствовал себя неуютно. Потом будут ходить легенды о его энциклопедических познаниях, о том, что он в совершенстве знал английский язык. Чего не было, того не было. Английский Юрий Владимирович пытался учить, уже будучи председателем КГБ, но в таком возрасте и при такой занятости это оказалось невозможным. Впрочем, работа за границей, чтение книг и справок, общение с интеллигентной публикой в какой-то степени помогли ему компенсировать отсутствие систематического образования.

Мой отец в 1970-е годы работал в «Литературной газете». Побывав у Андропова на Лубянке, заметил на его рабочем столе том Плеханова с закладками. Он искренне восхитился образованностью председателя КГБ...

Председатель КГБ в день должен был просмотреть несколько сотен страниц различных документов, ответить на множество телефонных звонков и принять немалое число людей. И при такой загруженности он действительно находил несколько свободных часов, чтобы углубиться в серьезные труды Георгия Валентиновича Плеханова? Но впечатление на своих посетителей Юрий Владимирович производил сильное.

Летом 1951 года его перевели в Москву и утвердили инспектором ЦК. Это была перспективная должность. Андропов мог продвинуться в аппарате или стать первым секретарем обкома партии. Но после смерти Сталина его отправили в распоряжение Министерства иностранных дел.

Венгерская трагедия

Юрия Владимировича прочили послом в Данию. Его жизнь могла пойти по иной колее. Из спокойной Дании его бы перебросили в другую страну, потом в третью, вершиной его карьеры стал бы пост заместителя министра иностранных дел.

Но в ЦК решили отправить в социалистические страны опытных партийных работников. О Дании пришлось забыть. Андропова в октябре 1953 года командировали в Будапешт. Для начала — советником посольства. А на следующий год, в июле 1954-го, утвердили послом.

Три посольских года дали Андропову многое в смысле расширения кругозора. Он увидел, что жизнь может быть не только такой, какой она была в Ярославле и Петрозаводске. Будапешт всегда был европейским городом. И сама по себе жизнь посла даже в те годы несла в себе некоторую толику удовольствий.

Но Андропова назначили послом в тот момент, когда экономическая ситуация в стране стала ухудшаться в результате ускоренной индустриализации, а крестьяне были возмущены коллективизацией и созданием госхозов. Венгры были недовольны тем, что после XX съезда у них не произошло такого же очищения от сталинского наследства, как в Советском Союзе.

Интеллигенция искала пути выхода из кризиса. Эти искания вырывались на страницы прессы, вызывая возмущение советских дипломатов. Затем начались демонстрации и митинги. Советские дипломаты с изумлением слушали выступавших, которые требовали смены партийного руководства, проведения свободных выборов, отмены цензуры и вывода советских войск из Венгрии. Демонстранты пели «Марсельезу» и «Интернационал». Но для Андропова и его сотрудников все они были врагами социализма...

Демонстрации превратились в народное восстание. Правительство утратило контроль над Будапештом, оказавшимся во власти революционной стихии. По всей стране солдаты и полицейские переходили на сторону восставших. Распустили Управление государственной безопасности. Началось воссоздание политических партий, прежде существовавших в Венгрии.

Юрий Андропов приехал в штаб советских войск, которыми командовал генерал-лейтенант Петр Николаевич Лащенко, Герой Советского Союза, выпускник Академии

Генштаба. Начальником штаба был генерал Евгений Иванович Малашенко.

— Вооруженное выступление, — сказал посол, — имеет антисоветский характер. В нем участвуют в основном бывшие хортисты, контрреволюционеры, деклассированные и подрывные элементы, переброшенные с Запада.

Мне показалось, вспоминал генерал Малашенко, что Андропов односторонне оценивал ситуацию, выхватывал из массы фактов лишь имеющие антисоциалистическую направленность.

Андропов поинтересовался у военных:

— Как реагировать на требования венгров вывести войска?

— В сложившейся обстановке наши войска надо выводить, — ответил генерал Лащенко.

— Что, оставим народную власть, коммунистов на растерзание? — возмутился посол.

— Пусть они сами себя защищают. Мы не должны за них воевать. Кто желает, пусть с нами уходит.

— Если советские войска уйдут, — многозначительно сказал Андропов, — завтра здесь будут Соединенные Штаты и их союзники. Надо разгромить вооруженные отряды мятежников.

И тут на площади Республики толпа расправилась с сотрудниками госбезопасности и столичного горкома партии. Так и осталось неясным, как это произошло. По мнению историков, первыми огонь открыли охранявшие здание венгерские чекисты. Но в ответ толпа устроила резню, погибли два десятка человек. Ненавидимых венграми офицеров госбезопасности опознавали по одинаковым желтым ботинкам, которые им выдавали в хозяйственном отделе. Их вешали на деревьях головой вниз.

1 ноября 1956 года премьер-министр Венгрии Имре Надь вручил послу Андропову ноту с требованием начать вывод советских войск. Правительство Венгрии денонсировало Варшавский договор, объединявший вооруженные силы социалистических стран, и провозгласило нейтралитет.

Тогда в Москве приняли решение вмешаться. Первый заместитель министра обороны СССР маршал Иван Степанович Конев приказал войскам «оказать братскую помощь венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний, в разгроме контрреволюции и ликвидации угрозы возрождения фашизма».

В операции «Вихрь» участвовали семнадцать советских дивизий: шестьдесят тысяч человек и шесть тысяч танков. Большая часть венгерских вооруженных сил не оказала сопротивления. Но некоторые части предпочли вступить в бой. К ним присоединились тысячи повстанцев. У них было несколько танков, немного артиллерии. Они сбили даже советский самолет из зенитного орудия.

Повстанцы забрасывали танки ручными гранатами и бутылками с воспламеняющейся смесью — из подвалов и со всех этажей зданий. Венгры бросали гранаты и бутылки со смесью в открытый верх бронетранспортеров и на крыши моторно-трансмиссионного отделения танков (подробнее см.: Независимое военное обозрение. 2001. № 20). Дольше всех сражались рабочие кварталы. Общие потери Советской армии в венгерских событиях составили 640 убитых и 1251 раненый. Общие потери венгров — 2652 убитых, 19 226 раненых.

3 ноября в Москве одобрили состав Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства. Премьер-министром сделали Яноша Кадара, который до конца жизни будет руководить страной. Его срочно привезли в Москву, а 4 ноября вернули на родину. Его перебросили через границу в город Сольнок, где находилась ставка маршала Конева. 7 ноября на бронетранспортере доставили в Будапешт.

Принято считать, что в знак благодарности за успешное подавление венгерского восстания Андропова вернули в Москву, поставили руководить отделом ЦК и с этого момента его карьера шла только по восходящей. В реальности все было иначе. Это Янош Кадар дал понять, что желал бы смены посла.

Впоследствии, когда Андропов стал важной фигурой в советском руководстве, Кадар демонстрировал ему полнейшее уважение. Но ни Юрий Владимирович, ни Янош Кадар не забыли о том, что и как происходило в Венгрии осенью 1956 года...

Главный урок, усвоенный Андроповым в Венгрии, был прост. Он увидел, с какой легкостью коммунистическая партия может потерять власть над страной, если только она позволит себе ослабить идеологический контроль, цензуру, если исчезнет страх. Ничто другое подорвать власть партии не может — ни экономические трудности, ни, уж конечно, вражеские шпионы. Главное — не давать свободы. Логика существования социалистических режимов состоит в том,

что, как только происходит малейшее послабление, режим начинает разваливаться.

Можно было, конечно, извлечь другой урок: если власть отстает от жизни, отказывается от реформ, не прислушивается к тому, что желает народ, начинается революция. Но Андропов сделал те выводы, которые соответствовали его представлениям о жизни.

Пережитый в Будапеште страх перед восставшим народом надолго запомнился Андропову. Юрий Владимирович видел, как в Венгрии линчевали сотрудников госбезопасности.

— Вы не представляете себе, что это такое, когда улицы и площади заполняются толпами, вышедшими из-под контроля и готовыми рушить все, что попало, — сказал он дипломату Олегу Александровичу Трояновскому. — Я все это испытал и не хочу, чтобы такое произошло в нашей стране.

Считается, что пережитое в Будапеште очень болезненно сказалось на жене Андропова. Она стала прихварывать, и он постепенно лишился полноценной семейной жизни. Осталась одна работа...

Хирург Прасковья Николаевна Мошенцева, описывая свой более чем тридцатилетний опыт работы в системе 4-го главного управления при Министерстве здравоохранения СССР в книге «Тайны Кремлевской больницы», рассказывает и о жене Андропова:

«Она не раз лежала в неврологическом отделении и непрестанно требовала уколов... Она просто придумывала себе разные недомогания и требовала наркотиков. От успокоительных уколов отмахивалась. Видимо, она привыкла к наркотикам с молодых лет. Сейчас мне кажется, что виноваты врачи. Это они уступали ее настойчивым просьбам, подсознательно трепеща пред одним именем ее мужа».

На Старой площади

В феврале 1957 года в аппарате ЦК КПСС решили образовать новый отдел — по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В газетах его полное название никогда не упоминалось, писали коротко и внушительно — отдел ЦК. Министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко рекомендовал на этот пост посла в Венгрии Андропова.

Хозяйство Андропову досталось беспокойное. Отношения с Югославией складывались сложно, а от дружбы с Албанией, и особенно с Китаем ничего не осталось. Зато Юрий Владимирович получил редкую возможность набрать молодых людей — из Министерства иностранных дел, академических институтов и научных журналов, не прошедших школу партийного аппарата, со свежими, неиспорченными мозгами. Обычно в аппарат ЦК принимали только со стажем освобожденной партийной работы, то есть бывших секретарей райкомов-горкомов-обкомов. Использовать их на аналитической работе в сфере мировой политики было трудновато.

Юрий Владимирович обзавелся собственным мозговым центром, который использовал на сто процентов. В группе консультантов работали очень яркие люди — из них несколько человек стали потом академиками. Георгий Аркадьевич Арбатов пришел в отдел из журнала «Проблемы мира и социализма», в дальнейшем он создал и возглавил Институт США и Канады. Олег Тимофеевич Богомолов, специалист по экономике стран Восточной Европы, стал директором Института экономики мировой социалистической системы.

Из журнала «Коммунист» консультантом в отдел взяли Александра Евгеньевича Бовина, блистательного журналиста и оригинально мыслящего политика. В своем кругу Бовин язвительно сформулировал роль отдела: «Отдел по навязыванию советского опыта строительства социализма». Подотдел информации возглавил молодой и амбициозный политолог Федор Михайлович Бурлацкий, который со временем станет профессором, главным редактором «Литературной газеты», народным депутатом СССР.

В отделе работали Георгий Хосроевич Шахназаров, будущий помощник Горбачева; член-корреспондент Академии наук, видный китаист Лев Петрович Делюсин, ставший впоследствии профессором; Федор Федорович Петренко, еще один бывший сотрудник «Коммуниста», специалист по партийному строительству.

Потом, при Брежневе, стали высоко цениться умелые составители речей и докладов. Андропов понимал, что может выделиться, располагая таким сильным штатом. Когда ему поручали работу над документом, он мог порадовать генерального. Речи в его аппарате писались действительно замечательные, но, к сожалению, на реальной жизни они мало отражались. Речи становились все лучше и лучше, а дела шли все хуже и хуже...

Георгий Шахназаров подметил любопытную деталь: Андропов словно стеснялся своего роста, величины, старался не выпячивать грудь, как это делают уверенные в себе люди, чуть горбился не столько от природной застенчивости, сколько от того, что в партийных кругах было принято демонстрировать скромность.

Чиновный люд на Старой площади передвигался бесшумно, своим поведением и обличьем показывая: чту начальство и готов беззаветно следовать указаниям. Не составлял исключения и Андропов, без чего, вероятно, было бы невозможным его продвижение по ступеням партийной иерархии. Шахназаров описывал, как они с Юрием Владимировичем живо беседовали, пока не зазвонил аппарат прямой связи с Хрущевым. Шахназаров стал свидетелем поразительного перевоплощения. Живой, яркий, интересный человек преобразился в солдата, готового выполнить любой приказ командира. В его голосе появились нотки покорности и послушания...

— Держи ты этих кагэбистов в руках и не давай им вмешиваться в свои дела, — такой совет раздраженный Юрий Владимирович дал своему подчиненному в редкую минуту откровенности.

Бравые чекисты довели своего будущего председателя до сердечного приступа. Эту историю рассказал его тезка и сотрудник по отделу ЦК Юрий Владимирович Бернов:

«Я уже в приемной Андропова почувствовал что-то неладное — в воздухе пахло лекарствами, из кабинета вышли врачи. У Юрия Владимировича был серьезный сердечный приступ, и ему сделали несколько уколов. Я зашел в кабинет Андропова, он лежал на диване и очень плохо выглядел».

Вот тогда-то с трудом отдышавшийся Андропов и дал дельный совет относительно чекистов. Что же произошло? В Москве находился высокий гость из Праги. Провожать его в аэропорту выпала честь члену политбюро и секретарю ЦК Андрею Павловичу Кириленко. Кто-то чего-то не понял — скорее всего, офицер охраны из Девятого управления КГБ спутал время вылета спецсамолета. Кириленко решил, что он не поспевает в аэропорт, и «в грубой форме», как вспоминает Юрий Бернов, устроил Андропову разнос за срыв политически важного мероприятия.

Сидя в своем кабинете на Старой площади, несчастный Андропов никак не мог сам выяснить, когда же точно вылетает самолет с правительственного аэродрома, а злой Ки-

риленко то и дело ему перезванивал, повышая градус своих эмоций.

Жизнь кремлевских чиновников явно представляется нам в ложном свете. Это для миллионов советских людей Андропов станет потом высшей властью в стране, ему будут завидовать, перед ним будут трепетать. А для Кириленко он тогда был просто подчиненным. Вот этот разговор с вышестоящим секретарем ЦК и стоил Андропову сердечного приступа.

Можно представить, каким хамом и самодуром был низенький, с наполеоновским комплексом Кириленко, которому благоволил Брежнев и который упорно добивался места второго человека в стране, пока тяжелые мозговые нарушения не привели к полному распаду личности.

Но каким же испуганным и несчастным человеком, судя по этому эпизоду, был легендарный Юрий Владимирович Андропов, если окрик члена политбюро — по пустяковому делу! — буквально свалил его с ног? И этот человек считается выдающимся реформатором с железной волей? Скорее этот эпизод рисует Андропова несамостоятельным, зависимым от чужого мнения и очень неуверенным в себе человеком, который избегал конфликтов и органически не мог перечить вышестоящим.

Кириленко будет первым человеком, с которым расстанется Юрий Владимирович, когда в ноябре 1982 года станет генеральным секретарем ЦК КПСС. Кириленко был тяжело болен и работать не мог. Но Брежнев не отправлял его на пенсию, по своей привычке не желая обижать старого друга. Андропов же потребовал от Кириленко написать заявление об уходе. Поскольку Кириленко боялся, что не осилит такой серьезный документ, заявление Андропов написал вместо него сам. Кириленко только переписал нетвердой рукой...

Перевести на инвалидность?

17 мая 1964 года на восемьдесят четвертом году жизни умер его покровитель член президиума ЦК Отто Куусинен. Андропов остался в неприятном одиночестве. А в октябре отправили на пенсию Хрущева. Юрий Владимирович не знал, как сложится его судьба. Переживал из-за того, что его не замечали, нервничал и опасался, что с ним вообще расстанутся. Он старался понравиться Брежневу, но не знал, как это сделать.

Летом 1966 года его положили в Центральную клиническую больницу с диагнозом «гипертоническая болезнь, инфаркт миокарда». Там, на больничной койке, он отметил свое пятидесятилетие. Дурное предзнаменование. Отлежавшись, почувствовал себя хорошо, но изменения в кардиограмме пугали врачей. Медики предложили перевести Андропова на инвалидность. Это означало конец политической карьеры.

Именно тогда к Андропову привели молодого кардиолога — Евгения Ивановича Чазова, который со временем станет академиком и возглавит 4-е главное управление при Министерстве здравоохранения СССР, кремлевскую медицину.

Чазов, известный работами в области диагностики и лечения инфарктов миокарда, пришел к выводу, что ни инфаркта, ни гипертонической болезни у Андропова нет. И оказался прав. Исследования показали, что опасные симптомы — результат тяжелой болезни почек и реакции надпочечников. Чазов правильно подобрал лекарства, и через несколько дней кардиограмма нормализовалась.

Андропов, пролежав несколько месяцев в больнице, вернулся к работе и весной 1967 года считал себя здоровым человеком. Постепенно у него наладились отношения с Брежневым. Первые годы на посту генерального секретаря Леониду Ильичу пришлось трудно. Он должен был выработать позицию относительно множества вопросов внутренней и международной жизни. Понадобились надежные люди, которым он мог доверять.

Назначение в КГБ в мае 1967 года было для Андропова сюрпризом, утверждал тогдашний брежневский помощник по международным делам Александр Михайлович Александров-Агентов. Андропов вышел из кабинета Леонида Ильича совершенно ошарашенный. Александров-Агентов, находившийся в приемной генерального секретаря, спросил:

— Ну что, Юрий Владимирович, поздравить вас? Или как?

— Не знаю, — обреченно ответил он. — Знаю только, что меня еще раз переехало колесо истории.

Юрий Владимирович, похоже, искренне не хотел этого назначения. В те годы перейти из секретарей ЦК в председатели КГБ никак не считалось повышением. Хрущев сознательно понизил уровень ведомства госбезопасности, при нем председатель комитета Владимир Ефимович Семичастный был всего лишь кандидатом в члены ЦК. Андро-

пов в тот момент и не догадывался, что эта должность сделает его одним из самых влиятельных в стране людей и со временем приведет в кресло генерального секретаря.

Когда на заседании политбюро Брежнев предложил назначить Андропова председателем КГБ, Юрий Владимирович, еще не смирившийся с новой должностью, проговорил:

— Может быть, не надо этого делать? Я в этих вопросах не разбираюсь, и мне будет очень трудно освоить эту трудную работу.

Разумеется, его слова все пропустили мимо ушей. С основными членами политбюро Брежнев договорился заранее. Фигуры помельче не смели и слова сказать — раз генеральный секретарь решил, значит так и будет.

По словам его верного помощника Владимира Александровича Крючкова, Брежнев убрал Андропова из аппарата ЦК, дабы сделать приятное Алексею Николаевичу Косыгину. У главы правительства и Андропова отношения складывались крайне сложно. У них была какая-то личная несовместимость.

«Если Андропов считал себя профаном в экономике и не скрывал это, — вспоминал бывший помощник главы правительства Борис Терентьевич Бацанов, — то не совсем понятно, почему он на заседаниях политбюро вступал в горячие споры с Косыгиным по вопросам готовившейся тогда экономической реформы.

Возможно, он выполнял роль цековского оппонента Косыгину, опираясь при этом на группу ученых-консультантов из аппарата ЦК. Испытывали, так сказать, на прочность косыгинские позиции».

Конфликт между ними имел явную политическую подоплеку: Андропов говорил помощникам, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размыву социально-политического строя. Иначе говоря, Андропов боялся даже косыгинских реформ, более чем умеренных и скромных! Как же после этого всерьез полагать, что Андропов, став в 1982 году генеральным секретарем, всерьез собирался реформировать наше общество?

Но Брежнев пересадил Андропова из ЦК в кресло председателя КГБ для того, чтобы сделать приятное не Косыгину, а себе самому. Леонид Ильич очень хорошо разбирался в людях, точно определял, кто ему лично предан, а кто нет. Нелюбовь же Андропова к Косыгину Брежнева больше чем устраивала.

Поскольку Андропов не руководил крупной парторганизацией, он не имел поддержки в стране, своего землячества. Всегда ощущал себя неуверенно. Одиночка в партийном руководстве. Это определяло его слабость. Но для Брежнева в 1967 году это было очевидным плюсом, ему и нужен был на посту председателя КГБ человек без корней и связей, без стоящей за ним спаянной когорты.

Председатель сам под присмотром

Андропов провел на Лубянке пятнадцать лет — до 1982 года, поставив абсолютный рекорд среди хозяев Лубянки. И ушел из комитета на повышение.

Он стал верным соратником Брежнева, никогда не позволял себе усомниться в том, что именно Леонид Ильич должен руководить партией и государством. Андропов был всегда на стороне генерального секретаря и следил за тем, чтобы другие чиновники тоже были лояльны Брежневу.

Виктор Васильевич Гришин, в те годы член политбюро и первый секретарь Московского обкома, вспоминал: «Ко всем и ко всему Андропов относился недоверчиво, подозрительно. Сугубо отрицательное отношение у него было к тем, к кому не питал симпатий Брежнев».

Все высшие чиновники исходили из того, что их кабинеты и телефонные разговоры прослушивают, и были очень осторожны. Самым опасным было дурно отзываться о генеральном. Это практически всегда приводило к увольнению.

Виктор Гришин:

«Думаю, что в КГБ вели досье на каждого из нас, членов и кандидатов в члены политбюро ЦК, других руководящих работников в центре и на местах. Можно предположить, что с этим было связано одно высказывание в кругу членов политбюро Брежнева:

— На каждого из вас у меня есть материалы...

Прослушивались не только телефоны. С помощью техники КГБ знал все, что говорилось на квартирах и дачах членов руководства партии и правительства. Как-то в личном разговоре Андропов сказал:

— У меня на прослушивании телефонных и просто разговоров сидят молодые девчата. Им очень трудно иногда слушать то, о чем говорят и что делается в домах людей. Ведь прослушивание ведется круглосуточно...»

Андропов сразу обнаружил непорядок во вверенном ему хозяйстве: при Хрущеве чекистский аппарат слишком сократили! Расформировали местные органы госбезопасности там, где иностранных шпионов не было и быть не могло, где отсутствовали военные объекты, которые следовало охранять...

Андропов руководствовался иной логикой. Он считал необходимым усиление контроля над всей страной, восстановление структуры, существовавшей при Сталине. Он вернул ведомству всеобъемлющий характер. Компенсировал ущерб, нанесенный сокращениями, проведенными при Хрущеве, восстановил численность и затем еще больше увеличил аппарат комитета. Комитет вновь обрел ту тайную власть, которая была подорвана пренебрежительным отношением Хрущева к чекистам и их ведомству.

Первый заместитель председателя КГБ Филипп Денисович Бобков рассказывал, чем занимались местные органы КГБ. К примеру: женщина присела на скамейку, не подозревая, что рядом иностранный турист. Ее тут же занесли в картотеку: связь с иностранцем. А это означало ограничения в приеме на работу, запрет на выезд за границу.

Служивший в инспекции КГБ полковник Иосиф Иосифович Леган пишет о том, как бригада инспекторского управления приехала в Горьковскую область — проверять работу чекистов городка Дзержинский.

«Горотдел, — вспоминает Леган, — информировал горком партии, горисполком о сборе и вывозе на колхозные и совхозные поля куриного помета, ремонте тракторов и другой техники». Бригада пришла к выводу, что горотдел занимается «вопросами, которые не относились к компетенции органов государственной безопасности».

Начальник горьковского областного управления генерал-лейтенант Юрий Георгиевич Данилов с мнением столичных проверяющих не согласился. Упрекнул: они «не понимают политику партии в отношении развития сельского хозяйства»:

— Невывоз куриного помета с птицефабрики приводит к тому, что куры отравляются и подыхают, скорлупа яиц становится тонкой, из-за этого случается большой процент их боя...

До Андропова КГБ был госкомитетом при Совете министров. Он добился повышения государственного статуса своего ведомства. 5 июля 1978 года указом президиума Верховного Совета СССР КГБ был выведен из подчинения

правительству, получил особый надведомственный статус и стал называться просто: КГБ СССР. Указания КГБ стали обязательными для всех учреждений страны.

Андропов восстановил все районные звенья госбезопасности, которые были расформированы его предшественниками, отделы госбезопасности на крупных предприятиях и в высших учебных заведениях. Андропов заботился о материальном благополучии своих подчиненных, и они отвечали ему полнейшей преданностью. Но еще больше были благодарны за то, что вырос престиж комитета. Разговоры о том, что творила госбезопасность при Сталине, отошли в прошлое. В истории органов остался только светлый образ рыцаря революции Дзержинского, и служба в КГБ стала завидной.

Брежнев поставил на важнейший пост полностью лояльного к нему человека. С этого направления Леониду Ильичу до самых последних дней ничего не угрожало. Тем не менее он ввел в руководство КГБ группу генералов, которые имели прямой доступ к нему и докладывали обо всем, что происходит в комитете. Они следили за Андроповым и друг за другом.

Главными ставленниками генсека в комитете были генерал Георгий Карпович Цинев, входивший в могущественный «днепропетровский клан», и генерал Семен Кузьмич Цвигун, который работал с Леонидом Ильичом в Молдавии.

Генерал Вадим Алексеевич Кирпиченко из Первого главного управления КГБ писал, что постоянное присутствие рядом Цвигуна и Цинева ставило Андропова в сложное положение. Он должен был на них оглядываться. А они оба что-то постоянно докладывали лично Брежневу. Иногда Андропов жаловался. Но терпел, не позволил себе поссориться со своими опасными заместителями.

«Андропов, — считает Чазов, — избрал самый верный путь — он сделал и Цвигуна, и Цинева своими самыми близкими помощниками, постоянно подчеркивая свое уважение к ним и дружеское расположение. Уверен в том, что Брежнев высоко ценил и по-своему любил Андропова, определенное значение имело и мнение двух его доверенных людей».

Андропов понимал, что за каждым его шагом присматривают. Он вроде бы неплохо относился к своему бывшему подчиненному по отделу ЦК Александру Бовину. Но когда КГБ перехватил письмо Бовина, который жаловался, что

вынужден тратить свой талант на службу ничтожествам, Юрий Владимирович поспешил доложить о письме Брежневу.

Еще один бывший подчиненный Андропова Георгий Арбатов пытался разубедить председателя КГБ: зачем нести письмо генеральному? Юрий Владимирович объяснил:

— А я не уверен, что копия этого письма уже не передана Брежневу. Ведь КГБ — сложное учреждение, и за председателем тоже присматривают. Найдутся люди, которые доложат Леониду Ильичу, что председатель КГБ утаил нечто, касающееся лично генерального секретаря.

Вместе с Андроповым пришла из ЦК небольшая группа помощников.

«Держались они на первых порах тесной стайкой, — вспоминал генерал Кирпиченко, — и все старались выяснить, нет ли вокруг Юрия Владимировича недоброжелательности или, не дай бог, не зреет ли какая крамола. Эта группа была предана ему лично и стремилась всеми доступными средствами работать на повышение его авторитета, что порой выглядело даже смешным и наивным из-за прямолинейности в восхвалении достоинств нового председателя».

Андропов любил в разговорах с сотрудниками поругать какого-то начальника среднего звена, ожидая, что в ответ скажет собеседник. Наверное, он нуждался в дополнительной информации о тех людях, которые окружали его. Юрий Владимирович хотел знать все о людях, с которыми работал, и выслушивал любую информацию о них, от кого бы она ни исходила.

Пятое управление

Андропов расширил сеть местных органов КГБ и образовал новые управления в центральном аппарате, чтобы надежнее охватить все стороны жизни страны. Но он сразу выделил главное, с его точки зрения, звено — контроль над духовным состоянием общества. Венгерский опыт подсказывал ему, что главная опасность социализму исходит от идеологической эрозии.

Через полтора месяца после прихода на Лубянку, 3 июля 1967 года, Андропов отправил записку в ЦК, в которой живописует действия подрывных сил, направленных «на создание антисоветских подпольных групп, разжига-

ние националистических тенденций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов».

Новый председатель КГБ сигнализировал о том, что «под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма, чем могут пользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия».

Андропов предложил создать в центре и на местах подразделения, которые сосредоточились бы на борьбе с идеологическими диверсиями. 17 июля 1967 года политбюро предложение Андропова поддержало:

«Создать в Комитете госбезопасности при Совете Министров СССР самостоятельное (пятое) Управление по организации контрразведывательной работы по борьбе с идеологическими диверсиями противника. В КГБ республик, УКГБ по краям и областям иметь соответственно пятые Управления — отделы — отделения».

Чем занимались борцы против идеологических диверсий? Это прямые доносы на мастеров литературы и искусства, которые «подрывают авторитет власти». Поносились спектакли Театра на Таганке, Театра имени Ленинского комсомола — за «двусмысленность» и попытки в «аллегорической форме высмеять советскую действительность». Раздражало даже то, что «моральная неустойчивость отдельных людей стала весьма желательной темой некоторых работников кино и театров».

Вот отрывки из служебных записок Комитета госбезопасности:

«Вызывает серьезные возражения разноречивое изображение на экране и в театре образа В. И. Ленина. В фильме "На одной планете", где роль Ленина исполняет артист Смоктуновский, Ленин выглядит весьма необычно: здесь нет Ленина-революционера, есть усталый интеллигент...»

«Трудно найти оправдание тому, что мы терпим по сути дела политически вредную линию журнала "Новый мир"... Критика журнала "Юность" по существу никем не учитывается, и никто не делает из этого необходимых выводов. Журнал из номера в номер продолжает публиковать сомнительную продукцию...»

Разве Комитету госбезопасности было поручено давать оценки театрам и литературным журналам? Но КГБ имен-

но так понимал свою роль: шпионов было немного, и содержать ради них такой огромный аппарат было бы нелепо. Андропов и Пятое управление считали, что главная угроза для партийного аппарата и всей социалистической системы исходила от свободного слова.

20 декабря 1980 года председатель КГБ Андропов доложил в ЦК, что некоторые московские студенты намереваются провести митинг в память замечательного музыканта Джона Леннона из всемирно любимой группы «Битлз».

Никакого отношения к политике желание студентов выразить любовь к известной музыкальной группе не имело. Но как любое несанкционированное мероприятие считалось опасным для советской власти. Поэтому, успокоил Андропов товарищей по политбюро, Комитетом госбезопасности «принимаются меры по выявлению инициаторов этого сборища и контролю над развитием событий».

Многие документы Пятого управления КГБ преданы гласности, и можно судить о том, чем оно занималось в реальности. В одном из отчетов сообщалось, например, о том, что Пятое управление собирало материалы на лауреата Государственной премии драматурга Виктора Сергеевича Розова и философа, будущего народного депутата СССР Юрия Федоровича Карякина. Включило в состав олимпийской делегации СССР шестнадцать агентов (агентов! не охранников, то есть заботилось не о безопасности спортсменов, а собиралось следить за ними). Получило информацию об обстановке в семье Героя Социалистического Труда композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича и материалы об идейно незрелых моментах в творчестве писателя-сатирика Михаила Михайловича Жванецкого. Завело дело на выдающегося ученого-литературоведа Сергея Сергеевича Аверинцева. Проверило советских граждан, которые имели контакты с художником Святославом Николаевичем Рерихом во время его приезда в СССР...

Сколько же в стране было диссидентов, с которыми сражался огромный аппарат госбезопасности?

В 1976 году отбывал наказание 851 политический заключенный, из них 261 человек сидел за антисоветскую пропаганду. В стране насчитывалось 68 тысяч «профилактированных», то есть тех, кого вызывали в органы КГБ и предупреждали, что в следующий раз их уже вызовет следователь и предъявит обвинение, за этим последует суд и лагерь. Предупреждено, докладывал председатель КГБ в ЦК

партии, появление 1800 антисоветских групп и организаций — с помощью агентуры. Иначе говоря, в стране многие тысячи готовы были действовать против советской власти?

Отрезанная голова Амина

Сама должность заставляла председателя Комитета госбезопасности Андропова быть ястребом во внешней политике, подозревать окружающий мир во враждебных намерениях. В служебных документах комитета Соединенные Штаты откровенно именовались «главным противником». КГБ находился в состоянии перманентной войны с США и с Западом в целом. Пока Брежнев был здоров, это уравновешивалось его стремлением к разрядке, к нормальным отношениям с Западом. Когда Брежнев тяжело заболел, выпустил вожжи из рук, внешнюю и военную политику стала определять тройка: председатель КГБ Андропов, министр обороны Дмитрий Федорович Устинов и министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко.

Как ни странно, власть триумвирата была хуже, чем единоличное правление Брежнева. Уверенный в себе лидер способен пойти на уступки и компромиссы. А тут каждый из тройки стремился продемонстрировать свою непоколебимость, стойкость. Они загнали страну в жесткую конфронтацию с внешним миром.

Даже на заседаниях политбюро они сидели рядом: Андропов между Громыко и Устиновым. Андропов особенно сблизился с Устиновым, обращался к нему на «ты» и называл его Митей. Председатель КГБ своими сообщениями об агрессивных замыслах империализма помогал Устинову перекачивать в военное производство все большую часть бюджета. Когда Юрий Владимирович станет генеральным секретарем, отношения с Западом настолько ухудшатся, что заговорят об угрозе новой войны...

Советские войска ввели в Афганистан, когда Брежнев был уже совсем болен и оставался лишь номинальным главой государства. Как выразился секретарь ЦК Валентин Михайлович Фалин, «все дела обделывались за спиной генерального. Он переживал упадок разрядки — своего любимого внешнеполитического детища, но ничего поделать уже не мог. Если бы даже захотел».

Андропов в Афганистане попал в ловушку своего ведомства, которое соблазнило простотой решения проблемы:

убрать руководителя страны Хафизуллу Амина, привезти в Кабул своего человека и поставить его у власти. Тайные операции чрезвычайно соблазнительны простотой, дешевизной и секретностью. Потом, правда, все оказывается иначе, но ведь это потом...

Аналитический аппарат КГБ оказался неспособным просчитать последствия ввода войск не только в самом Афганистане, но и вокруг него: прежде всего реакцию исламского мира. А очень скоро настроения мусульман станут важнейшим фактором мировой политики.

Всего через пару лет, в 1982 году, в Ташкенте Комитет госбезопасности уже проводил совещание, нацеливая чекистов на активную борьбу с «реакционным мусульманским духовенством». Когда Андропов станет генеральным секретарем, он прикажет шире развернуть атеистическую работу, потому что в результате вторжения в Афганистан выросла роль исламского духовенства.

Но это уже не поможет. Те, кто ввел войска в Афганистан, поссорились с исламским миром, непосредственно содействовали возрождению религиозных чувств среди мусульманского населения Советского Союза и стремлению исповедующих ислам народов к государственной самостоятельности.

Комитет и партия

Говорят, что если бы не Андропов, а кто-то другой руководил КГБ, репрессии в стране могли принять сталинские масштабы. Это, конечно, не исключено. Находились члены политбюро, которые по каждому поводу требовали жестких мер. Андропов считал, что в массовых репрессиях нужды нет.

Но масштаб и накал репрессий определялись волей генерального секретаря. А Брежнев лишней жестокости не хотел. Писателю Константину Михайловичу Симонову он сказал:

— Пока я жив, — и поправился: — пока я в этом кабинете, крови не будет.

Зато можно с уверенностью сказать, что другой человек на посту председателя КГБ, не наделенный изощренным умом Андропова, не додумался бы до такой всеобъемлющей системы идеологического контроля над обществом.

Комитет рождал не смертельный, как когда-то, но все

равно страх. Партийная власть не была такой страшной. Она была более открытой. Партийным чиновникам можно было попытаться что-то доказать. С тайной властью спорить невозможно. Человека признавали преступником, но это делала невидимая власть. Оправдываться, возражать, доказывать свою правоту было некому и негде. КГБ никогда и ни в чем не признавался.

Член политбюро Виктор Гришин писал в своих воспоминаниях:

«С приходом в Комитет государственной безопасности Андропов отменил все меры по демократизации и некоторой гласности в работе госбезопасности, осуществленные Хрущевым. По существу восстановил все, что было во время Сталина (кроме, конечно, массовых репрессий)...

Он добился восстановления управлений госбезопасности во всех городах и районах, назначения работников госбезопасности в НИИ, на предприятия и учреждения, имеющие оборонное или какое-либо другое важное значение. Органы госбезопасности были восстановлены на железнодорожном, морском и воздушном транспорте...

Вновь стали просматриваться письма людей, почта различных организаций. Восстановлена система "активистов", "информаторов", а проще доносчиков в коллективах предприятий, учреждений, по месту жительства. Опять началось прослушивание телефонных разговоров, как местных, так и междугородних».

Брежнев ввел Андропова в политбюро. Он стал первым после Берии руководителем органов госбезопасности, возведенным на политический олимп. К шестидесятилетию, в 1974 году, Юрий Владимирович получил «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда.

В начале 1980-х годов Советский Союз вошел в полосу тяжелого и необратимого кризиса. Зато империя госбезопасности достигла расцвета. Система территориальных органов охватила всю страну — чекисты обосновались даже в практически необитаемых районах, где не только иностранных шпионов, но и собственных граждан практически не было.

Изменился характер взаимоотношений между партийными структурами и госбезопасностью. Формально все оставалось по-прежнему: КГБ работает под руководством партии. Андропов по каждому поводу писал записку в ЦК и просил санкции. На практике КГБ становился все более самостоятельным.

Андропов подчинялся одному только Брежневу. Остальные члены политбюро не имели права вмешиваться в дела Комитета госбезопасности. Суслов, Косыгин или Кириленко как самые влиятельные руководители партии и правительства могли на заседании политбюро оспорить какие-то слова Андропова, в чем-то ему отказать. Но делали это крайне редко.

КГБ — прерогатива генерального секретаря, и Брежнев не любил, когда вмешивались в его дела. Даже члены политбюро знали не так уж много о работе комитета и остерегались выказывать свой интерес.

Часов в одиннадцать утра председатель КГБ знакомился с предназначенными для членов политбюро особыми, сверхсекретными материалами разведки и контрразведки, после чего лично подписывал их. Вечером он подписывал вторую порцию спецсообщений для политбюро. Их доставляли в запечатанных конвертах. Вскрывать и читать их не имели права даже помощники членов политбюро.

Ощущение власти, собственной значимости, высокого положения в стране наложило отпечаток на личность, манеры и даже выражение лица Андропова.

«Лицо волевое, холодное, губы тонкие, опущенные по краям, — таким запомнил его известный дипломат Олег Алексеевич Гриневский. — Но главное — это прозрачно-голубого, ледяного цвета глаза, которые придавали острую пронзительность его взгляду.

В разговоре с подчиненными держался спокойно, холодно. Мог улыбаться, беседуя с иностранцами. Но взгляд его всегда оставался проницательно-изучающим. Даже когда Андропов смеялся. Такие ледяные глаза я видел еще только у одного человека — президента Ирака Саддама Хусейна».

Ходят разговоры о том, что у Андропова была собственная разведка и личная агентура, с которой он встречался на конспиративных квартирах. И будто бы эта глубоко законспирированная структура и расчищала Андропову дорогу к власти. Сведений о личной разведке Андропова не обнаружено. Но Андропов действительно с некоторыми людьми предпочитал встречаться на конспиративных квартирах Комитета госбезопасности в центре Москвы.

Наверное, ему надоедал скучно и казенно обставленный служебный кабинет. На конспиративной квартире ничто не мешало разговору, который приобретал более свободный и неофициальный характер. К тому же ему не

всегда хотелось, чтобы подчиненные фиксировали, с кем он встречается.

А может быть, чем черт не шутит, Юрий Владимирович и в самом деле хотел ощутить себя настоящим разведчиком, который проводит вербовочные беседы и получает интересующую его информацию. Во всяком случае, шутки у него стали специфическими. Однажды он позвонил дипломату Олегу Трояновскому:

— Олег Александрович, что же вы исчезли? Приезжайте к нам, посадим вас (председатель КГБ сделал многозначительную паузу), напоим чаем.

Он приезжал к девяти утра и уезжал в девять вечера. Днем час отдыхал, потом обедал и возвращался в свой кабинет, который покидал только для того, чтобы доложить срочные бумаги Брежневу, побывать в здании разведки в Ясеневе или пройти процедуры в больнице. В субботу сидел с одиннадцати до шести вечера и даже в воскресенье днем приезжал на несколько часов.

Единственное развлечение, которое он себе позволял, это ежевечерние прогулки — десять тысяч шагов, как советовал личный врач. Когда уходил в отпуск, то две недели проводил в Крыму, а две недели в Минеральных Водах. Председателя КГБ тяжелая болезнь лишила всех иных человеческих радостей, кроме работы и наслаждения властью.

В феврале 1982 года Андропов совершил секретную поездку в Кабул. Считается, что там он тяжело заболел. Афганистан словно мстил за себя. Юрий Владимирович с трудом выздоравливал. А ведь то был самый важный год в его жизни. И остатки здоровья ему были позарез необходимы.

Андропов понимал, что его время уходит с катастрофической быстротой — он слишком болен, чтобы ждать долго. Юрий Владимирович готовился к тому, что произойдет после ухода Брежнева. Он наладил доверительные отношения с академиком Чазовым, который лучше всех был осведомлен о состоянии здоровья Брежнева. Раз-два в месяц он встречался с Чазовым — или у себя в кабинете, или на конспиративной квартире в одном из старых домов неподалеку от Театра сатиры.

Между Андроповым и Чазовым существовала «близость, возникающая между тяжелобольным пациентом и лечащим врачом». Она переросла в доверительные отношения.

«Разговор шел в основном о состоянии здоровья Брежнева, — вспоминает Чазов, — наших шагах в связи с его бо-

лезнью, обстановке в верхних эшелонах власти. Умный и дальновидный политик, с аналитическим складом ума, Андропов, как шахматист, проигрывал возможные варианты поведения тех или иных политических деятелей».

Юрий Владимирович мечтал вернуться в ЦК, что открыло бы ему дорогу к должности генерального секретаря. Его беспокоило «разгоравшееся соперничество» между ним и Черненко. По мере того как Брежнев слабел, Черненко становился для него все более близким человеком.

25 января 1982 года умер Михаил Андреевич Суслов, который был секретарем ЦК тридцать пять лет. Пока Суслов сидел на Старой площади, Андропову не было хода наверх. Суслов не любил Андропова. А теперь освободился кабинет номер два на пятом этаже в первом подъезде основного здания ЦК КПСС. Все ждали, кто его займет.

Брежнев выбрал Андропова. Но почему-то медлил с окончательным решением. Андропов переживал, думая, что это интриги Черненко. Академик Чазов даже поинтересовался у Андропова, отчего задержка с переходом на Старую площадь?

— А вы что думаете, меня с радостью ждут в ЦК? — огорченно ответил Андропов. — Кириленко мне однажды сказал: если ты придешь в ЦК, то ты всех нас разгонишь.

Андрей Павлович оказался прав: Андропов, став генеральным секретарем, помня о старых обидах, первым отправил на пенсию Кириленко, к тому времени тяжело больного человека. Впрочем, Андропов был немногим здоровее...

На переход Андропова в ЦК и поиски нового хозяина Лубянки ушло несколько месяцев. Суслов умер в январе 1982 года, Андропова избрали секретарем ЦК 24 мая. Новым председателем КГБ утвердили генерала Виталия Васильевича Федорчука, который руководил госбезопасностью на Украине.

Андропов, уходя с Лубянки, предпочел бы оставить в своем кабинете Виктора Михайловича Чебрикова, который был его заместителем. Но Андропов был бесконечно осторожен, не хотел, чтобы генеральный решил, будто он проталкивает верного человека, и не назвал своей кандидатуры в разговоре с Брежневым. Леонид Ильич прямо спросил, кого он предлагает вместо себя. Андропов от ответа ушел:

— Это вопрос генерального секретаря.

Брежнев предложил Федорчука, много лет прослужившего в военной контрразведке. Андропову было совершенно

Илья Яковлевич Брежнев — отец Леонида Ильича

Наталья Денисовна Брежнева — мать Леонида Ильича

Л. И. Брежнев с женой Викторией. *1927 г.*

Бригадный комиссар
Л. И. Брежнев. *1942 г.*

Комиссар сводного
полка генерал-майор
Л. И. Брежнев (слева).
24 июня 1945 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.
1964 г.

Виктория Петровна и Леонид Ильич с правнучкой Галей.
Дача «Заречье». 1973 г.

В резиденции федерального канцлера ФРГ Вилли Брандта. *Май 1973 г.*

Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин на трибуне Мавзолея. *1975 г.*

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. В. Зимянин,
Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко. *22 февраля 1978 г.*

Евгения Карловна Файнштейн, мать Ю. В. Андропова. *1931 г.*

Юрий Андропов — курсант Рыбинского техникума водного транспорта

Юрий Андропов с женой Ниной

Первый секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Ю. В. Андропов на митинге. *Карелия, 1943 г.*

Ю. В. Андропов с женой Татьяной Филипповной на отдыхе в Кисловодске. *1956 г.*

Ю. В. Андропов
с женой Татьяной
Филипповной,
сыном Игорем
и дочерью Ириной
в Кисловодске

Ю. В. Андропов
и Густав Гусак.
Январь 1983 г.

Константин Черненко (стоит) — заведующий отделом Новоселовского райкома комсомола. *1929 г.*

Черненко — парторг погранзаставы Хоргос. *1933 г.*

К. У. Черненко с внуком

М. Горбачев

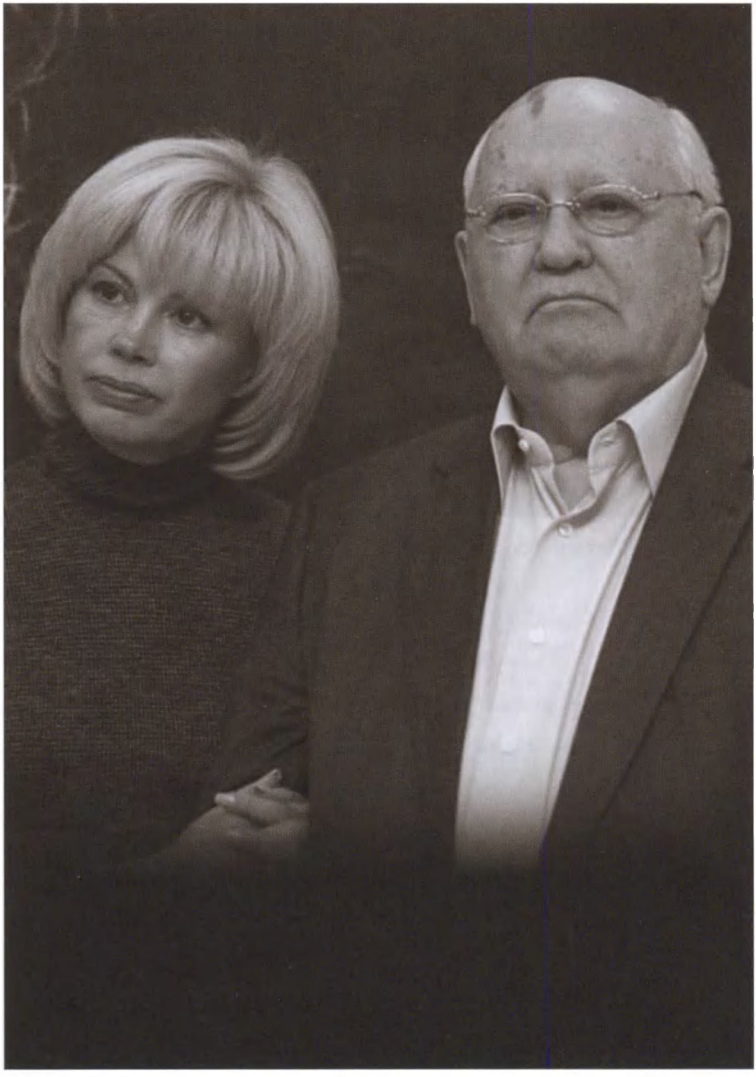
Михаил Горбачев с родителями и младшим братом

Михаил Горбачев
в молодости

С Юрием Андроповым

Михаил Горбачев и Борис Ельцин

Раиса и Михаил Горбачевы



Михаил Сергеевич Горбачев с дочерью Ириной

очевидно, что предложение исходило от генерала Цинева, который курировал особые отделы. Председатель украинского КГБ не входил в число любимцев Андропова, но он не посмел не только возразить, но даже выразить сомнение.

Когда Михаил Сергеевич Горбачев спрашивал Юрия Владимировича, как работает его преемник, он нехотя отвечал:

— Знаешь, я разговариваю с ним только тогда, когда он мне звонит. Но это бывает крайне редко. Говорят, поставил под сомнение кое-какие реорганизации, которые я провел в комитете. В общем, демонстрирует самостоятельность, хотя, как мне передают, очень сориентирован на руководство Украины. Но я не влезаю.

Можно назвать Андропова мнительным, но у него, видимо, были основания опасаться своего преемника.

«Переселившись в кабинет Суслова, — писал бывший секретарь ЦК Валентин Фалин, — Андропов некоторое время остерегался вести в нем, особенно вблизи телефонных аппаратов, разговоры, задевавшие персоналии. Он даже объяснял в доверительной беседе почему: со сменой председателя КГБ новые люди пришли также и в правительственную связь. Похоже, Андропов обладал кое-какими познаниями насчет возможностей, которыми располагала эта служба для негласного снятия информации».

Страна и мир гадали, что принесет с собой новый секретарь ЦК КПСС, какие идеи выдвинет. И мало кто понимал, что второй по значимости кабинет на Старой площади занял тяжело больной человек, чье время на самом деле уже истекало. Генерал Вадим Кирпиченко вспоминал, что Андропов угасал на глазах чекистов. Ему трудно было читать. Он просил помощников читать ему вслух.

Брежневу намекнули, что Андропов слишком болен и не в состоянии руководить страной. Леонид Ильич позвонил академику Чазову:

— Евгений, почему ты мне ничего не говоришь о здоровье Андропова? Мне сказали, что он тяжело болен и его дни сочтены. Я видел, как он у меня в гостях не пьет, почти ничего не ест, говорит, что может употреблять пищу только без соли.

Андропову, как человеку, страдавшему тяжелым поражением почек, действительно еду готовили без соли. Пил он только чай или минеральную воду. Вместо более полновесной пищи ему несколько раз в день приносили натертое яблоко.

Чазов дипломатично ответил, что Андропов действительно тяжело болен, но лечение позволяет стабилизировать его состояние и Юрий Владимирович вполне работоспособен.

— Работает он много, — согласился Брежнев, — но вокруг его болезни идут разговоры, и мы не можем на них не реагировать. Идут разговоры о том, что Андропов обречен. А мы на него рассчитываем. Ты должен четко доложить о его возможностях и его будущем.

Слова Брежнева были плохим сигналом. Здоровых людей среди членов политбюро было немного, но состояние их здоровья оставалось для всех секретом. Если же о ком-то стали говорить как о больном человеке, то ему следовало думать о переходе на покой.

Чазову позвонил и Андропов. Он просил академика о помощи:

— Я встречался с Брежневым, и он меня долго расспрашивал о самочувствии, о моей болезни, о том, чем он мог бы мне помочь. Видимо, кто-то играет на моей болезни и под видом заботы хочет представить меня тяжелобольным, инвалидом. Я прошу вас успокоить Брежнева и развеять его сомнения и настороженность в отношении моего будущего.

В кресле генерального

Но 10 ноября 1982 года Брежнев ушел в мир иной. 12 ноября в Свердловском зале Кремля открылся пленум ЦК. Андропов, который первым появился из комнаты президиума, прошел к трибуне и коротко отдал должное Брежневу:

— Партия и страна понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни крупнейший политический деятель, наш товарищ и друг, человек большой души... Прошу почтить его память минутой молчания.

Отговорив положенный текст, он сказал:

— Пленуму предстоит решить вопрос об избрании генерального секретаря ЦК КПСС. Прошу товарищей высказываться.

Встал Черненко и от имени политбюро предложил избрать генеральным секретарем Андропова. В зале — настоящая овация.

Новому генеральному секретарю ЦК КПСС исполнилось шестьдесят восемь лет. В нашей стране это весьма серь-

езный возраст — немногим удается в такие годы сохранять энергию и динамизм для того, чтобы начать новое дело.

31 декабря, под Новый, 1982 год, помощники повезли Андропова на Московский станкостроительный завод — побеседовать с рабочим классом. Зрелище было печальное. Выглядел Юрий Владимирович неважно, ораторствовать он не умел. И призывать к строгой дисциплине, когда по всей стране уже накрывались праздничные столы, тоже было не совсем уместно.

Назначение Андропова генеральным секретарем породило множество новых шуток. ЦК КПСС предлагали переименовать в ЧК КПСС, а Кремль — в Андрополь. Говорили, что аграрная программа у Юрия Владимировича такая: сажать всех, не дожидаясь весны, и снимать, не дожидаясь осени.

В отличие от Брежнева Юрий Владимирович продолжал работать в здании ЦК на Старой площади. В Кремль приезжал только на заседания политбюро по четвергам. Из своего кабинета на пятом этаже перебрался в тот, что прежде занимал Брежнев. На пятом этаже стоял дополнительный пост охраны. У работников ЦК, имевших право заходить на этот этаж, в пропуске стоял дополнительный штамп.

Приемная генерального секретаря была небольшой. Дежурный секретарь сидел не за обычным столом, а за высокой деревянной стойкой. Самый близкий к генеральному помощник занимал кабинет напротив хозяина, приемная была общей. В кабинете генерального стояли письменный стол и большой стол для совещаний. Когда Юрий Владимирович с кем-то беседовал, то пересаживался за большой стол.

Андропов не произвел впечатления уверенного в себе лидера, который твердо знает, что надо делать. «Какой-то он был одинокий, умученный», — записал Бовин.

Казалось странным, что Андропов сделал вторым человеком Черненко, который вовсе не был его единомышленником. Более того, они не любили друг друга, были соперниками. Когда избрали Андропова, семья Черненко не стеснялась в выражениях относительно нового генсека.

А кого еще мог назначить Юрий Владимирович? Андропов на Старой площади — без году неделя. Он не знал ни партийного аппарата, ни партийных кадров. Вынужден был опереться на Черненко. Когда Андропов пришел в ЦК, он частенько заходил к Черненко — посоветоваться, рас-

спросить, как и что делается в аппарате. Став генеральным, он формально сделал Константина Устиновича вторым секретарем, но на самом деле постарался его отстранить от реальных дел, от принятия ключевых решений.

Из-под Черненко убрали главную опору — заставили уйти с поста руководителя Общего отдела. Он не хотел отдавать эту позицию, которая делала его самым осведомленным человеком в стране. Но Юрий Владимирович методично лишал Черненко рычагов влияния в партийном аппарате.

— Константин Устинович страшно переживал, — вспоминал его помощник Виктор Васильевич Прибытков. — Внешне не показывал, но мы это чувствовали. Летом он ушел в отпуск. Впервые взял меня с собой, и я все наблюдал. Ему из Москвы даже не звонили — второму человеку в партии! Андропов уже болел. На хозяйстве оставался Горбачев, и он решал все без Черненко.

И по сей день не прекращаются споры о том, что намеревался совершить Андропов, если бы прожил подольше, и в каком направлении повел страну. Многие поклонники Андропова уверены, что он провел бы все необходимые экономические реформы, не разрушив государства. Некоторые авторы уверяют, что Андропов намеревался отстранить партию от практического управления страной и передать все правительству, что он вообще хотел создать двухпартийную систему.

Юрий Владимирович был и остается столь популярным политиком, возможно, именно потому, что о нем так мало знают.

«За пятнадцать лет руководства Комитетом госбезопасности Андропов сумел создать о работниках КГБ легенду как о людях наименее коррумпированных, — писал помощник генерального секретаря ЦК КПСС Вадим Алексеевич Печенев. — Я знаю немало красивых сказок об Андропове. Но и лично я его знал и периодически встречался в течение шести-семи лет. Хорошо знаю, что он не демократ и даже не реформатор в современном понимании этих слов».

Уровень представлений Андропова о жизни советского общества характеризует такая забавная история. Его сын Игорь рассказывал коллеге, с которым вместе работал в академическом Институте США и Канады, как он пожаловался отцу, что маляры, ремонтировавшие квартиру, работают из рук вон плохо.

— В чем проблема? — отозвался Юрий Владимирович. — Нужно вызвать их на партийное собрание в домоуправление и там хорошенько пропесочить!..

Опубликованная от имени Андропова в третьем номере журнала «Коммунист» за 1983 год статья «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства» была воспринята многими партийными работниками как «струя свежего воздуха, хлынувшего в застоявшиеся помещения», казалась откровением и свидетельством особой прогрессивности Андропова.

В отличие от прежних утверждений, что в стране уже построен развитой социализм, в статье говорилось, что страна находится только в начале этого длительного исторического этапа. Эти идеи приписывали самому Андропову. В реальности статья была написана большим коллективом во главе с Вадимом Печеневым, который руководил группой консультантов отдела пропаганды, а потом стал помощником генерального секретаря Черненко.

Причем статью начинали писать еще для Брежнева в августе 1982 года. Но Леонид Ильич умер, и статью, посвященную столетию со дня смерти Карла Маркса, стали переделывать под нового хозяина с упором на внутренние дела.

Борис Григорьевич Владимиров, бывший помощник Суслова, «по наследству» перешедший к Андропову, вписал ему в статью такую фразу: «Нам надо понять, в каком обществе мы живем». Фразу поправили. Она появилась в такой редакции: «Нам надо трезво представлять, где мы находимся... Видеть наше общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами — вот что сейчас требуется».

Еще один из авторов статьи — Иван Дмитриевич Лаптев, тогда заместитель главного редактора «Правды», рассказывал, что в текст вставили предложение ликвидировать аппаратные привилегии. Абзац о привилегиях для чиновников вычеркнул сам Андропов.

— Мы не сможем сейчас этого сделать, — объяснил он. — Как иначе мы заставим их дорожить местом, быть исполнительными, меньше воровать? Этот вопрос без серьезной подготовки не решишь. Пока снимем...

Вообще говоря, не очень ясно, почему многие люди возлагали столь большие надежды на Андропова.

Поздней осенью 1982 года страну возглавил человек, которого, не будь он членом политбюро, давно бы перевели на инвалидность. Но его недуги тщательно скрывались, и даже в высшем эшелоне не подозревали, насколько он

плох. В главном партийном архиве страны я держал в руках рабочий календарь генерального секретаря: пустые странички, никаких записей! Редко — одна-две фамилии приглашенных на прием в Кремль. Он мало кого принимал и уж совсем был лишен возможности ездить по стране.

Юрий Владимирович страдал целым букетом тяжелых заболеваний, которые заставляли его почти постоянно находиться в больнице, где ему делали мучительные процедуры. В архивах нашли «Информацию 4-го Главного управления при Минздраве СССР о состоянии здоровья Ю. В. Андропова». Там сказано, что в 1965—1966 годах он перенес «мелкоочаговые» инфаркты миокарда, страдает хроническим заболеванием надпочечников. Периодически переносит приступы гипертонической болезни, пневмонии, страдает хроническим колитом, артритом, плюс мерцательная аритмия, опоясывающий лишай...

Физические недуги подорвали его дух. В 1982 году мы увидели на экранах телевизоров глубоко усталого человека, который с трудом исполняет свои функции. Из пятнадцати месяцев, отпущенных ему после избрания генсеком, он всерьез проработал только восемь. Слабел на глазах. Перестал вставать, когда к нему в кабинет входил очередной посетитель. Все чаще ездил в больницу на гемодиализ. Это было заметно, потому что посетители видели забинтованные запястья.

Дежурный секретарь в приемной генерального Николай Алексеевич Дебилов рассказывал (Коммерсант-власть. 2006. 18 декабря):

— Про больные почки Андропова было известно давно. Но мне казалось, что он страдает не от этой болезни, а от истощения. Вы бы видели его обед! Свежие фрукты и полстакана кипяченой воды с лимоном. И все. У него ни на что не было сил. Выйдет из кабинета, с трудом дойдет до меня, медленно повернется всем телом и тихо говорит: «Я поехал в больницу».

Андропов с трудом мог встать из-за стола. Когда он шел, его поддерживали два охранника. Он проработал всего несколько месяцев, а потом оказался в больнице, откуда уже не вышел.

Физическая немощь и постоянные страдания — неудачный фон для реформаторской деятельности. Тем более что давних, выношенных планов Андропов не имел.

— Никакой цельной программы у Андропова не было, — рассказывал Владимир Крючков в интервью «Красной

звезде», — он считал, что сначала надо разобраться в обществе, в котором мы живем. Он считал, что надо постепенно определиться, а уж спустя четыре-пять лет...

Но разработать новую программу — на это ему в любом случае не хватило бы ни сил, ни времени. Да и какие же идеи мог предложить стране Андропов? Все это были наивные представления о порядке и дисциплине, воплотившиеся тогда в массовых облавах, которые устраивались в рабочее время в магазинах, банях и кинотеатрах, чтобы выявить прогульщиков и бездельников. Было это унизительно и оскорбительно.

Поклонники Андропова говорят, что облавы в Москве — это не его идея. Дескать, милиция перестаралась. Нет, похоже, милиция строго исполняла волю генсека.

5 июля 1983 года Андропов собрал секретарей ЦК и перечислил важнейшие задачи. Аппарату ЦК укреплять связи с обкомами, чтобы лучше знать положение дел. Наладить контроль и изучать кадры, чаще выезжать на периферию.

Отдельно говорил о дисциплине.

— По Москве, — возмущался генеральный секретарь, — в рабочее время бродят тысячи бездельников. Как правило, управленцев и сотрудников научно-исследовательских институтов. Подтягивание дисциплины — это не кампания, а долговременная задача.

Разговаривая с председателем Совета министров России Виталием Ивановичем Воротниковым, Андропов недоумевал:

— Почему нет носков, полотенец? Почему в ЦК идут простейшие просьбы — до гуталина и зубных щеток? Все просят, ноют, уповают на центр. Так легче.

Но не понимал, что существующая экономическая система не в состоянии обеспечить людей тем, что им нужно, и не пытался понять.

Один из руководителей отдела ЦК по соцстранам Георгий Шахназаров осторожно заговорил с Андроповым о том, что военные расходы очень велики, стране трудно. Зачем тратить такие деньги на создание океанского флота, строить авианосцы, заводить военно-морские базы в странах третьего мира?

— Все дело как раз в том, что основные события могут разгореться на океанах и в третьем мире, — возразил Андропов. — Туда, в развивающиеся страны, перемещается поле битвы. Там поднимаются силы, которых империализму не одолеть. И наш долг им помочь. А как мы сумеем сделать

это без сильного флота, в том числе способного высаживать десанты?

— Юрий Владимирович, — взмолился Шахназаров, — ведь мы себе живот надорвем. Мыслимо ли соревноваться в гонке вооружений по существу со всеми развитыми странами, вместе взятыми?

Андропов ему ответил:

— Ты прав, нам трудно. Но мы еще по-настоящему не раскрыли и сотой доли тех резервов, какие есть в социалистическом строе. Много у нас безобразий, беспорядка, пьянства, воровства. Вот за все это взяться по-настоящему, и я тебя уверяю, силенок у нас хватит.

Георгий Шахназаров понял, что продолжение разговора бессмысленно.

— Он поддержал тезис, — вспоминал начальник информационно-аналитического управления разведки генерал-лейтенант Николай Сергеевич Леонов, — что Советский Союз должен иметь военный потенциал, равный суммарному потенциалу Соединенных Штатов, остальных стран НАТО и Китая. Когда мы услышали от него эту формулу, то, скажу честно, потеряли дар речи.

К моменту избрания Андропова генсеком в ряде областей ввели талоны на продукты. По признанию тогдашнего главы Совета министров РСФСР Виталия Воротникова, уже невозможно стало вести огромное народное хозяйство страны старыми методами. Госплан, Госснаб, Министерство финансов были не в состоянии проворачивать маховик экономического механизма. Настоятельно требовались реформы...

Увы! «Единственное, — пишет Крючков об Андропове, — в чем он, и, пожалуй, не без некоторых оснований, считал себя профаном, так это область экономики, чего он, кстати, и не скрывал».

1 сентября 1983 года Андропов провел последнее заседание политбюро и ушел в отпуск. Он в тот же день прилетел в Симферополь, а не в Кисловодск, где обычно отдыхал. Андропов почувствовал себя лучше и перебрался в горы, в правительственную резиденцию «Дубрава-1», где отдыхали и охотились Хрущев и Брежнев. Андропову там понравилось, он дышал свежим воздухом. Звонил в Москву и говорил веселым, бодрым голосом. Но именно там он простудился.

— В один из дней Юрий Владимирович захотел прогуляться в заповеднике, — вспоминал тогдашний начальник

Девятого отдела управления КГБ по Крымской области полковник Лев Николаевич Толстой (*см.*: Комсомольская правда. 2001. 14 сентября). — Он любил лес и горные речки. Но так как Андропов уже сильно болел, а на дворе стоял сентябрь и в горах похолодало, мне дали задание оборудовать места его остановок во время прогулок. Лесники и сотрудники КГБ за несколько дней сделали и установили на двух полянах деревянные лавки и покрыли их пледами. Да и места подобрали такие, где не было сильных сквозняков, тени и влажности. Андропов в армейской накидке и с пледом провел на полянах и в резиденции несколько часов. При этом был очень задумчив. Накрыли скромный обед. Юрий Владимирович произнес тост за хорошую прогулку, мы выпили по бокалу шампанского. Причем сам Андропов не пил. А через неделю мы везли Андропова в реанимационной машине в аэропорт.

А уже после его смерти, жаловался произведенный в генералы Лев Толстой, академик Чазов заявил, что обострение болезни у покойного генсека случилось именно в Крыму, и обвинил во всем сотрудников 9-го управления: мол, это они разрешили Андропову сидеть на голых камнях...

Заместителю председателя КГБ генералу Виктору Федоровичу Грушко в 1990 году Толстой рассказывал эту историю иначе:

— Андропов прошелся немного пешком и присел на скамейку передохнуть. Неожиданно он сказал, что чувствует сильный озноб. Его состояние ухудшалось на глазах. Теплая одежда не помогала.

Юрия Владимировича срочно отправили вниз на госдачу, а оттуда — в аэропорт.

— Трап подали не со стороны здания аэропорта, — вспоминал Толстой, — а со стороны летного поля. Мы под руки завели Андропова в самолет...

В Москве Юрия Владимировича сразу повезли в Центральную клиническую больницу, откуда он уже не выйдет. Тяжкая болезнь лишила его организм иммунитета, и даже простуда превратилась в смертельную опасность. У него развился абсцесс, который оперировали, но остановить гнойный процесс не удалось. Чазова срочно вызвали из зарубежной командировки. Но он почти сразу понял, что жить Юрию Владимировичу осталось всего несколько месяцев.

Жена, Татьяна Филипповна, тоже болела. Он просил каждый день его соединять по телефону с женой, писал ей стихи.

На ноябрь 1983 года был назначен пленум ЦК, Андропов до последней минуты надеялся, что врачи поставят его на ноги и он сумеет выступить. Пленум постоянно откладывали. Андропов пытался работать, вызывал к себе в больницу помощников, руководителей аппарата ЦК и правительства. Но силы уходили, он становился немногословным и замкнутым.

Он и прежде был склонен верить слухам и сплетням, теперь его мнительность усилилась. Позвонил своему выдвиженцу, секретарю ЦК Николаю Ивановичу Рыжкову:

— Так вы на политбюро приняли решение о замене генерального секретаря?

Рыжков, боготворивший Андропова, изумился:

— Да что вы, Юрий Владимирович, об этом и речи не было!

Но Андропов не успокоился и спросил, какое материальное обеспечение ему определят, если отправят на пенсию. Николай Иванович просто не знал, что ответить.

Вероятно, пишет академик Чазов, тяжело больному Андропову закралась в голову мысль, что соратники уже списали его со счетов, и он решил проверить их преданность. Но никто в партийном руководстве и помыслить себе не мог отправить генерального секретаря на пенсию — он оставался неприкосновенной персоной, хотя, учитывая его состояние, это было бы самым естественным шагом.

В середине ноября Андропов, впавший в депрессию, ощутивший безнадежность своего состояния, предупредил Чазова:

— Я прошу вас о моем тяжелом состоянии, о прогнозе развития болезни никого не информировать, в том числе и Горбачева. Если у вас возникнет необходимость посоветоваться, обращайтесь только к Дмитрию Федоровичу.

Чазов пришел к министру обороны Устинову. Выяснилось, что Дмитрий Федорович даже не подозревал, насколько плох его друг Юрий Владимирович. На следующий день Устинов сам позвонил Чазову и попросил его зайти еще раз.

— Знаешь, Евгений, — сказал министр обороны, — ситуация во всех отношениях очень сложная. Давай пригласим Чебрикова. Он очень близкий Юрию Владимировичу человек, и вместе посоветуемся, что делать. К тому же он располагает большой информацией о положении в ЦК и в стране.

Устинов не хотел в одиночку нести тяжкий груз ответственности. Получалось, что он один обладал важнейшей

информацией и скрыл ее от остальных членов политбюро. Через полчаса председатель КГБ уже был на улице Фрунзе. Выслушав Чазова, осторожный Виктор Михайлович предложил рассказать обо всем Черненко. За этим читалась простая мысль: если Андропов безнадежен, следующим руководителем станет Черненко, и от него ничего не надо скрывать.

— Ты только предупреди Константина Устиновича, — сказал Чазову министр обороны, — что информация конфиденциальная и что Юрий Владимирович просил ни с кем не обсуждать тяжесть его болезни...

Но чего стоили эти слова, если те уже не прислушались к просьбе умирающего Андропова? Разумеется, информация о состоянии генерального секретаря немедленно распространилась, и высокопоставленные чиновники под разными предлогами пытались выведать у Чазова реальное состояние дел.

4 декабря Горбачев поделился с Воротниковым грустными впечатлениями от встречи с Андроповым:

— Состояние его здоровья плохое. Его посещают помощники. Иногда Черненко. Юрий Владимирович недостаточно точно информирован, переживает за дела. Ты бы позвонил ему.

Воротников немедленно попросил соединить его с палатой генерального секретаря, доложил о ходе дел в республике, сочувственно спросил, как Юрий Владимирович себя чувствует.

— Хорошо, что позвонил, — сказал Андропов. — Спасибо. Я здесь залежался, невольно оторван от дел, хотя это сейчас недопустимо. Но что поделаешь... Удовлетворен твоей информацией. Желаю, дорогой Виталий Иванович, успехов. Спасибо тебе сердечное. Привет товарищам.

Чазов предупредил Горбачева, что жить Андропову осталось один-два месяца, не больше. Михаил Сергеевич так же откровенно поделился с Чазовым намерением уговорить Андропова на пленуме ввести в политбюро главу российского правительства Воротникова и председателя Комитета партийного контроля при ЦК Михаила Сергеевича Соломенцева, кандидатом сделать председателя КГБ Чебрикова, а секретарем ЦК — главного партийного кадровика Егора Кузьмича Лигачева.

— Это наши люди, — твердо сказал Горбачев, — они будут нас поддерживать в любой ситуации.

Михаил Сергеевич попросил Андропова о встрече.

«Осунувшееся, отечное лицо серовато-воскового цвета, — таким Юрий Владимирович запомнился Горбачеву. — Глаза поблекли, он почти не поднимал их, да и сидел, видимо, с большим трудом».

Умирающему Андропову было не до кадровых перемен. Но Михаил Сергеевич убедил генсека, что такие дела не откладываются. Он предпринимал все усилия, чтобы укрепить свои позиции внутри политбюро. Михаил Сергеевич боялся изоляции и подбирал себе союзников в послеандроповском политбюро.

Лигачеву он многозначительно сказал:

— Егор, я настаиваю, чтобы тебя избрали секретарем. Скоро пленум, и я над этим вопросом усиленно работаю.

Лигачев оценил заботу Михаила Сергеевича.

Через несколько дней Лигачеву позвонил помощник генсека Павел Павлович Лаптев:

— Егор Кузьмич, вам надо побывать у Юрия Владимировича. Он приглашает вас сегодня, в шесть вечера.

Лигачев спросил, куда ехать.

— За вами приедет машина, — объяснил Лаптев, — и вас отвезут.

Через много лет Егор Кузьмич Лигачев рассказывал мне:

— Юрий Владимирович — вообще мужественный был человек. Заходишь к нему в кабинет, видишь его и чувствуешь это страдание. А он о деле говорит, ведет беседу, переговоры, заседания... А тут он пригласил меня к себе в больницу. Я страшно переживал после этой встречи, потому что я его не узнал.

Зашел в палату, — продолжал Лигачев, — вижу: сидит какой-то человек. Пижама, нательная рубашка, что-то еще такое домашнее. Тут капельница, кровать. Я подумал, что это не Юрий Владимирович, а какой-то другой человек, а к Андропову меня сейчас проводят. А потом почувствовал, что это он. Ну, он это отнес, наверное, просто на счет моего волнения. Сели. Он говорит:

— Ну, расскажи, как ты живешь, чем занимаешься, какие проблемы.

А я понимал, что долго докладывать не могу, потому что человек болен. Доложил кратко по работе. Потом еще минут десять-пятнадцать поговорили, чаю попили. Он сказал:

— Егор Кузьмич, решили вас дальше двигать.

Я поблагодарил и поехал.

Это было в декабре, а в феврале он ушел из жизни...

16 декабря утром к Андропову в больницу доставили посла Олега Гриневского, руководителя советской делегации на переговорах в Стокгольме о разоружении в Европе.

«В палате, — вспоминал Гриневский, — сидел какой-то сгорбленный человек с лохмами седых волос. Сначала я даже не понял, кто это, и только потом дошло — передо мной сам генеральный секретарь ЦК КПСС. Он очень сильно изменился — еще больше похудел, осунулся и как-то сник».

Андропов слушал Гриневского не больше пяти минут. Потом заговорил сам:

— Впервые после Карибского кризиса Соединенные Штаты и Советский Союз уперлись лбами. Американцы хотят нарушить сложившийся стратегический паритет и создать возможность нанесения первого обезоруживающего удара. А наша экономика в плачевном состоянии, ей нужно придать мощное ускорение, но наши руки связаны афганской войной. Нам не удалось помешать размещению их средних ракет в Европе. Тут нужно честно сказать: мы проиграли.

Андропов замолчал, а потом сказал то, ради чего, вероятно, и вызвал Олега Гриневского в больницу:

— У меня к вам просьба. У вас в делегации работает мой сын Игорь. Он хороший человек, честный и добрый, но вокруг него вьется свора прихлебателей, которые спаивают его и мешают работать. Гоните их прочь. Создайте дружную команду. Нацельте ее на работу, а не на гуляние по кабакам.

«Андропов, — вспоминал академик Арбатов, — выделялся среди тогдашних руководителей равнодушием к житейским благам, а также тем, что в этом плане держал в "черном теле" семью».

Игорь Юрьевич Андропов после окончания Института международных отношений работал несколько лет в академическом Институте США и Канады. Юрий Владимирович попросил директора института Арбатова об одном:

— Загружай его побольше работой.

Однажды недовольно сказал, что сын совсем зарвался — просит поменять ему двухкомнатную квартиру на трехкомнатную, хотя вся семья — он, жена и ребенок... Когда Арбатов рассказал, что детям руководителей партии и государства продали по дешевке партию «мерседесов» и «вольво», Андропов вспыхнул:

— Если в твоих словах содержится намек, знай — у меня для всей семьи есть только «Волга», купленная за наличные восемь лет назад.

Игорь Андропов перешел в Дипломатическую академию, откуда его вытащил Анатолий Гаврилович Ковалев, будущий заместитель министра иностранных дел. Он взял Андропова-младшего с собой в Мадрид, где шли долгие и муторные переговоры по сотрудничеству и безопасности в Европе.

«По МИДу легенды ходили о их необыкновенной и неразрывной дружбе, — вспоминал Гриневский, — и жили бок о бок, и работали в одной упряжке, и отдыхали вместе. И насколько легче потом стало Ковалеву пробивать нужные ему решения через головы упершихся ведомств».

Отец заботился о сыне. В состав делегации, работавшей в Стокгольме, входил представитель КГБ. Им стал генерал Борис Семенович Иванов из разведки. Гриневский очень скоро понял, что главная задача генерала — безопасность сына генерального секретаря. Командировка в комфортный Стокгольм была платой за службу Бориса Иванова в Афганистане. Вокруг Игоря Андропова, по словам Гриневского, действительно вилась свора псевдодрузей, которые зазывали его то в баню, то в ресторан, то еще куда-нибудь, где можно было хорошо выпить.

«А после смерти отца, — писал Гриневский, — вокруг него не осталось никого. Все — я не преувеличиваю, кто хотел дружить с ним, отвернулись от него. Даже любимая жена ушла».

Игорь Андропов был тогда женат на народной артистке СССР Людмиле Алексеевне Чурсиной. Она рассказывала мне о нем с большим сочувствием:

— Он очень переживал, что воспринимался только как сын отца. Израненная душа...

Брак оказался недолгим. Он вернулся к первой жене Татьяне Владимировне Квардаковой, которая когда-то училась на филологическом факультете МГУ вместе с его сестрой Ириной.

После смерти отца Игорь Юрьевич уехал послом в Грецию. Через пару лет его вернули, сделали послом по особым поручениям в центральном аппарате министерства. Он, как и отец, тяжело болел. В 1998 году ушел на пенсию, писал книгу об отце, но не успел — умер в середине июня 2006 года. Его дети от первого брака — дочь Татьяна, хореограф (работала в Большом театре), и сын Константин, дизайнер, — переселились в Соединенные Штаты. Потом вернулись. Татьяна умерла совсем молодой от неизлечимой болезни.

Дочь Юрия Андропова Ирина была замужем за Михаилом Ивановичем Филипповым, актером Театра имени Маяковского, который женился потом на Наталье Гундаревой. Ирина Андропова работала в издательстве «Молодая гвардия», потом была заместителем главного редактора журнала «Советская музыка».

А в юности Ирина Андропова сама мечтала стать актрисой, собиралась поступать в ГИТИС. Главный режиссер Театра на Таганке Юрий Петрович Любимов рассказывал, что дети Андропова приходили к нему проситься в театр сразу после школы (см.: Аргументы и факты. 2004. № 26):

— Мы, мол, тоже хотим в актеры. Девочка и мальчик. Я им говорю: институт окончите сначала. А они рыдают. Но папа, как потом оказалось, тоже не хотел, чтобы дети становились актерами...

26 декабря 1983 года открылся пленум ЦК, который из-за Андропова откладывали до последнего. Черненко сказал, что Юрий Владимирович, к сожалению, не может присутствовать на пленуме, но просил рассмотреть организационные вопросы:

— Предлагается избрать членами политбюро товарищей Соломенцева и Воротникова, кандидатом в члены политбюро — Чебрикова, секретарем ЦК — Лигачева. Товарищу Капитонову — сосредоточиться на вопросах, связанных с развитием производства товаров народного потребления, бытовых и других социальных проблемах.

Все кадровые идеи Горбачева были воплощены в жизнь. Многолетняя работа Ивана Васильевича Капитонова по подбору и расстановке высших кадров закончилась. Лигачев перешел в высшую лигу.

Без генерального секретаря пленум был пустой.

Зачитали письмо Андропова. Ничего нового и интересного в нем не было. Все те же призывы наладить систему управления, укрепить дисциплину и лично отвечать за порученное дело. Зачитанные от его имени слова не вдохновляли:

— В общем, наметился положительный сдвиг в народном хозяйстве. Все это подтверждает правильность выработанной линии, реальность и обоснованность поставленной партией задачи по развитию экономики, преодолению имеющихся трудностей.

Те, кто в те дни ходил в обычные магазины, не могли разделить оптимизма авторов андроповской речи. По мнению академика Чазова, Юрий Владимирович просто под-

писал текст, подготовленный помощниками, потому что работать уже не мог.

На следующий день новоизбранные руководители звонили Андропову в больницу, благодарили.

— Ну что ж, поздравляю, — сказал Андропов усталым, глухим голосом Воротникову. — Спасибо, что позвонил, еще раз поздравляю тебя, всего доброго.

В начале января у Андропова побывал академик Георгий Арбатов. Его включили в группу, которая писала генеральному секретарю предвыборную речь — намечались выборы в Верховный Совет.

«В палате, — писал Арбатов, — Юрий Владимирович почему-то сидел в зубоврачебном кресле с подголовником. Выглядел ужасно — я понял: умирающий человек. Говорил он мало, а я из-за ощущения неловкости, незнания, куда себя деть, просто чтобы избежать тягостного молчания, без конца что-то ему рассказывал. Когда я уходил, он потянулся ко мне, мы обнялись. Выйдя из палаты, я понял, что он позвал меня, чтобы попрощаться».

О том же думали потом и другие, кто побывал у Юрия Владимировича в те последние недели. 18 января 1984 года у Андропова побывал Рыжков. Николай Иванович ездил в Австрию на съезд коммунистов. Вернувшись, поинтересовался у Черненко, кому сдать отчет о поездке. Черненко посоветовал:

— Андропов тобой интересовался. Позвони, ему и расскажешь.

Рыжков соединился с ЦКБ.

— Чем вы сейчас заняты? — спросил Юрий Владимирович. — Приезжайте к пяти, поговорим.

Минут сорок Рыжков докладывал о делах, потом сказал:

— Меня предупредили, чтобы я вас не утомлял. Мне хотелось бы побольше побыть с вами, но не то место.

Андропов поманил его пальцем:

— Наклонитесь. — Не вставая, притянул Рыжкова за шею, поцеловал в щеку и сказал: — Идите. Всё.

Рыжков уверен, что так Андропов с ним попрощался.

20 января 1984 года Андропов позвонил из больницы Виталию Воротникову, поздравил с днем рождения, пожелал плодотворной работы. Голос генсека показался Воротникову на удивление бодрым. Виталий Иванович осторожно поинтересовался у Андропова о самочувствии.

— Настроение хорошее, — ответил Юрий Владимирович, — но пока в больнице. Надеюсь на благополучный исход.

О здоровье он ни с кем не хотел говорить. И все избегали этой темы.

Трудящиеся Москвы выдвинули генерального секретаря ЦК КПСС, председателя президиума Верховного Совета СССР Юрия Владимировича Андропова кандидатом в депутаты Верховного Совета. Работа над предвыборной речью шла полным ходом. Но произнести ее будет некому. Андропов угасал.

Юрий Владимирович не мог обходиться без аппарата, заменявшего почку. Каждый сеанс диализа, очищения крови, продолжался несколько часов. Это была тяжелая, выматывающая процедура. Постепенно у него отказали обе почки. Это вело к тому, что переставали работать печень, легкие. Пришлось прибегнуть к внутривенному питанию.

Охранникам пришлось возиться с ним, как с ребенком. Его носили на руках. Видел он только одним глазом. Когда читал книгу или служебную записку, дежурный охранник переворачивал ему страницы.

«Мне было больно смотреть на Андропова, лежащего на специальном безпролежневом матрасе, малоподвижного, с потухшим взглядом и бледно-желтым цветом лица больного, у которого не работают почки, — пишет академик Чазов. — Он все меньше и меньше реагировал на окружающее, часто бывал в забытьи».

В последние дни к нему приехал Черненко.

«Это была страшная картина, — вспоминал Чазов. — Около большой специальной кровати, на которой лежал изможденный, со спутанным сознанием Андропов, стоял бледный, задыхающийся, растерянный Константин Устинович, пораженный видом и состоянием своего друга и противника в борьбе за власть».

Игоря Андропова привезли в Москву из Стокгольма, где он находился с советской делегацией на переговорах. Он застал отца уже без сознания. Врачи ни на что не надеялись.

9 февраля 1984 года, в четверг, в одиннадцать утра началось заседание политбюро. До начала в ореховой комнате Константин Устинович Черненко сказал членам политбюро, что состояние Андропова резко ухудшилось:

— Врачи делают все возможное. Но положение критическое.

Без десяти пять вечера Андропов умер.

Через час с небольшим, ровно в шесть вечера, всех членов политбюро вновь собрали в Кремле. Константин Устинович сообщил, что все кончено.

10 февраля 1984 года заседание политбюро началось в полдень.

— Нам надо решить два вопроса, — с трудом выговорил Черненко. — О генеральном секретаре ЦК и о созыве пленума.

Глава правительства Николай Александрович Тихонов сразу же предложил кандидатуру Черненко. Остальные поддержали.

— На заседание политбюро помощников не позвали, — рассказывал мне Виктор Прибытков. — Мы переживали, с ребятами в коридоре курили. Никто ничего не знал. Часа в три звонок Константина Устиновича: зайди. Захожу, он сидит один, пиджак снял, галстук ослабил, взгляд какой-то отрешенный. Потом: давай там, скажи ребятам, Вадиму Печеневу, напишите для меня текст, болванку для пленума. — Сделал паузу и добавил: — Как для генерального секретаря.

Я понял, что вопрос решен.

Была ли у Михаила Сергеевича Горбачева возможность стать преемником Андропова?

Помощник Андропова Аркадий Иванович Вольский много позже рассказал историю, показавшуюся сенсационной:

— Во время пребывания Андропова в больнице каждый помощник навещал его там в строго определенный день. Моим днем была суббота. Однажды, незадолго до пленума ЦК, я приехал к нему с проектом доклада. Андропов прочитал его и сказал: «Приезжайте ко мне через два дня». Когда я вновь приехал, то увидел в тексте доклада приписку: «Я считаю, что заседания секретариата ЦК должен вести Горбачев», и роспись на полях — «Андропов».

А тот, кто вел заседания секретариата, всегда считался вторым человеком в партии. Получается, что Андропов хотел, чтобы полномочия второго лица перешли от Черненко к Горбачеву. Я, слегка ошалевший от таких серьезных перемен, приехал к ответственному за печатание доклада заведующему общим отделом ЦК Боголюбову: «Смотрите, ребята, поправка серьезная! Надо немедленно внести!»

Прихожу как член ЦК на пленум. Черненко зачитывает доклад. Этой поправки нет! Едва я возвращаюсь на работу, как сразу звонит Андропов. Я столько выслушал незаслуженного в свой адрес: «Кто это сделал? Немедленно найти!» Сразу после этого ко мне заходит секретарь ЦК по экономике Николай Рыжков: «Он тебе тоже звонил? На меня так наорал!» До сих пор не знаю, кто выкинул эту поправку. Скорее всего, Черненко...

Рассказ Аркадия Вольского вызвал большой интерес у журналистов и историков. Обратились к самому Горбачеву.

— Сам я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию, — деликатно ответил Михаил Сергеевич. — Никакого разговора со мной со стороны Андропова, Черненко или того же Вольского не было.

Если бы Андропов и написал что-то подобное, это не могло сыграть сколько-нибудь значимой роли при избрании его преемника. Даже ленинское завещание в свое время оставили без внимания, не то что предсмертную волю Андропова.

С момента последней болезни Андропова именно в руках Константина Устиновича оказались рычаги управления страной. Он заменил Андропова, он работал с аппаратом. На него ориентировался партийный аппарат. Приход к власти Черненко после смерти Юрия Владимировича был так же предрешен, как и утверждение самого Андропова генсеком после смерти Брежнева.

11 февраля 1984 года Черненко собрал комиссию по организации похорон Андропова. Докладывал первый секретарь Московского горкома Виктор Гришин:

— Дом союзов, где будет проходить прощание с Юрием Владимировичем Андроповым, полностью подготовлен. Я утром был там. Всю ночь там работали люди, все подготовили. Гроб с телом покойного будет доставлен туда в 11.35. Примерно к 13.30 все будет закончено. Определены места сбора членов ЦК. Для составления почетного караула будет использован Круглый зал. Организовано два медпункта и два пункта скорой помощи. Определены места для родных и близких покойного...

Дом союзов взят под охрану. Прохождение трудящихся будет осуществляться, как обычно, через подъезд с Пушкинской улицы. После прохода мимо гроба они выходят в Георгиевский переулок и потом по переулку — на улицу Войкова, то есть на проспект Карла Маркса. Составлен график прохождения через Дом союзов и прощания с покойным. Всего в прощании примет участие около ста тридцати тысяч трудящихся Москвы...

Определены двести человек, которые понесут венки. Выделены военнослужащие, которые будут нести награды умершего. Траурный митинг состоится на Красной площади 14 февраля в двенадцать часов дня. В нем будут участвовать трудящиеся всех районов Москвы, всего двадцать четыре тысячи человек. В центре города, вокруг Дома союзов

в эти дни магазины будут закрыты. ГУМ 14 февраля не будет работать до трех дня. Делегации районов, участвующих в траурном митинге, будут иметь по два красных знамени с траурными лентами и по четыре портрета Юрия Владимировича Андропова на каждые пятьсот человек.

После Гришина Константин Устинович предоставил слово председателю КГБ.

— Для координации осуществления всех мер, — сообщил Виктор Чебриков, — у нас создан оперативный штаб, возглавляемый первым заместителем председателя комитета, на которого возложено непосредственное руководство всеми деталями и проведением всех мероприятий, которые будут осуществляться в Москве. По линии разведки за рубежом осуществляются меры по усилению слежения за действиями противника, своевременного вскрытия и предупреждения подрывных враждебных акций.

— Детали здесь, видимо, не надо обсуждать, — остановил его Черненко.

— Кремль для прохода посетителей во время похорон будет закрыт, — сменил тему Чебриков. — На подходах к Дому союзов и на Красной площади устанавливается пропускной режим. Расставлены люди в районах площадей, на улицах, по трассам. Усилена охрана определенных зданий. Сейчас проводится работа по обеспечению безопасности проезда в Москву участников пленума ЦК. Просматриваются все самолеты, поезда, все виды транспорта, которыми они приедут. Везде организовано круглосуточное дежурство. Прошу только разрешить один вопрос. Надо дать Комитету государственной безопасности, Министерству внутренних дел, Министерству гражданской авиации и Министерству путей сообщения согласие на проведение мер по ограничению допуска приезжающих в Москву. Вся система у нас отработана.

Черненко согласно кивнул:

— Давайте условимся дать такое согласие...

Горбачев тоже принял участие в обсуждении:

— Пока мы все здесь, можно посоветоваться. Значит, мы после пленума ЦК идем всем составом для прощания в Колонный зал. В прошлый раз после этого секретарей обкомов партии (и, видимо, так и сейчас следует сделать) отправили сразу на места.

— Да, всем надо быть на местах, — подтвердил Черненко. — Совершенно верно.

— Тогда мы их отправим, — констатировал Горбачев. — Надо контролировать обстановку на местах.

После этого руководство страны отправилось в Дом союзов прощаться с Андроповым.

13 февраля в Свердловском зале Кремля провели пленум ЦК. Тихонов повторил свое предложение избрать генеральным секретарем Черненко. Потом Константин Устинович произнес очень неплохо написанную речь. В помощниках у него состояли лучшие перья того времени.

Пленум продолжался меньше часа.

14 февраля в полдень началась похоронная церемония на Красной площади. Речь на траурном митинге произнес новый генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко. Микрофоны были включены, и вся страна услышала слова Черненко, не предназначавшиеся для других. Он неуверенно спросил своего соседа Тихонова:

— Шапки снимать будем?

И сам выразил сомнение:

— Морозно.

Члены политбюро пожалели себя и решили не снимать.

— Страшно вспоминать, — говорила потом Раиса Максимовна Горбачева, — но на похоронах Андропова я видела и откровенно счастливые лица.

ЧЕРНЕНКО
ГЕНИЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Тогда он выкарабкался

В декабре 1984 года генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель президиума Верховного Совета СССР Константин Устинович Черненко вручал золотые звезды Героев Социалистического Труда главе Союза писателей Георгию Мокеевичу Маркову, главному редактору журнала «Октябрь» Анатолию Андреевичу Ананьеву и академику-секретарю Отделения литературы и языка Академии наук СССР Михаилу Борисовичу Храпченко.

Все трое давно ждали этого счастливого момента. Очень просили, чтобы вручил именно генеральный, — это имело значение в аппаратной жизни. Наконец, назначили день. Но тяжело болевший Черненко был уже плох.

Его старший помощник Виктор Васильевич Прибытков, который много лет проработал со своим шефом и тонко понимал его состояние, за неделю предупредил заведующего отделом культуры ЦК Василия Филимоновича Шауро (он ведал писательскими делами, и все трое награждаемых были его подопечными):

— Василий Филимонович, давайте отложим. Может быть, к концу года получше будет.

И с руководителем общего отдела ЦК Клавдием Михайловичем Боголюбовым условились, что награждения в графике генерального секретаря не будет. А утром назначенного дня Черненко из Центральной клинической больницы, которая располагается на улице Маршала Тимошенко, неожиданно сам позвонил Прибыткову:

— Здравствуй, как там, на воле?

— Да ничего, приеду — доложу.

— Ты скажи мне, почему у меня нет бумаг, связанных с вручением наград писателям?

Опытный Прибытков и бровью не повел:

— Константин Устинович, через час все будет.

Не стал, конечно, говорить, что договорились перенести вручение.

В здание ЦК на Старой площади с бригадой реаниматоров и необходимой аппаратурой заранее приехала лечащая врач генсека Зоя Васильевна Осипова. Аппаратуру развернули в комнате отдыха. Сам Черненко появился в своем кабинете за час до вручения.

В его приемной дежурил Евгений Иванович Калгин, оставшийся от прежнего генсека Юрия Владимировича Андропова. Он позвонил Прибыткову:

— Просит тебя зайти.

Помощник зашел в комнату отдыха и сам испугался: Константин Устинович в одной рубахе полулежит в кресле, к нему подключены какие-то трубки. Генсек пошутил:

— Ну что, не нравлюсь я тебе?

Отдать должное Константину Устиновичу — он собрался с силами, провел церемонию награждения, пошутил, задыхаясь, выжал из себя несколько слов. Но надолго его не хватило. Когда прикалывал «Золотую Звезду» последнему из награжденных, покачнулся. Его вовремя поддержал начальник личной охраны Владимир Маркин. Черненко сделал это из последних сил. Чувство долга.

Каждое слово генерального секретаря ловили на лету. Поэта Егора Александровича Исаева, лауреата и депутата, вызвали в отдел культуры ЦК и попросили откликнуться на выступление Черненко. Исаев притащил в «Правду» проникновенный подвал:

«Вспоминаю замечательную речь Константина Устиновича Черненко на нашем юбилейном писательском пленуме. В ряду других высказанных им глубоких положений меня, как поэта, особенно поразила формула — "воспитание историей". Два слова, а какой глубокий смысл — нравственный и политический — заложен в них!»

Черненко цеплялся за жизнь, бодрился, не давал себе послабления. Но к концу 1984 года он уже не каждый день приезжал в ЦК. И то просиживал всего несколько часов, задыхался. Он страдал тяжелой и неизлечимой болезнью — эмфиземой легких. Поэтому должен был дышать кислородом — и дома, и в кабинете установили необходимую аппаратуру. К легочной и сердечной недостаточности прибавился хронический гепатит.

Роковую роль в судьбе Константина Устиновича сыграл отпуск летом 1983 года, который он проводил в Крыму.

Чувствовал он себя неплохо и каждый день далеко уплывал в море, пугая свою охрану.

Рядом, в санатории, проводил отпуск недавний председатель КГБ, а тогда уже министр внутренних дел генерал армии Виталий Васильевич Федорчук. Министр развлекался тем, что ловил ставриду и сам ее коптил. Желая сделать приятное Константину Устиновичу, притащил ему рыбки собственного копчения.

Ставрида была на удивление хороша, вспоминают те, кто принимал участие в том роковом ужине. Свежая, жирная, чуть солоноватая. Под отварную картошечку просто объедение. А ночью Черненко стало плохо. Врачи диагностировали сильное отравление. В тяжелейшем состоянии его вывезли в Москву и положили в реанимацию. Врачи не знали, выживет ли он...

Тогдашний начальник кремлевской медицины академик Чазов говорил, что рыба оказалась недоброкачественной, поэтому у Черненко развилась тяжелейшая токсикоинфекция с осложнениями в виде сердечной и легочной недостаточности.

История странная.

По строжайше соблюдаемой инструкции вся пища, предназначенная для членов политбюро, проходила тщательный контроль. Этим занималась их личная охрана из 9-го управления КГБ. Непроверенной пищи члены политбюро не ели. Так что же случилось: не выполнили инструкцию, подумав, что бывший председатель КГБ Федорчук отравы не принесет? Или Черненко попался испорченный кусок?..

Вот что еще удивительно: все остальные участники ужина чувствовали себя превосходно. Один только Константин Устинович оказался в реанимации. И в его окружении подозревали худшее — сознательную попытку устранить Черненко.

Академик Чазов считает, что никакого злого умысла не было. Министр Федорчук прислал рыбу, которая оказалась плохо прокопченной. Такая пищевая инфекция у большинства проходит бесследно, но организм Черненко был и без того ослаблен.

Он тогда выкарабкался. Но эта история окончательно подорвала его силы, и когда через полгода Черненко избрали генеральным секретарем, руководителем страны оказался безнадежно больной человек. Черненко бодрился, не давал себе послабления, старался исправно исполнять свои обязанности. Но видно было, что он нетвердо стоит на ногах, тяжело дышит, кашляет.

Карьера и личная жизнь

Константин Устинович Черненко родился в 1911 году в деревне Большая Тесь Минусинского уезда Енисейской губернии (ныне Новоселовский район Красноярского края).

После его смерти в 1985 году Новоселовский район хотели переименовать в Черненковский. Но выяснилось, что, когда сооружали плотину Красноярской ГЭС, затопили три десятка населенных пунктов, в том числе родную деревню Константина Устиновича — Большую Тесь. Поэтому именем покойного генсека назвали соседний город Шарыпово, но ненадолго — в декабре 1988 года, в разгар перестройки, городу вернули прежнее название.

В большой семье Константин был седьмым ребенком. Мать, Харитина Дмитриевна, в 1919 году умерла от тифа. Отец, Устин Демидович, работавший на золотых приисках, помыкался с детьми и вновь женился. Мачеха оказалась неудачной. Дети к ней не привыкли. В двенадцать лет Константин пошел подпаском, на следующий год его взяли пастухом. Платили едой и одеждой.

На комсомольскую работу он пришел, окончив школу крестьянской молодежи. Это, говоря современным языком, было профтехучилище, рассчитанное на подростков из беднейших семей. Юношу взяли в райком комсомола внештатным заведующим пионерским отделом, потом сделали освобожденным председателем совета пионерской дружины. А через несколько месяцев, в 1929 году, поставили заведовать отделом пропаганды.

С Брежневым его роднила любовь к Сергею Есенину. Черненко даже дали выговор за то, что он читал «кулацкого» поэта. В райкоме он проработал года два. Когда комсомол объявил призыв в пограничные войска, пошел в военкомат. На заставе в Талды-Курганской области служил секретарем партийной ячейки. Его приглашали остаться в кадрах погранвойск, но он вернулся в родное Новоселово, и его сразу взяли в райком партии инструктором, быстро произвели в заведующие отделом пропаганды и агитации, затем перебросили в Уярский райком партии.

В самом Красноярске Черненко руководил краевым домом партийного просвещения, потом стал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации крайкома партии. В 1941 году его сделали секретарем Красноярского крайкома.

Любопытно, что человек, практически не имевший образования, пошел именно по идеологической линии. Перед самой войной Черненко занимался созданием ленинского музея в селе Шушенском, где будущий создатель советского государства отбывал в царские времена ссылку. Потом дважды туда приезжал, смотрел на свое детище, остался доволен.

Осенью 1942 года в Красноярском краевом издательстве вышла книга «И. В. Сталин в сибирской ссылке», в выходных данных значилось: ответственный редактор — К. У. Черненко. Говорят, что книга не понравилась в Москве и тираж пошел под нож. Черненко освободили от должности секретаря обкома и послали в Москву учиться в Высшую школу парторганизаторов при ЦК. Сам он на эту тему не распространялся.

Взяли его сразу на второй курс, и учился он два года. Получил диплом и с направлением, подписанным секретарем ЦК Георгием Максимилиановичем Маленковым, поехал в Пензу секретарем обкома партии.

На растущего партработника обратили внимание столичные кадровики. И в марте 1948 года состоялось решение секретариата ЦК: перевести Черненко в центральный аппарат. Но решение отменили! Выяснилось: молодой партийный работник был чересчур активен на личном фронте, это смутило цековских кадровиков.

Считалось, что Константин Устинович был женат дважды. Первая жена, Фаина Васильевна Елисеева, родила ему сына Альберта (он пошел по отцовской стезе — стал секретарем Томского горкома партии, заведовал отделом в обкоме, возглавил высшую партийную школу в Новосибирске) и дочь Лидию.

Его вторая жена, Анна Дмитриевна, которая родила троих детей — Владимира (работал в Госкомитете по кинематографии), Веру (пошла по дипломатической линии) и Елену (защитила кандидатскую диссертацию по философии), рассказывала в интервью:

— Наш брак был счастливым. Костя ни разу не обидел меня ни словом, ни действием. По его взгляду, по его первой реакции я понимала, что он чем-то недоволен, и старалась поправить дело. Мы всё прощали друг другу. А вместе прожили сорок два счастливых года.

И лишь сравнительно недавно в партийном архиве обнаружились совершенно неожиданные документы, их опубликовал журнал «Огонек».

Началось все с письма, которое весной 1948 года член партии Нина Васильевна Кушнэр адресовала Дмитрию Трофимовичу Шепилову. Со временем он станет секретарем ЦК партии, а тогда был заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Вот это письмо:

«Я знаю члена ВКП(б) Черненко Константина Устиновича с 1934 года и считаю необходимым сообщить в ЦК ВКП(б) следующее:

В 1934 году Черненко К. У. работал инструктором Новоселовского райкома партии Восточно-Сибирского края. Приехав на работу в этот же район в качестве заведующего РАЙОНО, я познакомилась с ним и через несколько месяцев мы поженились.

Вскоре мне стало известно, что агроном района Елисеева Фаина родила ребенка и зарегистрировала на имя Черненко. В результате наших объяснений он мне сознался, что первую жену Нину он привез в Новоселово после демобилизации из армии, но вскоре отправил ее обратно к родителям. С Елисеевой он жил, находясь в командировке в одном из сельских районов, и поэтому вынужден был дать подписку прокурору района об уплате алиментов на ребенка.

В 1935 году нас перевели на работу в Уярский район Красноярского края, его заведующим отделом пропаганды райкома партии, меня заведующей парткабинетом. В 1936 году он резко меняет свое отношение ко мне. В 1937 году после смерти нашего ребенка он уходит на другую квартиру, оставляя меня в тяжелом состоянии. Весной 1937 года на закрытом заседании райкома партии обсуждали вопрос о поведении Черненко в семье. Было вынесено решение: записать Черненко строгий выговор и снять с работы заведующего отделом райкома партии. Я не знаю, утвердил ли Красноярский крайком партии выговор, но с работы он был снят и переведен на работу в Курагинский район Красноярского края.

Осенью 1937 года меня командировали на учебу в Высшую школу пропагандистов при ЦК ВКП(б). Будучи на учебе в школе, узнаю, что Черненко снова (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. — *Л. М.*) женился — на враче Левиной Марии Михайловне. По окончании школы в 1939 году я была командирована в распоряжение Хабаровского крайкома партии.

В конце 1939 года я получила письмо от его новой жены Левиной, в котором она извиняется передо мной и сообща-

ет, что Черненко и ее оставил с ребенком. В 1943 году, когда я вернулась в Красноярск, Черненко уехал учиться в школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б). Родные его мне сообщили, что снова женился и живет с новой семьей в Пензе по месту работы.

Дополнительные данные:

Первая жена Нина, где живет, не знаю.

Вторая — Елисеева Фаина работает в одном из сельских районов Красноярского края.

Третья — Левина Мария Михайловна проживает в Москве.

Последняя жена проживает с ним в Пензе».

Заявление такого рода нельзя было списать в архив. Речь шла о партийном работнике, которого рекомендовали для службы в центральном аппарате. Пришлось проводить форменное расследование.

Факты подтвердились.

Другой заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК Константин Федорович Калашников подписал заключение: «Черненко в морально-бытовом отношении был крайне неустойчив и падок до женщин. Считаю нецелесообразным брать т. Черненко с такими "хвостами" в аппарат ЦК».

Дмитрий Шепилов, вернувшийся с войны в генеральских погонах, был высоким, красивым, интересным, всю жизнь в него влюблялись женщины. Им нравился его бархатистый, приятный голос. И он вовсе не был анахоретом. Но на него женщины в ЦК не жаловались. Шепилов доложил секретарю ЦК Михаилу Андреевичу Суслову: «Тов. Черненко К. У., сходясь с другими женщинами, бросал своих жен вместе с детьми».

Наказывать за это не стали, но решение секретариата ЦК о переводе Черненко в столицу отменили — «падок до женщин». Константин Устинович в 1948 году вместо Москвы поехал в Кишинев. И не прогадал!

В помощниках у Брежнева

Вскоре первым секретарем ЦК компартии Молдавии сделали Леонида Ильича Брежнева, которому Черненко понравился. Знакомство Брежнева с Константином Устиновичем оказалось благом для них обоих, и закончил свою карьеру Черненко в кресле хозяина страны.

В Кишиневе он проработал много лет, пока его наконец не взяли в центральный аппарат. Виктор Андреевич Голиков, помощник Брежнева, к тому времени уже секретаря ЦК КПСС, уверял, что это он перетащил Константина Устиновича в Москву:

— Примчался ко мне Черненко и умоляет: «Помоги. Приходят ко мне молдаване и говорят, что я восемь лет сижу, место занимаю. Помоги куда-нибудь уехать».

В 1956 году его утвердили заведующим сектором массовой агитации в агитпропе ЦК КПСС. 8 сентября он подписал специальное «Обязательство»:

«Я, Черненко Константин Устинович, состоя на работе в аппарате ЦК КПСС или будучи уволенным, настоящим обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе, ни под каким видом их не разглашать и ни с кем не делиться ими.

Мне известно, что за нарушение данного мной обязательства я несу ответственность по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 года.

Так же обязуюсь сообщать Управлению делами ЦК ВКП(б) обо всех изменениях в сведениях, указанных в моей последней анкете, в частности о родственниках и знакомых, связанных с иностранцами или выехавших за границу».

4 мая 1960 года Никита Сергеевич Хрущев произвел большие перестановки в высшем руководстве. Среди прочего он решил отправить на пенсию маршала Ворошилова, занимавшего пост председателя президиума Верховного Совета СССР. Престарелый Климент Ефремович (ему исполнилось семьдесят девять лет!) засыпал на заседаниях, в беседах с послами и иностранными гостями нес отсебятину, из-за чего несколько раз возникали международные скандалы.

А его пост Хрущев передал Брежневу. Для Леонида Ильича новое назначение стало повышением, хотя сама должность была безвластной. Все решения принимались на заседаниях президиума ЦК, Верховный Совет лишь их оформлял. Но председательство придало Брежневу известности в стране, его фотографии стали появляться в газетах и кинохронике. Ему нравилось вручать ордена, поздравлять, устраивать приемы. И Леонид Ильич получил возможность ездить за границу, где его принимали как главу государства со всеми почестями. Он с удовольствием позировал фотокорреспондентам и операторам кинохроники. Он стал получать иностранные награды.

Помощником по международным делам он пригласил профессионального дипломата Андрея Михайловича Александрова-Агентова. Как человек практический спросил о зарплате и квартире. Заметил с сожалением, что зарплата останется такой же:

— Но зато, имей в виду, у нас в Верховном Совете очень хороший дачный поселок, да и кремлевская столовая тоже...

К себе на работу Брежнев пригласил и старого знакомого Черненко. Константин Устинович совсем не был рад этому предложению. Он прочно сидел на Старой площади и рассчитывал продвинуться в заместители заведующего отделом ЦК, поскольку шеф идеологического департамента Леонид Федорович Ильичев ему благоволил.

И тут позвонил Брежнев и предложил пост начальника канцелярии президиума Верховного Совета. По табели о рангах это было очевидное понижение, и должность бесперспективная. Да и вообще как можно уходить из ЦК?..

Подчиненный застал Черненко в тягостных размышлениях:

«Сидит мой шеф, обхватив голову обеими руками, туча тучей, сам чуть не плачет. Он вдруг сказал мне о предложении, которое ему сделал Брежнев. Подобный приступ откровенности случался с ним лишь в самых исключительных случаях.

— Если бы ты знал, как я этого не хочу! — сказал он мне. — Но что делать? Отказаться — значит испортить отношения с Брежневым, а это мне может дорого обойтись».

Чутье не обмануло Черненко. Он перешел к Брежневу, и это был шаг, открывший ему дорогу к большой карьере.

Поначалу многие даже не замечали Черненко. Его ошибочно принимали просто за ближайшего помощника Брежнева и не подозревали о той особой роли, которую он многие годы играл в системе власти. Он и не стремился выставлять себя на первый план, избегал публичности. Выступать не любил и не умел. Все считали, что он должен оставаться в тени, он не возражал: в тени, значит в тени.

У Черненко за спиной было всего три класса школы крестьянской молодежи. Потом, уже в годы войны, он подучился в Высшей школе партийных организаторов при ЦК. Скудное образование не помешало Черненко сделать фантастическую карьеру. Причина тому не только давнее знакомство с Брежневым, но и очевидные природные способности. Знакомых и друзей у Леонида Ильича было много, а выдвинул он Черненко.

Когда Брежнев стал руководителем партии, он поставил Черненко во главе общего отдела ЦК. Это был единственный отдел, в котором сектора были номерные:

первый сектор ведал подготовкой материалов к заседаниям политбюро;

второй сектор — подготовкой материалов к заседаниям секретариата ЦК;

третий сектор занимался приемом и отправкой документов;

четвертый — приемом и отправкой шифртелеграмм;

пятому сектору был поручен контроль за исполнением решений ЦК.

Контроль был формальным: следили только за тем, чтобы документы исполнялись точно в срок. Когда подходил срок внесения в ЦК предложений по тому или иному пункту постановления, из общего отдела звонили в отраслевой:

— Срок подходит. Как у вас? Документы готовы?

Шестой сектор — это архив политбюро;

седьмой — архив секретариата;

восьмой — архив «особой папки».

Потом в составе отдела выделили группу по работе с письмами трудящихся (впоследствии подотдел). В целом в общем отделе трудилось около пятисот человек. В основном это были технические работники.

Первый и шестой секторы, которые обслуживали политбюро, находились в Кремле — там заседало политбюро, остальные — в первом подъезде на Старой площади.

В состав общего отдела входили архивы, где хранились высшие секреты государства — от военных до политических. Личный архив Сталина и те взрывоопасные материалы, которые таили от мира и еще больше от собственной страны: оригиналы секретных дополнительных протоколов, подписанных с немцами в 1939 году, документы о расстреле пленных польских офицеров в Катыни. И многое другое, что ограничено наисекретнейшим грифом «особой важности — особая папка» и что все еще не раскрыто.

Даже члены политбюро не имели доступа к этим документам или просто не знали, что там хранится. Только двое имели неограниченный доступ ко всем документам: генеральный секретарь, который, естественно, никогда не бывал в архиве, и Черненко, хранитель секретов партии.

Черненко создал электронную систему обработки информации, вычислительный центр ЦК. Компьютеры были отечественные, минского производства, но он распорядил-

ся заткнуть за пояс вычислительный центр Госплана. В общем отделе сформировалась колоссальная база данных по кадровым вопросам — на всю номенклатуру ЦК. Все документы, все постановления заносились в память компьютера. Черненко этим гордился. Любой документ можно было найти за считаные минуты.

Между Кремлем, где сидел Брежнев и где проходили заседания политбюро, и зданиями ЦК на Старой площади провели подземную пневматическую почту, что позволяло мгновенно доставлять нужные бумаги генеральному секретарю. За это Черненко получил Государственную премию.

Раньше общий отдел назывался особым сектором, а руководил им бессменный помощник Сталина — знаменитый Александр Николаевич Поскребышев, пользовавшийся большим влиянием в аппарате. Но и при нем это была всего лишь партийная канцелярия. Черненко превратил отдел в инструмент власти и орган управления партийным аппаратом.

Задача общего отдела — «обслуживание высших органов партии». Имелось в виду организационно-техническое обслуживание. Но получилось иначе. Ни один документ, в том числе самый секретный, самый важный, не мог миновать общего отдела. От Черненко зависело, какие бумаги лягут на стол генеральному секретарю, какие люди получат возможность изложить свое мнение, какую информацию получит генеральный.

Даже материалы КГБ шли через заведующего общим отделом. Только в исключительных случаях председатель Комитета госбезопасности докладывал лично генеральному. Но Юрий Владимирович Андропов появлялся в кабинете Брежнева раз в неделю, а Черненко — каждый день и не один раз.

Помощники Брежнева вспоминали, что Черненко сам приносил Леониду Ильичу все важнейшие документы, поступавшие в высшие эшелоны Центрального комитета, сопровождая их своими комментариями и рекомендациями. Причем делал он это с большим искусством, умел доложить дело так, чтобы оно не вызывало раздражения, сглаживал острые углы, что особенно нравилось Леониду Ильичу.

Когда Черненко возглавил общий отдел, появилась возможность быстро продвигать нужные Брежневу бумаги и тормозить ненужные. Одно решение принималось с курьерской скоростью, другое надолго застревало в партийной канцелярии.

Решения ЦК готовились всеми отделами, обсуждались на секретариате ЦК, а выпускал их в свет именно общий отдел. Известны случаи, когда бумаги, принятые на секретариате, хода не получали — общий отдел их не выпускал. Разумеется, этому предшествовала договоренность с генсеком, но тем не менее это свидетельствует о власти руководителя общего отдела.

От расположения Черненко зависели члены политбюро и секретари ЦК. Они не имели возможности без доклада зайти к генеральному секретарю. Все должны были спросить разрешения, объяснить, по какому вопросу желают видеть генерального. Один только Черненко мог заглянуть к Брежневу в любую минуту и решить любой вопрос.

Даже член политбюро, если он был заинтересован в том, чтобы его предложение получило благословение, должен был по-товарищески заглянуть к Черненко:

— Костя, как дела? Тут у меня одна важная бумага, доложи Леониду Ильичу.

Будущий член политбюро, а тогда первый секретарь Воронежского обкома Виталий Иванович Воротников вспоминал, как составил важную для его области записку и приехал с ней в Москву. Секретарь ЦК по сельскому хозяйству Федор Давыдович Кулаков прочитал все восемь страниц записки, ему понравилось.

Воротников сказал:

— Раз так, Федор Давыдович, тогда доложите Леониду Ильичу.

Кулаков задумался, покачал головой:

— Так у нас ничего не выйдет.

Он позвонил Черненко и стал ему рассказывать суть предложения:

— Надо бы познакомить с идеей Брежнева. А еще лучше, если бы Леонид Ильич принял Воротникова.

Выслушав ответ Черненко, Кулаков сказал Воротникову:

— Иди к Черненко, он все устроит.

Воротников сильно удивился, что член политбюро и секретарь ЦК не решается сам позвонить генеральному, а просит об этом заведующего общим отделом.

Виталий Иванович еще не вник в аппаратные тонкости. Со временем он сам станет членом политбюро, и ему многое откроется. Все документы поступали к Брежневу через Черненко. Брежнев сидел на пятом этаже, Черненко — на шестом. Он даже не стал читать записку, а сказал Воротникову:

— Оставь, а о приеме известим.

Черненко действительно все устроил. Брежнев на следующий же день принял Воротникова.

Константин Устинович избавил Брежнева от неинтересной черновой работы. Он все помнил, все знал, всегда был под рукой, готовый исполнить любое указание. Между ними установились весьма близкие, доверительные отношения, и Леонид Ильич давал Черненко поручения самого деликатного характера, с которыми он не обратился бы ни к кому другому...

Решая кадровые вопросы, Брежнев обязательно советовался прежде всего с Черненко, который все знал о партийных секретарях, о сотрудниках аппарата, о высшей номенклатуре, в том числе весьма деликатные подробности их жизни.

Общий отдел стал ведущим в центральном аппарате не потому, что так Брежнев распорядился, а потому, что Черненко его таким сделал. Он стал проводить ежегодные совещания, собирая работников общих отделов обкомов и крайкомов. На совещаниях присутствовал Брежнев. Он этим поднимал авторитет Черненко.

— Леонид Ильич не просто присутствовал как свадебный генерал, — рассказывал мне Вадим Алексеевич Печенев, который стал помощником Черненко. — Брежнев выступал. Причем без бумажки. Иногда позволял себе назвать Константина Устиновича Костей. Все всё понимали. «Вот Костя вчера звездочку получил. Вы что думаете, это так? Вот как съезд прошел!» И начинал рассказывать. Он заводной был, Брежнев, мог зажечь аудиторию.

Леонид Ильич заботился о своем верном помощнике.

Тогда существовала четкая градация. Высшему партийному руководству по случаю шестидесятилетия присваивалось звание Героя Социалистического Труда. К промежуточным годовщинам давали орден Ленина или Октябрьской Революции. Черненко — хотя у него была не круглая дата — в марте 1976 года получил «Золотую Звезду». Формулировка указа многих поразила — за подготовку и проведение съезда партии. И тут же на мартовском пленуме его избрали секретарем ЦК.

Осенью 1979 года послу в ГДР Петру Андреевичу Абрасимову позвонил из Москвы Брежнев, сказал, что сам возглавит делегацию, которая приедет в Берлин на празднование тридцатилетия ГДР. Спросил, какая ожидается погода, как бы мимоходом сказал, что в составе делегации будет Черненко, и добавил:

— Ты там поговори с Хонеккером — не мешало бы немцам наградить его своим орденом.

Это поручение Абрасимов не успел выполнить.

Во время визита на второй или третий день в комнату советской делегации зашел руководитель ГДР Эрих Хонеккер. Брежнев спросил его:

— Эрих, что тебе — жалко Черненко орден дать?

Хонеккер недоуменно посмотрел на посла, который его не предупредил о пожелании советского лидера. На следующий день вечером приехал первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии в сопровождении нескольких членов политбюро и торжественно вручил Черненко орден Карла Маркса — высшую награду ГДР.

— Брежнев всех именовал по имени-отчеству, всех членов политбюро, а его одного Костей называл, — вспоминал главный помощник Чернеко Виктор Прибытков. — Я чувствовал, что ему это не нравилось, но генсек есть генсек. «Ты, Костя, погляди, ну во что ты меня втягиваешь, ты сам с ним поговори». Вот Костя все и делал, очень покладисто и терпеливо...

Константин Устинович не был человеком корыстным, ничего не брал даже в весьма распущенные годы.

— На меня несколько раз выходили крупные руководители, — рассказывал Виктор Прибытков. — «Слушай, тут сейчас праздник, домашнего кое-чего подошлем». Я знал Черненко, поэтому отвечал: «Я сам не могу решить, мне надо с Константином Устиновичем поговорить» — «Да зачем советоваться, что это, взятка?» Я говорил, что таков порядок.

Однажды такую посылку Прибыткову все-таки всучили. Он не знал, что с ней делать, и позвонил жене Черненко:

— Анна Дмитриевна, вот такую штуку я допустил. Она: «Ради бога, не говори Константину Устиновичу». А что с посылкой делать? «Отдай Володе Маркину, начальнику охраны, что-нибудь придумаем». А что придумали? Отдали эти бутылки охране.

Прибытков все-таки пошел к Черненко и рассказал, что есть такие звонки. Как реагировать? Тот ответил:

— Знаешь что, у тебя много работы, не занимайся этим, не бери на себя эту обузу. Будут звонить, скажи, чтобы со мной связывались.

Конечно же, самому Черненко с предложением подношений никто позвонить не смел.

В последние годы жизни Брежнева роль Черненко невероятно возросла. Никто не мог обратиться к генеральному секретарю через голову Черненко. И получить подпись под нужной бумагой, и поговорить с Леонидом Ильичом можно было только через Черненко. Он тщательно фильтровал информацию, поступающую к Брежневу, определял график его работы. Секретари в приемной генсека были его подчиненными.

Брежнев не зря держал возле себя Черненко, которому мог абсолютно доверять. Леонид Ильич не всегда в состоянии был разобраться в том, что подписывал. Именно Черненко следил за тем, чтобы обезопасить шефа от ошибок и глупостей. Брежнев подписывал только то, что приносил Черненко.

Леонид Ильич стопроцентно доверял Черненко, знал, что тот его даже в мелочах не подведет, и часто, ничего не спрашивая, подписывал заготовленные им резолюции. Иногда Константин Устинович просто получал от Брежнева устное согласие и писал на документе: «Леониду Ильичу доложено. Он просит внести предложение». Всё, вопрос решен...

Чем хуже в последние годы своего правления чувствовал себя Леонид Ильич, чем меньше ему хотелось заниматься делами, тем большей становилась роль Черненко. Для Брежнева он стал чуть ли не единственным каналом связи с внешним миром.

В последние годы, когда Брежнев чувствовал себя совсем больным, Черненко стал ему особенно нужен. Когда другие помощники приходили к Брежневу с какими-то неотложными вопросами, он раздраженно говорил:

— Вечно вы тут со своими проблемами. Вот Костя умеет доложить...

Константин Устинович стал тенью Брежнева. Он информировал Леонида Ильича о происходящем в мире. Он готовил и приносил ему проекты всех решений, которые предстояло принять политбюро, в том числе по кадрам. Поначалу Константин Устинович осмеливался только давать советы, а в последние годы часто фактически принимал решения за Брежнева. К тому времени Черненко сам стал полноправным членом политбюро. Только он имел возможность по нескольку раз в день встречаться с генеральным секретарем. Референт Галина Дорошина привозила от Черненко документы и показывала Брежневу, где ему следует подписаться.

Второй человек в партии

Когда Брежнев незадолго до смерти, в мае 1982 года, сделал председателя КГБ Андропова секретарем ЦК и с Лубянки перевел его на Старую площадь, все решили, что больше всего шансов стать преемником у Юрия Владимировича. Но Андропову сообщали, что такие же авансы делались и Черненко, и это заставляло его дополнительно нервничать...

Секретарь ЦК Валентин Михайлович Фалин писал, что в одном из разговоров с Черненко Брежнев сказал ему:

— Костя, готовься принимать от меня дела.

«Не исключаю, — добавил Фалин, знавший толк в кремлевских интригах, — что те же слова в это же самое время слышал от него и кто-то другой. При всех дворах практикуются подобные игры».

Но Юрий Владимирович Андропов занял место Брежнева в ноябре 1982 года потому, что к этому времени уже занимал должность второго человека в партии.

2 декабря на заседании политбюро утвердили распределение обязанностей между секретарями ЦК. В соответствии с протоколом заседания Андропов взял на себя следующие вопросы:

«организация работы Политбюро ЦК КПСС;

оборона страны;

основные вопросы внутренней и внешней политики КПСС и внешней торговли;

подбор и расстановка основных руководящих кадров».

Вторым в списке секретарей стоял Черненко. Ему поручалось вести секретариаты ЦК и курировать важнейшие отделы: все идсологические, оргпартработы, административных органов, а также привычные ему общий отдел и отдел писем.

Третьим значился Горбачев — ему доверили сельскохозяйственный отдел, отдел сельскохозяйственного машиностроения, легкой и пищевой промышленности, отдел химической промышленности. Это было совсем не то, чем хотел заниматься Михаил Сергеевич, но положение второго человека в партии занял Черненко. Он получил право вести заседания секретариата ЦК, а в отсутствие Андропова — политбюро.

Тем не менее страной управлял Андропов — пока физически мог это делать. Он выдвигал Горбачева и важнейшие вопросы решал с его помощью, а Константина Устиновича старательно оттеснял от власти.

Но Юрий Владимирович не успел как следует перетряхнуть кадры. Союзники Горбачева не имели того влияния, каким обладал Черненко. Партийный аппарат живет своими законами.

Сейчас, наверное, не все помнят, но в позднесоветские годы смерть высших руководителей вызывала любые чувства, кроме сожаления и сочувствия. Видя, как сменяет друг друга череда кремлевских старцев, страна была уверена, что каждый сам подбирает себе наследника. В реальности слово генсека ничего не стоило после его смерти.

Конечно, Константин Устинович Черненко и по своим данным, и по состоянию здоровья не мог быть лидером государства. Но таков был механизм советской власти, что после смерти Андропова именно Черненко возглавил страну. Мнение Юрия Владимировича не могло сыграть сколько-нибудь значимой роли при избрании его преемника. Аппарат живет своими законами. Даже ленинские кадровые пожелания в свое время оставили без внимания, не то что предсмертную волю Андропова.

Когда Андропова отвезли в больницу, откуда он уже не выйдет, в руках Черненко оказались все рычаги управления страной. Аппарат ориентировался на второго секретаря ЦК. Так что приход к власти Черненко после смерти Юрия Владимировича был так же предрешен, как и утверждение генсеком Горбачева в марте 1985 года. В последние два месяца жизни тяжело больного Черненко именно Михаил Сергеевич уже фактически руководил текущими делами страны. Он вел заседания политбюро и секретариата ЦК. Он и был кандидатом номер один в генсеки.

Судьбу страны решали четверо: глава правительства Тихонов, министр обороны Устинов, министр иностранных дел Громыко и Черненко. Причем Громыко сам примеривался к посту генерального.

Как это произошло, Устинов потом рассказал главному кремлевскому медику — академику Евгению Ивановичу Чазову:

— Мы встретились вчетвером. Когда началось обсуждение, почувствовал, что на это место претендует Громыко, а его мог поддержать Тихонов. Ты сам понимаешь, что ставить его на это место нельзя. Знаешь его характер. Видя такую ситуацию, я предложил кандидатуру Черненко, и все со мной согласились.

«Я всегда верил Устинову, считая его честным и откровенным человеком. Но в тот момент мне показалось, что

он чуть-чуть кривит душой, — пишет Чазов. — Больной, к тому же по характеру мягкий, идущий легко на компромиссы, непринципиальный Черненко вряд ли мог противостоять настойчивому, сильному и твердому Устинову, возглавлявшему военно-промышленный комплекс».

Вместо неизлечимо больного Андропова генеральным секретарем избрали Черненко, и во главе государства оказался столь же безнадежно больной человек. Охране приходилось постоянно выводить его в комнату отдыха, где врачи установили кислородный аппарат, помогавший ему дышать.

«От имени политбюро кандидатуру Черненко предложил пленуму 79-летний предсовмина Тихонов, — писал сотрудник ЦК Валерий Михайлович Легостаев. — Явление этих двух слабых старых людей на политической вершине страны, и без того измученной многолетним зрелищем брежневского увядания, произвело гнетущее впечатление. Как будто бы сам Брежнев вдруг встал из могилы, отряхнул с пиджака землю со снегом и пошел на свое прежнее рабочее место... Крушение всех надежд, тревога, подавленность и вместе с тем веселая отчаянная злоба — дать бы кому-нибудь по морде, а там будь что будет. По моим впечатлениям, именно в такое состояние привело общество избрание Черненко генсеком».

Как же так случилось, что в руководстве остались одни старцы, физически и морально не способные руководить огромным государством? А где же молодые? Почему они не взяли власть? Кадровая политика кремлевских вождей состояла в том, чтобы устранять сильные и самостоятельные фигуры, всех, кто мог составить конкуренцию. Новые и энергичные люди воспринимались как опасность.

Чурбанов и Щелоков

Когда Черненко избрали генеральным секретарем, он пересел на пятый этаж в основном здании ЦК на Старой площади, где находились кабинеты высших руководителей партии. До этого сидел на шестом — с тех пор, как стал секретарем ЦК.

На приставном столике у генерального секретаря стоял «домофон» — аппарат связи с высшими руководителями партии и государства. Нажав кнопку, он мгновенно соединялся с членами политбюро и секретарями ЦК. Вызываемый немедленно снимал трубку светло-желтого, без

наборного диска аппарата и откликался: «Слушаю вас, Константин Устинович». Генеральный мог разговаривать, не снимая трубки.

Константин Устинович Черненко запомнился старым и безнадежно больным человеком, который скороговоркой зачитывал приготовленные ему тексты. Это вызывало не столько сочувствие, сколько раздражение. Но он не всегда был таким. Был и он молодым, здоровым, с неплохим чувством юмора и вполне доброжелательным.

О сильных мира сего всегда ходили слухи, которые потом оказывались правдой. Одни детей своих продвигали на высокие посты, другие сами неумеренно обогащались. О Черненко ничего подобного сказать нельзя.

Самое главное состоит в том, что Черненко совершенно не жаждал власти и не стремился стать главой партии и государства. Даже его жена, Анна Дмитриевна, была против того, чтобы он взваливал на себя такую ношу, и откровенно ему это говорила.

Едва Константин Устинович Черненко стал генеральным секретарем, его родного брата Александра утвердили членом коллегии Министерства внутренних дел. А брежневского зятя, Юрия Михайловича Чурбанова, напротив, лишили высокой должности первого заместителя министра. Его-то тесть уже ушел в мир иной.

Со смертью тестя звезда Чурбанова быстро закатилась. После похорон Брежнева он зашел к новому генеральному секретарю Андропову поблагодарить за внимание и поддержку в печальные для семьи дни. Юрий Владимирович обещал тезке:

— Пока я жив, никто вашу семью не тронет.

Но генеральный секретарь терпеть не мог министра внутренних дел Николая Анисимовича Щелокова. Началась чистка его хозяйства. Новый министр Виталий Васильевич Федорчук, человек жесткий и непримиримый, занялся и Чурбановым.

Считается, что при Черненко остановился процесс борьбы с коррупцией, начатый Андроповым. Но именно при Черненко страна узнала о так называемом «узбекском деле». При Черненко бывший министр внутренних дел Щелоков был лишен наград и исключен из партии. А Щелоков-то надеялся, что Черненко ему поможет, ведь они когда-то вместе начинали в Молдавии. Юрий Чурбанов, зять покойного генсека, которого ждала тюрьма, тоже обратился за помощью к Черненко. И тоже безуспешно.

Помощник генерального секретаря Виктор Прибытков вспоминает, как однажды ему позвонил Юрий Чурбанов — так, словно они вчера расстались, хотя виделись один раз и давно, еще в комсомольские годы.

Чурбанов попросил о встрече. Прибытков пригласил:

— Приезжай. Какие разговоры...

— Я не хочу появляться на том этаже, где сидит генеральный...

— Я на шестом, а не на пятом нахожусь. Приезжай! Тут спокойно поговорим...

— Нет, давай лучше на нейтральной территории...

Они встретились у памятника героям Плевны. Чурбанов в штатском сидел на скамеечке.

— Федорчук жмет до предела, — жаловался Чурбанов. — Копает, все копает... Сил никаких нет!

Чурбанов и Прибытков ходили от памятника до входа в метро «Площадь Ногина».

— Ты скажи Константину Устиновичу, — попросил Чурбанов, — что я ни в чем не виноват... Этому Федорчуку все неймется! Без году неделя на министерстве, а поди ж ты...

Чурбанов рассчитывал, что Черненко вступится за зятя Брежнева. В тот же день Прибытков пересказал разговор Черненко. Тот внимательно выслушал своего помощника. Когда Прибытков договорил, Черненко раскрыл лежавшую перед ним папку с документами и сказал:

— Так, начинаем, Виктор, работать. Тут у нас вот на сегодня какие проблемы...

И ни слова о Чурбанове.

Брежнев умер, и прежние обязательства оказались недействительными.

Чурбанова перевели на смешную для него должность начальника Главного управления внутренних войск по военно-научной работе, а вскоре отправили на пенсию и отдали под суд. Процесс над Чурбановым был показательным. Наверное, самым громким в горбачевскую эпоху. Брежневского зятя приговорили к длительному сроку тюремного заключения. Трудно сказать, в какой степени он заслуживал столь сурового наказания.

Виктор Прибытков вспоминает, что окончательно разбираться с Щелоковым пришлось именно Черненко:

«Сложность этой разборки, в частности, заключалась в том, что родной брат Константина Устиновича — Николай Устинович — ходил у Щелокова хоть и не в первых, но в заместителях: в то время он заведовал системой высшего и

среднего образования в МВД СССР — всеми учебными заведениями, вплоть до Академии МВД, что на Войковской, а также различными курсами, учебными пунктами и так далее...

(В реальности Николай Черненко не был заместителем министра, он возглавлял Управление учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. — *Л. М.*)

И если Брежнев не мог (или не хотел) наказывать Щелокова лишь по той причине, что когда-то давным-давно они вместе работали в Молдавии, то Черненко (тоже работавший с Щелоковым в Молдавии) дополнительно был отягощен родственной связью с системой МВД. Но отношение Брежнева и Черненко к Щелокову, кажется, было куда сложнее... Однажды, когда вся страна с упоением вчитывалась в главы эпохальных произведений Брежнева: "Малая земля", "Возрождение", "Целина", я задал неосторожный вопрос Константину Устиновичу:

— Не понимаю. Брежнев описывает молдавские годы, а про Щелокова — ни слова. Отчего так случилось?

Черненко, тоже работавший в те годы в Молдавии вместе с Брежневым и Щелоковым и не только читавший указанные произведения Брежнева, но и принимавший самое активное участие в их публикации, внимательно посмотрел на меня и ушел от прямого ответа:

— Есть кое-какие обстоятельства...»

Незадолго до июньского пленума 1983 года, на котором бывшего министра внутренних дел Щелокова и бывшего первого секретаря Краснодарского края Сергея Федоровича Медунова, которого чекисты Андропова обвинили в коррупции, вывели из ЦК, Черненко дал своему помощнику прочитать заключение военной прокуратуры о Щелокове. Там говорилось, что бывший министр «захапал» в личное пользование несколько служебных «мерседесов», что не брезговал забирать домой и на дачу, а также раздавать близким родственникам арестованные милицией вещественные доказательства и конфискованные произведения искусства и антиквариата...

Члены семьи Щелоковых были замечены в обмене в банках огромных сумм в потертых, захватанных, довольно ветхих рублях... Щелоков и его семья не гнушались деньгами, которые следователи ОБХСС вытряхивали из чулок и закопанных в землю бидонов своих «криминальных подопечных». Деньги, изъятые в «теневой экономике» у созревших раньше перестройки «цеховиков» и «рыночных

воротил», менялись на новые, более крупные купюры, обращались в личный доход и без того не бедного министра...

Щелоков, еще оставаясь членом группы генеральных инспекторов Министерства обороны, как и Чурбанов, обращался за помощью к Черненко. Он надеялся, что Константин Устинович не бросит его в трудную минуту, ведь они оба были брежневскими людьми. Черненко его принял, но в помощи отказал.

Прибытков вспоминает: «Щелоков появился в дверях черненковского кабинета в привычном мундире. Он был весь увешан наградами. Медали и ордена тонко потренькивали при каждом его, как мне казалось, несколько неуверенном шаге. Лицо Щелокова, покрытое багровыми пятнами, все равно оставалось общего землисто-серого цвета. Бывший министр, кажется, не замечал ничего и никого вокруг: он шел к двери по будто бы начерченной прямой линии. Руки его дрожали...»

Щелоков приносил Черненко справку о том, что он оплатил через банк стоимость двух «мерседесов», предназначенных для МВД, но оказавшихся в личной собственности семьи министра.

— Этим он хочет сказать, что не надо рассматривать его вопрос на пленуме. — Черненко говорил с одышкой — не столько из-за астмы, сколько от гнева. — Как он мог? — несколько раз повторял Черненко один и тот же вопрос, горько качая головой...

В полдень 13 декабря 1984 года Щелоков надел парадный мундир с «Золотой Звездой» Героя Социалистического Труда. На мундире были одиннадцать советских орденов, десять медалей и шестнадцать иностранных наград. Он зарядил двуствольное охотничье ружье и выстрелил себе в голову. Ему было семьдесят четыре года.

Он оставил записку, адресованную генеральному секретарю Константину Устиновичу Черненко:

«Прошу Вас не допустить разгула обывательской клеветы обо мне. Этим невольно будут поносить авторитет руководителей всех рангов, это испытали все до прихода незабвенного Леонида Ильича. Спасибо за все добро и прошу меня извинить.

С уважением и любовью

Н. Щелоков».

О самоубийстве бывшего министра немедленно уведомили Черненко.

Виктор Прибытков вспоминает: «На Черненко это из-

вестие не произвело никакого впечатления. Похоже, он давно мысленно вычеркнул этого человека из списка реально живущих на земле. После всего, что он успел натворить, безудержно пользуясь властью, Щелоков для него был совершеннейшим нулем, пустым местом...»

Работа «молодого Маркса»

Профессора и доктора философии Вадима Печенева за искренний интерес к классическому марксизму, а отчасти из-за буйной шевелюры коллеги по ЦК КПСС называли молодым Марксом. Несмотря на долгие годы работы в аппарате, он сохранил естественные, человеческие реакции. Печенев руководил группой консультантов в отделе пропаганды ЦК, а потом стал помощником Черненко.

В недолгую бытность генеральным секретарем Константин Устинович совершил немало добрых поступков, забыть о которых было бы непорядочно. Он охотно разрешал своим помощникам творить хорошие дела и сам старался помогать людям, чем сильно отличался от своего предшественника Андропова. У того мысли текли в обратном направлении. Он все думал, кого бы еще наказать. Черненко же не был злым и жестоким.

— А в конце жизни это был добрый, приятный такой пожилой человек, — вспоминал Чазов, — несколько сентиментальный.

Помощник Черненко по идеологии Вадим Печенев, используя свою высокую должность, помог кинорежиссеру Ролану Антоновичу Быкову выпустить на экран фильм «Чучело», хотя этому изо всех сил сопротивлялись отдел культуры ЦК и Госкино. А первый секретарь Московского горкома Виктор Васильевич Гришин уже успел назвать фильм клеветой на социалистическую действительность...

Печенев сочинил письмо, которое Черненко подписал, с просьбой превратить дачи Бориса Леонидовича Пастернака и Корнея Ивановича Чуковского в литературные музеи, а не выселять оттуда родственников писателей, чтобы переделкинские дома достались руководителям Союза писателей.

К Черненко потоком шли просители, деятели искусств, дети известных родителей.

«У Черненко была одна слабость, — вспоминает Виктор Прибытков, — он не мог отказывать в просьбах, в том числе и личных. Он искренне считал, что если уж дошли до

него, то это крайний шаг. Этот его "пунктик" знали и использовали многие. К нему прорывались через секретариат и помощников, через знакомых и знакомых их знакомых».

Он позволил восстановить Вячеслава Михайловича Молотова в партии. За Молотовым, которого пригласили в ЦК, прислали сразу две машины. Во второй сидел врач: в ЦК побаивались, вдруг с ним что-нибудь случится в самый неподходящий момент. Партийным чиновникам и в голову не приходило, что сталинский соратник переживет и самого Черненко, которому он в отцы годился. Вячеслава Михайловича доставили на Старую площадь, где он не был двадцать с лишним лет. Черненко сообщил Молотову, что он вновь является полноправным членом партии и на днях ему выпишут новый партбилет. По этому случаю Молотов позволил себе выпить шампанского.

Черненко одобрил статью Инны Павловны Руденко «Долг» в «Комсомольской правде» о бедственном положении тех, кто вернулся из Афганистана. Это была первая такая публикация, автора могли съесть с потрохами. Ведь не дозволялось ни писать, ни говорить о погибших и раненных в Афганистане. Солдат и офицеров там убивали, но всех заставляли молчать. Сотрудники военкомата являлись к несчастным родителям прямо с врачом — приходилось откачивать людей, которым говорили, что их сын убит, что привезли цинковый гроб и завтра будут тайно хоронить. И людям, чьи дети погибли в далекой стране, запрещалось говорить о своем горе, поминать их.

Только при Черненко начали помогать ветеранам-афганцам.

В 1984 году к нему обратился полковник из Главного политического управления, он предупреждал, что боевые действия в Афганистане превратились в войну с народом, что военные операции приобрели характер полицейских, карательных, они сопровождаются грабежами и осквернением мечетей и святых для мусульман мест.

Черненко переправил письмо министру обороны Устинову с просьбой не только вникнуть, но и позаботиться о том, чтобы полковник не пострадал за свою откровенность.

Вот что Черненко действительно любил — это футбол. Он был поклонником «Спартака». В трудные для футбольной команды времена — в середине 1970-х — многое для нее сделал. Когда «Спартак» потерял место в высшей лиге, Черненко обратился за помощью к знаменитым братьям Старостиным. Они присоветовали поставить старшим тренером

Константина Ивановича Бескова, начальником команды стал Николай Петрович Старостин.

Но Бесков был «динамовцем» и, соответственно, действующим офицером МВД. Уход в «Спартак» означал потерю в зарплате и потерю военной пенсии. Черненко нашел решение. Подполковника Бескова откомандировали в «Спартак», оставив в кадрах внутренних войск. Нужных «Спартаку» игроков забирали из «Динамо» и ЦСКА. Если требовалось, Черненко сам звонил и министру внутренних дел, и министру обороны. Ему они отказать не могли. Лучшего болельщика у «Спартака не было. В 1977 году «Спартак» вернулся в высшую лигу, в 1979-м стал чемпионом.

Когда во МХАТе поставили яркую и темпераментную пьесу Михаила Филипповича Шатрова «Так победим!» с Александром Александровичем Калягиным в роли Ленина, спектакль не пропускали. Главный режиссер театра Олег Николаевич Ефремов обратился к Черненко. И он помог. Привел на спектакль все политбюро во главе с Брежневым. Леонид Ильич был уже плох, мало что понял, но для театра это в ту пору имело огромное значение. Блюстители идеологической чистоты оставили МХАТ в покое.

Главный режиссер Театра на Таганке Юрий Петрович Любимов, когда его совсем уж допекли, обратился к Черненко. Константин Устинович, по всем отзывам, был человеком вполне доброжелательным.

Любимов позвонил ему по «вертушке», стоявшей в кабинете директора Института физических проблем, знаменитого академика Петра Леонидовича Капицы (он когда-то участвовал в разработке ядерного оружия, и с тех пор у него остался аппарат правительственной связи АТС-2).

— Не может быть! — удивился Черненко рассказу Любимова о том, как его преследуют. — Ну и ну, вот, оказывается, до чего мы дожили.

— Неужели я вам буду неправду говорить? — продолжал Любимов. — Извините, что я вас побеспокоил. Просто я больше не могу так работать.

— Перезвоните мне через несколько дней, — сказал Черненко, — а я разберусь.

Но в следующий раз Константин Устинович, которого, видимо, накрутили, был уже не так любезен:

— Почему вы к нам обращаетесь? У вас есть свой секретарь ЦК по пропаганде, товарищ Зимянин, он такой же секретарь ЦК, как и я. Обратитесь к товарищу Зимянину, он этим занимается.

— Вы знаете, — пояснил Любимов, — с ним очень трудно: он не слушает. Он громким голосом очень быстро читает большую нотацию, и на этом разговор заканчивается. Бесполезно...

— Я вам повторяю: позвоните товарищу Зимянину, — закончил разговор Черненко.

Любимов позвонил Зимянину.

— Мы вам покажем! — возбужденно говорил Михаил Васильевич. — Вы что это беспокоите членов политбюро, до какой наглости вы дошли!

То есть Черненко действительно попросил Зимянина разобраться. Вот тот и разбирался:

— Все ваше окружение антисоветское!

— Ну, раз все антисоветчики, один вы советчик, то посоветуйте хоть что-нибудь.

— Ах, вы еще это, шутить, я вам дошучусь!

Смерть министра обороны

Перед назначением председателем Совета министров Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева трижды вызывали в Москву — на смотрины. Несколько дней Назарбаев сидел безвылазно в гостинице. Но Черненко был совсем плох, не мог найти в себе силы встретиться. Назарбаеву звонили:

— Принять не может — болен. Лети обратно.

Через неделю снова вызов в Москву. Сидел в той же гостинице, пока не позвонили:

— Возвращайся в Алма-Ату.

И только с третьей попытки получилось. В марте 1984 года в кабинет генерального секретаря его привел главный партийный кадровик Егор Кузьмич Лигачев. Он коротко представил Назарбаева генеральному секретарю. Константин Устинович даже не смог ничего произнести, кроме нескольких слов:

— Вернетесь, передайте привет товарищам.

Весной 1984 года министра юстиции Владимира Теребилова вызвали в ЦК. С ним разговаривал Горбачев, который предложил перейти председателем Верховного суда СССР. Затем Теребилова, как положено, провели к генсеку. Беседа с Черненко заняла несколько минут. Здороваясь, он даже не встал. Спросил:

— С Горбачевым переговорили? Ну и ладно... Я вас знаю.

И вяло махнул рукой.

Черненко продержался еще год. В определенном смысле избрание его было подарком судьбы для Горбачева. Если бы генеральным избрали, скажем, более крепкого Андрея Андреевича Громыко, он бы надолго занял кресло. Михаил Сергеевич мог бы и не дождаться, пока оно освободится.

Черненко, надо отдать ему должное, не пытался отодвинуть Горбачева, как многие поступили бы на его месте. К Михаилу Сергеевичу у него могло быть завистливое и неприязненное отношение: молодой, здоровый, я скоро уйду, а он сядет на мое место. Но он поддерживал Горбачева.

Михаил Сергеевич смог стать генеральным только потому, что Черненко настоял на том, чтобы в его отсутствие именно Горбачев вел заседания секретариата и политбюро.

Но сам Черненко чувствовал себя все хуже.

Дмитрий Федорович Устинов, оптимист и жизнелюб, был опорой Черненко. Поддержка министра обороны многое значила для Черненко. С ним Константин Устинович чувствовал себя увереннее и бодрее.

Устинов рассказывал ему:

— Ты знаешь, я тут своих помощников поднял на крыло. Прихожу утром в девять и говорю: «А где у тебя чемодан?» — «Какой чемодан?» — «Как какой? Мы через полчаса летим в Североморск». Ну, они мужики тертые, у них всё при себе. Вызвали машины и в аэропорт. Полетели в Североморск. Никто ничего не знал, даже командующий флотом. Я им говорю: «Веди на подлодку. Погляжу». Протащил их там через кубрики. Они запыхались. Потом собрал военный совет и объяснил, зачем приехал: начинаем новое строительство. Вечером улетел.

И радостно заключил:

— Дал я им шороху!

Осенью 1984 года состоялись совместные военные учения на территории Чехословакии. В них принимали участие Устинов и министр национальной обороны Чехословакии генерал армии Мартин Дзур. Он стал министром обороны еще при Александре Дубчеке, во время Пражской весны. В августе 1968 года генерал приказал армии не оказывать сопротивления вступившим в страну войскам Варшавского договора, поэтому сохранил свой пост, когда других соратников снятого с должности либерального первого секретаря ЦК компартии Чехословакии выбросили из политической жизни.

После маневров советская делегация задержалась, что-

бы принять участие в праздновании сорокалетия Словацкого национального восстания. Советских гостей повезли в горы, прием устроили на открытой террасе. Погода была плохая. Устинов сильно простудился. Возможно, заразился от кого-то вирусной инфекцией, которую вначале приняли за обычный грипп. Военачальники братских армий, как это было принято, крепко обнимались и жарко целовались. Тот же недуг поразил и министра обороны Чехословакии генерала Мартина Дзура...

Вернувшись с маневров, Устинов почувствовал недомогание, у него началась лихорадка, очаг инфекции возник в легких.

Министру обороны предстояло провести большое совещание: подводились итоги боевой и политической подготовки Вооруженных сил СССР в 1984 году и ставились задачи на будущий год. Собрали все руководство вооруженных сил страны — военных округов, групп войск, армий, корпусов. Присутствовал центральный аппарат Министерства обороны и Генерального штаба, а также представители ЦК КПСС, Совета министров, военно-промышленного комплекса, Министерства иностранных дел и Комитета госбезопасности.

А чувствовал себя министр очень плохо.

«Все присутствующие обратили внимание на состояние Дмитрия Федоровича, — рассказывал заместитель начальника Главного политического управления генерал-полковник Борис Павлович Уткин. — Он был менее энергичен, чем прежде, плохо выглядел. Отнесли это к озабоченности предстоящим совещанием. Между тем объяснялось это другим — болезнью».

На другой день Устинов должен был произнести большую речь. Министру советовали выступить коротко, а основной доклад поручить первому заму — маршалу Сергею Леонидовичу Соколову. Устинов не соглашался. Начальник Центрального военно-медицинского управления Федор Иванович Коротков распорядился сделать ему какие-то уколы. И он вышел на трибуну.

Минут тридцать Устинов говорил нормально. За его спиной офицер Генштаба по ходу доклада демонстрировал те или иные таблицы, карты, схемы. А потом Устинов побледнел, стал ошибаться, как-то странно запинаться. Все поняли: с министром что-то неладное. Казалось, он сейчас упадет. Его помощник генерал Игорь Вячеславович Илларионов — к президиуму:

— Не видите, что ли? Он сейчас свалится.

Когда Устинов опять запнулся, Соколов подошел к министру:

— Дмитрий Федорович, пора нам перерыв сделать.

Устинов пытался еще что-то говорить, но помощник взял его под руку и помог сесть. После двадцатиминутного перерыва на трибуну поднялся маршал Соколов:

— Министр обороны поручил мне дочитать его доклад.

Вызвали врачей. Чазов забрал Дмитрия Федоровича к себе в Центральную клиническую больницу, откуда тот уже не выйдет. Хотя поначалу ничто не предвещало трагического исхода.

Устинов был заводным и веселым человеком, отличался таким жизнелюбием, что его трудно было выбить из колеи. Обладал фантастической работоспособностью и, казалось, отменным здоровьем. Однако он перенес болезнь и смерть жены, что сильно на него подействовало. Болел сам, и серьезно: две операции по поводу злокачественной опухоли, инфаркт миокарда, урологическую операцию. Он продолжал работать в прежнем бешеном темпе, не давая пощады ни себе, ни другим. Надорвался, и страна надорвалась вместе с ним.

Из больницы он позвонил своему первому заместителю в Министерстве обороны маршалу Василию Ивановичу Петрову. Голос был слабый, и Петров не сразу понял, кто с ним говорит.

Устинов огорченно произнес:

— Вы меня не узнаёте.

Вот теперь маршал сообразил, что звонит министр:

— Петров, слушаю вас.

— Я должен был лететь во Вьетнам на празднование сорокалетия их армии, — сказал Устинов, — врачи не разрешают. С моей группой летите вы! Вопрос согласован с Ле Зуаном и Константином Устиновичем Черненко.

— Я постараюсь с честью эту задачу выполнить, срыва не будет, — обещал маршал Петров и поинтересовался: — Как у вас дела, Дмитрий Федорович?

— Воспалились легкие, но эту болезнь я преодолею, — ответил тот тихо.

«Перед заседанием политбюро, — записал в дневнике председатель Совета министров России Виталий Воротников, — Черненко информировал, что Устинов несколько дней в больнице. Наступило резкое ухудшение. (А я не знал, что с ним. Рак? Неизвестно.) Все посочувствовали — надо надеяться. Состояние здоровья, особенно руководителей

страны, тайна за семью печатями, никакой информации не получишь. Каждый имел в поликлинике определенный код (номер истории болезни). Под этот код шли все процедуры, лекарства. Кто и когда завел такой порядок?»

Устинова положили на третьем этаже в Центральной клинической больнице, где в люксе на четвертом этаже обосновался тяжело больной генеральный секретарь. Черненко периодически укладывался на больничную койку. Немного подлечат, он выйдет.

Огорченный Константин Устинович пошел навестить Дмитрия Федоровича: что же он там расхворался? Устинов, лежа на больничной койке, утешал генсека:

— Держись, Костя! Ну, ты давай, не поддавайся. Ничего, все пройдет, все нормально. Твоя болезнь обязательно отступит. Нам не пристало сдаваться...

— Ты-то как сам?

— Я пробуду дня три-четыре, оклемаюсь — и на службу, хватит тут лежать. Работы невпроворот, дел уйма.

А через четыре дня его не стало.

Лечение не давало эффекта. Несмотря на проводимую терапию, у Дмитрия Федоровича шел инфекционный процесс вирусного происхождения. Начала увеличиваться аневризма аорты, что грозило разрывом сосуда и мгновенной смертью. Устинова пришлось оперировать. Операция протекала тяжело — массированное кровотечение. Обычное переливание крови не помогало, прибегли к прямому переливанию. Подошла кровь присутствовавшего в операционной анестезиолога, его сразу положили на стол.

Несмотря на усилия медицины, Устинов 20 декабря 1984 года погиб от нарастающей интоксикации. Заболевший одновременно с ним министр национальной обороны Чехословакии генерал армии Мартин Дзур пережил его на три недели.

«Умер Устинов, — записал в дневнике заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Анатолий Сергеевич Черняев. — Хоронят обыденно. Видно, не хотят «“акцентировать”».

На похороны Черненко не пришел, хотя смерть Устинова была для него сильнейшим потрясением. Этот удар был сильнее, чем смерть Брежнева.

— Дмитрий Федорович, я от тебя этого не ожидал, — с горечью произнес он.

Но врачи запретили ему присутствовать на похоронах из-за сильного мороза.

Пока веселый, мажорный, заводной Устинов был рядом, Черненко еще бодрился. Потеряв надежного соратника, Константин Устинович совсем сник. Ему самому жить оставалось считаные недели.

Тайная дипломатия Громыко

9 января 1985 года на политбюро рассматривался вопрос об участии в совещании политического консультативного комитета Организации Варшавского договора в Софии. Черненко предоставил слово академику Чазову. Тот сказал:

— Константин Устинович не сможет возглавить советскую делегацию. Выезд генерального секретаря куда-либо нежелателен.

7 февраля Черненко в последний раз приехал в свой кабинет. Сказал членам политбюро:

— Я на некоторое время как-то вышел из боевого строя, но старался внимательно читать все документы и по наиболее важным вопросам принимать решения. Думаю, что нам следует продолжать в таком же духе нашу работу, не выдумывая каких-то новых форм.

Черненко поздравил с днем рождения члена политбюро Григория Васильевича Романова, которого Андропов перевел из Ленинграда секретарем ЦК по оборонному комплексу. Обсудили несколько вопросов, и Константин Устинович с трудом поднялся:

— Желаю всем товарищам больших успехов.

Пока Черненко оставался генеральным, все шло по обычной колее. Решили снимать о нем большой документальный фильм. Уговорили героя:

— Давайте сделаем фильм к следующему партийному съезду. Такой фильм, который вам понравится.

Режиссером должен был стать известный документалист Леонид Владимирович Махнач. Запланировали съемки там, где работал будущий генеральный, — в Красноярске, Пензе, Молдавии. Но не успели...

В феврале его помощники работали над статьей, которая должна была появиться за подписью Черненко. В эти дни он почувствовал себя лучше и из Центральной клинической больницы приехал к себе на дачу в Усово. Его старший помощник Прибытков жил там же. Вечером он с женой и сыном пошел в кино. Во время сеанса по трансляции объявили:

— Прибыткову срочно выйти.

Оказывается, его ищет Черненко:

— Константин Устинович просит вас срочно позвонить.

Что случилось? В одиннадцатом часу встревоженный Прибытков позвонил генеральному на дачу.

— Слушай, — сказал Черненко, — вот мы говорили с Вадимом Печеневым, хотели вставить кусок о социальной политике партии. Но что-то этого куска нет. У тебя есть текст под руками? Ты завтра договорись с Вадимом — кусок должен быть.

А голос очень слабый...

Виктор Гришин в марте 1985 года вытащил умирающего Черненко из постели, чтобы вручить ему удостоверение об избрании депутатом Верховного Совета РСФСР. Рядом с ним стоял первый секретарь Куйбышевского райкома партии Юрий Анатольевич Прокофьев.

Прокофьеву дозволили присутствовать на этой печально знаменитой церемонии, показанной в программе «Время», и подарить умирающему генеральному секретарю цветы, потому что именно его району выпала счастливая доля выдвинуть Черненко в депутаты Верховного Совета РСФСР. Скучный и мелкий чиновник, Прокофьев как начал в школе трудовую деятельность старшим пионервожатым, так и шел неостановимо по комсомольской лестнице. Потом его перевели на партийную работу, и он стал трудолюбиво двигаться вверх. Пройдет несколько лет, и Прокофьев займет место Гришина.

Страна увидела, что глава государства еле стоит на ногах. Черненко неадекватно оценивал свое состояние. Ему казалось, что, держась за ручку кресла, он может стоять. На самом деле он был плох. Но сказать ему, что в таком состоянии не следует вообще участвовать в публичной церемонии, никто не решался.

Андрей Андреевич Громыко упрекал других членов политбюро за раболепство. Рассказывал сыну, как они с Андроповым были у тяжело больного Брежнева. Тому нездоровилось. Леонид Ильич вдруг сказал:

— А не уйти ли мне на пенсию? Чувствую себя плохо все чаще. Надо что-то предпринимать.

Брежнев был настроен на серьезный, долгий разговор. Но Андропов тут же сказал:

— Леонид Ильич, вы только живите и ни о чем не беспокойтесь, только живите. Соратники у вас крепкие, мы не подведем.

Брежнев растрогался и со слезами на глазах ответил:

— Если вы все так считаете, то еще поработаю.

Громыко осуждал Андропова за лесть, но сам практически то же самое сказал уже умиравшему Черненко.

Дня за три до своей смерти Константин Устинович позвонил министру иностранных дел:

— Андрей Андреевич, чувствую себя плохо. Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку. Советуюсь с тобой...

Громыко не хотел рисковать:

— Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь, насколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.

— Значит, не спешить? — переспросил с надеждой в слабеющем голосе Константин Устинович.

— Да! Спешить не надо, это было бы неоправданно.

Черненко остался доволен разговором. Громыко подтвердил свою славу великого дипломата. Для страны такая дипломатия была, конечно, губительна. Но министр в эти сложные дни думал о себе.

Черненко пришел к власти в момент обострения отношений с Соединенными Штатами. Константин Устинович считал своей важнейшей задачей смягчить напряженность и улучшить отношения с Западом, избавить людей от страха войны.

Вместе с министром иностранных дел Громыко он принимал премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер. Как положено, зачитал заготовленный текст, а потом вдруг сказал Тэтчер:

— Давайте дружить по всем линиям. У нас есть много резервов, контактов, возможностей для настоящих отношений дружбы между нашими народами, между правительствами... Что нам мешает?

Громыко испугался: не полагалось так разговаривать с западными политиками. Дружить можно было только с соцстранами. А Черненко был искренен в своем желании прекратить конфронтацию. Но его слова остались благим пожеланием. В мире плохо понимали, что происходит в Советском Союзе, отгородившемся от всего мира.

Когда в феврале 1983 года американская делегация прилетела на похороны Юрия Андропова, эксперты по Советскому Союзу даже не знали, был ли он женат, — настолько мало было о нем известно. На похоронах они впервые увидели его вдову.

О Черненко в Вашингтоне знали еще меньше. Опять же не подозревали о том, как серьезно он болен. Президент

США Рональд Рейган строил планы в отношении советского руководителя. Записал в дневнике:

«22 февраля 1984 года. Мы с государственным секретарем Шульцем обсуждали дела с Советами: как мы должны реагировать на мягкий тон Черненко в беседе с Шульцем. У меня есть хорошее ощущение, что я должен обсудить с ним наши проблемы один на один и попытаться убедить его в том, что Советы много приобретут, если присоединятся к семье народов».

Через десять дней, 2 марта, Рейган пометил в дневнике:

«Секретное совещание с участием нашего посла в Москве Хартмана. Обсуждали план установления контактов с Советами. Я убежден, что настало время мне встретиться с Черненко в июле. Мы собираемся начать с контактов на министерском уровне — обсуждать темы, которые были заморожены после того, как сбили корейский самолет».

Рональд Рейган последовательно писал личные письма трем руководителям Советского Союза: Брежневу, Черненко и Андропову. С каждым из них хотел встретиться и поговорить. Не удалось, все трое были слишком больны, чтобы найти в себе силы для поездки в Соединенные Штаты на переговоры. Как выразился Рейган, «они умирают, не дождавшись встречи со мной».

В полдень 10 марта 1985 года генеральный секретарь ЦК КПСС потерял сознание. В 19 часов 20 минут у него остановилось сердце.

11 марта был пасмурный и тоскливый день. На заседании политбюро академик Чазов зачитал медицинское заключение о смерти Черненко.

«Меня разбудили в четыре часа утра и сообщили, что умер Черненко, — пометил в дневнике президент Рональд Рейган 11 марта. — Я задумался над тем, надо ли мне ехать на похороны. Инстинкт говорит: нет. Джордж Шульц пытался меня переубедить, но не сумел. Не думаю, что он на самом деле хочет, чтобы я ехал... Есть сообщения, что Горбачев возглавит Советский Союз».

Печалились, похоже, только семья и ближайшее окружение покойного. И на поминки по Черненко члены политбюро не приехали. Появился лишь секретарь ЦК по промышленности Владимир Иванович Долгих, тоже выходец из Красноярска.

ГОРБАЧЕВ
АВГУСТ БЕЗ ПРЕЗИДЕНТА

Заговор и заговорщики

19 августа 1991 года страна проснулась и узнала, что президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев по состоянию здоровья отставлен от должности, а бразды правления взял на себя Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП).

По прошествии лет августовский путч кажется чем-то смешным и нелепым, дворцовой интригой, кремлевской опереткой. Одни с трудом вспоминают, что Михаила Сергеевича вроде и в самом деле заперли в его летней резиденции в Форосе, а другие уверены, что он сам, не желая отказываться от морских купаний, послал других навести порядок в стране, а потом почему-то на них обиделся и велел арестовать... Конечно, даже недавняя история быстро забывается. Но те, кто наблюдал за событиями не со стороны, кто находился тогда в Москве, помнят, что нам было не до шуток. ГКЧП продержался всего три дня. Но эти три дня разрушили нашу страну.

Горбачев находился в отпуске. Он должен был вернуться, чтобы 20 августа 1991 года подписать Союзный договор, который должен был сохранить единое государство в обновленной форме. Союзные республики получали значительно больше прав, но оставались в составе СССР.

Накануне отъезда в отпуск, 29 июля, Горбачев встретился в своей резиденции Ново-Огарево с президентом РСФСР Борисом Николаевичем Ельциным и президентом Казахстана Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Обсуждались самые что ни на есть деликатные проблемы.

Горбачев вспоминает:

«Разговор шел о том, какие шаги следует предпринять после подписания Союзного договора. Согласились, что надо энергично распорядиться возможностями, создаваемыми Договором и для республик, и для Союза...

Возник разговор о кадрах. В первую очередь речь, естественно, пошла о президенте Союза суверенных государств. Ельцин высказался за выдвижение на этот пост Горбачева.

В ходе обмена мнениями родилось предложение рекомендовать Назарбаева на пост главы кабинета министров. Он сказал, что готов взять на себя эту ответственность... Конкретно встал вопрос о министре обороны Язове и председателе КГБ Крючкове — их уходе на пенсию.

Ельцин чувствовал себя неуютно: как бы ощущал, что кто-то сидит рядом и подслушивает. А свидетелей в этом случае не должно было быть. Он даже несколько раз выходил на веранду, чтобы оглядеться, настолько не мог сдержать беспокойства.

Сейчас я вижу, что чутье его не обманывало. Плеханов (начальник Девятого управления КГБ) готовил для этой встречи комнату, где я обычно работал над докладами, рядом другую, где можно перекусить и отдохнуть. Так вот, видимо, все было заранее "оборудовано", сделана запись нашего разговора, и, ознакомившись с нею, Крючков получил аргумент, который заставил и остальных окончательно потерять голову.

Поэтому заявления гэкачепистов о том, что ими двигало одно лишь патриотическое чувство, — демагогия, рассчитанная на простаков».

Замену нашли только главе союзного правительства Валентину Сергеевичу Павлову, но и Крючкова с Язовым твердо решили отправить на пенсию. Ельцин рассказывал, что после августовского путча он своими глазами видел сделанную чекистами оперативную запись их разговора с Горбачевым и Назарбаевым.

«Переворот готовили заранее, — вспоминает Петр Кириллович Лучинский, который в 1991 году был секретарем ЦК КПСС. — Определенные намеки поступали и в мой адрес. Например, Болдин, один из самых влиятельных помощников Горбачева, мне говорил сухим, едва ли не приказным тоном:

— Вам надо встретиться с Язовым!

Я уклонялся от этого, понимал, что дело нечисто, подозревал провокацию. Ведь я был недавним членом политбюро, мало ли, думал, какие у них существуют проверки... Кто же мог предположить, что один из самых доверенных людей Горбачева — Болдин устроит, по сути, государственный переворот?»

Председатель КГБ Крючков пытался установить контакт с секретарем ЦК по международным делам Валентином Михайловичем Фалиным, недовольным линией Горбачева в немецких делах. Крючков заговорил о «неадекватном поведении» президента, которое «всех беспокоит». Ни о чем не подозревавший Фалин предложил откровенно поговорить с Горбачевым. Больше Крючков ему не звонил.

Позднее следственная бригада под руководством генерального прокурора России установила, как развивались события.

4 августа, в воскресенье, Горбачев улетел в Крым. Его провожало все руководство страны. Вице-президенту Геннадию Ивановичу Янаеву Михаил Сергеевич сказал:

— Ты остаешься на хозяйстве.

Заместитель генерального секретаря ЦК КПСС Владимир Антонович Ивашко болел и уехал поправлять здоровье в подмосковный санаторий «Барвиха». Его обязанности исполнял Олег Семенович Шенин, отвечавший в ЦК за оргвопросы.

Олег Шенин прежде работал первым секретарем Красноярского крайкома. Летом 1990 года Горбачев перевел понравившегося ему Шенина в Москву членом политбюро и секретарем ЦК КПСС. Уходя в отпуск, Михаил Сергеевич просил его присматривать за партийными делами, в сложной ситуации действовать по обстоятельствам.

Горбачев, похоже, не хотел задумываться над тем, что секретарь ЦК по оргделам — его принципиальный идеологический противник. В апреле 1991 года Олег Шенин выступал на партийной конференции аппарата и войск КГБ СССР:

— Если посмотреть, как у нас внешние сионистские центры и сионистские центры Советского Союза сейчас мощно поддерживают некоторые политические силы, если бы это можно было показать и обнародовать, то многие начали бы понимать, кто такой Борис Николаевич и иже с ним... Я без введения режима чрезвычайного положения не вижу нашего дальнейшего развития, не вижу возможности политической стабилизации и стабилизации экономики.

На секретариате ЦК Шенин бросил:

— Надо что-то делать. А то будем висеть на фонарях на Старой площади.

Что не помешало именно Олегу Шенину в марте 1991 года от имени секретариата ЦК поздравить Михаила Сергеевича с днем рождения и произнести речь о его выдающихся

качествах. В тот день Горбачев пригласил к себе в кабинет всего полтора десятка человек, угощал шампанским.

Начальник службы охраны Плеханов улетел вместе с Горбачевым — так полагалось. Юрий Сергеевич Плеханов, окончивший заочно пединститут и перешедший с комсомольской работы на партийную, много лет работал у председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова. Получил погоны генерал-лейтенанта и стал начальником 9-го управления КГБ (охрана руководителей партии и государства) — Горбачев доверял андроповским кадрам.

В Форосе Плеханов неожиданно сказал начальнику личной охраны президента генералу Владимиру Тимофеевичу Медведеву:

— У тебя усталый вид. Отдохнуть бы тебе надо.

Медведев удивился: отпуск ему всегда давали зимой, а тут такая забота. Смысл ее станет ясен позднее. Плеханов даже поговорил с Горбачевым, но тот своего главного охранника не отпустил. Через несколько дней Плеханов вернулся в Москву.

На следующий день после отъезда Горбачева, 5 августа, Валерий Иванович Болдин (заведующий общим отделом ЦК и глава президентской администрации) и секретарь ЦК Шенин позвонили Крючкову. С намеком спросили: читал ли председатель КГБ проект Союзного договора и понимает ли он, что будет означать его принятие? Крючков предложил встретиться в неформальной обстановке и обсудить ситуацию.

Он же нашел и место встречи — особняк Комитета госбезопасности «АБЦ», который находился на улице Академика Варги, 1. В служебных документах «АБЦ» значился как «Объект КГБ СССР для обучения иностранцев и приема зарубежных делегаций». Здесь встречались высшие руководители Комитета госбезопасности, когда им хотелось отдохнуть и поговорить в неформальной обстановке. Здесь есть сауна, бассейн, комнаты отдыха и хорошая кухня с запасом продуктов и выпивки на все вкусы. Объект круглосуточно охранялся прапорщиками КГБ. Право беспрепятственного доступа имели председатель комитета и его заместители.

Перед каждой встречей председатель КГБ звонил начальнику внешней разведки генерал-лейтенанту Леониду Владимировичу Шебаршину (объект находился в его ведении), спрашивал, свободен ли гостевой дом, просил все подготовить.

В восемь вечера на улицу Академики Варги прибыл министр обороны маршал Дмитрий Тимофеевич Язов с одним охранником и без машины сопровождения. С его автомобиля в целях конспирации даже сняли проблесковый маячок.

Затем приехали Крючков на «мерседесе», Болдин, Шенин, а также секретарь ЦК по военно-промышленному комплексу Олег Данилович Бакланов (он же председатель комиссии ЦК по военной политике и заместитель председателя Совета обороны).

Почему Бакланов присоединился к этой группе? Однажды на заседании политбюро Горбачев сказал ему:

— А ты какие деньги жрешь? Один старт твоей ракеты сколько стоит? Плюнул один раз в космос, миллиарды там летают...

На другом заседании политбюро Горбачев сказал:

— Мы тратим в два с половиной раза больше, чем США, на военные нужды. Ни одно государство, кроме слаборазвитых, которых мы заваливаем оружием, ничего не получая взамен, не расходует на эти цели в расчете на душу населения больше, чем мы...

В отсутствие Горбачева они чувствовали себя свободно и откровенно говорили о том, что наведение порядка в стране требует жестких мер и нужно их готовить. Разъехались около одиннадцати вечера.

На следующий день маршал Язов вызвал к себе командующего воздушно-десантными войсками Павла Сергеевича Грачева (удостоенного в Афганистане «Золотой Звезды» Героя «за умелое выполнение боевых задач при наименьших потерях среди личного состава») и сказал, что ему поручается совместная работа с КГБ над важным документом. Велел Грачеву немедленно ехать в комитет, потому что Крючков желает с ним познакомиться.

Все это известно со слов самого Павла Сергеевича, который после провала августовского путча охотно беседовал со следователями. Маршалу Язову не оставалось ничего иного, как подтвердить его показания.

— Крючков сам выходит мне навстречу, — рассказывал Грачев. — Обнял за плечи: «Слышал-слышал, молодец, теперь надо с тобой познакомиться... Хороший командир».

Было около семи вечера. В кабинете Крючкова находились генерал-майор Владимир Иванович Жижин, бывший начальник его секретариата, назначенный заместителем начальника Первого главного управления КГБ (внешняя

разведка), и полковник Алексей Георгиевич Егоров, помощник первого заместителя председателя КГБ Виктора Федоровича Грушко.

По словам Грачева, председатель КГБ говорил так:

— Внутриполитическая обстановка в стране нестабильна. Все это может привести к хаосу и негативным настроениям отдельных слоев населения. А в дальнейшем — даже к гражданской войне. Эту обстановку надо исправлять. Конечно, в первую очередь политическим путем — это смена руководства. Тем более что Михаил Сергеевич болен, тяжело болен, и возможно, что он через несколько дней подаст в отставку. Но в связи с тем, что его уход разные люди могут расценить по-разному, необходимо выработать план действий политического руководства страны в нестандартной обстановке. С этой целью необходимо проработать проект плана и представить его на рассмотрение политического руководства страны.

Грачев заметил:

— Я командующий воздушно-десантными войсками. Я в политике слабак, меня этому делу не учили. Я могу поехать, там.. воевать, обучать солдат... По-моему, это не в мой адрес.

— Нет, в ваш адрес, — ответил Крючков. — В случае напряженной обстановки десантники в первую очередь нам потребуются, чтобы вместе с соответствующими органами государственной безопасности стабилизировать обстановку.

— Ну, если так, — кивнул Грачев, — доложу министру обороны.

— С министром обороны все согласовано.

— А что мне нужно делать?

— Есть хорошая дача. Там отдохнете и заодно поработаете вместе с нашими товарищами.

Грачев, Жижин и Егоров перешли в кабинет генерала Грушко, в комитете он считался любимцем Крючкова. Первый заместитель председателя уточнил, что им предстоит просчитать последствия введения чрезвычайного положения в стране, а также — какие силы для этого понадобятся. Дисциплинированный Грачев все же позвонил Язову и доложил о поручении председателя КГБ. Министр обороны разрешил ему участвовать в этой работе.

На следующий день Грачев подъехал к посту ГАИ по Ленинградскому шоссе. Там стояла черная «Волга». Два молодых человека предложили пересесть в их машину. Генерала доставили в красивый особнячок. Это был объект

Второго главного управления КГБ (контрразведка) под названием «конспиративная дача № 65» в деревне Машкино Химкинского района Московской области.

Там, как это принято у чекистов в работе с доверенными лицами, уже был накрыт стол. Начали с обеда. Один из офицеров КГБ объяснил:

— Павел Сергеевич, нам поручено разработать проект решения политического руководства на случай передачи политической власти от Горбачева другому лидеру нашего государства.

— А кто другой?

— Мы сами не знаем.

Они выложили на стол охапку бумаг.

— А это что такое? — спросил Грачев.

— Варианты перехода власти от одного правителя к другому в различных странах.

— Вы там что, тоже работали?

Все заулыбались.

— Павел Сергеевич, если мы будем привлекать войска для усиленной охраны объектов, вы можете расписать, что нужно усиливать в городе Москве?

— Вы же знаете революцию семнадцатого года. Здания правительства, мэрии, банки, вокзалы, телефонные станции, телевизионные помещения... Можно набросать, конечно,

— И состав сил и средств, конечно.

— Тульская воздушно-десантная дивизия готова удерживать любой объект.

Втроем они подготовили обширную записку с указанием, какие силы для этого потребуются. Грачев предложил вызвать на случай волнений в Москве Тульскую воздушно-десантную дивизию. Повезли доклад Крючкову, Грачев отдал сокращенную копию Язову.

14 августа Крючков собрал свою команду. Сказал, что Горбачев не в состоянии адекватно оценить обстановку, у президента психическое расстройство, он собирается подать в отставку и, вероятно, придется вводить чрезвычайное положение. Председатель комитета поручил — вместе с Грачевым — подготовить проекты первоочередных документов на случай введения чрезвычайного положения.

На следующий день Грачев, Егоров и Жижин встретились в том же загородном особняке и подготовили проекты материалов, которые вечером переслали Грушко и генерал-полковнику Всеволоду Алексеевичу Ачалову, заместителю

министра обороны, прежде командовавшему десантными войсками. Они вместе доработали документы, которые вскоре подпишут члены ГКЧП, — это «Постановление № 1», «Заявление Советского руководства», «Обращение к советскому народу».

16 августа утром Грушко передал все документы Крючкову.

В тот же день секретарь ЦК Олег Бакланов приехал к Крючкову на Лубянку. Тогда, надо понимать, и было принято окончательное решение действовать. Из членов ГКЧП они двое окажутся самыми деятельными.

Во второй половине дня Крючков сказал своему заместителю Гению Евгеньевичу Агееву, бывшему секретарю парткома КГБ, что создается Комитет по чрезвычайному положению и Союзный договор 20 августа подписан не будет. Горбачева попросят передать власть ГКЧП, если он откажется, возникнет необходимость изолировать президента. Крючков поручил Агееву подобрать связистов, которые этим займутся, — им утром 18 августа лететь в Крым.

Генерал-полковник Агеев отозвал из отпуска начальника Управления правительственной связи КГБ Анатолия Григорьевича Беду. 17 августа тот сформировал группу из пяти сотрудников во главе со своим первым заместителем Александром Сергеевичем Глущенко.

Крючков пригласил к себе и начальника службы охраны генерала Плеханова, который должен был, во-первых, обеспечить доступ в резиденцию Горбачева, а при необходимости ее изолировать. Плеханов, в свою очередь, вызвал начальника Специального эксплуатационно-технического управления при хозяйственном управлении КГБ Вячеслава Владимировича Генералова и поручил ему все организовать на месте.

Из отпуска отозвали начальника 12-го отдела КГБ Евгения Ивановича Калгина, бывшего личного секретаря Андропова. 12-й отдел занимался прослушиванием телефонных разговоров и помещений, а также перехватом сообщений, передаваемых факсимильной связью. Контролеры 12-го отдела, в основном женщины, владели стенографией и машинописью, их учили распознавать голоса прослушиваемых лиц.

Крючков пояснил: накануне подписания Союзного договора готовится крупная провокация. Приказал Калгину и Беде организовать прослушивание разговоров, которые ведутся по телефонам правительственной связи ру-

ководителей России: Ельцина, главы правительства Ивана Степановича Силаева, вице-президента Александра Владимировича Руцкого, первого заместителя председателя Верховного Совета Руслана Имрановича Хасбулатова, государственного секретаря Геннадия Эдуардовича Бурбулиса, а также бывшего министра внутренних дел СССР Вадима Викторовича Бакатина. Задача: не только знать, что они обсуждают, но и где в каждый данный момент находятся, — на тот случай, если будет принято решение их изолировать.

Заодно подозрительный — по характеру и роду деятельности — Крючков распорядился организовать слуховой контроль телефонов своих соратников вице-президента СССР Янаева и председателя Верховного Совета СССР Анатолия Ивановича Лукьянова, чтобы знать, не попытаются ли они вести двойную игру. Прослушивание разговоров шло с 16 по 21 августа. Самую интересную информацию представляли в письменном виде Крючкову, в его отсутствие — Гению Агееву.

Когда Ельцин вернулся в Москву вечером 18 августа, стали прослушивать все его аппараты — в Белом доме и на даче в Архангельском. 19 августа его телефоны просто отключили. 21 августа, когда путч провалится, Крючков распорядился прекратить прослушивание, а все материалы, включая магнитофонные записи, уничтожить...

16 августа после разговора с Крючковым маршал Язов распорядился выделить военные вертолеты для скорейшей доставки в Москву председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова, находившегося в отпуске.

Будущие члены ГКЧП постоянно беседовали с Лукьяновым, от позиции которого многое зависело. Все контакты зафиксированы, потому что беседы велись через оператора спецкоммутатора — это система телефонной связи, пользоваться которой могли всего несколько десятков высших руководителей государства. Спецкоммутатор очень удобен: достаточно назвать оператору имя человека, с которым хочешь поговорить, и его отыщут, где бы он ни находился — дома, на даче, в машине или даже в самолете — по закрытой космической связи. Но о каждом разговоре операторы делают пометку в журнале с точным указанием времени разговора и его продолжительности.

8 августа Крючков разговаривал с Лукьяновым двадцать с лишним минут. Через день опять позвонил Лукьянову. Потом с председателем Верховного Совета связался премьер-министр Павлов. 12 августа Лукьянову звонил еще

один будущий член ГКЧП — секретарь ЦК Шенин. Он же попросил соединить его с Анатолием Ивановичем 16 августа. Тот был занят и перезвонил попозже.

Для Лукьянова военные летчики подготовили два вертолета, оборудованные салонами для перевозки пассажиров литера «А». Но когда они прилетели на Валдай и сели на аэродроме Хотилово, выяснилось, что заторопившийся в столицу Лукьянов уже улетел вертолетом спецподразделения гражданской авиации. При этом Анатолий Иванович тщательно скрывал свое намерение неожиданно вернуться в Москву от самых близких сотрудников.

Тогдашний председатель Совета Союза Иван Дмитриевич Лаптев вспоминал, как 17 августа ему позвонил Лукьянов с Валдая:

— К подписанию Союзного договора все готово?

— Да, я только что заходил в Большой Кремлевский дворец, по-моему, все очень здорово.

— А сценарий Михаилу Сергеевичу послали?

— Еще вчера вечером.

— Ну, тогда, значит, так: я прилечу вертолетом в понедельник вечером, Михаил Сергеевич — утром во вторник. В двенадцать часов подпишем договор, мы с Горбачевым будем доотдыхать. Ты тоже можешь собираться в отпуск.

Лукьянов говорил все это Лаптеву, зная, что никакого подписания не будет. На языке спецслужб это называется «операцией прикрытия».

17 августа Крючков велел начальнику 7-го управления КГБ (наружное наблюдение, обыски, аресты) вместе с Министерством обороны спланировать операцию по задержанию президента России Ельцина.

Председатель созданного в мае 1991 года КГБ РСФСР генерал-майор Виктор Валентинович Иваненко вспоминал, как наивно спросил Ельцина:

— Почему нельзя договориться с Крючковым? Страна одна, дело общее, все заинтересованы найти выход.

Ельцин объяснил:

— Они же меня врагом считают.

Борис Николаевич был прав.

Фактически путч начался 17 августа 1991 года, в субботу.

У Крючкова на все том же объекте «АБЦ» собрались министр обороны Язов, глава кабинета министров Павлов, секретарь ЦК Шенин, заместитель председателя Совета обороны Бакланов, руководитель президентского аппарата Болдин, заместитель председателя КГБ Грушко, замми-

нистра обороны Ачалов и еще один заместитель министра обороны — главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии Валентин Иванович Варенников.

Собравшиеся расположились в беседке.

Премьер-министр Павлов сказал, что положение с уборкой урожая тяжелое, нет топлива, стране угрожает голод и холод. Пора принимать самые жесткие меры. Причем это надо сделать до подписания Союзного договора. Если документ подпишут, будет уже поздно.

Крючков вытащил из папки документы, подготовленные его подчиненными Егоровым и Жижиным. Ознакомил с ними будущих членов ГКЧП. Говорили сбивчиво, перебивали друг друга, хотя на самом деле основные шаги обсудили заранее. Генерал Варенников скажет потом на допросе:

— ГКЧП был создан до моего участия в беседе 17 августа.

Сговорились лететь в Форос, чтобы заставить Горбачева ввести чрезвычайное положение. Если откажется — пусть подает в отставку и передает свои полномочия другим. В крайнем случае — объявить больным и изолировать в Форосе. Его обязанности примет на себя по конституции вице-президент Геннадий Янаев. Для руководства страной сформировать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР.

Крючков многозначительно сказал, что относительно охраны Горбачева беспокоиться не надо. Генерал Плеханов обо всем позаботится, связь у Горбачева отключит и вообще примет меры. Какие именно меры — никто не поинтересовался.

На следующий день утром Язов провел совещание в министерстве со своими заместителями и начальниками главных управлений. Приказал командующему Московским военным округом генералу Николаю Васильевичу Калинину быть готовым ввести в Москву 2-ю мотострелковую и 4-ю танковую дивизии. Грачеву — привести в повышенную боевую готовность 106-ю (Тульскую) воздушно-десантную дивизию.

А Крючков поручил своему заместителю генерал-майору Валерию Федоровичу Лебедеву установить наружное наблюдение за группой депутатов. После введения чрезвычайного положения их предполагалось подвергнуть административному аресту и изолировать на территории воинской части, расположенной в поселке Медвежьи Озера.

Первый заместитель председателя КГБ Грушко позвонил начальнику разведки Шебаршину и от имени Крючкова приказал привести в боевую готовность две группы сотрудников отдельного учебного центра — по пятьдесят человек каждая.

— Какое задание? — поинтересовался Шебаршин.

— Не знаю, — коротко ответил Грушко. — Владимир Александрович звонил из машины. Велел передать приказ.

Еще недавно Шебаршин и Грушко были на равном положении. Но теперь Грушко стал не только первым замредом, но и пользовался особыми правами внутри комитета как близкий к Крючкову человек. Он дал указание начальнику политической разведки, не считая нужным ничего объяснять, хотя прекрасно знал, зачем понадобится спецназ. Генералу Шебаршину, которого ни во что не посвятили, пришлось проглотить пилюлю. Впрочем, после провала путча это его спасет...

Отдельный учебный центр был создан после штурма в Кабуле дворца президента Афганистана Хафизулы Амина, когда выяснилось, что у Комитета госбезопасности нет своего спецназа. 19 августа 1981 года политбюро приняло решение создать внутри КГБ отряд специального назначения для проведения операций за пределами Советского Союза «в особый период». Отряд базировался в Балашихе, где еще со времен НКВД находился учебно-тренировочный комплекс диверсионных групп.

Шебаршину позвонил другой заместитель председателя КГБ, Гений Агеев, курировавший военную и транспортную контрразведку:

— Группы готовы? Направьте их в помещение Центрального клуба. И нужны еще сто человек, туда же.

— Экипировка, вооружение? — уточнил Шебаршин.

— Путь берут все, что есть.

18 августа около часа дня в Крым вылетели Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников; их сопровождали Плеханов, Генералов, сотрудники управления правительственной связи (чтобы отключить Горбачеву все телефоны) и группа офицеров 18-го отделения службы охраны КГБ, вооруженные автоматами. Плеханову и Генералову Крючков подчинил Симферопольский пограничный отряд и Балаклавскую бригаду сторожевых кораблей.

А что тем временем происходило в Москве?

Глава правительства Павлов находился у себя на даче. Уезжал сын, по сему поводу был устроен прощальный се-

мейный обед. Позвонил Крючков и сказал, что надо собраться — и лучше бы в кремлевском кабинете Павлова. Осторожный Валентин Сергеевич перезвонил Лукьянову и Янаеву: они-то приедут? Оба подтвердили, что будут.

Геннадий Янаев десять лет спустя рассказывал журналистам:

— Где-то в пять вечера 18 августа я поехал к одному из своих приятелей на дачу. Ужинали. Машина, оборудованная всеми видами связи, стояла около дачи. Вдруг мне докладывают, что в машину звонит председатель КГБ. Крючков мне говорит: «Мы тут собрались в кабинете у Павлова. Надо, чтобы вы подъехали».

К восьми вечера Янаев появился у Павлова. Там уже находились Крючков, Язов, Ачалов и одно новое лицо — министр внутренних дел Борис Карлович Пуго. Министр не знал о готовящемся заговоре, потому что находился в отпуске. С женой, невесткой и внучкой отдыхал в крымском санатории «Южный» (совсем рядом с Форосом).

Он вернулся в Москву 18 августа. Приехал на служебную дачу в поселке Усово. Тут его и застиг роковой звонок. Невестка предложила взять трубку и сказать, что Бориса Карловича нет. Пуго улыбнулся и, к своему несчастью, отказался от предложения, которое, возможно, спасло бы жизнь ему и жене. Звонил Крючков. Поговорив с ним, Пуго соврал семье:

— Крючков говорит, что началась гражданская война в Нагорном Карабахе. Я должен ехать.

Пуго отправился к Язову в Министерство обороны, куда приехал и Крючков. Они ввели Бориса Карловича в курс дела. Тот сразу сказал:

— Я с вами.

Маршал Язов потом рассказывал следователям, что очень удивился готовности Пуго присоединиться к ГКЧП:

— Я вам честно говорю, что за осторожность, за нерешительность, за уход от ответственности я его не уважал, была к нему антипатия. Мне показалось странным, что Пуго приехал и не возражает.

Борис Карлович входил в узкий круг тех, кому Горбачев полностью доверял. Михаил Сергеевич включил его в Совет безопасности, фактически заменивший уже безвластное политбюро. Пуго, как Крючков и Язов, имел право позвонить президенту в любое время на дачу, что другим Горбачев категорически запрещал — не любил, когда беспокоили в нерабочее время. Тем не менее Пуго присоединился к заговор-

щикам. Они хотели того же, что и он: сохранить тот строй, который привел их к власти. Обычная осторожность изменила Борису Карловичу; он, вероятно, решил, что сила на их стороне: кто же способен противостоять армии и КГБ?

Министр внутренних дел отправил своего первого заместителя Ивана Федоровича Шилова в КГБ, где Грушко ставил задачи силовым ведомствам в условиях чрезвычайного положения.

К собравшимся в Кремле присоединился Янаев. И тут Крючкову прямо из самолета позвонили те, кто летал на Форос к Горбачеву. Доложили, что договориться с президентом не удалось. Но остановиться они уже не могли! Раз Горбачев отказался действовать вместе с ними, решили объявить его больным и распорядились подготовить медицинское заключение.

Янаев поинтересовался:

— Что же все-таки с Михаилом Сергеевичем?

Собравшаяся в Кремле компания не воспринимала вице-президента всерьез, поэтому ответили ему резковато:

— А тебе-то что? Мы же не врачи. Болен. Да и какая теперь разница? Страну нужно спасать.

Болдин внятно сказал ему:

— Нам с вами теперь назад дороги нет.

Янаев подписал указ о том, что вступил в должность президента.

Вице-президент Геннадий Иванович Янаев, премьер-министр Валентин Сергеевич Павлов и заместитель председателя Совета обороны Олег Дмитриевич Бакланов подписали «Заявление Советского руководства». В нем говорилось, что Горбачев по состоянию здоровья не может исполнять свои обязанности и передает их Янаеву, в отдельных местностях СССР вводится чрезвычайное положение сроком на шесть месяцев и для управления страной создается Государственный комитет по чрезвычайному положению.

С Валдая прилетел Лукьянов. Он не стал задавать пустые вопросы о самочувствии Горбачева, который искренне считал его своим другом, деловито поинтересовался:

— А у вас есть план действий?

В отличие от Янаева он все прекрасно понимал. А Геннадий Иванович не горел желанием играть первую скрипку. Предложил Анатолию Ивановичу:

— Может быть, тебе возглавить комитет? У тебя авторитета больше, а мне надо еще политическую мускулатуру нарастить.

Лукьянов благоразумно отказался. Но почему опытный Анатолий Иванович вообще ввязался в эту историю? Надо понимать, что, как и остальные, боялся: подписание Союзного договора и грядущие политические перемены лишат его должностей.

Совместными усилиями отредактировали и подписали «Обращение к советскому народу», «Обращение к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН», а также постановление ГКЧП № 1. В лаборатории Центрального научно-исследовательского института КГБ заранее изготовили печати ГКЧП, в том числе с государственным гербом.

Крючков набросал список членов ГКЧП из десяти человек. Лукьянов попросил его фамилию вычеркнуть, объяснив, что иначе не сможет обеспечить принятие нужных решений в Верховном Совете СССР:

— Если вы хотите, чтобы я вам помог, я могу написать заявление о том, что новый Союзный договор неконституционен.

Заявление председателя Верховного Совета СССР было опубликовано вместе с документами ГКЧП в утренних газетах, хотя для маскировки Лукьянов поставил более раннюю дату — 16 августа. Дескать, материал написан заранее и с образованием ГКЧП никак не связан. После провала путча Лукьянов просил начальника секретариата это подтвердить. Тот врать не стал и рассказал следователям:

— Лукьянов пришел к себе в кабинет после совещания у Павлова и сел за стол, сказав, что он должен сейчас написать один документ. Анатолий Иванович взял чистые листы бумаги и стал писать, надиктовывая себе вслух текст заявления по Союзному договору, которое на следующий день появилось вместе с документами ГКЧП. Закончил работу и позвонил Крючкову: «Документ готов».

Зачем Анатолию Ивановичу все это понадобилось? Он больше не связывал свое политическое будущее с Горбачевым. Скорее наоборот, видимо, полагал, что уход Михаила Сергеевича откроет перед ним некоторые перспективы. 25 июля 1991 года Лукьянов выступал на пленуме ЦК.

«В кулуарах после его выступления, — вспоминал секретарь парткома аппарата ЦК Виктор Васильевич Рябов, — можно было услышать: «Вот это выступление государственного мужа. Вот кому надо быть генеральным».

До путча оставалось меньше месяца.

В девять вечера всем предложили чай и кофе. В двенад-

цать ночи перешли на виски. Павлов по телефону связался с Василием Александровичем Стародубцевым, известным в стране человеком, председателем Крестьянского союза, и вызвал его в Москву.

А Крючков позвонил министру иностранных дел Александру Александровичу Бессмертных, который отдыхал в Белоруссии, и без объяснений попросил срочно прибыть в Москву. Министра доставили в столицу на самолете командующего Белорусским военным округом. Бессмертных появился в Кремле в джинсах и куртке, недоуменно осматривал присутствующих. Крючков вышел с министром в другую комнату, наскоро ввел в курс дела и предложил подписать документы.

Бессмертных, как и Лукьянов, попросил исключить его из списка членов ГКЧП:

— Да вы что? Со мной ведь никто из иностранных политиков разговаривать не будет.

Он сам синим карандашом вычеркнул свою фамилию, хотя и опасался, что его несогласие повлечет за собой печальные последствия. Очень тревожился о судьбе своего маленького сына.

Около трех ночи встреча закончилась. Крючков и Грушко вернулись в здание на Лубянке. Грушко домой вообще не поехал, ночевал у себя в кабинете. В пять утра 19 августа Пуго приказал своему первому заместителю Шилову обеспечить армейским колоннам, входящим в Москву, сопровождение машинами госавтоинспекции.

Домой Пуго вернулся под утро очень довольный:

— Ну всё, свалили, убрали мы этого...

Объяснил сыну:

— Горбачев не может управлять страной, мы ввели чрезвычайное положение.

И добавил:

— Я им говорю, что Ельцина надо брать! Мы не стремимся к власти, у нас ее достаточно, но мы прекрасно понимаем, что Горбачев ведет страну к голоду, хаосу, разрухе...

Председателя Гостелерадио Леонида Петровича Кравченко разбудили в четыре утра 19 августа и вызвали в ЦК. Он жил на даче в Жуковке — чекисты прислали за ним две машины. В ЦК объяснили, что Горбачев болен и его обязанности исполняет Янаев. Олег Шенин вручил пакет документов, которые следовало передать по телевидению в шесть утра. Останкино было окружено боевыми машинами. У входа стояли военные. Никого не выпускали и ни-

кого не впускали. Кравченко самого долго не хотели пропускать. Поднявшись наверх, он отдал текст дикторам и распорядился поставить классическую музыку.

19 августа люди проснулись в стране, где произошел переворот. Валентин Павлов, который все дни путча подстегивал себя изрядными порциями спиртного, открыл заседание кабинета министров ернически:

— Ну что, мужики, будем сажать или будем расстреливать?

Его предшественник на этом посту Николай Иванович Рыжков не советовал Горбачеву ставить Павлова председателем Совета министров:

— Я с Валентином работал в Госплане, он был начальником отдела. Он держится, держится, а как поддаст потом — так на несколько дней. Для главы правительства увлекаться этим делом, знаете...

А что же произошло в Крыму? Что делал Горбачев?

18 августа на военном аэродроме «Бельбек» прилетевшую из Москвы депутацию — по приказу министра обороны Язова — встретил командующий Черноморским флотом адмирал Михаил Николаевич Хронопуло. На автомашинах двинулись в Форос.

Увидев своего непосредственного начальника генерала Плеханова, охрана президентской дачи беспрепятственно пропустила нежданных гостей. Плеханов сразу переподчинил охрану президентской дачи Генералову. Тот приказал отключить все виды связи, перекрыть доступ на президентскую дачу, заблокировать подъезд к резиденции и вертолетную площадку. Из своих людей установил дополнительные посты.

Плеханов и Генералов вошли в комнату Медведева, начальника личной охраны президента, расположенную в гостевом доме. Тот был поражен: накануне он разговаривал с Плехановым, и тот сказал, что прилетит 19 августа, а появился днем раньше.

Плеханов приказал Медведеву:

— Доложи, что к Михаилу Сергеевичу приехала группа товарищей. Просят принять.

Горбачев сидел в теплом халате — его прихватил радикулит — и читал газету.

— А зачем они прибыли? — удивился он.

— Не знаю, — искренне ответил Медведев.

Михаил Сергеевич задумался. Он сразу понял то, что не мог сообразить его главный охранник: эти люди приехали к

нему с ультиматумом, и вообще возможно повторение хрущевской истории: Никиту Сергеевича тоже сняли, когда он отдыхал на юге.

Члены ГКЧП надеялись заставить Горбачева примкнуть к ним и согласиться на введение чрезвычайного положения в стране. Они предложили ему подписать указ о введении чрезвычайного положения и сообщили, что намерены арестовать Ельцина, как только он вернется в Москву.

Горбачев не согласился ввести чрезвычайное положение, интуитивно понимая, чем это кончится. В случае успеха это перечеркнуло бы все им сделанное с 1985 года. А в случае неуспеха... Мы уже знаем, чем закончился путч.

Но Горбачев, и в этом его вина, не выполнил своего президентского долга: не подавил путч в самом зародыше. Он всего лишь пытался переубедить заговорщиков, он уговаривал их, а должен был назвать преступниками и приказать начальнику своей охраны задержать незваных гостей. Сам он обязан был немедленно вылететь в Москву.

— Мне, — говорил впоследствии Горбачев, — часто журналисты задают вопрос: а почему вы не полезли через забор, ограду? Заговорщики этого и добивались. Чтобы можно было открыть стрельбу и пристрелить меня. Но дело не только в этом. Неужели я, президент СССР, мог полезть через забор? Чтобы повиснуть штанами на ограде?.. Я их слова отверг, обругал их матом и сказал, что они сами себя погубят. Но на прощание все же пожал им руки и дал указание — немедленно созвать съезд.

Это рукопожатие с заговорщиками непростительно. Оно погубило политическую судьбу президента СССР. Путчисты все равно его ненавидели, а сторонники демократических преобразований подозревали в двойной игре.

Горбачева изолировали, отключили все телефоны и увезли в Москву начальника его личной охраны генерал-майора КГБ Владимира Тимофеевича Медведева. Плеханов сказал ему:

— Михаил Сергеевич продолжит отдых. Генералов остается начальником охраны на объекте. А тебе — три минуты на сборы, полетишь с нами в Москву.

Теперь уже Медведеву все стало ясно, но он молча подчинился приказу.

Судьба личного охранника похожа на судьбу спортсмена, мечтающего об олимпийской медали. Он, выжимая майку, мокрую от пота, тренируется годами, чтобы в реша-

ющую минуту показать, на что способен. Такая минута настала для генерала 18 августа 1991 года, когда члены ГКЧП явились на крымскую дачу Горбачева. Но генерал Медведев упустил свою олимпийскую медаль.

Всю жизнь его готовили к одному: в нужную минуту умереть за президента. Впрочем, умирать и не требовалось. Надо было остаться вместе со своим президентом, которому, вероятно, впервые грозила настоящая опасность. Но генерал Медведев, охотно повинуясь приказу своего начальника по 9-му управлению КГБ генералу Юрию Плеханову, собрал вещи и исчез с президентской дачи. Все его подчиненные из охраны Горбачева предпочли остаться и сохранили свою офицерскую честь...

Когда гости из Москвы вышли от Горбачева, Плеханов поинтересовался у Болдина:

— Ну, что там?

— Ничего не подписал, — разочарованно ответил Болдин.

Помощник президента СССР Анатолий Черняев, который был вместе с президентом в Форосе, пишет, что продуманного заговора как такового не было, было намерение и расчет на то, что Горбачева можно будет втянуть в это дело. ГКЧП по природе своей, по своему составу изначально не способен был «сыграть в Пиночета». Когда Горбачев отказался подписывать привезенные ему документы, все планы заговорщиков рухнули. Они не были готовы действовать самостоятельно и вернулись в Москву в растерянности.

Впоследствии участники ГКЧП утверждали, что Горбачев захотел въехать в рай на чужом горбу. Сам объявить чрезвычайное положение не решился, а им сказал: черт с вами, действуйте!..

Тогда они этого не говорили. 19 августа в начале одиннадцатого утра собравшиеся в Москве секретари ЦК КПСС встретились в зале заседаний на Старой площади. Оставшийся за старшего Олег Шенин сообщил: Горбачев «недееспособен», поэтому ГКЧП во главе с вице-президентом Янаевым берет власть в свои руки.

«Вовлеченность Шенина в дела ГКЧП, — вспоминал секретарь ЦК Александр Сергеевич Дзасохов, — повергла меня и других секретарей ЦК в шок. Чего больше было в его действиях — осознанного выбора или амбициозности, я не знаю».

Вечером Дзасохов поехал в «Барвиху» к Ивашко. Они вышли на балкон, чтобы поговорить откровенно. Заместитель генерального секретаря рассказал, что Горбачев от-

казался вести с членами ГКЧП переговоры о передаче им своих полномочий.

Да если бы Михаил Сергеевич когда-нибудь в жизни говорил: «Вы действуйте, а я посижу в сторонке», он бы никогда не стал генеральным секретарем и президентом страны!

Путь комбайнера

Некоторые из помешавшихся на ненависти к Горбачеву называют его агентом американского ЦРУ, которому поручили разрушить Советский Союз. В реальности он вполне мог стать руководителем КГБ. Конечно, сейчас трудновато представить себе Михаила Сергеевича в генеральском мундире. Но его дважды едва не взяли в органы госбезопасности.

В первый раз этому помешал тогдашний председатель комитета Владимир Ефимович Семичастный.

В 1966 году в Ставрополь командировали бригаду сотрудников Центрального управления Комитета госбезопасности с заданием проверить работу краевого управления. Руководил бригадой полковник Эдуард Болеславович Нордман из 2-го главного управления, бывший белорусский партизан.

В Ставрополе Нордману предстояло заодно исполнить деликатное поручение заместителя председателя КГБ по кадрам Александра Ивановича Перепелицына, который прежде руководил белорусскими чекистами. Генерал-лейтенант Перепелицын попросил Нордмана присмотреть среди местных партийных работников человека, которого можно было бы сделать начальником областного управления госбезопасности. Перечислил критерии:

— Молодой, не больше тридцати пяти, с высшим образованием, с опытом работы.

У Нордмана в Ставрополе тоже нашлись партизанские друзья. Секретарь крайкома по кадрам Николай Михайлович Лыжин без колебаний посоветовал Нордману:

— Лучшей кандидатуры, чем Горбачев, ты не найдешь.

В то время Михаил Сергеевич только что был избран первым секретарем Ставропольского горкома партии. Вернувшись в Москву, Нордман назвал фамилию перспективного партийного работника генералу Перепелицыну. Заместителю председателя комитета кандидат понравился:

— То, что надо: молодой, прошел по партийной лестнице.

Перепелицын пошел к председателю КГБ Семичастному. Но Владимир Ефимович с порога отверг предложение:

— Горбачев? Не подойдет, его даже не предлагайте.

Почему тогдашний председатель КГБ отверг предложенную кандидатуру, теперь уже узнать невозможно. Владимир Ефимович ушел из жизни. Но отказ Семичастного спас карьеру Михаила Сергеевича. На следующий год Семичастного снимут с должности, потом в опалу попадет еще один недавний первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Шелепин, и Леонид Ильич Брежнев постепенно разгонит все комсомольские кадры, считая их опасными для себя.

А в определенном смысле началом своей карьеры Горбачев был обязан руководителям комсомола Шелепину и Семичастному. В 1955 году, после очередного пленума ЦК ВЛКСМ, они обратились к местным секретарям с просьбой: учебные заведения страны выпустили слишком много юристов, философов и историков, трудоустроить всех молодых специалистов по специальности невозможно, возьмите их на работу в комсомол.

Виктор Михайлович Мироненко, в ту пору первый секретарь Ставропольского крайкома комсомола, рассказывал мне:

— Только я вернулся домой, мне звонит Горбачев.

После Московского университета Михаила Сергеевича, молодого юриста, распределили в родные края, в ставропольскую прокуратуру. Но в правоохранительных органах шло послесталинское сокращение штатов. Горбачев оказался без работы.

— А у меня в крайкоме была вакансия, — вспоминал Мироненко. — Нужен был заместитель заведующего отделом пропаганды. Ну, я и взял Горбачева.

Михаил Сергеевич долгое время поминал добром земляка, который открыл перед ним дорогу в политику. Потом отношения прервались. Виктор Мироненко попал под подозрение как человек, близкий к Шелепину и Семичастному.

А Горбачев шел вверх по комсомольской, а затем и партийной лестнице. Его высоко ценил руководитель Ставрополья Федор Давыдович Кулаков, который работал в крае с 1960 года. Федор Давыдович выдвинул Михаила Сергеевича на пост первого секретаря крайкома комсомола, затем перевел на партийную работу, сделал заведующим ключевым отделом крайкома и членом бюро.

Николай Тимофеевич Поротов, работавший в Ставропольском крайкоме, вспоминал о Горбачеве: «Очень он приглянулся первому секретарю крайкома КПСС Ф. Д. Кулакову, который в нем видел способность проламываться сквозь стену и постоянно торопил в Горбачеве процесс созревания ломовой силы и имел на него большие виды».

Кулаков готовил его, конечно, не на смену себе, но получилось так, что Михаил Сергеевич последовательно занимал кресла, которые освобождал ему Федор Давыдович, — сначала в Ставрополе, затем в Москве. Когда Кулаков стал секретарем ЦК, предложил на свое место Горбачева.

Брежнев проверить кандидатуру Горбачева поручил одному из своих доверенных людей — первому заместителю председателя КГБ Семену Кузьмичу Цвигуну.

К тому времени начальником Ставропольского краевого управления госбезопасности был назначен уже упоминавшийся Эдуард Нордман.

«Ставрополь, — вспоминал Нордман, — встретил жарой под сорок градусов и пылью. Старый, уютный губернский город. В основном двух- и трехэтажные дома, зеленые улицы.

Михаил Сергеевич Горбачев производил хорошее впечатление. Молодой, энергичный, общительный... Дочь Ирина — умная, красивая девочка-старшеклассница, Раиса Максимовна — скромный преподаватель сельхозинститута. Жили без излишеств. По выходным выезжали на природу. Ходили пешком по двадцать и более километров. Бражничать не любили. Правда, по праздникам собирались у друзей».

И вот теперь начальнику Ставропольского управления Нордману позвонил первый заместитель председателя Комитета госбезопасности Цвигун, доверенный человек Брежнева:

— Приезжай на пару дней в Москву.

— Так я же совсем недавно был, Семен Кузьмич. У меня и вопросов никаких нет.

— Ну я же не каждый день приглашаю. Приезжай.

Когда Нордман вошел в кабинет первого зама, Цвигун доверительно сказал:

— В крае предстоят перемены. Понадобится новый первый секретарь. Кого будем назначать?

Нордман тоже назвал Горбачева:

— Молодой, юрист, перспективный.

И тут Цвигун возразил:

— Он ведь первым секретарем крайкома ВЛКСМ работал в одно время с Шелепиным и Семичастным. Одна ведь банда шелепинская, комсомольская.

Нордман сразу возразил:

— Семен Кузьмич, не входит Горбачев в эту команду.

— Откуда ты это знаешь, ведь недавно там работаешь?

И тогда Нордман поведал историю о том, как предлагал Горбачева взять в кадры КГБ и как Семичастный с ходу отверг его кандидатуру. Словом, Михаил Сергеевич к «железному Шурику» никакого отношения не имеет и связей с бывшими комсомольскими лидерами не поддерживает.

Для Михаила Сергеевича это была последняя и решающая проверка.

«Окончательное решение по кандидатурам первых секретарей принадлежало именно генсеку, — рассказывал Горбачев. — Брежнев сам занимался формированием их корпуса и отбирал их тщательно. Перед этим секретари ЦК Капитонов, Черненко скрупулезно изучали досье претендента. Думаю, получали они информацию из разных источников. На этой основе формировалось предварительное мнение. Затем происходили встречи кандидата с секретарями ЦК и лишь после них — с "самим"».

На пленуме в апреле 1970 года первым секретарем обкома избрали Горбачева. Молодой хозяин крупного региона был заметным человеком. В 1976 году он, будучи в Москве, зашел по текущим делам к председателю Госплана Николаю Константиновичу Байбакову, от которого многое зависело в хозяйственных делах. Михаила Сергеевича ждал сюрприз.

«Мы вели с Горбачевым беседу о развитии овцеводческих хозяйств в Ставропольском крае, — вспоминал Байбаков, — и я предложил ему перейти в Госплан СССР первым заместителем председателя по сельскому хозяйству».

Михаил Сергеевич отказался. Ему уже не хотелось быть чьим-то заместителем.

Министр юстиции СССР Владимир Теребилов сказал в ЦК, что хотел бы иметь первым заместителем партийного работника, разумеется, с высшим юридическим образованием. Искать ему рекомендовали среди секретарей обкомов и горкомов партии. Теребилов обратился в соответствующий отдел ЦК и там просмотрел объективки всех юристов-партработников. Оказалось, что только один секретарь крупного крайкома имеет диплом юриста.

Министра эта кандидатура вполне устроила. Теребилов назвал фамилию секретарю ЦК Михаилу Андреевичу Сус-

лову. Суслов сказал, что ему надо подумать, но уже через день позвонил и предложил продолжить поиски.

— У нас, — сказал Суслов, — есть другие планы в отношении этого человека.

Речь шла о Горбачеве.

Недоброжелатели Горбачева уверяли, что только ранняя смерть Федора Давыдовича Кулакова открыла ему дорогу наверх. Так и остался бы в Ставрополе... В реальности молодого и перспективного партийного работника несколько раз пытались перевести в Москву. Рано или поздно это бы произошло. Но смерть Кулакова действительно ускорила приход Горбачева к власти. Именно его решили сделать новым секретарем ЦК по сельскому хозяйству.

Несмотря на печальный пример Кулакова, звездный час, тот единственный шанс, который дает судьба и который так легко упустить, совпал у нескольких наших видных политиков с тривиальной пьянкой в новом доме, построенном Управлением делами ЦК КПСС в престижном районе столицы.

Судьба Горбачева решалась в тот момент, когда сам он отправился в гости, никому не сказав, куда идет. Сейчас уже трудно установить, был ли в тот вечер будущий президент Советского Союза навеселе или же удержался в рамках разумной достаточности. Сам Горбачев, не отрицая факт употребления горячительных напитков по случаю полувекового юбилея друга по комсомолу, выражается туманно:

— Как у нас такие даты отмечаются, известно. По-русски — широко, с обильным угощением, дружеским разговором, с шуткой и песней... Нравы того времени были таковы, что выпивать приходилось не так уж редко. Но мое состояние было вполне нормальным.

А тем временем Михаила Сергеевича пожелал видеть генеральный секретарь, чтобы окончательно решить: способен ли Горбачев заменить Кулакова. На поиски бросили весь могучий аппарат ЦК КПСС, но проходил час за часом, а будущий президент как в воду канул.

Через много лет после этой судьбоносной пьянки сразу несколько мемуаристов пожелали рассказать о ней всю правду. Первым свою версию изложил бывший помощник Горбачева, а потом предавший его активист ГКЧП Валерий Иванович Болдин в книге «Крушение пьедестала».

После смерти Кулакова, пишет Болдин, на смотрины в Москву вызвали кандидата в преемники — первого секретаря Ставропольского крайкома партии Горбачева. Но в

решающую минуту кандидат исчез. Ушел утром из гостиницы и пропал. Брежнев был недоволен, его ближайший помощник — секретарь ЦК и заведующий общим отделом Константин Устинович Черненко злился. Речь уже зашла о том, чтобы вести к генеральному секретарю другого кандидата — первого секретаря Полтавского обкома Федора Трофимовича Моргуна, который гостиницы не покидал.

В папке у секретаря ЦК по кадрам Ивана Васильевича Капитонова были объективки и на других кандидатов помимо Горбачева и Моргуна.

Фигурировали еще три фамилии:

Иван Афанасьевич Бондаренко, по профессии агроном, кандидат экономических наук, первый секретарь Ростовского обкома с 1962 года, пользовался репутацией крепкого хозяйственника;

Григорий Сергеевич Золотухин, он тоже начинал агрономом, первый секретарь Краснодарского крайкома, а потом министр заготовок;

Владимир Алексеевич Карлов, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС. В школьные годы он подрабатывал чистильщиком дымоходов и звонарем в соборе, окончил Институт птицеводства при Воронежской сельскохозяйственной академии, работал зоотехником, пока его не взяли на комсомольскую работу. Во время войны руководил сельскохозяйственным отделом Сталинградского обкома. После войны стал первым секретарем Калининского обкома, вторым секретарем ЦК компартии Узбекистана.

Все трое были людьми известными, все трое — Герои Социалистического Труда. Но Карлову уже исполнилось шестьдесят два года, Золотухину — шестьдесят семь. А хотели кого-нибудь помоложе и с более широким кругозором. Горбачев подходил идеально.

Но в последний момент его назначение едва не сорвалось! И все из-за того, что бывший первый секретарь Ставропольского крайкома комсомола Виктор Мироненко позвонил опальному Семичастному, отправленному в Киев. Обсуждали последние новости. Разговор зашел о Михаиле Сергеевиче.

Владимир Ефимович Семичастный спросил Мироненко:

— Слушай, я не помню, Горбачев у нас когда работал?

— Так это вы подписывали решение о его назначении первым секретарем крайкома, — напомнил Мироненко.

Киевлянина Семичастного интересовали кадровые дела:

— Знаешь, почему я тебя спрашиваю? Говорят, вместо Кулакова то ли Горбачев будет, то ли наш Моргун.

Первый секретарь Полтавского обкома Моргун тоже считался кандидатом на пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Федор Трофимович учился в Днепропетровске, что для Брежнева было большим плюсом, работал на целине.

Разговоры Семичастного записывали. Фамилии, которые называл бывший председатель КГБ, фиксировались. А именно в эти дни оформлялись все документы, необходимые для избрания Горбачева секретарем ЦК.

— Говорят, что Горбачева тут же вызвал Андропов, — рассказывал Мироненко, — и предупредил: будь осторожен, видишь, кто тебя поддерживает...

А теперь на пути Михаила Сергеевича к власти возникла еще и техническая трудность, но и она могла оказаться роковой.

«Неизвестно, чем бы все кончилось, но знатоки жизни членов ЦК отыскали водителя машины, отвозившего Михаила Сергеевича, выяснили, кто живет в том доме, куда его доставили, и тогда определили, где он может быть», — вспоминает Валерий Болдин, намекая на некую фривольность поведения своего бывшего начальника, вырвавшегося на свободу из-под бдительного надзора Раисы Максимовны.

А кто же нашел Горбачева?

Виктор Васильевич Прибытков, первый помощник Черненко, вспоминает, как шеф гневно сказал ему:

— Если за тридцать минут не найдешь Горбачева, то у нас есть и другие кандидатуры на секретарство!

Исполнительный Прибытков все-таки отыскал Горбачева. Но не допросив шофера (версия Болдина), а обратившись к своему приятелю, работавшему в ту пору у Горбачева в Ставрополье. Тот и подсказал, где искать шефа — в гостях у Марата Владимировича Грамова. Марат Грамов, еще один выходец из Ставрополя, трудился с Горбачевым в крайкоме, а в 1974 году его перевели в Москву, в отдел пропаганды ЦК.

Горбачев успел вовремя попасть на Старую площадь, получил аудиенцию у Черненко, и на следующий день на пленуме его сделали секретарем ЦК КПСС. Началось восхождение Горбачева к власти.

— Если бы я тогда оказался чуть менее расторопным, все сложилось бы по-иному, — вздыхает Прибытков. — Кто знает, поищи я его чуть дольше, и стал бы секретарем ЦК

КПСС совсем другой человек. Черненко потом поминал мне эту историю: ну вот нашел ты его. Вот так, со смехом...

Сам Михаил Сергеевич с этой же истории начинает свой увесистый мемуарный двухтомник «Жизнь и реформы». По версии Горбачева, не было ни болдинского шофера, ни телефонного звонка Прибыткова. Просто опоздавший на дружескую вечеринку товарищ сообщил ему, что его давно ждут в ЦК. Михаил Сергеевич покинул гостеприимных хозяев и поехал к Черненко.

Тот день был действительно звездным часом в судьбе Горбачева. Он сделал первый шаг к тому, чтобы стать самостоятельным политиком и изменить судьбу страны. Сам Михаил Сергеевич нисколько не сомневается, что вся история с пьянкой, долгими поисками, недовольством Черненко не могла остановить его политического взлета. Перемены в стране должны были произойти, он был призван их осуществить. И многие с ним согласятся. Мелкие аппаратные чиновники могли бы, наверное, при желании и при благоприятном для них стечении обстоятельств навредить Горбачеву. Но в реальности судьбу его решали другие люди.

Глава кремлевской медицины академик Евгений Иванович Чазов вспоминал, как после смерти Кулакова прилетел в Крым, где отдыхал Брежнев. Разговор зашел о смерти секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Думая, кем его заменить, Брежнев первой назвал фамилию Горбачева:

— Правда, есть и возражения, хотя большинство говорит, что он настоящий партийный руководитель. Вернемся в Москву — все взвесим.

Чазов пошел на соседнюю дачу к Константину Устиновичу Черненко. Тот был очень обеспокоен состоянием здоровья Брежнева:

— В этой ситуации важно, чтобы вокруг него были настоящие друзья, преданные люди.

Он с сожалением сказал о смерти Кулакова:

— На его место есть целый ряд кандидатур. Леонид Ильич хочет выдвинуть Горбачева. Отзывы о нем неплохие. Но я его мало знаю с позиций человеческих качеств, с позиций отношения к Брежневу. Вы случайно его не знаете?

Чазов пишет, что к этому времени он уже понял азбуку политической интриги — побольше молчать, поменьше говорить, не раскрывать свои карты и не верить в искренность собеседника. Поэтому высказывался о Горбачеве очень осторожно.

Назначением в Москву Горбачев обязан не председателю КГБ Андропову, как это многим кажется, а главному партийному кадровику Ивану Васильевичу Капитонову, который по просьбе Брежнева подбирал кандидатов на пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству, и, конечно же, Суслову, второму человеку в партии.

Мнения председателя КГБ Андропова относительно кадровых вопросов в партии не спрашивали. Решающий голос принадлежал Суслову. Он как бывший секретарь Ставропольского крайкома следил за своими наследниками и Горбачева знал.

Непростой путь наверх

На следующий день после избрания секретарем ЦК в ноябре 1978 года Горбачев пришел к Брежневу. Уже тяжело больной хозяин страны принял нового секретаря ЦК, но практически не реагировал на беседу. Произнес только одну фразу:

— Жаль Кулакова, хороший был человек.

Черненко доверительно заметил Горбачеву:

— Леонид Ильич исходит из того, что ты на его стороне, лоялен по отношению к нему. Он это ценит.

Пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству был опасным — с учетом бедственного состояния самого сельского хозяйства. Михаил Сергеевич вступил в острый конфликт с главой правительства Алексеем Николаевичем Косыгиным. Правда, и Косыгин неважно относился к Горбачеву. Он несколько раз отдыхал в Кисловодске, но с Михаилом Сергеевичем не сблизился.

Перед началом торжественной церемонии вручения наград космонавтам в сентябре 1979 года члены высшего партийного руководства собрались у входа в Екатерининский зал. Косыгин выразил недовольство:

— Вот нам, членам политбюро, разослали записку сельхозотдела, Горбачев ее подписал. Он и его отдел пошли на поводу у местнических настроений, а у нас нет больше валюты закупать зерно. Надо не либеральничать, а предъявить более жесткий спрос и выполнить план заготовок.

В ответ на это Горбачев, который всего год был секретарем ЦК, позволил себе прилюдно атаковать члена политбюро. Самым жестким образом ответил, что если председатель Совета министров считает, что отдел ЦК проявил

слабость, пусть поручит вытрясти зерно своему аппарату и доводит эту продразверстку до конца.

Воцарилась мертвая тишина. Прилюдный выговор старшему по чину был невиданным делом. Но Михаил Сергеевич прекрасно знал расклад в политбюро. Брежнев сам постоянно давал понять, что он не очень доволен правительством, правительство не справляется, приходится Центральному комитету подменять Совет министров. Это было скрытой формой критики Косыгина.

И после церемонии Брежнев позвонил Горбачеву.

— Переживаешь? — спросил сочувственно.

— Да, — ответил Горбачев. — Но дело не в этом. Не могу согласиться с тем, что занял негосударственную позицию.

— Ты правильно поступил, не переживай, — успокоил его генеральный секретарь. — Надо действительно добиваться, чтобы правительство больше занималось сельским хозяйством.

Твердая позиция молодого секретаря была вознаграждена. Через два месяца Горбачева повысили в партийном звании. Ему позвонил Суслов:

— Тут у нас разговор был. Предстоит пленум. Есть намерение укрепить ваши позиции. Будем рекомендовать вас кандидатом в члены политбюро.

27 ноября 1979 года, на пленуме, Горбачев поднялся еще на одну ступеньку в партийной иерархии. На этом не остановились. Суслов поддержал и его избрание в политбюро.

Особую роль в судьбе Горбачева сыграл Андропов, который с 1967 года занимал пост председателя Комитета госбезопасности. У Юрия Владимировича был свой интерес. Он понимал, что один из его главных недостатков — отрыв от партийных секретарей. В этом кругу у него не было достаточной опоры. Андропов искал возможности привлечь на свою сторону молодых партийных секретарей, хотя не имел права в этом усердствовать. Товарищи по политбюро обратили бы внимание на слишком частые контакты председателя комитета с руководителями областей.

А с Горбачевым он общался исключительно на отдыхе — тут никому ничего объяснять не приходилось. Юрий Владимирович, страдавший болезнью почек, каждый год приезжал на Северный Кавказ лечиться. Из-за событий в Чехословакии знаменитый курорт в Карловых Варах высшие руководители посещать не могли. Все крупное начальство лечилось и отдыхало на курортах Кавказских

Минеральных Вод. Как тут не проявить внимание, не организовать отдых так, чтобы у большого начальника остались наилучшие воспоминания? И грех было не воспользоваться возможностью побыть с москвичами накоротке. Даже понятие такое появилось — «курортный секретарь».

Впервые Андропов приехал в Ставропольский край в апреле 1969 года. Он разместился в Железноводске в санатории 4-го главного управления «Дубовая роща» для страдавших желудочно-кишечными заболеваниями. Там был трехкомнатный люкс, не очень уютный, для самых высокопоставленных пациентов. Потом предпочитал Кисловодск — санаторий «Красные камни» того же 4-го управления.

Когда председатель КГБ приезжал отдыхать, Горбачев тоже брал отпуск и селился там же, в «Красных камнях». Вместе гуляли, играли в домино.

Андропов обожал «забивать козла». Сажал рядом личного врача — Валентина Архиповича Архипова. Два раза в неделю в особняке показывали кино — по выбору председателя. Ездили в горы на шашлыки. Юрий Владимирович позволял себе немного сухого вина, расслаблялся, начинал петь. Однажды читал свои стихи. Он привозил с собой магнитофонные записи Александра Галича, Владимира Высоцкого, эмигранта Бориса Рубашкина. Фактически эти записи были запрещены, советскому народу слушать их не разрешали, но себя председатель КГБ считал достаточно стойким.

— Андропов в какой-то момент захотел взять Михаила Сергеевича в кадры Комитета госбезопасности, — рассказывал мне тогдашний начальник управления КГБ по Ставропольскому краю генерал Нордман.

Андропов увидел в Горбачеве лично преданного ему человека, потому и приложил усилия для его выдвижения. Когда встал вопрос о назначении Горбачева первым секретарем крайкома, Юрий Владимирович огорчился:

— Опоздал я, опоздал.

Выяснилось, что он видел Горбачева заместителем председателя КГБ по кадрам. На эту должность как раз и назначались вторые секретари обкомов или крайкомов. Если бы Андропов тогда взял Горбачева к себе заместителем, то Михаил Сергеевич имел бы шансы со временем возглавить Комитет госбезопасности. В таком случае он бы точно не стал генеральным секретарем. Не было бы и перестройки... А был бы председатель КГБ генерал армии Горбачев...

Андропов, одинокий в политике человек, нуждался в поддержке. Понимал, что его должность к нему не располагает, председатель комитета — это человек, которого побаиваются. И старался привлечь на свою сторону молодых партийных секретарей, поэтому сделал все возможное для того, чтобы Горбачев переехал из Ставрополя в Москву. Ну, и такой фактор, как землячество, тоже нельзя сбрасывать со счетов. Андропов хоть и в детстве уехал из края, все же здесь родился и считал себя ставропольцем.

Когда Горбачева сделали секретарем ЦК по сельскому хозяйству и он переехал в Москву, Андропов не спешил афишировать свое расположение к нему. Горбачев, став членом политбюро, обосновался на даче рядом с Андроповым. Оказавшись с Юрием Владимировичем в одном партийном ранге, осмелился позвонить ему в воскресенье:

— Сегодня у нас ставропольский стол. И, как в старое доброе время, приглашаю вас с Татьяной Филипповной на обед.

— Да, хорошее было время, — согласился Андропов. — Но сейчас, Михаил, я должен отказаться от приглашения.

— Почему? — искренне удивился Горбачев.

— Если я к тебе пойду, завтра же начнутся пересуды: кто, где, зачем, что обсуждали? Мы с Татьяной Филипповной еще будем идти к тебе, а Леониду Ильичу уже начнут докладывать. Говорю это, Михаил, прежде всего для тебя.

Запугав всех, Андропов и сам боялся собственного аппарата. Не позволял себе ничего, что могло бы повредить его репутации, что не понравилось бы Леониду Ильичу. Однажды на политбюро тяжело больной Брежнев отключился, потерял нить обсуждения. После заседания Андропов сказал Горбачеву:

— Знаешь, Михаил, надо делать все, чтобы и в этом положении поддержать Леонида Ильича. Это вопрос стабильности в партии, государстве, да и вопрос международной стабильности.

При Черненко и без Черненко

Вот уже несколько десятилетий политики и историки пытаются понять, чем было избрание Михаила Сергеевича — случайностью или закономерностью?

Черненко, отдать ему должное, не пытался отодвинуть Горбачева, как многие поступили бы на его месте. К Гор-

бачеву у него могло бы быть завистливое и неприязненное отношение — молодой, здоровый, я скоро уйду, а он сядет на мое место. Напротив, он поддерживал Горбачева.

Михаил Сергеевич смог стать генеральным только потому, что Черненко настоял на том, чтобы в его отсутствие именно Горбачев вел заседания секретариата и политбюро. Константин Устинович сделал еще один символический жест. Пересадил в кресло справа от себя, которое традиционно занимал второй человек в партии.

В последние два месяца жизни Черненко Горбачев уже фактически руководил текущими делами страны. Он вел заседания политбюро и секретариата ЦК. Он и был кандидатом номер один. Но не имел той власти и влияния, которой обладали в свое время Суслов при Брежневе или сам Черненко при Андропове.

В марте 1985 года ему необходим был союзник среди старой гвардии, который в момент решающего голосования выдвинет его кандидатуру.

К сыну министра иностранных дел Анатолию Андреевичу Громыко, члену-корреспонденту Академии наук, лауреату Государственной премии, директору Института Африки, неожиданно приехал коллега — директор Института востоковедения Евгений Максимович Примаков. Громыко-младший предложил гостю кресло.

Но разговаривать в служебном кабинете Примаков не пожелал:

— А не прогуляться ли нам?

Заинтригованный Анатолий Андреевич охотно согласился.

На Патриарших прудах Евгений Максимович взял быка за рога:

— Анатолий, дело приобретает серьезный оборот. Очевидно, что Константин Устинович долго не протянет. Нельзя допустить, чтобы ситуация развивалась сама по себе. Кто придет после Черненко?

Вечером Анатолий Громыко сказал отцу:

— Папа, мне надо с тобой поговорить.

— Пойдем погуляем, — предложил Андрей Андреевич.

Решительно никто в те дни не хотел сидеть дома.

Громыко-младший рассказывал, что Примаков пришел к нему не просто так, а выяснить, намерен ли Громыко-старший бороться за пост генерального секретаря. Потом в эти разговоры был вовлечен будущий член политбюро Александр Николаевич Яковлев как близкий к Горбачеву человек.

Андрей Андреевич сказал сыну, что на пост первого человека не претендует:

— Чтобы стать генеральным секретарем партии, надо за это бороться. У меня уже большой возраст. Не за горами мое восьмидесятилетие. После перенесенного, как мне сказали врачи, «легкого инфаркта», да еще при аневризме, да еще после операции думать о такой ноше, как секретарство, было бы безумием. Если бы я и стал генеральным секретарем, мне потребовалось бы огромное напряжение всех своих физических сил. Моего здоровья хватило бы только на год работы...

Андрея Андреевича интересовала другая должность — председателя президиума Верховного Совета СССР, то есть формального президента страны.

— Так я продолжу разговор с Примаковым? — уточнил Анатолий Громыко.

А Горбачев расспрашивал руководителя кремлевской медицины академика Чазова о состоянии здоровья Черненко:

— Сколько еще может протянуть Константин Устинович — месяц, два, полгода? Ты же понимаешь, что я должен знать ситуацию, чтобы решать, как действовать дальше.

Академик Чазов перезвонил Горбачеву и предупредил:

— Трагическая развязка может наступить в любой момент.

Вечером на даче Громыко все пили чай. Раздался телефонный звонок. Громыко вышел в коридор, где стояли телефоны, поднял трубку. Услышав знакомый голос, сказал:

— Добрый вечер, Михаил Сергеевич.

После короткого разговора повесил трубку. Ничего не сказав домашним, пошел в прихожую, надел пальто и уехал в город.

11 марта 1985 года на заседании политбюро, после того как академик Чазов изложил медицинское заключение о смерти Черненко, слово неожиданно взял Андрей Андреевич:

— Конечно, все мы удручены уходом из жизни Константина Устиновича Черненко. Но какие бы чувства нас ни охватывали, мы должны смотреть в будущее, и ни на йоту нас не должен покидать исторический оптимизм, вера в правоту нашей теории и практики. Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор.

Громыко произнес настоящий панегирик будущему

генсеку. Этого оказалось достаточно: в политбюро было не принято спорить и называть другие имена.

Министра иностранных дел поддержал председатель КГБ Чебриков:

— Я, конечно, советовался с моими товарищами по работе. Ведомство у нас такое, которое хорошо должно знать не только внешнеполитические проблемы, но и проблемы внутреннего, социального характера. Так вот с учетом этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру товарища Горбачева Михаила Сергеевича на пост генерального секретаря ЦК КПСС. Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива — это и голос народа.

Члены политбюро единодушно проголосовали за Михаила Сергеевича.

Председатель КГБ Чебриков и секретарь ЦК по кадрам Лигачев провели вместе с Горбачевым критически важную ночь после смерти Черненко. В зале заседаний политбюро они готовили церемонию похорон и регламент пленума ЦК, на котором должны были избрать нового генерального секретаря. Вышли на улицу, когда уже рассвело. На пленуме Горбачева избрали под аплодисменты.

Следующий, апрельский, пленум ЦК начался с организационных вопросов. Членами политбюро Горбачев предложил избрать Чебрикова, Лигачева и будущего главу правительства Рыжкова. А Громыко получил почетный пост председателя Верховного Совета СССР, то есть формально стал президентом страны. Должность безвластная, но она чудесно увенчала его блистательную карьеру.

Приход Горбачева к власти можно представить как цепь случайностей. Но, как говорят марксисты, случайность — проявление закономерности. Горбачев занял место на олимпе благодаря своим политическим талантам. И все его действия после избрания были закономерными.

Многие, похоже, подзабыли ощущения и мысли того времени. А я прекрасно помню тоскливое, раздраженное состояние советского общества и всеобщую жажду перемен. Наблюдал в ту пору высокопоставленных сотрудников партийного аппарата, которые в своем кругу, не стесняясь, крыли матом заскорузлую систему и связывали свои надежды с молодым генсеком. С горечью говорили, что в стране идет распад, а вожди в маразме и лишились здравого смысла. Когда телевидение показывало членов политбюро, людей разбирал гомерический хохот.

Продажа нефти при Брежневе принесла в казну мил-

лиарды долларов, а магазины пустовали, в городах вводили талоны и очереди стояли за самым необходимым. Люди проводили в очередях столько же времени, сколько на работе. Горькие чувства вызывало происходящее в стране.

Генерал-полковник Владислав Алексеевич Ачалов в 1990 году был выдвинут кандидатом в народные депутаты России от Тульской области: «Объехал три района. Впечатления безрадостные. То, что я увидел, вызывало по меньшей мере возмущение. Трудно передать, до какого состояния была доведена Тульская область (там был, припоминаю, первым секретарем некий Юнак), особенно ее сельское хозяйство. Бездорожье, непролазная грязь. Несмотря на хорошие земли (чернозем) и климатические условия — посредственное сельское хозяйство».

Упомянутый Ачаловым Иван Харитонович Юнак руководил Тульской областью четырнадцать лет. Был в ЦК на высоком счету. Получил из рук Брежнева «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда. Горбачев как раз сразу отправил Юнака на пенсию. Но выручить из беды область было значительно труднее.

Все надежды связывались с молодым генсеком. Преобразований жаждали и будущие яростные критики Горбачева. Разумеется, представление о переменах у всех было разное. Кого-то вполне устроило бы, если бы Михаил Сергеевич ограничился освобождением начальственных кресел от засидевшихся в них ветеранов.

Точнее было бы заметить, что и сам Горбачев не имел готового плана преобразований. Его первоначальные намерения были достаточно скромными. Он не представлял себе, с чем ему предстоит столкнуться. Попытка найти ответ на один сложный и запутанный вопрос наталкивалась на необходимость решить одновременно множество других столь же трудно разрешимых проблем. Многие надежды, охватившие тогда общество, так и не станут реальностью.

Ответа за все неудачи потребуют от Горбачева. Но не честнее ли возложить вину на всех его предшественников, которые десятилетиями загоняли страну в тупик? Конечно, когда у пациента уже развилась флегмона и его срочно кладут на операционный стол, ему и больно, и страшно. Хирург держит в руке скальпель, и больной его ненавидит. Но разве не виноваты те, кто запустил болезнь, довел пациента до беды? Да и пациент, по правде говоря, хорош: видя пугающие симптомы, закрывал глаза и уповал на бездарных и неумелых докторов.

Иногда говорят, что арест его деда Андрея в 1934 году — как кулака — превратил крестьянского сына Горбачева во врага режима. Или что Михаил Сергеевич с раннего возраста вынашивал идеи реформ.

Все это мифы. Он был партийным работником до мозга костей, достиг аппаратных высот. Но его отличали живость, быстрота мысли, способность излагать свои соображения без бумажки.

Когда он пришел к власти, кто мог с уверенностью сказать, каковы его политические взгляды и устремления? Едва ли и он сам мог их сформулировать. Но ожидания с ним были связаны невероятные. От него ждали больших дел, подвигов Геракла. Надеялись, что он оживит, поднимет с больничной койки режим, находившийся при смерти.

Но перемены давались с трудом. XXVII съезд партии, первый после смерти Брежнева, Андропова и Черненко, весной 1986 года проходил по старым лекалам.

«Магазины пусты, — вспоминал неожиданно для себя избранный делегатом съезда академик Александр Ефимович Шейндлин. — Участникам съезда дана была возможность забыть на время об этом. В гостинице "Москва", на одном из верхних этажей, размещался своеобразный универсам для делегатов. Он тщательно охранялся. Чего здесь только не было! Самые фантастические деликатесы, причем по баснословно низким ценам».

Но речи звучали все свободнее и откровеннее. Осмелев, люди говорили, что думали, высказывали наболевшее. Публиковались прежде запрещенные литературные произведения. Появилась искренняя и острая публицистика, и очень быстро началась эрозия единого идеологического пространства. Догмы рушились очень быстро. Только одни в стране жаждали перемен, другие держались за старое, считая гласность и свободные дискуссии перегибами.

Но тогда еще даже лучшие умы не осознавали масштабов постигшей наш народ катастрофы, глубину ямы, из которой стране предстоит выкарабкиваться.

По китайскому пути?

Горбачев видел, в каком бедственном положении страна. Люди повсюду восторженно встречали его призывы к переменам. Он злился, видя, что номенклатура, чья жизнь была устроена вполне комфортно, ничего не желает менять.

Михаил Сергеевич пытался действовать, взявшись за привычные аппаратные рычаги. Да только ничего не происходило! В аппаратной толще его инициативы гасли, как в болотной жиже.

«В Москве выдвигают новые идеи, а здесь — тихо и глухо, — записал в дневнике работавший в Костроме литературный критик Игорь Дедков. — Верит ли сам Горбачев, что руководители, занимающие свои высокие посты не одно десятилетие и воспитанные на послушании и повторении всего сказанного высшим начальством и повторяющие это сейчас, могут вдруг перестроиться, переродиться, начать другую жизнь и мыслить по-новому, по-революционному?»

Областные и районные секретари вслед за Горбачевым послушно повторяли слова о перестройке, но все ограничивалось речами, лозунгами и призывами. Они и не собирались переустраивать жизнь страны. Во-первых, им это не было нужно. Во-вторых, система не была рассчитана на кардинальное обновление. Потому генеральный секретарь не выдержал и обратился напрямую к народу, чего в России не делали со времен революции.

Михаил Сергеевич и сам плохо разбирался в реальной экономике, и его помощники были столь же мало осведомлены. Впрочем, как им это поставить в вину, если в высших учебных заведениях преподавали и изучали политэкономию социализма. А такой науки просто не существует! Иностранных языков в партийном аппарате, как правило, не знали, и читать современные исследования по экономической тематике могли немногие.

Ученые предлагали дать предприятиям свободу, отменить монополию внешней торговли, позволить производителям самим выйти на внешний рынок, но всего этого было недостаточно. Перестройка, в частности, выявила слабость отечественной интеллектуальной мысли. Слишком поздно осознали, что политическая и экономическая система реального советского социализма вовсе не подлежала реформированию.

Первые шаги Горбачева — попытка наладить экономику в рамках существовавшей системы. Приняли 19 ноября 1986 года Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности». Легализовали индивидуальную фермерскую деятельность — осенью 1990 года появился Закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Но это были лишь косметические перемены в экономике.

В Советском Союзе колхозно-совхозная жизнь напрочь отбила желание работать на земле. Советские сельскохозяйственные предприятия не были ориентированы на извлечение прибыли! Это были государственные структуры, нацеленные на исполнение плана — реальное или бумажное. И зарплату получали вне зависимости от результата. В горбачевские годы в каждом третьем хозяйстве на зарплату уходило больше, чем зарабатывали. Даже если работали из рук вон плохо, деньги платили из бюджета. То есть начисто отсутствовал интерес к тому, чтобы вырастить товар, продать его выгодно и заработать. Поэтому разрешение продавать часть урожая по «договорным» ценам не вызвало никакой реакции.

Россия — не Китай. Дэн Сяопин добился успеха в иных условиях. В наследство от почти построившего социализм Мао Цзэдуна он получил голодное государство с развалённой экономикой и запуганным народом. Дэн вернул гигантский Китай к нормальной жизни.

Со стороны кажется, что у китайцев все пошло как по маслу. На самом деле борьба за реформы была долгой. Закупки за границей, иностранные инвестиции — воспринимались в штыки. Всё должны делать сами! Стыдно покупать или занимать у буржуев!.. Возмущались: пригласить иностранцев строить заводы на нашей территории — потерять суверенитет, особые зоны превратятся в новые колонии!

Мао Цзэдун считал, что бедность не порок. Дэн решил, что бедность — тяжкое бремя, от которого нужно избавляться. Мао внушал китайцам, что они идут в авангарде человечества. Дэн заставил китайцев понять, что они живут в нищей стране. Не стесняясь, говорил о китайской отсталости:

— Если у тебя уродливое лицо, незачем выставлять себя красавцем.

Китайская бюрократия не мешает частной инициативе и предпринимательству, не угнетает бизнесменов и торговцев, не душит их и не унижает. Можно ли представить себе отечественную бюрократию, которая дала бы простор частной инициативе, широчайшему привлечению иностранного капитала, не смела бы вмешиваться в дела частного производителя и взимать с него дань? Советские чиновники до последнего противостояли любым радикальным переменам в экономике!

Призывы наших политиков идти китайским путем — развивать экономику без политических перемен — вы-

зывают улыбку. В России, как минимум, слишком мало китайцев, чтобы следовать китайским путем. Обогащайтесь! — это главный лозунг в Китае. Добиваются этого самым естественным путем — зарабатывая деньги. Китайцы привыкли рассчитывать только на самих себя. Никакая работа не считается зазорной. И это объясняет, почему китайцы так преуспели.

Советская система просуществовала слишком долго, воспитав лицемерие и отучив от привычки к простому, но честному труду и начисто отбив предприимчивость. Вне рыночной экономики в Советском Союзе выросло три поколения, а в Китае — только одно. Китайцы не утратили навыки самостоятельного ведения хозяйства...

«Вспоминаю поездку в Японию, — писал председатель Госплана Байбаков. — На каждом заводе совет, в состав которого входят директора и рабочие, обсуждает любую новинку, способную принести прибыль. Они дерутся за каждую новинку. Не потому ли японцы ежегодно закупали иностранные лицензии на 300 миллионов долларов, а мы, великая держава, только на 30 миллионов?

Неужели только меня одного волнует, что старые способы хранения продукции уже не годятся? При уборке, заготовке, хранении и переработке потери картофеля и овощей составляли 25—30 процентов, принося убытки на сотни миллионов рублей. Потери сахарной свеклы достигли 8—10 процентов. Зерна мы теряли десятки миллионов тонн. То же самое с продукцией животноводства».

Советский Союз, как уже говорилось, в середине 1980-х по урожайности зерновых занимал 90-е место, по урожайности картофеля — 71-е, отставая даже от среднего уровня всех развивающихся стран. Так еще и выращенное погибало. Что же надо было такое сотворить с крестьянином, чтобы он равнодушно смотрел, как гниет и пропадает выращенный им урожай?

После смерти Ленина смело можно было идти китайским путем. В конце 1920-х, до коллективизации и раскулачивания — то есть уничтожения наиболее деятельной части крестьянства, Россия способна была с минимальными потерями вернуться на естественную колею развития. Даже после смерти Сталина еще можно было попробовать. А при Горбачеве уже было поздно. Семьдесят лет советской власти отучили людей от самостоятельности. Все хотели перемен, но надеялись, что они произойдут сами по себе.

Горбачеву и его команде предстояло идти нехожеными тропами: никто еще не выбирался из тоталитарной системы собственными силами. Ни одна страна не имела такого опыта. А Михаил Сергеевич еще долго искал ответы в трудах Ленина.

— Я не приемлю частную собственность на землю — хоть что вы со мной делайте, — говорил Горбачев осенью 1989 года. — Не приемлю. Аренда — хоть на сто лет, даже с правом продажи арендных прав, с наследованием. Да! А частную собственность с правом продажи земли — не приемлю.

Формула советской экономики: получить как можно больше ресурсов и добиться минимального плана, то есть произвести как можно меньше. Директора утаивали производственные мощности, завышали заявки на ресурсы, а информацию скрывали.

Советские руководители гордились плановым характером экономики. Но планы не отражали реальности. Цифры начальством принимались только высокие, пусть даже дутые. Попытки опуститься на грешную землю и вернуться к реальности сурово наказывались. Как говорил один из основателей Госплана академик Станислав Густавович Струмилин, лучше стоять за высокие планы, чем сидеть за реальные.

«Все сходились в главном, — писал Рыжков, — надо кончать с давно устаревшим жестким, всеохватывающим планированием, администрированием в экономике».

Но искали легкое решение проблемы. Думали: правительство даст директорам предприятий свободу, и экономика заработает сама собой. По этому пути Горбачев с Рыжковым и пошли. Закон «О государственном предприятии» (1987 год) освободил предприятия от опеки министерств. В сентябре 1988 года политбюро упразднило отраслевые отделы ЦК КПСС. Рухнули два столпа административного распределения ресурсов. Но альтернативный механизм распределения ресурсов не появился.

В советской системе баланс между спросом и предложением определялся не изменением цены, а указаниями начальства. Когда плановые задания уменьшили, чтобы дать руководителям возможность более эффективно использовать имеющиеся ресурсы, что произошло? Рост производства сократился, а зарплаты поднялись.

В реальном социализме предприятия работают только из-под палки. Такова природа командно-административной

системы. Когда давление на предприятия сверху прекратилось, производство рухнуло. Нужны были все институты рыночной экономики: права собственности, конкуренция. Без этого, как мы теперь понимаем, ничего не работает. Без рыночного распределения ресурсов, без рынка, на котором продаются и покупаются средства производства и произведенная продукция, без рыночных цен, определяющих, какой товар дешевый, а какой дорогой, начался хаос.

Получилось, что в результате реформ стало еще хуже, чем было до начала перестройки. Заметим, что вину за это Михаил Сергеевич должен разделить с правительством страны, страдавшим экономической некомпетентностью, и всей экономической наукой, не способной в те решающие годы предложить верный и относительно безболезненный путь перевода народного хозяйства на рыночные рельсы. Если, впрочем, такой путь вообще существовал.

Невероятные усилия были употреблены для исправления врожденных пороков командно-административной системы. И все попытки завершились провалом. Предсказания марксистов не сбылись: капитализм не породил своих могильщиков из числа рабочих, а вот плановая система породила рабочих и директоров, которые охотно отправили ее на свалку истории.

Михаил Сергеевич, подобно своим предшественникам, в любой момент мог отступить и переложить все заботы на плечи наследников. В таком случае он бы сохранил власть. Но Горбачев считал, что отступать дальше невозможно: происходит необратимый упадок страны.

Чиновники теряли влияние и привилегии, возмущались, озлоблялись.

К материальным потерям прибавлялись психологические. Огромный управляющий слой жаловался на неуверенность и неопределенность: выбили из колеи, нет ни славной истории, ни ясного будущего. Мало кто находил в себе силы признаться, что жизнь потрачена впустую.

Горбачев пришел к выводу, что дело в бюрократическом аппарате, который всему мешает: надо дать людям свободу, чтобы они сами взялись за дело.

«У нас в ЦК, — писал второй секретарь Пензенского обкома Георг Мясников, — дремучий аппарат, закосневший в бюрократизме, "чегоизвольщине" и т. п. Каждый думает о себе, держится за свой стул. На идеи и идеалы ему наплевать, лишь бы угодить начальству. Нет, это стиль страшный, не имеющий отношения к человеческим нормам».

Едва начались политические реформы, как партийный аппарат и госбезопасность утратили контроль над обществом. Сколько десятилетий эта система казалась непоколебимой, несокрушимой. Но она пребывала таковой только до того момента, пока оставалась цельной. Стоило изъять один элемент — насилие! — как все стало рушиться.

Часто звучит: «Если бы Горбачева не пустили к власти, социализм можно было спасти». Но «ересь» началась до Горбачева. Надо было, в таком случае, останавливать Косыгина с его экономической реформой, а заодно и склонного к некоторому либерализму Брежнева... Так ведь все началось еще раньше — с хрущевской оттепели. Вот если бы остановить Хрущева... Тогда был бы Берия. Нынче Лаврентия Павловича полуиронически-полусерьезно именуют первым перестройщиком. Его реформы 1953 года, испугавшие коллег по партийному руководству, были попыткой самоспасения режима.

Но ни одна из реформ реального социализма в нашей стране не увенчалась успехом! Упирались в догмы социалистической экономики, останавливались и отступали, оставляя наследникам груз нерешенных проблем.

«Горбачев, — сочувственно говорил президент Франции Франсуа Миттеран, — напоминает мне человека, решившего закрасить грязное пятно на стене своего дома. Но, начав зачищать стену, увидел, что шатается один из кирпичей. Попробовал его заменить, и тут обрушилась вся стена. А принявшись ее восстанавливать, обнаружил, что сгнил весь фундамент дома».

Наши властители не забывали облагодетельствовать свое окружение. Леонид Ильич Брежнев, как-то расслабившись, благодушно сказал:

— Я сейчас вроде как царь. Только вот царь мог деревеньку пожаловать. Я деревеньку пожаловать не могу, зато могу дать орден.

Горбачев и орденов не раздавал. Но оставшиеся верными ему интеллектуалы искренне ценят Михаила Сергеевича за то, что он сделал для страны и мира, — несмотря на его ошибки, промахи, неудачи. Горбачев впервые после февраля семнадцатого избавил народ от страха перед властью. Вернул людям то, что принадлежит им по праву, — свободу. Вернул в общество религию и церковь. Вернул России историю и национальное самосознание.

И еще он закончил холодную войну. Внешняя политика, которую проводил Горбачев, перевернула всю картину

мира. Если США и НАТО не собираются на нас нападать, если Запад не враг, а друг, то зачем пугать страну неминуемой войной и призывать людей затягивать пояса и еще теснее сплачиваться вокруг КПСС?

Первая леди

«Четвертый день читаю, перечитываю, снова перечитываю письма Михаила Сергеевича. Всё. Я прощаюсь с ними. Уничтожаю одно за другим. Сердце сжимается, слезы застилают глаза», — записала в дневнике уже после путча, 27 августа 1991 года, Раиса Максимовна Горбачева.

Возвратившись в тот вечер домой, Михаил Сергеевич застал жену в слезах. Раиса Максимовна сожгла все, что он годами писал ей.

Что же было в этих письмах, которые жена президента Советского Союза внезапно пожелала уничтожить? Номера счетов в швейцарских банках? Высшие государственные секреты? Нелицеприятные оценки политических оппонентов? Подлинные намерения Горбачева?

Неосторожные слова самого Михаила Сергеевича, сказанные после путча: «Всей правды я вам все равно не скажу», — не прошли незамеченными. Сожженные женой письма только подкрепили подозрения тех, кто уверен: ему — или им обоим — есть что скрывать...

Раиса Максимовна, вероятно, оказала влияние на целое поколение первых леди. Хотя они и не должны следовать за мужьями на приличном отдалении — как прежде, на горьком опыте Раисы Горбачевой осознано, что равенства женщины и мужчины в мире все еще нет!

Первые леди старательно держатся подальше от политики. Знают, что иначе навлекут на себя критику и ухудшат позиции своих мужей. Твердят заученный текст: «Люди голосуют за президента, а не за его жену, она всего лишь партнер. Роль первой леди состоит в том, чтобы создать мужу комфортные условия для жизни и работы».

Многие из них сами сделали успешную карьеру, но после избрания мужа главой государства вынуждены отказываться от любимого дела. Как правило, они берутся за более приличествующее жене президента дело — благотворительность. Не дай бог напугать избирателей, которые решат, что первая леди намерена затмить мужа и играть самостоятельную роль в политике. Первые леди знают свое место: быть

заметными, но не производить впечатления амбициозных, быть близкими к власти, но не становиться властью.

Президентских жен недолюбливают. Если они незаметны, их называют ничтожествами, серыми личностями, недостойными своих мужей. Если они привлекают внимание, то вызывают раздражение. Принято считать, что энергичная и активная женщина только вредит мужу-политику. Многим не нравилось, что первый и единственный президент СССР подчеркнуто интересовался мнением Раисы Максимовны, что она слишком часто оказывалась на первом плане, что она слишком самостоятельна.

Время для такой политически самостоятельной первой леди еще не пришло — ни в Соединенных Штатах, ни тем более в Европе. Но многие восхищаются Раисой Горбачевой — она была первой.

Раиса Максимовна — не единственная жена президента, которой не оставалось ничего иного, кроме как загнать боль и обиду в глубь сердца. Иногда им приходится сносить то, что другая женщина бы не стерпела. Каково было Хилари Клинтон, когда весь мир обсуждал подробности сексуальных приключений ее мужа-президента? Жене президента Франции Франсуа Миттерана, Даниэль, и вовсе пришлось смириться с тем, что у ее мужа параллельно была другая семья и об этом знала вся страна.

И Хилари Клинтон, и Даниэль Миттеран не позволили себе выдать свою обиду. Они оставались рядом с мужьями, демонстрируя согражданам любовь и верность.

Раиса Горбачева была совсем другой: она хотела, чтобы муж рассказывал, чем он занят, о чем думает, к чему стремится! Она жила его жизнью. Каким долгим бы ни был день, когда он возвращался домой, они вдвоем шли гулять. И пока бродили час-другой, обсуждали всё, решительно всё.

«Мы просто очень любим быть вдвоем, — объясняла Раиса Максимовна, — это наше любимое времяпрепровождение».

И это так. Немногие супружеские пары могут похвастаться тем, что им есть о чем поговорить и через тридцать, и через сорок лет после свадьбы.

Горбачеву нужно было не просто выговориться, но и поделиться мыслями и чувствами с самым близким и самым понимающим его человеком. Только очень проницательные люди оценили роль, которую сыграла Раиса Максимовна в жизни Михаила Сергеевича, придавая ему силы

действовать во взятом им режиме и с такой отдачей все годы его политической карьеры. Она была источником его силы и уверенности в себе.

Отчего же Раиса Горбачева, которая так много сделала для своего мужа, не заслужила доброго слова при жизни?

В советские времена жены политиков были практически неизвестны. Они, как правило, появлялись только на устраиваемых государством похоронах своих мужей. Это изменила Раиса Горбачева.

— В мире положение, права и обязанности жены главы государства как-то очерчены, — делилась Раиса Максимовна с журналистами. — В России в отношении жен руководителей страны существовала одна традиция — отсутствие права на гласное, официальное существование. Жены главы государства как понятия вообще не было. Поэтому мое появление рядом с Горбачевым и восприняли как революцию.

25 сентября 1953 года Сокольническое районное бюро ЗАГСа Москвы зарегистрировало брак между уроженцем села Привольное Ставропольского края Михаилом Сергеевичем Горбачевым и уроженкой города Рубцовск Западно-Сибирской области Раисой Максимовной Титоренко.

На самом деле этот брак явно был заключен не в ЗАГСе, а на небесах. Они не клялись любить друг друга, пока смерть не разлучит их. Но получилось именно так. Они были вместе, пока Раиса Максимовна не ушла из жизни. Они любили друг друга. Им никогда не было скучно вместе.

«Если сначала была молодая страсть, — вспоминал Михаил Сергеевич, — то потом добавились сотрудничество, дружба, когда мы друг другу могли сказать все. Мы оказались единомышленники во взглядах на жизнь».

Но в основе была любовь. Самая настоящая. Они волновали друг друга как мужчина и женщина — и через десятилетия после заключения брака, когда многие пары сохраняются лишь в силу привычки.

«После заседания президиума, — рассказывала одна из руководителей Фонда культуры, — Раиса Максимовна позвонила Михаилу Сергеевичу. Заговорила с Михаилом Сергеевичем, и глаза у нее загорелись. В ту минуту мы ощутили атмосферу искренней любви, счастья, понимания, согласия, которые объединяли двух этих людей».

Школу в Стерлитамаке Раиса Титоренко — единственная в городе — окончила в 1949 году с золотой медалью, которая дала возможность поступить на философский фа-

культет Московского университета без экзаменов. Получила койку в студенческом общежитии на Стромынке. Послевоенная жизнь была тяжелой и неустроенной.

— Возьмите дамские головные уборы, — распекал своих подчиненных тогдашний хозяин Москвы Никита Хрущев. — Мне дважды их приносили, выставку делали. Красивые шляпы, но сколько их делают? Что же, за хорошей шляпой женщина пошла и стала навеки калекой? Она же не пробьется через очередь. Нам нужно много миллионов хороших шляп, чтобы всех московских женщин обеспечить и приехавших в командировку в Москву мужчин, чтобы они сделали достойный подарок от хорошего мужа своей жене.

Из-за отсутствия модной шляпки Раиса Титоренко не переживала. А вот теплой одежды не хватало: не было ни денег, ни возможности что-либо купить. Раиса тяжело заболела, попала в больницу. Врачи поставили диагноз — ревматизм — и запретили иметь детей. Но она все равно родит дочку.

На Раису обратил внимание друг Горбачева: ему понравилось, как славно танцует третьекурсница с философского факультета. Михаил Сергеевич был на год старше, но на курс младше — из-за войны позже окончил школу. Рядом со вчерашней школьницей успевший поработать и получить орден Горбачев — уже взрослый и состоявшийся мужчина.

«Он был неотразимым красавцем, — признавалась Раиса Максимовна. — У его бабушки по материнской линии были прекрасные завораживающие черные глаза. Они и "достались" Михаилу Сергеевичу».

Горбачев сначала познакомился с одной профессорской дочкой, но вроде бы семья демонстрировала недовольство дружбой с «комбайнером». Возникла было еще какая-то красивая студентка, но тут появилась Раиса.

«На одной из фотографий, — рассказывала Раиса Максимовна, — я, восемнадцатилетняя, напомнила Михаилу Сергеевичу Захарку с картины Венецианова. И он стал меня так шутливо называть. Когда я приводила дочку в институт, взрослые ее спрашивали: "Как тебя зовут, девочка?" — "Захареныш". — "Да?! А твою маму?" — "Захарка"».

Первый роман Раисы тоже оказался неудачным и оставил шрам в душе. И вроде бы она в какой-то момент сказала Михаилу Сергеевичу:

— Знаешь, нам не надо встречаться. Мне было хорошо с тобой. Я снова вернулась к жизни. До этого тяжело пере-

несла разрыв с человеком, в которого верила. Я не вынесу еще раз подобное. Лучше прервать наши отношения сейчас, пока не поздно.

Но эти двое точно были рождены друг для друга. Тем не менее роман был долгим. Два года ходили по Москве, держась за руки. Нравы были целомудренными, правила строгими: до свадьбы не целоваться.

«Я помню его неуемную жизнерадостность, непосредственную детскую улыбку, — вспоминала Раиса Максимовна. — Времена послевоенные — начало пятидесятых — непростые, тревожные. Он поразил меня тем, что всегда имел свое собственное мнение и, главное, умел его отстаивать.

Я столкнулась тогда с человеческой непорядочностью, сплетнями, клеветой и убедилась, насколько не подвержен Михаил Сергеевич влиянию недобросовестных типов: он следовал своим представлениям о людях. Он держался очень по-взрослому, самостоятельно. Он был надежным человеком и остался таким».

Характерно, что вокруг Михаила и Раисы образовался круг очень порядочных людей. На одной подруге Раисы женился выдающийся философ Мераб Константинович Мамардашвили, на другой — замечательный социолог Юрий Александрович Левада. Близким другом Горбачева стал приехавший из Праги Зденек Млынарж, будущий секретарь ЦК компартии Чехословакии и один из героев Пражской весны.

— Я замуж вышла, когда поняла: а я ведь его люблю — рассказывала Раиса Максимовна.

— А когда вы это поняли? — поинтересовались журналисты.

— Тогда гремело дело «врачей-отравителей». Его друга Володю Либермана толпа выбросила из трамвая. И Горбачев единственный возмутился. Вот тут-то я все про себя и поняла. И эти свои достоинства — на все иметь свое мнение и не бояться его отстаивать, не испытывать неприязни и пренебрежения к людям, ценить друзей — он пронес через жизнь.

13 января 1953 года «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» и редакционную статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Так началось позорное «дело врачей». Это событие действительно приковало к себе внимание всего мира: в Советском Союзе происходило что-то чудовищное, чего мир после 1945 года не видел. Настоящая антисемит-

ская истерия. И немногие сохранили тогда здравость ума. Страну спасла смерть Сталина...

Лето 1953 года Горбачев провел на практике в родном Ставрополье. Постигал практическую юриспруденцию в районной прокуратуре. Писал любимой женщине:

«Как угнетает меня здешняя обстановка. И это особенно остро чувствую всякий раз, когда получаю письмо от тебя. Оно приносит столько хорошего, дорогого, близкого, понятного. И тем более сильно чувствуешь отвратительность окружающего... Особенно — быта районной верхушки. Условности, субординация, предопределенность всякого исхода, чиновничья откровенная наглость, чванливость... Смотришь на какого-нибудь здешнего начальника — ничего выдающегося, кроме живота. А какой апломб, самоуверенность, снисходительно-покровительственный тон!»

Уже тогда была очевидна необходимость перемен, избавление от калечащей человека системы. Но до Горбачева никто на такие перемены не решится.

«Новый, 1954 год мы, только поженившись, встречали в Колонном зале, — вспоминала Раиса Максимовна. — Пригласительные билеты нам дали в МГУ. Для меня это был самый счастливый день. Я помню платье, в котором была. Помню бесконечный вальс. Мы с Михаилом Сергеевичем танцевали, танцевали... И в какой-то момент вдруг оказалось, что мы вальсируем только с ним вдвоем, а все стоят вокруг и на нас смотрят. Нам было по двадцать лет, и это ощущение какого-то счастья необыкновенного запомнилось навсегда».

Оставив Москву, Горбачев с женой поехал на свою родину. Он пошел по комсомольской линии. Это был тогда единственный кадровый лифт, суливший в случае удачи стремительное продвижение. Тут и проявилась необычность горбачевского семейства.

В той жизни политические решения принимались исключительно мужской компанией — большей частью в бане, на охоте, в дружеском застолье. Так что чем выше поднимался советский руководитель, тем меньшую роль в его жизни играла оттесненная от главных дел жена.

Дети, трудно устраиваемый быт, домашние заботы затягивали — и самая милая женщина быстро теряла привлекательность, блекла, переставала интересовать мужа в постели. Рано постаревших и располневших жен стеснялись. Интимная жизнь высокопоставленного чиновника или вовсе прекращалась, заменяясь горячительными напитками

и чревоугодием, или же радость на скорую руку доставлял кто-то из подсобного персонала.

Другое дело Горбачевы. Страсть не утихала. В выпивке для поддержания хорошего настроения или расслабления он не нуждался. Откровенно гордился выделявшейся на общем фоне женой, хотел, чтобы она и выглядела лучше других.

— Могу показать десяток писем Михаила Сергеевича, — рассказывала Раиса Горбачева, — когда он, скажем, писал из Сочи, что купил мне туфли. Как только командировка в Москву или еще какая оказия, так составляется длинный список: книги, пальто, шторы, белье, туфли, колготки, кастрюли, лекарства...

В 1958 году Горбачев докладывал жене из Москвы с комсомольского съезда:

«Что купил, не буду говорить. Об одном жалею, что денег уже нет... Я подписал тебе Всемирную историю — 10 томов, Малую энциклопедию, философские произведения Плеханова».

Трогательные отношения. Непривычная забота. Необходимость быть рядом.

«Выделяло Горбачева, — вспоминал президентский пресс-секретарь Андрей Серафимович Грачев, — особенно во время поездок по стране, постоянное присутствие рядом с ним на протокольных церемониях, а нередко и на деловых встречах Раисы Максимовны... Иногда на виду у окружающих и телекамер он машинально, явно по многолетней привычке, брал Раису за руку».

Ближайшая в ту пору подруга Раисы Максимовны, с которой они потом разошлись, писала:

«Я думаю, что тысячи сплетен относительно Раисы Максимовны, кроме зависти, а иногда и ненависти, вызваны простым, наивным желанием людей верить в возможность существования хотя бы где-то совершенно сказочной, беззаботной, легкой жизни, в которой нет ни проблем, ни горьких разочарований, ни болезни, ни смерти близких людей».

В Ставрополе Раиса Горбачева несколько лет не могла найти работу, потом устроилась преподавать в Сельскохозяйственном институте. С присущей ей целеустремленностью и внутренней дисциплиной взялась за диссертацию — «Формирование новых черт быта колхозного крестьянства (по материалам социологических исследований в Ставропольском крае)».

— Я бегала по дворам с анкетами, — рассказывала жена генерального секретаря. — То, что увидела, помню всю жизнь. И меня потрясло поколение деревенских женщин, оставшихся одинокими из-за войны. Каждый четвертый-пятый дом в селах Ставрополья — двор женщины-одиночки. Дом обездоленной женской судьбы... Женщины, не познавшие радости любви, счастья материнства. Женщины, одиноко доживающие свой век в старых, разваливающихся домах...

Горбачев в тридцать девять лет стал руководителем крупнейшего региона. Потом его перевели в Москву — самый молодой секретарь ЦК, самый молодой член политбюро.

«Вышли погулять, — записала в дневнике Раиса Максимовна. — Завязался разговор о том, как рождаются лидеры, в какой мере это определяется личными качествами человека, а в какой — обстановкой, обстоятельствами... Любимая женщина, любящая жена могут сделать очень многое для мужчины. Но талант политика, как и вообще талант, — от Бога».

В Москве Горбачевым поначалу было неуютно.

«С первого дня, — вспоминал Михаил Сергеевич, — возникло чувство одиночества — будто выбросило нас на необитаемый остров, и никак не сообразишь, где мы, что с нами и что вокруг».

Советское общество было кастовым, как средневековая монархия.

«Все решала неписаная "табель о рангах", — описывала Раиса Максимовна впечатления от общения с членами семей тогдашнего советского руководства. — Первое, что поражало, — отчужденность. Тебя видели и как будто не замечали. При встрече даже взаимное приветствие было необязательным.

Поражало зеркальное отражение той субординации, которая существовала в самом руководстве. Я однажды выразила вслух недоумение поведением группы молодежи. Моей собеседнице стало плохо: "Вы что, — воскликнула она, — там же внуки Брежнева!"»

Все изменилось в тот мартовский день 1985 года, когда Горбачев стал руководителем страны.

«Он серьезно относится к роли своей жены, — записал в дневнике его помощник Анатолий Черняев, — помимо того, что, видимо, по природе семьянин и она его устраивает во всех отношениях. Да и нам повезло, что у Первого

интеллигентная жена — в эпоху, когда жены стали играть некоторую роль в международной жизни».

Теперь уже все искали расположения Раисы Максимовны. Все ждали: как она использует свое положение?

Семья академика Дмитрия Сергеевича Лихачева не на шутку перепугалась, когда к их даче в Комарово под Ленинградом подъехала черная машина и из нее вышел офицер в фуражке с синим околышем. Лихачев сидел в Соловецком лагере, политзэки ненавидели чекистские фуражки. Но это был всего лишь фельдъегерь, доставивший академику письмо от Раисы Максимовны Горбачевой. По ее предложению академик Лихачев стал главой Советского фонда культуры — это была одна из первых в стране негосударственных, неправительственных организаций.

Один из самых заметных русских эмигрантов князь Васильчиков писал после ее смерти главному редактору журнала «Наше наследие» Владимиру Петровичу Енишерлову:

«Я познакомился с Раисой Максимовной, когда она была еще Первой дамой страны. Почему-то в России ее называют Первой леди на американский манер. Есть же русские слова... Что верно в этом определении — это Первая. Мы — русские — на Западе вздохнули с облегчением, когда увидели ее с Михаилом Сергеевичем — элегантную, светскую, умную... Такой и должна быть жена Президента великой России.

Нам очень понравилась и ее некричащая элегантность в отличие от "первых дам" советской эпохи... Ее слегка татарского типа красота и женственный шарм в сочетании с несомненным умом и образованностью произвели на всех нас впечатление. Она была явно незаурядной личностью. Именно это объясняло, почему наши вечно завидующие "русичи" о ней злословили. Хотя, очевидно, и она немного раздражала, "перебарщивала" со своими знаниями и уверенностью в себе. Общество еще не доросло до восприятия такой личности».

Как изящно выразился пресс-секретарь советского президента Андрей Грачев, «она яркой бабочкой выпорхнула из кокона безликой и обезличивающей системы — элегантной, независимой и уверенной в себе современной женщиной».

Но ее появление рядом с мужем сразу вызвало недовольство в обществе, где женщине отводилось строго определенное место.

— Никогда в его государственные или политические дела я не вмешивалась, — вынуждена была оправдывать-

ся Раиса Горбачева. — Считала лишь своим долгом поддержать, помочь. Мы с Михаилом Сергеевичем спорим, и очень часто по самым разным вопросам... Мы, как и все нормальные люди, обсуждаем, спорим, иногда ссоримся.

А с другой стороны — у кого же еще спросить совета, как не у жены? Особенно если она действительно самый близкий человек, которому бесконечно доверяешь?..

Горбачевым не хватало, пожалуй, элементарной осторожности и хитрости. Главным внешнеполитическим партнером Горбачева был президент Соединенных Штатов Рональд Рейган. Считалось, что его жена Нэнси политикой не интересуется. В реальности она оказывала огромное влияние на курс страны, потому что по ее слову президент без колебаний назначал и убирал людей. Рейган был без ума от своей жены и во всем к ней прислушивался.

«Многие члены администрации предпочитали рассказывать о своих заботах Нэнси, — вспоминал Рейган, — зная, что она мне все перескажет. Я считаю, что люди в целом изначально добры, и ожидаю от них лучшего. Нэнси тоже не отрицает этого в людях, но какой-то внутренний инстинкт предупреждает ее о пороках, если таковые имеются.

Нэнси относится к типу людей, которые готовы защищать свой мир. Если вам приходилось видеть медведицу, в ярости взметнувшуюся на задние лапы, готовую к сражению, если ее самцу или одному из медвежат угрожает опасность, то можете представить себе, как Нэнси относится к тем, кто, по ее мнению, может повредить ее близким или их предать».

Нэнси Рейган считала, что мир недооценивает ее замечательного мужа. Весь мир она наказать не могла, но в президентской администрации тот, кто не нравился Нэнси, быстро терял свой пост. Ночная кукушка дневную всегда перекукует.

— Не раз спрашивали у меня: легко ли быть женой президента и генерального секретаря ЦК КПСС? — вспоминала Раиса Горбачева. — Отвечаю: легче, чем быть президентом и генеральным секретарем.

А потом наступили годы, когда Горбачевым пришлось оправдываться. Список претензий бесконечен. Главное — почему, взявшись за перестройку, привел страну к развалу?

Добрых слов Горбачеву достается даже меньше, чем Ельцину. Потому что есть влиятельнейшие люди, которые своими высокими должностями и огромным богатством

обязаны Борису Николаевичу. Соратники Горбачева лишились всего.

«Стоит ли удивляться, — писал вице-президент Российской академии наук Александр Дмитриевич Некипелов, — что Горбачев все еще остается в глазах многих соотечественников "главным отрицательным героем" всего периода трансформации нашего общества. Он "виноват" во всем, даже в том, что "выпустил нас на свободу". В сущности, на нем сконцентрировалась вся наша досада на самих себя за бестолково использованный исторический шанс».

Реформы сверху разбудили страсти, но не готовность что-то делать. Никто не знал, что надо предпринять. И как. И, пожалуй, в те годы никто не предполагал, что улучшить систему невозможно.

Но разве виноват тот властитель, который дает свободу и пытается исправить ошибки прошлого, а не тот, кто, не сознавая своего долга, держит страну в железном корсете и мешает ей развиваться? Недовольство копится, и первая же попытка смягчить режим, сбить обручи, приводит к тому, что заряженная порохом бочка взрывается. Горбачев мог отложить эту катастрофу. Но не избежать. Слишком поздно! Сложившаяся в сталинские десятилетия административно-командная система реформированию не поддавалась.

«Для меня является загадкой, — пишет известный философ Александр Сергеевич Ципко, — когда очевидные достижения перестройки, то есть произошедшую в те годы реставрацию русской культуры и мысли, не видят люди, считающие себя патриотами, почитающие Россию».

Молодежи трудно понять, «как трудно было человеку, наделенному от природы совестью и здравым смыслом, жить в советском обществе». Горбачев вернул право на историческую память, на правду о советской и русской истории, право увидеть мир своими глазами.

Думаю, правы те, кто перестройку и окончание холодной войны называют самым счастливым мгновением в нашей истории, — не считая, конечно, Дня Победы. Но на родине Михаилу Сергеевичу достались в основном проклятия.

Журналисты «Комсомольской правды» спрашивали Раису Максимовну:

— Вам, наверное, приходилось видеть Михаила Сергеевича отчаявшимся?

— Ни разу.

«За годы общения, — свидетельствовал его помощник Георгий Шахназаров, — мне приходилось видеть Михаила Сергеевича усталым, невыспавшимся, больным, но никогда взгляд у него не был потухшим».

— В Финляндии, — рассказывала его жена, — у Михаила Сергеевича спросили о его завидном самообладании. Он как бы в шутку назвал три причины. Первая — надо сказать спасибо родителям за генетическую способность самообладания. Вторая — спасибо Раисе Максимовне за помощь, поддержку и верность. А третья — вера в правильность жизненного выбора, поставленной цели.

Оставшиеся верными Горбачеву интеллектуалы искренне ценят Михаила Сергеевича за то, что он сделал для страны и мира, — несмотря на его ошибки, промахи, неудачи. Горбачев — трагическая и выдающаяся фигура, честный человек и одаренный политик, который, принимая решения, не ставил во главу угла собственное политическое выживание. Если бы он думал о себе, то в любой момент мог сменить курс и пустить в ход силу. И по сей день оставался бы генеральным секретарем ЦК КПСС.

И сейчас любят говорить, что Россия не готова к демократии, и в 1917-м звучало то же самое. Ребенок рождается на свет не красавцем. Трудно в этом крохотном существе разглядеть будущую красавицу или олимпийского чемпиона. Но на этом основании не надо выплескивать с водой и ребенка. Ему надо вырасти. А демократия в России такого шанса не получила.

Михаил Сергеевич — большой мастер уговаривать, увещевать, убеждать и привлекать на свою сторону. Но есть задачи превыше человеческих сил. Не изменишь в одночасье то, что закладывалось десятилетиями, если не столетиями...

Горбачев — человек без комплексов, без внутренней обиды на весь мир. Михаил Сергеевич — в отличие от тех, кто был в Кремле до и после него, — не видел в оппоненте врага, которого следует немедленно уничтожить. В этом его отличие от советской традиции. Михаила Сергеевича отличает нежелание ломать людей через колено. Если вдуматься, именно за это его и упрекают.

Раиса Максимовна рассказывала о дочери:

«Во втором классе Иришка писала сочинение “За что я люблю свою маму?” Оказалось, что главное — за то, что “мама не боится волков”».

Волк не так опасен, как двуногое существо. Августовский путч, который окончательно разрушил единый Совет-

ский Союз, стал роковым для Раисы Горбачевой. Запертая в Форосе, она ждала худшего. Десять лет спустя Михаил Сергеевич рассказывал журналистам:

— Раиса Максимовна ударилась в панику. Хотела меня спрятать, боялась, что сделают инвалидом и покажут всему миру, что я действительно болен. Павлов же говорил, мол, Горбачев лежит в кровати, недееспособен и мурлыкает нечто невнятное. А довести до такого состояния пара пустяков: мужики навалились, вогнали что-то — и готово.

«Я стараюсь стереть из памяти некоторые особенно тягостные воспоминания, — говорит дочь Горбачевых Ирина. — И мне это удается. Так спокойнее жить. Наверное, это защита от пережитого стресса. Мой способ выжить. У мамы, по-моему, это не получалось... Только за то, что она открыто была рядом со своим мужем, мама расплатилась здоровьем».

— Все в жизни она принимала близко к сердцу, — сокрушался Горбачев, — и глубоко переживала, была человеком очень ранимым, особенно угнетали ее несправедливость, напраслина. Самым тяжелым было предательство людей, с которыми ее связывали многие годы совместной жизни и работы. Она часто повторяла, что нашей семье пришлось пережить не одну моральную Голгофу.

В июле 1999 года в Институте гематологии Раисе Горбачевой диагностировали лейкоз. Неизлечимая болезнь убила ее за несколько месяцев. 20 сентября 1999 года ее не стало. Борис Николаевич Ельцин послал за ее телом самолет из правительственного авиаотряда. Вражда двух президентов осталась в прошлом, делить больше нечего и незачем. Возможно, Ельцин, уже сам тяжело больной, понял, что все в жизни преходяще и перед лицом смерти уже ничто не имеет значения.

Так что же было в письмах, сожженных женой советского президента в августе 1991 года, после путча? Вовсе не то, что все подозревали. Ни номеров банковских счетов, ни тайных политических помыслов. Раиса Максимовна была крайне щепетильна: хранила даже квитанции на оплату продовольственных заказов из крайкомовской столовой. В роли президентской жены все подарки сдавала в казну. Вообще по характеру была максималисткой.

Она сожгла личные, интимные, любовные письма:

«Строчки нашей жизни, нашей судьбы. Они написаны мне и принадлежат только мне. Я не хочу, чтобы чужие, недобрые руки когда-либо прикоснулись к этим листочкам.

Не хочу, чтобы кто-то издевался над дорогими для меня словами, мыслями и чувствами».

Вот что было главным для этой пары — не власть и не материальные ценности... И эти свидетельства любви не предназначались для чужих глаз.

«В жизни нашей всякое бывало, — откровенно делилась Раиса Максимовна. — Были и соперницы, и соперники. Помню, как было больно. Но самый правильный путь — прояснить ситуацию. Не выяснять отношения, а найти в себе силы понять другого. Мы поговорили, и я каким-то десятым чутьем поняла: я ему дороже других».

Податливые и готовые к услугам стюардессы с пышными фигурами, которые нравились Брежневу, или нетребовательные и восторженные юные стажерки, каких предпочитал Клинтон, Михаила Сергеевича в принципе не интересовали. Не мельчил. Судя по Раисе Максимовне, Горбачеву нравились умные, решительные и властные женщины.

С одной из них он познакомился в 1984 году в Лондоне. С разрешения политбюро мужа в поездке сопровождала Раиса Максимовна.

Дома она услышала:

— Почему это вас в Лондоне так расхвалили? Вы не думаете, что это все означает? Чем это вы так привлекли Запад? Ну-ка, ну-ка, давайте-ка мы на вас посмотрим поближе.

В Лондоне Горбачев познакомился с премьер-министром Маргарет Тэтчер.

После успешной войны за Фолклендские острова она была в зените славы. Для своих солдат, отвоевавших захваченные аргентинцами острова, она была одновременно и богиней войны, и объектом самых смелых сексуальных фантазий. В их желании служить Маргарет Тэтчер и готовности идти на смерть был и несомненный эротический мотив.

«Мы обожали ее и сделали бы для нее все что угодно, — говорил генерал Джулиан Томпсон, командовавший бригадой во время Фолклендской войны. — За последние сто лет я не могу назвать ни одного политика, помимо Уинстона Черчилля, который бы производил такое сильное впечатление на военных. Мы все любили ее за хладнокровие, энтузиазм и, позволю себе заметить, за то, что она очень красивая женщина. Да, это мы тоже высоко ценим».

Вообще говоря, многие находили премьер-министра Великобритании по-женски очень привлекательной. К тому

времени дети Тэтчер уже стали взрослыми, но что-то в ней оставалось от девчонки — ее энтузиазм, энергия и темперамент.

«Я увидел ее в парламенте, — вспоминал один из министров, — она выглядела очень привлекательной. Она пропустила пару порций виски и раскраснелась, что ей очень шло. Она подошла, улыбаясь своей особой улыбкой, от нее доносился аромат дорогих духов и алкоголя».

Известно, что несколько министров, пользовавшихся успехом в дамском обществе, пытались завязать с ней внеслужебные отношения, но были с порога отвергнуты.

Она, пожалуй, сама не была готова к такой популярности, какая обрушилась на нее после войны. На дипломатическом приеме в Лондоне она стала выговаривать министру обороны за сокращение военного бюджета. Он довольно неуклюже пытался ее успокоить. Она, нацелившись пальцем прямо в министра, резким тоном сказала:

— Вы когда-нибудь выигрывали войну? А я вот выигрывала!

Разгромив внешнего врага, она стала искать врага внутреннего, чтобы точно так же его сокрушить. Она начала борьбу с коммунизмом на мировой арене и с социализмом внутри страны. Иностранным гостям приходилось с ней нелегко.

Она усаживалась на краешке софы рядом с камином, который никогда не разжигали, и устремляла взор на гостя. Тот начинал разговор словами:

— Благодарю вас, госпожа премьер-министр, за то, что вы согласились принять меня...

Больше он ничего не успевал сказать. Тэтчер произносила получасовой монолог, не переводя дыхания. После чего потрясенный гость, уходя, бормотал:

— Какая женщина! Какая женщина!

Но Горбачев произвел на нее впечатление. Провожая его в аэропорту, Маргарет Тэтчер — в холодный день — стояла на взлетном поле без пальто, в черном костюме и туфлях. Когда лайнер с советским лидером поднялся в воздух, премьер-министр зашла в офицерский бар:

— Черт возьми, закоченела, дайте водки.

Летчики предложили виски.

— Ну уж нет, если Горбачева принимали, то выпьем водки! — отрезала премьер-министр.

И решительно опрокинула стопку — одним махом, по-русски.

Столь же необычная для профессионального политика человеческая нотка, свидетельствующая об особом отношении к Горбачеву, прорвалась у Маргарет Тэтчер 19 августа 1991 года, в первый день путча, когда в сообщении ГКЧП прозвучало, что Горбачев не способен исполнять свои обязанности по состоянию здоровья. Она позвонила советскому послу в Лондоне Леониду Митрофановичу Замятину:

— Нам с вами надо садиться в самолет, брать врачей, лететь в Москву. Горбачев болен! Ему нужна помощь.

Из всех политиков, озабоченно изучавших в тот день поступавшую из Москвы обескураживающую информацию, одна Тэтчер искренне была обеспокоена не политическим положением президента Горбачева, а его здоровьем. Как это не похоже на «железную леди».

Внешняя канва их взаимоотношений известна. Тэтчер открыла Горбачева для Запада. Сразу поверила в его искренность, поддержала перестройку и вообще создала некую особую ауру вокруг него. Помогла ему установить отношения с прислушивавшимся к ней президентом Соединенных Штатов Рональдом Рейганом, когда двое мужчин не знали, как заговорить друг с другом.

Почему Тэтчер так заботилась о Горбачеве? И почему он так любил беседовать с ней? Чисто политический расчет? Они спорили жестко и непримиримо, но друг на друга не обижались. Охотно советовались, но на излишние уступки не шли. И все же, когда Горбачев и Тэтчер встречались, между ними явно пробегала какая-то искра. Это не укрылось от чужих глаз и породило массу слухов и предположений.

— Я обнаружила, что он мне нравится, — признавалась Тэтчер.

В любом случае, у них было немного возможностей проявить свои искренние чувства. Так называемые встречи с глазу на глаз все равно происходили в присутствии переводчиков, дословно записывались и потом тщательно изучались. Да и они оба вели жизнь, которую можно считать образцом супружеской верности. Но одновременно они — люди, сжигаемые страстью.

Правда, это страсть другого толка — страсть к власти и к переменам. Вот в этом они были близки! Они люди сходного темперамента. И, окидывая внимательным взглядом окружающих в поисках равных себе, они приметили друг друга. В те годы они на голову, а то и на две возвышались над всеми остальными политиками.

При всей колоссальной разнице в происхождении Горбачев и Тэтчер очень похожи. Они начинали свою политическую карьеру под аплодисменты и закончили почти под проклятия. Они почитаемы за границей и не любимы дома. Но они оставили след в истории.

А в частной жизни у Тэтчер был один мужчина. И одна женщина у Горбачева.

— Он — моя жизнь, — говорила Раиса Максимовна о муже.

— Она мне предана, а я — ей, — словно отвечал Михаил Сергеевич. — И лучше всего нам всегда было вдвоем.

В Лондоне Маргарет Тэтчер подарила жене Горбачева первое издание знаменитого романа Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия». Это ироническая и разоблачительная история нравов — и не только британских. Когда Раиса Максимовна перечитывала Теккерея, ей не могло не броситься в глаза, какой горькой фразой заканчивается роман: «Кто из нас счастлив в этом мире?»

Отчего же на родине Михаилу Сергеевичу достались в основном проклятия? Как ни печально это звучит, но самые выдающиеся политики XX столетия были безжалостно выброшены из политической жизни, едва выяснилось, что общество в них больше не нуждается. Это судьба Уинстона Черчилля и Шарля де Голля, Маргарет Тэтчер и Михаила Горбачева.

На одном из пленумов ЦК Горбачев обратился к сидящим в зале:

— А что, наверное, вы все думаете, не пора ли наконец генсеку проявить характер?

И стукнул кулаком по столу. Зал обрадованно зааплодировал. Ведь перестройка стала праздником избавления от надоевшей и опротивевшей всем власти. Самодовольные начальники, которых никто не выбирал, которые сами себя назначали на высокие должности, обнаружили, что их ненавидят и презирают. И хотели вернуться назад, когда их боялись, шапку перед ними ломали.

— Вот, оказывается, чего вы хотите, — разочарованно произнес Горбачев. — Только в кулак и верите.

В конце ноября 1988 года на пленуме ЦК первый секретарь правления Союза писателей СССР Владимир Васильевич Карпов, известный больше военными, нежели литературными подвигами, подошел к председателю КГБ Крючкову:

— Владимир Александрович, люди уже просто кричат о необходимости применения законов к экстремистам. Законы у тебя в руках. Почему не организуешь пару показательных открытых процессов над теми, кто собирается отстранить партию, обещает вешать коммунистов на фонарях? Что тебе еще нужно? Преступление налицо.

Вместо ответа Крючков взял Карпова под руку и повел к генеральному секретарю ЦК КПСС, который подписывал какие-то бумаги. Подождали, пока помощник забрал бумаги и ушел. Крючков попросил Карпова:

— Вот, повтори все, что ты мне только что говорил.

Руководитель Союза писателей повторил свой вопрос. Горбачев вспыхнул:

— Вы что, хотите возвратить тридцать седьмой год? Реки крови? Не будет этого, я не допущу. Сначала меня отстраните, а потом будете устраивать ваши кровавые бани.

В 1991 году писатель Валентин Григорьевич Распутин наставительно сказал Горбачеву:

— Пора употребить не только власть, но и силу для того, чтобы остановить зарвавшихся демократов, заткнуть им рот.

Все ждали, что ответит президент страны. Взгляд его стал мрачным, и он сказал хриплым голосом:

— Нет, что хотите, но крови не будет. Пока я президент, крови в стране не будет.

«Забывчивые мы люди, — с горечью писал в годы перестройки один из лучших знатоков русской литературы Игорь Дедков. — Самовластья хочется, кнута. Потом дешевого пряника. И опять самовластья. И так без конца».

В другой ситуации Горбачев пророчески заметил:

— Вы и представить себе не можете, как это легко — повернуть назад. Одного слова достаточно.

Горбачев не слабый и не слабонервный. Но не желал принуждения, пытался избежать разделения общества, раскола, разрыва. Добровольно отказался от самовластья, от диктатуры. Хотел, чтобы в обществе привыкли договариваться, а не насиловать друг друга. Он, кстати говоря, не любил выяснять отношения, предпочитал спускать на тормозах, гасить конфликты.

В России в 1991 году произошла настоящая революция. События не менее значимые, чем драмы и трагедии 1917-го. Вопрос в оценках. Одни уверены, что та революция лишь разрушила великое государство. Другие, напротив, считают

революцию незавершенной и потому не принесшей ожидаемого успеха. Есть задачи превыше человеческих сил. Не изменишь в одночасье то, что закладывалось десятилетиями.

Экономические трудности в первые перестроечные годы смягчались надеждой. А через несколько лет остались только трудности, умноженные хаосом распада и ломкой прежней системы. Положение в стране становилось все более отчаянным. Близился экономический крах. Прилавки опустели, жизнь развалилась и стала невыносимой. Рухнул весь уклад жизни. Стало много хуже, чем было до перестройки. Казалось, страну ждет катастрофа и избежать ее невозможно. Вину за это возлагают на Горбачева.

Советский Союз разрушался на глазах. А Михаил Сергеевич ничего не мог предложить для спасения разваливавшейся и впадавшей в нищету страны. Все его шаги воспринимались как попытка сохранить свое кресло. Горбачев одерживал одну мелкую победу за другой, но проиграл главную битву и лишился власти. А советские люди — страны.

И до конца своей жизни Михаил Сергеевич обречен слышать: если бы не ваша перестройка, Советский Союз бы сохранился... Из-за вас утратили статус великой мировой державы, растеряли союзников, лишились способности влиять на положение дел в мире... И миллионы русских людей оказались за границами своей родины...

Многие тогда требовали, чтобы Горбачев действовал решительно, даже жестко и тем самым сохранил единое государство. И, кстати, сохранил бы себя как действующего политика. Этот опыт явно учтен современной Россией.

Вместо послесловия

Теперь с горечью, а то и с отчаянием целое столетие называют временем великих надежд и упущенных возможностей. Но только ли сменявшие друг друга вожди виновны в том, что не сбылись наши чаяния?

Не в том ли еще дело, что мы наивно надеялись, будто все проблемы решатся по мановению руки и заманчивое будущее построится как-то само собой, без нашего участия? Что тот или иной добрый и всемогущий царь все сделает за нас?

Ведь это мы сами, нарушив заповедь, творили себе кумиров. Поколения советских политических лидеров воспринимались как отряд мессий, спускающихся с небес. И мы отказывались от самостоятельности, самоорганизации, привычки проявлять инициативу и брать на себя ответственность...

Появление нового вождя порождало иллюзорные ожидания быстрого преображения. Надежды не оправдывались и сменялись горьким разочарованием. Иногда эйфория была настолько сильной, что затем страну охватывала настоящая депрессия — от сознания собственного бессилия. И едва ли не весь XX век после ухода очередного властителя его поносили с той же остервенелостью, с какой еще недавно потрясали его портретами на митингах и демонстрациях.

Революции начинаются с праздника, с веселья, иногда безоглядного, а заканчиваются разочарованием чудовищно обманутых в своих ожиданиях революционеров. Сбросив тирана, торжествующая толпа расходится в счастливой уверенности, что пришло царствие свободы и справедливости. Но как редко революции приводят к расцвету демократии! Когда праздник заканчивается, вопрос не в том, кто одержал победу, вопрос в том, кто воспользуется ее плодами.

Выходят на площадь и ложатся под танки одни. Власть, должности и богатство достаются другим.

После свержения очередного властителя ожидают немедленного улучшения жизни. Но страна погружается в хаос. Прежняя жизнь развалилась, а люди не имеют навыка самоорганизации. В растерянности и отчаянии они требуют порядка и стабильности и опять ждут, что кто-то за них все наладит.

В представительной демократии таится бездна подвохов и разочарований. Идеальных политиков не бывает. Многие блестящие персонажи, которым избиратели с готовностью отдавали голоса, не оправдали надежд. Но это горе поправимо: неумелого можно переизбрать и поручить дело более достойному.

Когда вечером 25 декабря 1991 года над Кремлем спустили государственный флаг СССР и подняли российский, советское время закончилось и наступила новая эпоха. А с ней появились и новые вожди. Но это герои уже другой книги.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

1870, 10 (22) апреля — родился в Симбирске (ныне Ульяновск).
1887 — после окончания гимназии с золотой медалью поступил на юридический факультет Казанского университета; через три месяца исключен за участие в студенческих беспорядках.
1891 — сдал экстерном экзамены на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета.
1895 — объединил марксистские кружки в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»; в декабре арестован.
1897 — отправлен в ссылку в сибирское село Шушенское.
1898, 10 июля — обвенчался с Надеждой Константиновной Крупской.
1900, 29 июля — уехал в Швейцарию, где избран членом редколлегии социал-демократической газеты «Искра».
1903 — на II съезде социал-демократов (в Лондоне) становится признанным лидером большинства партии.
1908 — после первой русской революции вернулся в Швейцарию.
1917, апрель — вернулся из эмиграции в Россию.
Июль — тайно покинул Петроград, после того как Временное правительство отдало приказ об аресте его и ряда видных большевиков по обвинению в государственной измене.
25 октября — после того как большевики взяли власть, возглавил первое советское правительство — Совет народных комиссаров.
1918, 30 августа — тяжело ранен в результате покушения.
1922, май — начало болезни, которая лишила его возможности работать.
1924, 21 января — умер.

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

1878, 6 (18) декабря (по официальной версии — 9 (21) декабря 1879 года) — родился в Гори Тифлисской губернии.
1894, сентябрь — поступил в Тифлисскую духовную семинарию.
1898 — вступил в грузинскую социал-демократическую организацию.
1899, декабрь — принят наблюдателем в Тифлисскую физическую лабораторию.
1901, ноябрь — вошел в состав Тифлисского комитета РСДРП.
1906, май — делегат IV съезда РСДРП в Стокгольме.
Июль — женился на Екатерине Сванидзе (она в 1907 году родила сына Якова и в том же году умерла от тифа).
1912, январь — заочно введен в состав ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП.

1913, март — арестован, осужден и отправлен в ссылку в Туруханский край.
1917, 12 марта — освобожден февральской революцией, приехал в Петроград.
Август — избран членом ЦК партии большевиков.
Октябрь — в первом советском правительстве утвержден народным комиссаром по делам национальностей.
1918 — женился на Надежде Аллилуевой (дети: Василий и Светлана).
1918—1920 — член Реввоенсовета различных фронтов Гражданской войны.
1922, апрель — избран генеральным секретарем ЦК партии.
1941, май — председатель Совета народных комиссаров СССР.
Июнь — председатель Государственного Комитета Обороны.
10 июля — председатель Ставки Верховного командования.
19 июля — народный комиссар обороны.
8 августа — Верховный главнокомандующий Вооруженными силами СССР.
1943 — произвел себя в Маршала Советского Союза.
1945 — произвел себя в Генералиссимусы Советского Союза.
1953, 5 марта — умер.

ГЕОРГИЙ МАКСИМИЛИАНОВИЧ МАЛЕНКОВ

1901, 6 декабря — родился в Оренбурге.
1919 — окончил гимназию, призван в Красную армию.
1921 — поступил на электротехнический факультет Бауманского училища.
1930 — завотделом Московского комитета партии.
1936 — завотделом руководящих партийных органов ЦК.
1939 — член оргбюро и секретарь ЦК, начальник управления кадров.
1940, июль — член Главного военного совета.
1941, февраль — кандидат в члены политбюро ЦК КПСС; член Государственного Комитета Обороны.
1946, март — член политбюро.
Май — председатель Спецкомитета № 2 по развитию ракетной техники.
Август — заместитель председателя Совета министров СССР.
1953, 5 марта — председатель Совета министров СССР.
1955 — освобожден от должности председателя Совета министров, назначен министром электростанций.
1957 — после неудачной попытки снять Н. С. Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС выведен из президиума ЦК и освобожден от министерской должности. Отправлен директором электростанции в Усть-Каменогорск, затем директором теплоэлектростанции в Экибастуз.
1961, ноябрь — исключен из партии.
1988, 14 января — умер.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

1894, 3 (15 апреля) — родился в деревне Калиновка Курской губернии.
1908 — ученик слесаря на заводе.
1912 — слесарь на шахте.
1918 — вступил в партию большевиков.
1929 — поступил в Промышленную академию в Москве.
1931 — первый секретарь Бауманского райкома партии.
1932 — второй секретарь Московского горкома.
1934 — первый секретарь МГК.
1935 — первый секретарь Московского областного комитета.
1938 — первый секретарь ЦК КП(б) Украины.
1939 — член политбюро.
1941—1944 — член военного совета различных фронтов.
1949 — первый секретарь МК и МГК партии.
1953, март — секретарь ЦК КПСС.
Сентябрь — первый секретарь ЦК.
1958 — председатель Совета министров СССР.
1964, октябрь — отправлен на пенсию.
1973, 11 сентября — умер.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

1906, 6 (19) декабря — родился в поселке Каменское Екатеринославской губернии.
1921 — начал работать на маслобойном заводе в Курске.
1923 — поступил в Курский землеустроительный техникум.
1928 — поехал на Урал, где работал землеустроителем, заведующим отделом землеустройства Бисертского райисполкома.
1930 — поступил в Московский институт сельскохозяйственного машиностроения имени М. И. Калинина.
1931 — перевелся в Каменский металлургический институт имени Арсеничева.
1935, май — окончил институт.
Октябрь — призван в Красную армию.
1936 — назначен директором Днепродзержинского металлургического техникума.
1937, май — заместитель председателя Днепродзержинского горисполкома.
1938, май — заведующий отделом Днепропетровского обкома.
1939 — секретарь Днепропетровского обкома.
1941—1945 — служба в Красной армии.
1946, июнь — демобилизован в звании генерал-майора.
Август — первый секретарь Запорожского обкома.
1949 — первый секретарь Днепропетровского обкома.
1951 — первый секретарь ЦК КП(б) Молдавии.

1952, октябрь — кандидат в члены президиума и секретарь ЦК КПСС.
1953, май — заместитель начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота.
1954 — второй секретарь ЦК компартии Казахстана.
1955 — первый секретарь ЦК компартии Казахстана.
1956 — кандидат в члены президиума и секретарь ЦК КПСС.
1957 — член президиума ЦК КПСС.
1960 — председатель президиума Верховного Совета СССР.
1963 — секретарь ЦК КПСС.
1964 — первый секретарь ЦК КПСС (с 1966-го — генеральный секретарь).
1977 — председатель президиума Верховного Совета СССР.
1982, 10 ноября — умер.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРОПОВ

1914, 2 (15) июня — родился на станции Нагутская Ставропольской губернии.
1931 — окончил Моздокскую фабрично-заводскую семилетку.
1936 — получил диплом Рыбинского техникума водного транспорта.
1937 — секретарь Ярославского обкома комсомола.
1938 — первый секретарь Ярославского обкома комсомола.
1940 — первый секретарь ЦК комсомола Карело-Финской Советской Социалистической Республики.
1944 — второй секретарь Петрозаводского горкома партии.
1947 — второй секретарь ЦК компартии Карело-Финской ССР.
1951 — инспектор ЦК партии.
1954 — посол в Венгрии.
1957 — заведующий отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.
1962 — секретарь ЦК КПСС.
1967 — председатель КГБ.
1982, май — секретарь ЦК КПСС.
Ноябрь — генеральный секретарь ЦК КПСС.
1983 — председатель президиума Верховного Совета СССР.
1984, 9 февраля — умер.

КОНСТАНТИН УСТИНОВИЧ ЧЕРНЕНКО

1911, 11 (24) сентября — родился в деревне Большая Тесь Минусинского уезда Енисейской губернии.
1928 — окончил школу крестьянской молодежи.
1929 — заведующий отделом агитации и пропаганды Новосёловского райкома комсомола.

1931 — призван в армию, служил на погранзаставе.
1933 — завотделом пропаганды и агитации Новосёловского райкома партии Красноярского края.
1941 — секретарь Красноярского крайкома ВКП(б).
1943 — поступил в Высшую школу партийных организаторов при ЦК ВКП(б).
1945 — секретарь Пензенского обкома.
1948 — заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК компартии Молдавии.
1956 — завсектором массовой агитации в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС.
1960 — начальник секретариата президиума Верховного Совета СССР.
1965 — заведующий общим отделом ЦК КПСС.
1976 — секретарь ЦК КПСС.
1977 — кандидат в члены политбюро ЦК КПСС.
1978 — член политбюро.
1984 — генеральный секретарь ЦК и председатель президиума Верховного Совета СССР.
1985, 10 марта — умер.

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ

1931, 2 марта — родился в селе Привольном Северо-Кавказского края.
1949 — за ударный труд на уборке зерновых награжден орденом Трудового Красного Знамени.
1955 — после окончания юридического факультета МГУ назначен заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды Ставропольского крайкома комсомола.
1961 — первый секретарь крайкома ВЛКСМ.
1963 — заведующий отделом партийных органов Ставропольского крайкома КПСС.
1966 — первый секретарь Ставропольского горкома.
1970 — первый секретарь Ставропольского крайкома.
1978 — секретарь ЦК КПСС.
1979 — кандидат в члены политбюро.
1985 — генеральный секретарь ЦК КПСС.
1988 — председатель президиума Верховного Совета СССР.
1990 — президент СССР.
1991, 25 декабря — прекратил свою деятельность на посту президента.

ЛИТЕРАТУРА

Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964: В 3 т. М., 2006.

Арбатов А. Человек Системы: Наблюдения и размышления очевидца ее распада. Мой XX век. М.: Вагриус, 2002.

Бовин А. XX век как жизнь. М., 2003.

Волкогонов Д. Ленин: Политический портрет: В 2 кн. Новости, 1994. *Грачев А.* Горбачев. М.: Вагриус, 2001.

В. И. Ленин: Неизвестные документы. 1891—1922 гг. М.: РОССПЭН, 1999.

Л. Брежнев. Рабочие и дневниковые записи: В 3 т. М., 2016.

Маленков А. О моем отце Георгии Маленкове. НТЦ «Техноэкос», 1992.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1998.

Никита Хрущев. 1964: Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 2007.

Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: В 2 т. М.: МФД, 2009. *Прибытков В.* Черненко. М.: Молодая гвардия, 2009.

Синицин И. Андропов вблизи. М.: Центрполиграф, 2015.

Троцкий Л. Д. О Ленине: Материалы для биографа. М.: Грифон-М, 2005.

Хлевнюк О. Сталин: Жизнь одного вождя. М.: Corpus, 2015.

Хлевнюк О. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.

Хрущев Н. Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4 т. М.: Московские новости, 1999.

Хрущев С. Трилогия об отце. М.: Время, 2010.

Черняев А. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М.: Прогресс-Культура, 1993.

Черняев А. Моя жизнь и мое время. М.: Международные отношения, 1995.

Черняев А. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М.: Терра, 1997.

Шахназаров Г. С вождями и без них. М.: Вагриус, 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

ЛЕНИН. ТРИ ПУЛИ ИЗ БРАУНИНГА 7
«Повесить. Непременно повесить!» 7
Тайны родословной 14
Хорошо воспитанный, но резкий и злой 21
Любовный треугольник? 27
Наследство и наследники 42

СТАЛИН. БОРЬБУ ЗА ВЛАСТЬ НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ 53
Со страшным скрипом башмаки 53
Снять белые перчатки 56
Швейцарский шоколад 58
Теперь они нас перестреляют 63
Судьба страны решается не на выборах 66
Кабинет Ленина 71
Кабинет Сталина 72
Без билета мы нули 73
Свободная камера на Лубянке 73
Клянемся тебе, товарищ Ленин 76
Пуговицы к пальто 76
Сувенир для наркома 84
Глазами скульптора 86
Семинария и ссылка 88
Вредители 94
Домашние тапочки 97
У чекиста два пути 98
Зачем нам прибыль 101
Говори громче, кричи! 102
Там холодно и нужно выпить 103
Сочинский бильярд 105
Торт от Лаврентия Павловича 105
Хитрый парень из Совмина 105
Хотите меня отравить? 106
Никогда здесь не хлопайте! 107
Головой в колодец 108
В поисках завещания 112

МАЛЕНКОВ. ПАРТБИЛЕТ НОМЕР ТРИ 117
Наследник вождя 117
Женщина с характером 124
Семейные дела 130

Запретили пытки ... 133
Пришлось отречься ... 136
Львы и кролики в Кремле ... 137
Антипартийная группа ... 144
Жизнь в опале ... 150

ХРУЩЕВ. ПОЧЕМУ КОММУНИЗМ НЕ ПОСТРОИЛИ ... 154
Тайная стенограмма ... 154
Кухонный спор ... 156
Из Калиновки в столицу ... 162
Двадцатый съезд ... 169
Догнать и перегнать ... 173
Гоголевские персонажи ... 177
Обидел кадры ... 182
Поход на выставку ... 185
Мастера политической интриги ... 191
Заговор в октябре ... 196
Судьба детей ... 199

БРЕЖНЕВ. СЛАДКИЙ СОН В КРЕМЛЕ ... 207
Бюллетень о состоянии политического здоровья ... 207
Мы его не знали ... 217
Вхождение в номенклатуру ... 224
Генеральские погоны ... 231
Почему Леонид Ильич? ... 237
Ничего не менять! ... 239
Разрядка, но не разоружение ... 248
Все голосуют «за» ... 250

АНДРОПОВ. СИРОТА С СОМНИТЕЛЬНОЙ АНКЕТОЙ ... 254
Судьба старшего сына ... 254
Загадочный дедушка ... 257
Венгерская трагедия ... 268
На Старой площади ... 271
Перевести на инвалидность? ... 274
Председатель сам под присмотром ... 277
Пятое управление ... 280
Отрезанная голова Амина ... 283
Комитет и партия ... 284
В кресле генерального ... 290

ЧЕРНЕНКО. ГЕНИЙ КАНЦЕЛЯРИИ ... 310
Тогда он выкарабкался ... 310
Карьера и личная жизнь ... 313
В помощниках у Брежнева ... 316

Второй человек в партии 325
Чурбанов и Щелоков 327
Работа «молодого Маркса» 332
Смерть министра обороны 335
Тайная дипломатия Громыко 340

ГОРБАЧЕВ. АВГУСТ БЕЗ ПРЕЗИДЕНТА 344
Заговор и заговорщики 344
Путь комбайнера 363
Непростой путь наверх 371
При Черненко и без Черненко 374
По китайскому пути? 379
Первая леди 386

Вместо послесловия 405

Основные даты жизни и деятельности 407
Литература 412

Млечин Л. М.

М72 Вожди СССР / Леонид Млечин. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 415[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1810).

ISBN 978-5-235-04340-4

Восемь вождей — от Ленина до Горбачева — руководили нашей страной с 1917 по 1991 год, от революции до революции. Как им удалось достичь высшей власти? И почему одни сохраняли должность до смерти, а другим это не удалось? Политика — особое искусство. Ему не научишься, на университетской скамье не освоишь, у старших товарищей не переймешь. Две причины толкают политика вверх. Одна — жажда власти. Честолюбие и амбиции необходимы политику. Он должен желать власти и уметь с нею обращаться. Другая — своего рода мессианство, внутренняя уверенность в том, что он рожден во имя того, чтобы совершить нечто великое, изменить судьбу страны. Немало одаренных и популярных политиков пытались руководить нашей страной. Но у них не получалось. Не хватало характера и страсти к завоеванию власти. Отсутствие властолюбия — симпатичная черта характера. Но властители такой страны, как наша, делаются из другого, куда более жесткого материала.

УДК 94(47)(092)"19"
ББК 63.3(2)6

знак информационной продукции **16+**

Млечин Леонид Михайлович
ВОЖДИ СССР

Редактор **Е. В. Смирнова**
Художественный редактор **А. С. Козаченко**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Л. С. Барышникова**

Сдано в набор 09.08.2019. Подписано в печать 29.08.2019. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 21,84+1,68 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ № 1915240.

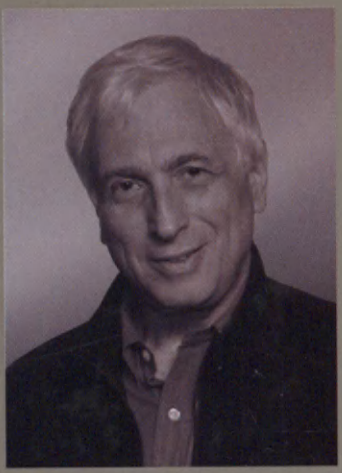
Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail:dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN Supply Chain Solutions

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04340-4

Леонид Млечин



Леонид Млечин — известный писатель-историк, телеведущий, международный обозреватель, лауреат телевизионной премии «ТЭФИ», автор целого ряда книг в серии «ЖЗЛ», в числе которых биографии Плевицкой, Фрунзе, Крупской, Шелепина, Фурцевой, Брежнева, Примакова.

ISBN 978-5-235-04340-4

Восемь вождей — от Ленина до Горбачева — руководили нашей страной с 1917 по 1991 год, от революции до революции. Как им удалось достичь вершины власти? И почему одни сумели сохранить свой статус до смерти, а другим это не удалось? Как правило, две причины толкают политика вверх. Первая — жажда власти; честолюбие и амбиции необходимы политику, он должен желать власти и уметь с нею обращаться. Вторая — своего рода мессианство, внутренняя уверенность в том, что он рожден во имя совершения чего-то великого, способного изменить судьбу страны. Немало одаренных и популярных политиков жаждали добраться до штурвала руководства страной, да далеко не у всех получилось — не хватило характера и страсти к завоеванию власти. Отсутствие властолюбия — симпатичная черта не для обыденной жизни. Руководители такого государства, как наше, делаются из другого, куда более жесткого, материала.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ